Екатерина Софронова

Где ты, моя Родина?

1999

Тебе пришлось везде скитаться,
С бедой и горем вместе жить,
И до земли порой сгибаться,
По Родине своей тужить.

В печали ты, смахнувши слезы,
Ждала на смену добрый час,
И ты молила Бога, чтобы
Несчастную Россию Он бы спас.

Кто ты, что много так терпела?
Кто мог нарушить твой покой?
Из крова ты сама ли улетела,
Иль выгнал заговор какой?

За что тебя судили грозно,
Осмеяна ты за рубежом,
И именем твоим назвать тебя позорно,
Иль занималась грабежом?

Кто ты? Мне что-то непонятно:
Померк когда-то ясный взгляд,
Речь тороплива и невнятна,
И обносился светлый твой наряд.

Но ты живёшь. И терпеливо
С смиреньем прогоняешь грусть,
Направив взор свой вдаль пытливо:
«Какой же ещё ожидает путь?»

Бушует море, волны бьются
О скалы, камни. Всюду грязь,
И ветры локонами вьются,
Под корень гнётся пышный вяз.

В такую странную погоду,
Средь лязга с криком бесноватых муз,
Несется ввысь молитва к Богу,
Чтоб не оставил за рубежом Русь.

А там, где, в прошлом, её деды,
Пусть злое всё и жуткое умрёт...
А Русь моя, вдохнув в себя свободы,
Счастливой жизнью заживёт!

Екатерина Софронова

Где ты, моя Родина?

Воспоминания

Москва
1999

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С68

Софронова Е.И.
С68 Где ты моя Родина? /Ред. Попов А. В., Камышова С. Ю.; вступ. статья Попова А. В. – М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1999. — 392 с.
ISBN 5-87047-048-X

Екатерина Ивановна Софронова родилась 22 ноября 1941 года в г. Кульдже (Западный Китай) в семье русских эмигрантов, в 1961 г. переехала в Австралию, затем перебралась в Америку. В настоящее время проживает в США, занимается компьютерной графикой. Ее жизненный путь во многом типичен для представителей так называемой «китайской» эмиграции. Воспоминания Е. И. Софроновой — написанные с любовью к России, живым языком, очень искренние, подробные в деталях — существенно дополняют те скудные сведения, которыми мы располагаем об этой части русской эмиграции.

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Все права сохранены за автором. Авторский оригинал депонирован в библиотеке Конгресса Соединенных Штатов Америки.
Частичная или полная перепечатка, копирование книги, производство видеопродукции, документальных или художественных фильмов без письменного согласия автора не разрешается.
Каталог Библиотеки Конгресса США
Регистрационный номер TXU 819 336
Дата регистрации: 19 сентября 1997 года
092407913

ISBN 5-87047-048-X
© Софронова Е. И., 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Екатерина Ивановна Софронова родилась в Западном Китае в 1941-м году в русской православной семье. Родители Екатерины Ивановны спасаясь от преследований большевиков, обосновались в г. Кульдже Синьцзянской провинции в 1931 г. Автор воспоминаний рассказывает о своей жизни в Китае, Австралии, США. Мемуары всегда очень индивидуальны и субъективны, но в тоже время в них через призму личной судьбы Е. И. Софроновой можно увидеть много типичного для представителей русской эмиграции в Китае: непростая жизнь в чужойй стране, реэмиграция в 1961 г. через Гонконг в Австралию, затем жизнь и работа в США.

В последнее время появилось немало работ о русской эмиграции в Китае. Но большинство публикаций касаются так называемого Русского Харбина, деятельности его наиболее ярких представителей: писателей, поэтов, литераторов и др. Но по-прежнему совершенно неизвестной остается русская эмиграция в Синьцзян-Уйгурском Автономном Округе. Русская колония появилась в Синьцзяне в начале XX века. Основными центрами русского населения тогда были Кульджа (Инин), Чугучак и Урумчи.

Существенное пополнение русской колонии в Синьцзяне произошло в 1920 г., когда туда вступили части атаманов Анненкова и Дутова. Длительное время эти части, как это было свойственно всем белогвардейским соединениям, оказавшимся в эмиграции, сохраняли свою военную организацию. В 1930-х годах в армии дубаня (наместника) Шен Шицая самой боеспособной частью был отдельный русский полк под командованием полковника Паппенгута, особо проявивший себя в подавлении уйгурского восстания в 1933 г.

Следующей крупной волной русских переселенцев в Синьцзяне были русские люди, бежавшие в Китай в начале 1930-х годов от ужасов коллективизации. Именно к этой волне и принадлежала семья Екатерины Ивановны Софроновой.

В воспоминаниях Е. И. Софроновой можно найти много интересного об адаптации вынужденных русских переселенцев к новым незнакомым условиям жизни, описание их быта и опыта жизни в многоязычном и многонациональном Синьцзяне и, самое главное, о сохранении ими русских православных традиций.

Вторая половина воспоминаний посвящена переезду автора и жизни в Австралии, а затем и США. Часто поражают меткие и неожиданные зарисовки эпизодов австралийской и американской жизни, воспринятые через мироощущение русского православного человека, оказавшегося в незнакомом, а часто и враждебном мире. Интересен рассказ о кругосветном путешествии Е. И. Софроновой, во время которого она была руководителем австралийской группы русских православных паломников.

Екатерину Ивановну никогда не покидала мечта побывать в России, которую она прекрасно знала или даже, скорее, чувствовала, но в которой никогда не была. Мечта смогла осуществиться только в 1992 г. В главах, посвящённых российским впечатлениям, мы находим много нового, необычного в столь знакомых для нас реалиях. Так Е. И. Софронова открывает для нас и для себя Россию, столь знакомую ей и столь же неожиданную.

Мне посчастливилось познакомиться с Екатериной Ивановной в 1994 г. Среднего роста, добрая красивая женщина с умными глазами, спокойная и внимательная к собеседнику, держащая себя с удивительным достоинством и благородством — такой запомнилась она мне после наших встреч. Екатерина Ивановна в полной мере одарена качествами, издавна присущими русскому человеку — жизнестойкостью, душевной щедростью, чувством общности со своим народом и сопричастности с судьбой России.

Воспоминания Е. И. Софроновой — это еще один отголосок трагедии, расколовшей в XX веке русский мир на множество частей. Российскому читателю может показаться удивительным, что развитое национальное, православное самосознание демонстрирует человек, всю свою жизнь проживший за пределами России. Национальная гордость, национальное чувство, православная вера — эти качества во многом, увы, утрачены русским народом На пороге нового века русский народ стоит перед лицом реальной угрозы физического и нравственного вырождения, забвения своей культурно-исторической роли, полного исчезновения с геополитической арены. Импульс к возрождению народа, еще недавно по праву называвшегося великим, может дать осознание идеи единства русского мира во всем его многообразии, его значимости и огромного жизненного и духовного потенциала.

Воспоминания Е. И. Софроновой — прекрасное доказательство того, что для нас, русских, еще не все потеряно, что мы живы, пока еще жива надежда...

А. В. Попов

ОТ АВТОРА

Боюсь, читатель может подумать, что мною двигало некое самолюбие, заставившее предоставить описание своей жизни для прочтения народу.

Однако прочитавший мои воспоминания поймет, что хвалиться мне в своей жизни нечем, и поэтому да не подумает он, что меня заставило сесть за перо желание получить славу писателя или что-то тому подобное.

Авторскому делу я никогда не училась и, признаюсь, никакой практики в области сочинительства у меня нет. Такому мастерству надо учиться, а вся моя учеба — в школьные годы, как и все, писала сочинения да время от времени приходилось отвечать кое-кому на письма. Поэтому опытному глазу нетрудно будет заметить всякого рода шероховатости и неопытность автора, но, надеюсь, читатель мне простит и не подвергнет написанное грозной критике. Для меня было главным исполнить появившееся у меня желание изложить несколько страничек истории русской эмиграции, происшедшей не по собственному желанию людей. Совершенно не понятно за что этот люд получил клеймо «врагов народа» — он никому ничего плохого не желал, разве только сам старался как-то выжить на чужой земле среди чужеземцев, подвергаясь не раз опасностям, порой смертельным. А разоблачить черную грязь, брошенную в белую эмиграцию, что люди выехали из страны в погоне за «длинными американскими долларами» нет надобности, поскольку как мои, так и других людей воспоминания сами комментируют это с успехом.

Я часто задумывалась, найдется ли человек, который решит написать о той части русского рассеяния, в которое угодили мои родители, а с ними и их потомки, или эта часть так и уйдет в забвение? Мысли же о том, чтобы об этом написать самой, никогда не было, так как считала, что у меня нет к этому никакого основания. Однако со временем ко мне пришло желание не гадать, кто это сделает, а взять

и написать самой. С одной стороны, меня это страшило, а с другой, наоборот, что-то неудержимо тянуло и мною двигало с невероятной силой, что я даже забывала про отдых. Я себе не послабляла после бессонных ночей или при недомоганиях, которые у меня бывали часто, работала по пятнадцать часов в сутки. Решение у меня тогда было такое: «Если мой труд будет угоден Богу, то у меня что-то да получится, а нет, так пусть ничего и не выйдет». Вероятно, было угодно Богу, чтобы я дотянула до конца и что-то да написала, причем то, что у меня получилось, получилось не без помощи Божией, так как своими силами, без надлежащей подготовки, я этого осилить вряд ли бы смогла. Я оказалась орудием помогавшей мне и подкреплявшей свыше силы.

Когда я вспоминала давно прошедшее, чтобы о нем написать, то невольно приходилось вновь переживать все до того, что крупные слезы неудержимо капали из глаз. Несомненно, мне очень хочется, чтобы все вновь раскрывшиеся мои раны хоть сколько-нибудь коснулись души читателя, и чтобы он сам смог прочувствовать, что пережил русский народ в своем скитании за границей.

Местами мои воспоминания изобилуют некоторыми подробными деталями, и не напрасно это было сделано, ибо мне хотелось показать особенности быта и окружавшей жизни.

Прочитав рукопись, некоторые из моих знакомых отнеслись недоверчиво к моей детской памяти, говоря: «Как может ребенок все это запомнить?» У них также появлялась мысль, что автор все это «неправдоподобное» написал для того, чтобы чем-то заполнить страницы своей книги. Я такому суждению очень удивилась, так как описанное сохранилось в моей памяти, как нечто происшедшее вчера, и никакой путаницы или неуверенности в памяти моей нет.

С уверенностью могу засвидетельствовать правдивость всего здесь написанного.

ВСТУПЛЕНИЕ

Жили да жили, как придется, не задумываясь серьезно ни о прошлом, ни о будущем. Жили, как все, сегодняшним днем. Подумаешь и удивляешься, как это раньше не пришло в голову записывать происходившее уж не для себя, а для своего потомства? К сожалению, современному человеку заняться таким делом даже и на ум не приходит, вся его забота состоит в том, чтобы заработать, купить, расплатиться, развлечься и прочее, и прочее. Так проходят дни, а с ними и наше поколение, унося с собой все пережитое, не оставив своему потомству не только того, чему жизнь научила, но даже и кто они родом, кто их предки, кто деды и прадеды. Так и я жила свою жизнь настоящим днем. Когда читаешь родословия в Библии, то просто поражаешься, кто это за ними так старательно следил, записывал и никого не опустил?! Мы же, если знаем имена своих дедов, то уже хорошо, а вероятнее, и этого не знаем, а как же нам знать что-то про прадедов? Деды, прадеды — это далеко, а про отцов? Даже про отцов мы знаем то, что сами видели, а чего не видели ушло в забвение. Умер мой отец, и только тогда я забеспокоилась: «Почему я не выбрала время, чтобы сесть с ним рядом и расспросить о его жизни, о жизни моего дедушки, бабушки, про прадедушек и прабабушек? Из каких мест они выходцы? Как они жили, и какие были их отличительные черты?» Ну, это далеко, а что знают наши дети о нас? Они также живут, как и мы, сегодняшним днем, а когда мы начнем уходить или уйдем, то и они, может быть, спохватятся так же, как и мы спохватились, да уж будет поздно. Вот такие размышления и натолкнули меня взяться за карандаш, да к счастью, к тому времени моя девяностолетняя мама сохранила память молодого человека, и от нее я смогла получить немало информации, за что приношу ей глубокую благодарность.

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ МАМЫ

Вот что рассказала мне моя мама, рожденная в станице Сарканд, находившейся тогда в Семиреченской области:

— Когда мне было десять лет, — начала свою повесть мама, — то мамина мама, то есть моя бабушка, мне рассказывала, что когда ей было десять лет, они приехали в Сарканд из Сибири. Сарканд, вновь появившуюся станицу, находившуюся недалеко от Китайской границы, как раз в тот период заселяли людьми. Бабушка говорила, что тогда Сарканду было восемьдесят лет, а мне сейчас уже девяносто, значит в настоящее время станице сто шестьдесят лет[1].

Мои родители, Сафоний и Екатерина, были рождены в этой казачьей станице. Дома, сараи, амбары и дворы у всех в Сарканде были срубовые, хорошие, станица была очень красива. Когда в 1918 году случилась война, то мы, как казаки, принадлежали к белым, а хохлы (так у нас назывались украинцы) были красными. Мой отец тогда был еще молодым и служил в армии в рядах казаков, поэтому, когда началась война, его дома не было.

Летом того года на Сарканд стали наступать красные. Казаки вначале не сдавались, но потом не выдержали и вынуждены были отступить, оставив свои семьи. Когда красные вошли в захваченную ими половину Сарканда, то солдаты стали забегать в каждый дом, ловить и убивать всех мужчин, женщин, стариков, даже детей, и лишь очень немногие забирались ими в плен. Мало того, солдаты поджигали со всех сторон деревянные дома. Вокруг нас все загорелось, мы испугались и побежали вместе со всеми. Нас было семейств пять или шесть, и в каждой семье были дети. Вскоре мы оказались за городом, не подозревая, что там залегла цепь красных. Когда выскочили на открытое место, они в нас ударили залпом. Я с трехлетней моей сестренкой, сидевшей у меня на спине, так и убежала с какой-то семьей в степь.

[1] Запись велась в 1996 году во время поездки в Австралию.

Поняв, что мама моя вернулась, я хотела идти обратно, но люди меня отговорили:

— Как ты пойдешь, видишь, там стреляют? Ведь вас убьют. Идем с нами дальше, там есть селения, где-нибудь найдем русских.

Я осталась с ними, и мы все вместе пошли искать себе приют. Вот так и рассталась я с мамой, когда мне было всего лишь двенадцать лет.

Заметив вдали заимку, мы направились к ней, но, не доходя до нее, наши мужчины спрятали нас в подсолнухах, а сами пошли выяснять обстановку и договариваться о ночлеге. Через некоторое время они принесли нам пищи, а мы, боясь, чтобы кто-нибудь нас не увидел, просидели в подсолнухах до вечера, а когда стемнело, перебрались на заимку, чтобы там переночевать.

Раньше в России разрешалось китайцам арендовать российские земли и ими пользоваться. На той заимке как раз и жили китайцы, которые выращивали мак для сбора опиума. Красные приходили и к ним, но как иностранцев никого из них не тронули и не убили. Мы переночевали у тех китайцев, а на следующее утро они нас увели к русским.

У русских, к которым мы прибыли, набралось много беженцев, причем там были и хохлы и казаки, т.е. как красные, так и белые, при этом между собой они все были в родстве. Так казакам из той группы нельзя было показаться хохлам, а хохлам нельзя было показаться казакам. В той же группе была племянница моего папы, и она решила взять нас, как своих детей, и ехать в поселок красных. На полпути нас остановили красные солдаты:

— Куда едете?

— Бежим от белых.

Но красные нас все-таки не пропустили и, заставив развернуться, погнали в штаб. Там нас продержали трое суток, и женщина, с которой мы были, все то время не выдавала, что мы казацкие дети. На четвертый день нам позволили ехать, но не в тот поселок, в который мы с самого начала собирались, а в другой. Когда мы въехали в какое-то селение, наша повозка остановилась, и мне сказали, указывая на один из домов:

— Слезайте с телеги и идите в тот дом.

Мы слезли, а они погнали лошадей и от нас убежали. Я посадила сестру себе на спину и пошла в дом. Оказалось, это был штаб. В штабе военных не было, а были деревенские старики, которые начали меня расспрашивать, откуда мы и зачем пришли. Внимательно выслушав меня, они стали говорить друг другу, что нас надо убить. Некоторые из них возразили:

— Они женского пола, зачем их убивать? Дайте им солдатский котелок, да дайте шубы убитых киргиз, и пусть они живут у старушки, а за пищей приходят в солдатскую кухню.

Так они и решили сделать. Дали нам шубенки и котелок, а я была рада, что мы шубы получили, так как уже было холодно, а убежали мы в одних платьицах, и ничего другого у нас не было. Потом кто-то из стариков распорядился, чтобы нас отвели к старушке, жившей в том поселке.

На солдатской кухне работала одна женщина-украинка, бывшая замужем за казаком — близким другом моего отца, и жила она с ним до этого в Сарканде. В наказание за то, что она была замужем за казаком, ее заставили варить еду для солдат, и такие виновники были тогда всюду, и их было очень много.

Та женщина ко мне всегда относилась хорошо, и когда я приходила за едой, она мне накладывала лучшего, что у них было: каши, хлеба, мяса, наливала в котелок супа, и я шла к себе в квартиру, где мы ели все принесенное. Так мы прожили недели три, после чего на это селение стали наступать казаки, а красные, отбившись от них, все же решили отступить до другого села.

Отступая, они забрали и нас, и мы ехали долго — до половины следующего дня, но перед тем, как уезжать, взрослые мне сказали:

— Останьтесь здесь, а отец ваш приедет и вас заберет.

Я тогда подумала: «Нет, они нас здесь убьют, нам не поверят, что мы казацкие дети». Посадила я себе на спину сестру и побежала со всеми, а один мужчина, ехавший в повозке с женой, увидел, что я несу ребенка и, сжалившись, сказал мне:

— Тебе тяжело нести ребенка-то. Садитесь на нашу телегу.

Посадили нас и повезли еще дальше, в плен к красным. Приехали мы опять в какой-то поселок, остановил мужчина лошадей и мне говорит:

— Иди в штаб.

Слезли мы с телеги, а они, как и в прошлый раз, погнали своих лошадей и от нас убежали. Придя в штаб, я увидела, что там уже все было закрыто, и я, не зная что делать, просто пошла по улице. На душе у меня было тяжело, но мне ничего другого не оставалось делать, как только идти. К счастью, я увидела речушку с растущими на ее берегах деревьями и решила свернуть туда. Нашла я удобное место, сели мы отдохнуть. В тот момент из соседних ворот вышла женщина и спросила нас:

— Что вы тут сидите?

Я ей рассказала, что произошло, а она, выслушав меня, пригласила к себе переночевать. Привела нас к себе, уложила спать,

и мы крепко заснули и спали всю ночь до десяти часов утра. Мы хорошо в ту ночь отдохнули, а когда встали, нас вновь хозяйка послала в штаб. Я знала, что там нас могло ожидать, но другого выхода не было, и мы пошли.

В штабе к тому времени уже были люди, и опять все старики, а приходили они туда, чтобы узнавать новости. Я, как и в прошлый раз, рассказала им, что с нами случилось и каким образом мы оказались там. На счастье среди бывших там людей оказался один человек из Сарканда, где у него тогда оставались две дочери, работавшие у людей в няньках. В военное время он не знал, что с ними стало и поэтому после моего рассказа загрустил, вспомнив о своих детях. Он не скрывал своего горя:

— Вот и мои бедненькие дети где-то так же страдают.

И сжалившись, сказал, что возьмет нас к себе.

Приняли нас очень радушно, затопили баню, нас вымыли, дали нам нижнюю одежду; а так как земляк сам был сапожником, то позже сшил нам и обувь. Жилья у них, к сожалению, своего не было, поэтому они жили на квартире, а хозяйке квартиры не понравилось, что у них живут дети врагов, и их стала гнать, говоря:

— Вот вы взяли этих кошкодеров, уходите отсюда или уберите их. Я не хочу, чтобы они здесь были.

У бедного нашего благодетеля другого выхода не было, как нас убрать. Помню, как он мне говорил:

— Я не погоню вас опять в штаб, но пойду сам по селу и найду для вас место.

И правда, пошел он по селу и нашел хороших людей, живущих в двухэтажном доме с балконом, у которых был полный достаток. Когда мы перешли к ним жить, нас кормили хорошей пищей, и вообще у них было всего вдоволь. Мы у них прожили всю зиму, а весной пришел приказ, чтобы всех сирот сдали в приют.

Собрали нас, всех сирот, и повезли на телеге, а приют был далеко, и мы ехали до него очень долго, так как нас разделяло расстояние двух или трех железнодорожных станций. Оказалось, что в приюте было неплохо, все там было готовое, были няни, и даже мне уделялось внимание как к ребенку, не говоря уж о моей сестре. В том же поселке оказалось много людей из нашей станицы: там были как пленные женщины, так и просто беженцы, а, кроме того, в тот же приют попал и сын нашего батюшки. Поскольку я встретила своих людей, то мне стало легче и веселей: я стала ходить играть к жившим там людям из Сарканда. Так, однажды в воскресенье я была у своих знакомых, где меня усадили за стол пить с ними чай, как, вдруг прибежали ребятишки из приюта с криком:

— Шура, иди, твой отец приехал!

Я от радости, не помня себя, кинулась бежать, и все, бывшие со мной, тоже были рады слышать такую новость, и они все побежали за мной. Я с криком бросилась отцу на шею, обняла его, а отец мне говорит:

— Я человек военный, мне дали короткий срок, чтобы съездить за вами, собирайтесь скорее, и мы уезжаем.

Я быстро собрала, что у меня там было, а когда папа усадил нас и других людей на пришедшие с ним две подводы, то они заполнились людьми до отказа. С нами тогда поехало много женщин и батюшкин сын.

Приезд моего отца, белого казака, на территорию, контролируемую красными, можно объяснить только неразберихой, творившейся в то время, и неустойчивостью новой власти.

Подъезжая домой, мы увидели, что все улицы были заполнены народом: это люди встречали нас. Помню, как все были рады нас видеть, на меня брызгали водой, и моей радости тоже не было конца. Привезли меня не в тот дом, из которого мы когда-то бежали, поскольку он сгорел, а в другой, небольшой, — в три комнаты, выстроенный моей мамой с казахами-работниками. В этом домишке мама потом прожила всю свою оставшуюся жизнь до самой смерти; а умерла она приблизительно в девяностолетнем возрасте в семидесятые годы.

Когда я возвратилась домой, мне рассказали, что в начале войны у нас в доме осталась моя восьмидесятилетняя бабушка, мамина мама, с моей шестилетней сестрой, и вбежавшие солдаты их зарубили шашками. Позже, когда нашли их тела, то увидели, что белая стена комнаты была вся залита кровью. После того как был подожжен наш дом, сгорело все: дом, сараи, амбары и все стены двора, ведь все было деревянное.

Другая моя бабушка, папина мама, тогда жила в другом доме, у моего дяди, так она живой горела во дворе. Ей к тому времени было уже девяносто лет, а когда дом и двор с тремя амбарами и сараями подожгли со всех сторон одновременно, бабушка выйти из дома-то смогла, а из двора так и не вышла и около амбара сгорела. Соседи слыхали, как она кричала не своим голосом, но никто не мог высунуться, везде свистели пули. Вокруг Сарканда тогда красные установили двенадцать орудий, из которых беспрерывно стреляли и половину нашей большой станицы разбили до основания.

После войны мама смогла построить себе дом, и вообще она была большой работницей, и все у нее получалось очень быстро. Я помню, как Ваня, мой муж, любовался ее работой и удивлялся, как она могла лепить пельмени за двоих. Папы моего, военного, во время

войны дома не было, маме ждать помощи — не от кого, устраивать жизнь приходилось самой, что она с успехом и делала.

Сколько российских слез тогда оросило землю! А сколько пролилось крови не только вообще народной, но и нашей, родственной? В каждой семье были потери. А моего дядю, папиного брата, арестовали и, продержав некоторое время в тюрьме, выпустили, потом опять арестовали, увезли ночью в поле и там расстреляли. Никто тогда о случившемся не знал, узнали об этом гораздо позже. Моего молодого, но уже семейного двоюродного брата поймали в его собственном саду и убили, — вздохнула мама и замолкла.

Позже моя мама, рассказавшая предыдущее о своей жизни, с папой некоторое время жила в доме моей бабушки — папиной мамы, к тому времени овдовевшей. Вот тогда-то и слыхала мама рассказ бабушки о ее прошлой жизни. Звали мою бабушку Ульяной, ее мужа, моего дедушку, Иосифом Васильевичем, а фамилия их была Метла.

— У моих родителей была большая семья, и жили мы на Украине, — рассказывала бабушка маме, а говорила она только по-украински. — Несмотря на то, что у моих родителей земли было немного, жили мы неплохо, у нас было около трехсот ульев пчел. Когда я узнала, что приезжает меня сватать жених, забежала за деревянную стену, спряталась и стала ждать, когда он пойдет, чтобы посмотреть на него в щель. Наконец я увидела красиво разодетого молодого человека, и он мне понравился. Про себя же я тогда подумала: «Хороший жених» и за него просваталась. Через несколько лет после свадьбы из Харькова, где у нас родился уж третий сын Ваня, мы переехали в Сибирь на станцию Макушино, где кроме того что получали жалованье от правительства, мы сеяли еще и подсолнухи. Вначале подсолнухи не давали прибыли, но потом в один год мы вдруг получили такой хороший урожай, что решили начать свое дело. Построили хлебопекарню, потом кондитерскую и колбасную фабрики и открыли свои магазины. Для продажи заказывали рыбу, фрукты, различные овощи вагонами из разных мест России. Все свое и привезенное продавалось в своих же магазинах, а поскольку на станции постоянно было много народа, то на все продукты был всегда большой спрос. Так у нас ничего не задерживалось, все расходилось очень хорошо и давало большой доход. У нас были наняты служащие, а когда подросли старшие дети, то и они стали помогать отцу в магазинах.В конце концов, время стало неспокойным, и мы решили продать свое дело и, договорившись с покупателем, переехали в Ташкент, а потом, поменяв свою фамилию, из Ташкента уехали в Сарканд. Во время военных пожаров в Сарканде все наши документы сгорели, и таким образом мы потеряли все свое богатство, не получив за него ни копейки.

Конечно, жаль терять свое богатство, тем более все до нитки, но зато сами остались живыми, страшно подумать, что было бы, если б они остались на месте со своим богатством? Я думаю, уточнений здесь не требуется, сама история дала ответ нашему потомству.

— Когда они приехали в Сарканд, — продолжала моя мама рассказывать, — им там понравилось. Во время пожаров их дом и все что у них было сгорело, ни кола и ни двора, как говорит русская пословица, у них не осталось. После пожара они оказались в Сарканде из бедняков бедняки, но не унывали и старались выйти из своего бедственного положения. Сыновья их стали крыть железом крыши и таким образом зарабатывать деньги на жизнь, позже арендовали землю, пахали ее, сеяли всякие злаки и так кормили семью. Постепенно положение намного улучшилось, и жить стали опять неплохо. Продуктов у нас у всех тогда было достаточно, потому что все растили для себя сами, а вот одежды не было. У всех все погорело, а доставки никакой не было, и поэтому всем пришлось сеять лен, коноплю, затем мочить, мять, прясть нитки и ткать. Так все сами себя и одевали. Правда, были у людей бараны, шкуры которых выделывали и шили из них одеяла. Так тянулось года два или три, и только потом стала появляться ткань. Постепенно наша жизнь стала улучшаться, но в те годы в Сарканде стало появляться очень много народа из Сибири; им негде было жить — некоторые семьи принимали их к себе и кормили бесплатно. У нас тоже всю зиму жили муж с женой и двенадцатилетним сыном, а когда они уехали, то приехали другие, и их тоже мы кормили бесплатно. Но у этих вторых случилось несчастье: муж овдовел, и когда он похоронил свою жену, то собрался и куда-то уехал.

Поскольку земля у нас была плодородной, то все росло очень хорошо, и когда не было дождей, у людей была возможность посевы поливать, и поэтому все вырастало без каких-либо проблем.

Выращивали у нас все: пшеницу, кукурузу, просо, подсолнухи, ярицу, рожь, ячмень, горчицу, овощи, фрукты. В отношении пищи мы ни от кого не зависели, у нас все было свое, а вот оттого, что не было ткани, мы очень страдали. Со временем она стала появляться в продаже, но такого количества и качества, как было раньше, уж больше никогда не было. Ну что ж, люди мирились.

Так мне мама и сказала: «Мирились», а в сущности-то, что люди могли поделать?

— Вот так и жили, — вздохнула мама, — встаешь утром и, умывшись, идешь к прялке и прядешь нитки целый день, прядешь да торопишься. Вот такой стала наша жизнь: летом растишь лен, а зимой прядешь.

— А как ты с папой встретилась? — спросила я.

— Ваня, твой отец, и его брат пришли однажды на вечеринку, и там я его впервые увидела, но мы в тот вечер не познакомились. После того в одно из воскресений мы, четверо девочек, стояли около нашего дома, и вдруг подъехал к нам на кошевке Ванин брат Алеша и пригласил прокатиться. А мы, молоденькие, не хотели садиться, стеснялись, а старшая из нас, которой было уж около двадцати лет, нам говорит: «Идемте, девочки, садитесь. Если паренек хочет покатать, почему ж нам не покататься?». Идет она, и первая садится в кошевку, а мы за ней. У нас там часто катались люди на кошевках, на санях, причем всегда вначале проезжали по улице, которая идет по-над речкой, а обратно по церковной. Так вот и в тот раз паренек повез нас по тому же маршруту. После того Ваня со своим братом стали бывать в кругу нашей молодежи, а через некоторое время он мне сделал предложение, на что получил отказ по той причине, что я тогда была еще очень молодой. Он тогда стал ухаживать за другой, ухаживал и сватал, а через некоторое время, к моему удивлению, опять пришел ко мне. Я посмотрела на всех ребят: они красивые, стройные а про себя подумала: «Сейчас жизнь трудная, а Ваня мастеровой, с ним мне будет жить легче, а у других этого нет». Хотя я и была в то время еще совсем молоденькой, однако рассуждала, как мне кажется, по-взрослому и, подумав, я решила избрать себе в мужья Ваню, поставив условие, что свадьба будет только после того, как пройдет осенняя уборка. К тому времени Ванин отец уже умер, а Ваня как старший сын был хозяином по дому, и вся ответственность лежала на нем. Осенью 1923 года, когда все работы были закончены, в день Казанской иконы Божией Матери пришли сваты: дядя Кирилл Метла, дядя Филипп Метла, а потом пришел и Ваня, и меня просватали. У нас в Сарканде была традиция венчаться вскоре после того как засватают, и поэтому недели через две или три у нас состоялось венчание в нашей Саркандской церкви. Ваня настолько привык петь в церковном хоре, что когда во время венчания запели хористы, он, стоя под венцом, запел вместе с ними, но потом, спохватившись, замолчал.

Через неделю после нашей свадьбы Ванин брат Алеша, который нас когда-то катал в кошевке, тоже решил жениться, а так как невесту он себе уж присмотрел, то и немедля были посланы сваты, и через еще одну неделю пришла к нам в дом вторая невестка. В том же доме, где жила Ванина мама и мы, жили также Ванина незамужняя сестра и два брата: младший, еще не женатый, и старший Витя, к тому времени уже женатый и с ребенком. Так как нас там набралось очень много, старший брат решил выстроить себе дом и отделиться, а Алеша с женой от нас тоже ушли, поселившись около нашей церкви, так как он потом в ней стал служить псаломщиком

и регентом. После всего этого мы остались в доме с моей свекровью, Ваниной сестрой, и его младшим неженатым братом, а когда и он женился, то мы купили себе небольшой домик и стали жить тоже самостоятельно.

При доме было немного земли, на которой мы растили для себя овощи, а в саду выспевали свои фрукты. Хозяйство наше состояло из одной или двух коров и одной лошади, тогда как у моей мамы было три лошади. Чтобы пахать поля надо было иметь четыре лошади, поэтому люди объединялись и пахали каждой семье по очереди. Так сажали и арбузы, которых у нас было много. А вообще-то сеяли всего понемногу: пшеницы, ячменя, горчицы, льна, конопли, подсолнухов для масла, ярицы. Все вырастало свое. Хорошо то, что в засушливые годы можно было поливать, а вот в дождливые бывало плохо.

Один раз, когда я была еще не замужем, у нас выросла пшеница, высокая да сочная, и уж колосья налились, а когда подул ветер, она повалилась, и из колосьев молочко вытекло; все остальное в тот год дало много урожая. А случилось это, как мне кажется, в 1922 году.

Если бы нас не обирало правительство, жить было бы можно. А то придут и говорят: «Вы до такого-то числа должны сдать государству столько-то»; не успеем сдать, опять накладывают, да еще побольше. Обирали нас до нитки. Так вот мы и бились, тяжело было. Многие люди пробовали прятать, но часто случалось, что если не чужие, так свои и даже невинные дети, ничего не понимая, выдавали, и тогда бывало еще хуже. Вот такое было время...

А тут Ваня заболел, да как заболел! Шел он однажды в воскресенье из церкви домой и, узнав о том, что по улицам хватают людей, он, прячась, добежал до дома и сразу же, не переодевшись, спрыгнул в погреб. Он знал, что если его поймают и узнают, что он ходил в церковь, его не помилуют, в то же время знал и то, что по праздничной одежде поймут, что он ходил в церковь. Хватавшие людей, не ограничивались только улицей, они забегали в дома и, если кого там находили, расправлялись с ними, как хотели. Они не пропустили и нашего дома и, как нарочно, устремились к погребу. Вытянули оттуда Ваню и, конечно, сразу же стали придираться за то, что он ходил в церковь, а угадать это по одежде было нетрудно. Поставили Ваню к стене, а сами нацелились в него из своих ружей, но в тот момент Ваня потерял сознание и упал, вероятно, тем самым сохранив свою жизнь. После этого у него начались недомогания, и он решил сходить к врачу, который, определив порок сердца, выписал справку на целительные родники и дал ее Ване со словами: «Поезжай, а там и за границу попадешь, а не то ты не будешь жив». Трудно было нам подниматься с места, надо

было все бросить и окунуться в неизвестность, но делать было нечего, и мы решили послушать совета врача.

К нашему выезду мы приготовили двух лошадей, взяли с собой, что могли, а все остальное и дом так и осталось. Приехали мы на родники, а оттуда, не задерживаясь, поехали дальше. Когда мы прибыли в Жаркент, то узнали, что многие люди собирались ехать или, у кого не было лошадей, идти пешком в Китай. К ним присоединились и мы. Всего набралось двадцать две лошади, а людей сколько было — неизвестно. Сели мы на лошадей, привязали к себе по ребенку, а у нас их к тому времени было двое, и поехали. Ехали один за другим гуськом, сохраняя по возможности тишину, и также гуськом шли за нами пешие. Таким образом мы оказались за границей в 1931 году, но тогда мы думали, что выехали временно, и никто не мог предвидеть, что со своей родиной расстается навсегда. Мы надеялись, что в скором будущем жизнь в нашей стране нормализуется, и мы все немедля возвратимся домой, — заключила мама.

Мне хочется добавить от себя, что русскому народу переходить границу приходилось в непростых условиях, так как некоторые русские, воспользовавшись ситуацией, занимались грабежом. Часто случалось, что таковые набирали группу людей, чтобы провести их через границу, а по дороге приводили в безлюдные места и всех их убивали, забрав себе лошадей и пожитки. Кроме русских таким же делом занимались и казахи с киргизами, и управы на них, понятно, ждать было не от кого.

Вот что рассказывал мой дядя Витя о своем побеге:

— Русским, бежавшим из России, казахи стали предлагать себя как проводников через опасные места. Некоторые из них были добросовестными и переводили через границу благополучно, но, к нашему несчастью, нам попались не такие. Уговорившись с казахами, мы тронулись в путь. Подъехав к какому-то полю, усыпанному человеческими костями, под каким-то предлогом наши казахи решили остановиться, сказав нам, что рано утром отправимся дальше, а сами как-то подозрительно между собой все время переговаривались. Нам же глубокой ночью явился какой-то совсем белый старец и сказал: «Садитесь скорее на лошадей и бегите. Вас хотят убить». Мы его послушали, тем более после виденных нами на поле человеческих костей. Сели мы быстренько на своих коней и поскакали. Заметив это, казахи погнались за нами, но мы как-то смогли благополучно от них скрыться. Нам посчастливилось, а сколько произошло убийств на границе, о которых никто не знает? Скрыть убийство было легко, поскольку побеги за границу всегда делались тайно. Человек скрылся, и это было равносильно тому, что он не жив, никто о нем не

побеспокоится, а знающие родственники будут хранить тайну его исчезновения.

А вот другой случай перехода границы, о котором рассказала мне моя подруга Таисия Волкова (теперь Павлова):

Мои родители, перейдя границу, оказались тоже в Западном Китае, но только они попали в город Чугучак. У мамы было тогда четверо детей, одного из которых несла она, а остальных маленьких несли вожатые казахи. Шли они по камышам, по болотам ночью в проливной дождь. В одном месте, когда осветила их молния, они вдруг увидели советских пограничников на лошадях, и все, как мертвые, упали в болото. Даже дети, почувствовав что-то особенно важное, все притихли, и так они пролежали, не шевелясь, пока пограничный наряд не проехал. Затем они вновь пошли и шли до самого утра, когда, спохватившись, мама заметила, что ее старшего, шестилетнего мальчика с ними нет. Она упала на землю и стала умолять проводников немного обождать, а они, чтобы никто не выкрикнул, маме и всем детям закрыли рты. Видимо, ждали они недолго, на рассвете вдруг услыхали какой-то шелест в камышах, насторожились, но тут, к их радости, из камышей появился потерянный мальчик. Когда стало видно город, казахи их оставили и быстро исчезли. Осталась мама с детьми в поле, откуда с одной стороны виднелся город, а с другой холмистые степи, и не знала, что предпринять. Затем увидела она подъезжавшего к ней бая (казахского богача) со свитой. «Кони под ними так плясали, что то и смотри могли затоптать детей», — рассказывала мама. Казах-бай хриплым голосом ей сказал: «Вы что не знаете, что земля эта моя?», показывая рукой свою обширную землю и тыча себя в грудь. Мама поняла, что она незаконно находится на его земле и поэтому подлежит наказанию, и ей вдруг пришло в голову развязать свой узел, в котором были ее праздничные платки, и задарить хозяина. Она знаками объяснила ему, что не знает что делать, что ей жить негде, а он, выслушав, указал на город и поехал с своей свитой дальше. Пошла мама с детьми к городу. Идти им предстояло еще долго, даже пришлось в степи переночевать. Добравшись до местечка, где были сараи для зимовки скота, она с удивлением обнаружила тысячи русских молодых солдатских жен с детьми, мужья которых с армией перешли границу группами, а по прибытии были угнаны в Урумчи.

Чтобы описать жизненные пути тех тысяч людей, которых встретила тогда Мария Яковлевна Волкова, мама моей подруги и очень хороший человек, потребуются тысячи и тысячи томов, но, к сожалению, они никогда не будут написаны. Горькие судьбы тех никому не известных людей ушли вместе с их телами в забвение.

Вернусь теперь вновь к рассказу моей мамы об их жизни на чужбине.

— Надо сказать, что к тому времени, как мы перебрались через границу, — продолжала мама, — Ванин брат Алеша со своей семьей был уже в Китае и жил в городе Кульджа, находившемся в Синьцзянской провинции недалеко от российской границы. А мы, когда только что перешли границу, попали в городок, из которого по каким-то обстоятельствам никак не могли выехать, и вдруг совсем для нас неожиданно появился Алеша и, забрав нас, увез к себе. А получилось это так: кто-то из русских, вырвавшись из того городка, в котором мы застряли, в Кульдже случайно встретился с Алешей и рассказал ему в какой ситуации находились мы, и Алеша, недолго думая, запряг лошадей в бричку и поехал за нами. Первое лето мы прожили у Алеши. Ване как слесарю люди стали нести в починку граммофоны, патефоны, часы, швейные машины и т. д. Кроме того, он стал брать заказы и делать железные печки для отопления комнат, тазы, ведра, чайники и пр. Так зарабатывались на первых порах необходимые деньги для жизни, а через некоторое время Ваня решил заняться водяными мельницами. Нашел он подходящее место, где можно было выстроить мельницу и, обратившись к хозяину земли, заключил с ним договор на таких условиях: Ваня построит мельницу и будет ей пользоваться семь лет, после чего она перейдет полностью в собственность хозяина. Построили мы первую мельницу и около нее хорошо прожили семь лет. К той мельнице прилегал сад, которым мы пользовались как своим, и фруктов у нас всегда было вдоволь. Когда тот срок закончился, Ваня построил другую мельницу и отдал ее во временное пользование одной русской семье, а сам нашел еще одно место и построил там третью. Когда закончился срок второй мельницы, мы переехали в третье место, где к тому времени мельница была уже готова, и там прожили еще шесть лет.

Наша жизнь облегчалась тем, что на мельнице всегда было бесплатное жилье, накапливался свой корм для нас самих, для птиц, и для скота, был заработок от помола. Правда, было одно затруднение: находившиеся вблизи от города мельницы быстро занимались многочисленными рускими, поэтому Ваня должен был искать подходящие для мельниц места на довольно далеком расстоянии от города, ведь надо было как то выживать, — закончила мама свою повесть.

Когда мы поехали на третью мельницу, мне было уже пять лет, и о нашей последующей жизни я хорошо помню сама.

Папа о себе никогда не рассказывал, но я всегда знала, что он, четверо его братьев и сестра пели в церковных хорах. Папа пел с самого детства и где-то он этому учился. Однажды он моей дочери

говорил, что он учился в Киевском музыкальном училище; из учащихся выбирали самых способных, и он тогда попал в такую группу. Никогда ничего не говорил он о своих родителях. Лишь изредка отрывочно у него выскакивали фразы типа: «Моему отцу люди в ноги кланялись», а почему они ему кланялись было непонятно. Однажды один из его внуков сказал, что не знает как писать в анкете, когда спрашивается какого он рода. Папа ему ответил: «Пиши, что ты мещанского рода» и, как всегда, сказав это, он не стал распространяться. Причиной тому было то, что он принадлежал к буржуазному классу, а люди, принадлежащие к нему, по теории коммунизма, являлись «врагами народа», против которых велась неустанная война. Поэтому папа предпочел, чтобы мы не знали вообще, что мы принадлежали к тому классу, чем от такого знания нечаянно оказались бы «врагами народа». Папа всю свою жизнь скрывал это от нас. Я поражаюсь его терпению и крепости. Ведь он наложил на себя неудобоносимый крест и пронес его до конца своей жизни. Уж теперь, рассуждая об этом, я иногда задумываюсь над вопросом: «А что если б это был не он, а я; смогла ли бы я справиться с тем, чтобы за всю свою жизнь не выдать своей тайны?». Мне кажется, что я постоянно бы мучилась оттого, что мне нельзя сказать что-то очень важное. Вероятно, папе было легче перенести такое мучение, чем стать причиной мучений в будущем, если не себе, так детям и внукам.

Часто мне приходилось слышать об атамане или генерале Дутове, прибывшем со своей армией в Западный Китай, и о том, что его убили по инициативе советских. Как это произошло, мне однажды пришлось услышать от одного человека. При разговоре присутствовал сын одного из воинов дутовской армии — Г. А. Павлов, который все подтвердил: «Да, так и было. Мой папа о своем прошлом говорил то же самое». А рассказано было мне следующее:

— В 1917 году генерал А. И. Дутов со своей армией был на стороне Временного правительства, а когда к власти пришли коммунисты, то он, поняв, что они не желают добра России, перешел на сторону белых и стал бороться против советской власти. Во время отступления белой армии в двадцатых годах Дутов со своими войсками перешел через границу Западного Китая а затем прибыл в Суйдун. В Суйдуне при войске была своя церковь, которая находилась как бы в подземелье на том месте, где при нас была транспортная контора. Та Табынская чудотворная икона Божией Матери, что была при нас в Кульдже, была тоже привезена или принесена дутовской армией. У Дутова была большая армия, войсковой штаб находился на месте Уездной Народной Больницы, где мне пришлось работать в мою бытность в Суйдуне. Там у меня и произошла встреча со старым человеком — уйгуром, который мне обо всем этом и рассказал. Он мне даже сказал, что сам Дутов жил около реки, которая называлась Сударваза. В то время в среднеазиатской части Советского Союза было движение басмачей, состоявшее, в основном, из узбеков, недовольных советским режимом. Между Дутовым и басмачами завязалась тайная связь, и басмачи время от времени появлялись у него для получения инструкций. Для такой цели они переходили через границу незамеченными и, получив от Дутова задания, возвращались обратно. Когда движение басмачей было разоблачено советским правительством, оно было подавлено как раз в то время находившейся

в Ташкенте армией Буденного. Всех молодых, но опытных полководцев басмачей расстреляли, а остальным, крепко пригрозив, сказали: «У вас есть доступ к Дутову, так вот, если хотите загладить свою вину, то убейте его, и тогда мы вас простим». Как мне рассказывал старик, после случившегося с басмачами у Дутова везде стояла охрана, так что доступ к нему был минимальный, а сам Дутов в тот момент был болен желтухой. У ворот его стоял часовой и пропускал лишь тех, кто мог его убедить в особой доверенности к нему Дутова. Однажды подъехали к его воротам три всадника и с каким-то пакетом, подошли к часовому. Старик мне даже такую подробность сказал, что приехали басмачи на серых лошадях. Показав пакет часовому, они были пропущены, но один из них не пошел дальше, а остался у ворот, а другой прошел в покои Дутова. Через некоторое время, когда в здании раздался выстрел, оставшийся у ворот басмач быстро приколол часового, и все спутники, поспешно вскочив на своих коней, помчались. За ними на конях ринулись русские, чтобы их преследовать, но, добежав до Доржинки, убийцы где-то в песках скрылись, и русские, несмотря на свои старания, так их и не нашли. Через два или три дня состоялись с пышным торжеством и музыкой похороны Дутова: впереди несли гроб с усопшим, а за ним двигался многочисленный народ. Похоронили Дутова на маленьком кладбище Доржинки, находившемся приблизительно на расстоянии четырех километров от Суйдуна, на котором в последующие годы были похоронены и другие русские люди.

Вероятно, из моего рассказа нетрудно понять, что три приехавших к Дутову басмача были посланниками из Советского Союза для выполнения вышеописанного задания. Дня через два или три после похорон ночью могила Дутова была кем-то разрыта, а труп обезглавлен и не зарыт. Похищенная голова была нужна убийцам для того, чтобы убедить пославших, что задание с точностью выполнено.

Старик-уйгур говорил, что Могутновы, Сергеевы, Пожидаевы и другие, известные нам люди, были в дутовской армии. Когда Дутова убили, то его многочисленная армия рассыпалась по Китаю, и многие русские уехали в Харбин, но, несмотря на это, все-таки большинство людей его армии осталось в городе Кульджа и окрестностях.

В Китае у меня была возможность встретиться с Фокиным (к сожалению, не помню ни имени его, ни отчества), пришедшего в Китай в числе военных армии Дутова и поэтому претендовавшего, что чудотворная икона Божией Матери, что была в нашей церкви в Кульдже, в какой-то степени принадлежала ему. Икона была большая, очень тяжелая, и, когда военные шли по пескам, от усталости решили ее там оставить и уйти. Однако пройдя некоторый путь, они

заметили, что приближаются к месту, где оставили икону. Подосадовав, опять пошли, но через некоторое время очутились опять на том же месте. Так три раза намеревались войска, оставив икону, уйти и три раза необычайным образом возвращались к ней. Тогда они решили нести икону с собой, несмотря ни на какие трудности, и таким образом с ней армия Дутова перешла границу Китая. С армией Дутова перешли границу и несколько священников, среди которых был и архимандрит Иона (в последующие годы бывший епископом Ханькоуским). Когда я встретился с Фокиным, решил узнать у него, так ли на самом деле случилось, как мне рассказывал старик-уйгур о Дутове. Выслушав меня, Фокин подтвердил происшедшее. Я тогда очень интересовался этим вопросом, поэтому прислушивался к рассказам знающих. Когда подошло такое время, и русские поехали из Китая за границу, они хотели вывезти чудотворную икону с собой, но Фокин им не позволил этого сделать, поскольку сам никуда не хотел уезжать, а икону считал своей.

Вы уехали раньше, а мы там прожили китайскую культурную революцию и видели, как разрушили нашу церковь, а все содержимое из нее забрали и куда-то увезли. Однажды русские из-за границы прислали моей маме письмо, в котором просили ее узнать, где находится икона? К счастью, у нас тогда был хороший знакомый, бывший председателем органа по религиозным делам, с которым мама была в хороших отношениях, и когда она его спросила о местонахождении интересовавшей всех иконы, то он ей ответил: «Идите и посмотрите на складе, где находятся все иконы». Моя мама ходила на склад и видела много икон из нашей церкви, но Табынской там не было. Икона исчезла, и никто не знает, где она, а я думаю, что она в Пекине. Китайцы знают этой старинной иконе цену, и я в китайской книжонке когда-то читал о ней.

А большие колокола, что были в Кульдже, были привезены из Москвы, и самый большой из них прибыл к нам из Кремлевских соборов. Когда ломали церковь, то этот большой колокол тянули с колокольни трактором, и он, падая, разбился. А колокол, что был поменьше, потом повесили на Сталинской улице, чтобы в него бить в случае наступления врагов. У них ведь тогда были неполадки с Советским Союзом и, готовясь к войне, они там всю землю перерыли. Войдя в подземный ход на Сталинской улице, можно было выйти в Баиндае[1]. Тогда было такое положение, и все знали, что если бьют в колокол — надо уходить по земле или по подземелью.

Закончив говорить о Дутове, рассказчик вспомнил о жившем при нас в Кульдже Лескине (кстати, и я хорошо помню разъезжавший

[1] Баиндай — окраина города Кульджи.

по улицам его автомобиль). Это был полковник Фаддей Лескин, которого, как рассказывали люди, после окончания железнодорожного техникума в Советском Союзе, послали в Китай работать дорожным мастером в Кен-Сай, где в то время была советская база. Молодому Лескину советским правительством было дано и другое поручение: поднять восстание трех округов в Китае (Илийском, Алтайском и Тарбагатайском), которое с помощью кой-каких русских он выполнил с большим успехом. За это он был возведен в полковники вновь образовавшимся туркестанским правительством нашего округа, которое временно там воцарилось, не подозревая, что сделало большую услугу воцарению коммунистического режима в Китае. Когда Фаддей выполнил задание советского правительства с таким успехом, то ему позволили остаться в Китае и постоянно жить в городе Кульджа. Я думаю, что все наши русские помнят дом Лескина в Кульдже с большими воротами, а как у него было во дворе и в доме, конечно, никто из наших не мог видеть. Но на улицах все встречали, и довольно часто, автомобиль Лескина, в котором сидел он сам как пассажир, а машиной правил специально для этой цели назначенный шофер. Безусловно, у Фаддея Лескина, во все время его пребывания в Китае, была тесная связь с советским консульством, находившемся тогда в Кульдже. Потом, когда коммунистическая власть в Китае закрепилась, он уехал в Советский Союз и в Кульджу больше не возвращался. В Советском Союзе, по рассказам людей, он зажил очень хорошо, настроил своих домов, и его там сделали министром снабжения Казахстана. При таком процветании он заворовался, что было обнаружено, и его отправили в тюрьму, а все дома и автомобили конфисковали. Все это произошло при Хрущеве, и Фаддей Лескин, по рассказам, отсидев свой срок, вышел из тюрьмы, а позже умер.

ГОРОД КУЛЬДЖА И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

По прибытии в Западный Китай в 1931 году мои родители попали в город Кульджу Синьцзянской провинции и последующие годы своего там пребывания жили как в самом городе, так и в его окрестностях.

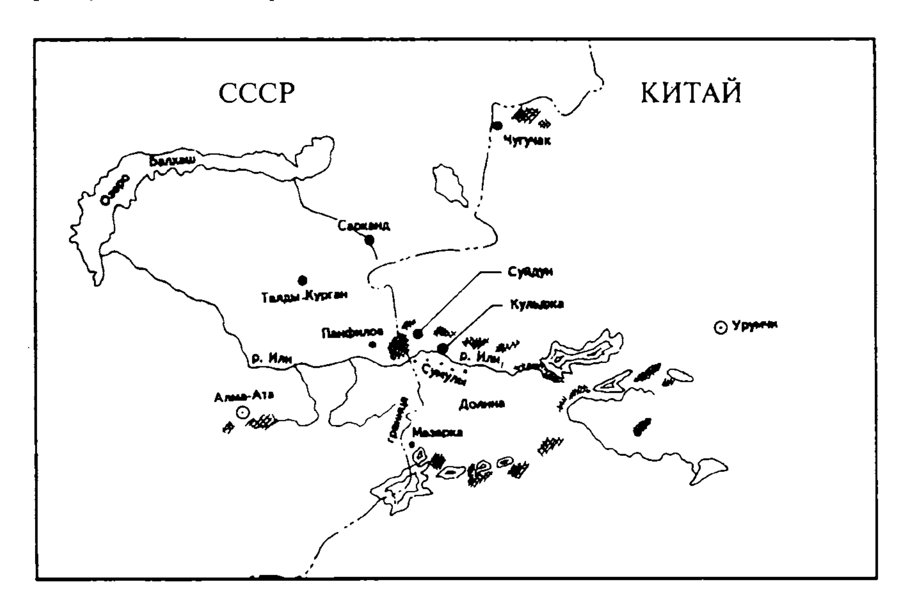

Схема местности в районе г. Кульджа (рис. автора)

Население города и его окрестностей было многонациональным, однако в подавляющем большинстве оно состояло из уйгур. Но меж уйгурского населения жили также татары, узбеки, русские, шибинцы, дунгане и китайцы. Причем чисто китайского населения было немного, и поэтому китайцы должны были знать всеобщий тюр-

кский язык с различными его диалектами. Надо сказать, что многие китайцы, кроме того, говорили и на ломаном русском языке. Люди разных национальностей между собой жили мирно и дружно. Очень часто у людей были друзья других национальностей, но до такой близости, как жениться или выйти замуж, не допускалось, а если и случалось, что было очень большой редкостью, то к такому явлению вообще все относились отрицательно.

Что касается местности, то боюсь, что не хватит у меня уменья и слов чтобы преподнести воображению действительную картину.

В Тянь-шаньских горах берет свое начало река Или и течет вдоль довольно широкой низменности, пересекая Российско-Китайскую границу. Далее она несет свои воды по русской земле и вливает их в озеро Балхаш. Как у всех рек, начало ее небольшое, но поскольку каждое ущелье снабжает ее потоком воды, то вскоре она превращается в полноводную, мощную реку. На восточной стороне к югу, а затем по южной к западу вдоль низменности протянулись Тяньшаньские горы, а с северной стороны с востока на запад возвышались тоже высокие горы с Джунгарским Алатау хребтом, который разделил Илийский Край на северную и южную области. От главного хребта по южной, то есть солнечной стороне, рассыпалось множество крупных ущелий, которые, вмещая в себя бесчисленное количество мелких, изгибаясь, равномерно спускались к реке Или. В этих живописных местах жили не только кочевые народы — киргизы, казахи, монголы, но и русские, образовав в некоторых местах большие селения и деревни. В таких больших деревнях были даже свои русские школы со своим преподавательским составом. Более известные мне названия русских селений — Дашагур, Шашагур, Толки, Кунес, Текес, Кен-Сау, Кара-Су, Нилки, Бутхана. У каждого из этих горных районов были свои природные особенности и своя красота. Недаром китайцы называют эти места «Синьцзянским Ганьчжоу», сравнивая их с живописным Ганьчжоу внутреннего Китая. Река Или прорезает межгорную долину по северной ее части ближе к северным горам. Почти у подножия северных гор на берегу реки Или, утопая в зелени, стоит наш город Кульджа, с которым связаны все мои относящиеся к Китаю воспоминания. Между рекой и южными горами растянулась безводная пустыня, которую пересекали мы не раз на бричке как с севера на юг, так и в обратном направлении. В связи с тем, что воздух был там сухой и чистый, далеко за долиной к югу были видны подернутые нежной синевой Тянь-Шаньские горы. По южному берегу Или стояли как бы нарочно расставленные крепости, называвшиеся по-местному Сумулами: Сумул Первый, Сумул Второй и т. д. Приблизительно на расстоянии двухчасовой езды

автомобилем к западу от Кульджи находился другой городок по названию Суйдун, уже известный читателю, в котором стояла армия Дутова после того, как она перешла границу Китая. В Суйдуне, как и в Кульдже, население в основном состояло из уйгур, но там тоже жили народы других национальностей.

Главным же городом тех мест являлся город Кульджа, который был окружен множеством крупных и мелких селений. Как в Кульдже, так и в окружающих ее селениях было много садов, а следовательно, летом бывало и много фруктов. Фрукты там росли разнообразные: яблоки, как садовые многих сортов, так и дикие, абрикосы, урюк, груши, сливы, вишни, черешни, персики, виноград и др. Так как город находился между долиной и горами, то летом температура в нем была более или менее умеренной, в то время как в горах было прохладно, а в долине очень жарко. По обе стороны реки летом температура являлась очень благоприятной для выращивания арбузов, поэтому раньше там было много бахчей, на которых выращивались как разных сортов арбузы, так и дыни. По крайней мере, так было до того, как пришел коммунизм, а при нем никто не имел права работать на себя. В городе по обеим сторонам улиц в ряд росли огромные деревья, а за ними вдоль их линий по всем улицам протекали оросительные каналы, которые у нас назывались «арычками». Летом их водой могли пользоваться все, кто хотел, для полива росших во дворах огородов, цветов и садов. За арычками, у самых стен зданий и дворов, тянулись тротуары, а в каждый двор были перекинуты широкие мостики, обслуживавшие въезд телег. Стены дворов были обыкновенно высокими с большими деревянными воротами. Одна стена дома с окнами всегда выходила на улицу, и окна были, как правило, со ставнями, которые на ночь закрывались и запирались изнутри. Жизнь в городе протекала обыкновенно спокойно: не было грабежей или убийств, хотя очень редко случалось и такое. До коммунизма улицы каждый вечер летом поливались, часто подметались, а осенью на них сгребались в кучи падавшие с деревьев листья и потом поджигались. Около каждого дома на улице стояли деревянные лавочки, на которых летом вечерами отдыхали люди. Летние вечера там бывали обыкновенно приятными, теплыми и тихими. Как сами улицы, так и тротуары были немощеными, а поэтому весной и осенью на них месилась грязь. Возвратившись с улицы, каждый человек должен был обмывать свою обувь и затем сушить ее у печки. Рассказывали, что когда русские прибежали в Кульджу, то весной и осенью там было еще хуже, когда по уличным дорогам, где бывало большое движение, выбивались огромные ямы, которые, в свою очередь, наполнялись жидкой или густой грязью, и в таких

ямах, случалось, тонули ишаки. По тропинкам же, где ходили люди, проходить было очень тесно, и нередко тогда случалось, как рассказывали старшие, когда шли навстречу два человека, то уйгуры, поравнявшись, нарочно сталкивали русских в грязь.

Зимой там бывало холодно, и поэтому снег лежал беленьким до весны и даже по дорогам не таял. Изредка, но бывали такие морозы, что птицы на лету сваливались вниз, как камень, замерзшими. Температура доходила иногда до минус сорока градусов по Цельсию и даже ниже. В такие морозные дни школы обыкновенно закрывались, а как учащиеся об этом узнавали, мне что-то не помнится. Вероятно, ничего не подозревая, все приходили в школу, обнаруживали ее двери закрытыми, чему всегда были чрезвычайно рады. Мороз школьников особенно не страшил, наоборот, они успевали дорогой еще и порезвиться, и посбивать на себя с веток деревьев красивый белый, образовавшийся от мороза снег.

Весна была особенно приятным временем года, когда бывало много ясных дней. Если и были тучи, то они плыли облаками, а между ними то появлялось, то скрывалось синее-синее небо, а с ним выглядывало и чистое солнышко, направлявшее свои теплые веселые лучи на землю. С каждым днем становилось теплее и теплее, а к апрелю уже никто не носил пальто. Солнце, облака и ожившая природа так благотворно влияли на людей, что, мне кажется, в весеннее время многие горести быстрее забывались.

Зато плаксивая осень во второй половине сентября и начале октября была очень неприятной: часто бывали пасмурные дни, становилось все холоднее и холоднее, мелкие долгие дожди тянулись по несколько дней.

Летом человеку не требовались ни пальто, ни пиджак, ни вязаная легкая фуфайка, и если уж лето пришло, то в одном платьице было приятно как днем, так и ночью. А сколько там было ясных веселых дней! Часто проливались и дожди, но они были скоротечными: налетит туча, прольется, и опять сияет радующее душу солнце, а от дождя можно было свободно сохраниться под ветвистым деревом.

Пришлось мне поездить по белому свету, была я во многих странах, но нигде мне не удалось встретить такой весенней и летней погоды и нашей красавицы природы с ее чистыми быстрыми горными реками, бегущими по сверкающим на солнце чистым камешкам меж как бы нарочно для этого выложенных речных берегов. Вода в них была чистой, как слезинка, и неслась она, ударяясь о принесенные в половодье большие и малые камни, беспорядочно разбросанные по берегам и руслу. Не встречала я нигде и таких величественных, никем не тронутых, снежных и скалистых, отвесных, как стена, или

пологих, вперемежку с глубинными, обязательно с рекой, ущельями. Бесконечно зеленые летом, своеобразные горы с множеством различных цветов и чистым, как кристалл, воздухом, видны были в свежем синем цвете так хорошо, что можно было различить на их склонах снежные насыпи и лесные заросли.

Асфальтированных или мощеных улиц в городе не было, поэтому от движения повозок летом поднималась пыль, и издали можно было видеть воздух другого цвета, поднимавшийся шапкой над городом. Деревенские, лица которых отличались свежестью и румянцем, говорили про городских, что те бледны и нездоровы в сравнении с жившими за городом.

Сельские жители постоянно приезжали в город по разным надобностям: что-то продать, купить или немного развлечься да в церковь сходить. Приезжали летом на бричках, на ходках, а в зимнее время на деревянных санях. Останавливались у родственников, если таковые были, а нет, так у друзей, знакомых или у своих учившихся в городе детей.

До коммунизма у людей были свои лошади, коровы, куры. Летом каждое утро городские пастухи собирали и выгоняли коров на пастбище, а вечером их пригоняли. В основном, люди в городе держали только одну корову для молока и зимой кормили ее купленным сеном. Дома у людей были с сараями, амбарами и дворами: лучшие строились из кирпича, с простыми деревянными или крашеными полами, с электрическим освещением; худшие, стены которых были биты из простой земли — с земляными полами и без электричества. Крыши смазывались земляным составом, хотя у богатых домов нередко они были железными.

Русские семьи чаще всего занимали две — три комнаты. В одной из них устанавливалась русская плита, а часто и большая русская печка, и комната служила зимней кухней и спальней (там стояли стол со стульями или скамейками и кровать, иногда с занавесью). Одна из следующих комнат служила и гостиной, и спальней. Кровати каждый день аккуратно убирались и наряжались. Каждую субботу у печки и вообще, где требовалось, подбеливали известкой, мыли полы, протирали скамейки, чистили и подкрашивали обувь к воскресному празднику. По воскресеньям всегда ходили в церковь и праздновали, во всяком случае, так проводили воскресный день мы.

Во дворах почти у всех был скот, собаки, куры, повозки. Собак в домах ни у кого не было, однако кошек зимой впускали в дома. Часто во дворе был колодец, а если нет, то ходили за водой в городские колодцы, что были на улицах, или на какую-нибудь реку, если таковая текла поблизости. Никаких водопроводов, ни канализаций

не было. Воду носили ведрами и в ведрах же потом она стояла в кухне, хотя иногда для этой цели использовали и деревянные кадки. В зимнее время в первой комнате при входе устанавливали умывальник, а под ним на табуретке таз.

Дворы у всех были чистыми, в них росли всевозможные цветы, а вьюны, тыквы и кубышки оплетали навесы, под которыми часто летом устраивалась кухня, а иногда там же у русских стояли и кровати. Однако летней кухней чаще служила отдельная комната во дворе, где была сооружена русская печь, но, если таковой комнаты не было, то печь выкладывалась под открытым небом. Хлеб у всех был свой, и у каждой хозяйки он выпекался своего вкуса. Обычно один раз в неделю пекли хлеб и один раз в неделю стирали белье. Стирали руками на стиральных досках в длинных металлических или деревянных корытах, которые устанавливались для этой цели на скамейках. Стирка сама по себе была очень тяжелой работой, а вдобавок к тому, еще до ее начала, хозяйка должна была наносить достаточное количество воды, а потом выносить на улицу уже грязную воду. Часто передняя комната, где находилась кухня, была и без того маленькой, а когда посередине ее еще ставилось корыто, то было трудно пройти. Зато летом было хорошо стирать на улице, особенно жившим за городом, когда они могли полоскать белье в реке.

Ванных комнат, разумеется, ни у кого не было, поэтому мыться было просто-напросто негде. Хорошо было тем, у кого были свои бани, остальные должны были мыться в городских банях за плату или оставаться грязными. Как ни удивительно, но человек ко всему привыкает, так он привыкает и не мыться. Но по праздникам все любили хорошо одеваться, то есть в лучшее, что у них было, отчего у всех появлялось праздничное и веселое настроение.

Русские в тех краях в большинстве своем жили в достатке, однако немало было и таких, которые перебивались с копейки на копейку.

Занимались люди, кто чем мог. Городские работали по своим специальностям: инженерами, врачами, преподавателями в школах, библиотекарями, портными и пр. Некоторые открывали свои мастерские, портняжные, парикмахерские, кондитерские, фотографические студии, кузницы и пр. За городом и в деревнях люди занимались хлебопашеством, скотоводством, пчеловодством, садоводством, рыболовством. Здесь надо опять-таки напомнить, что так было только до коммунизма, а после того как сменилась власть, и пришел коммунизм, все изменилось до неузнаваемости.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Чтобы не приводить моих братьев, сестер и их потомков в смущение, я решила не называть их имен и фамилий. Имена, которые они носят в моих воспоминаниях, — фиктивные и никому из членов нашей семьи не принадлежат.

Мои братья и сестры разных лет рождения, родились в разных местах Китая, всем нам то или иное место жительства запомнилось больше, поэтому у каждого своя «малая родина». А жили мы в Кульдже, у Давдахуна, в Панджиме, в Джилиузах, на Зиминой мельнице, в Мазарке, в Суйдуне, на Старой мельнице, на Март. мельнице, в Копырлах, на С. мельнице и еще в двух местах, названия которых я не помню.

Самое далекое, что мне запомнилось из моей жизни, происходило, когда мы жили у Давдахуна. Позже, вспоминая те годы, мы всегда говорили: «Это было у Давдахуна».

Родилась я 22-го ноября 1941 года, вероятно, в самом городе Кульджа, но все мое детство прошло вне города. Крестил меня, как мне говорили, о. Павел Кочуновский. Когда мы жили у Давдахуна, мне запомнилось, как я с мамой пошла провожать какую-то гостью и вышла в сад. Пока мама разговаривала с гостьей, я вертелась около них и упала прямо на мелкие сухие прутья, отросшие от корня срезанного дерева и торчавшие вверх. Когда я заплакала, мама взяла меня на руки, занесла в комнату и положила в зыбку. Так я и не смогла узнать, сколько мне тогда было лет. Еще мне запомнился наш сад в какой -то праздничный день, когда по нему ходили люди, в моем представлении — взрослые, на самом деле это, вероятно, были подростки, подружки моей старшей сестры. В саду у нас рос сладкокостный, как у нас называли, урюк, и, помнится мне, как люди сидели под деревьями, разбивая косточки, и ели сладкие зерна, а зерна, бесспорно, были очень вкусными. Зачастую подбирали осыпавшиеся абрикосы только для того, чтобы, разбив косточки, достать зерна.

Помнится мне также у стены нашей мельницы урючное дерево, развесившее над крышей свои ветви с желтевшими тяжелыми абрикосами, осыпавшимися всюду: на крышу, в воду, на землю. Я также помню находившийся недалеко от мельницы мякинник[1], в котором, по рассказам старшей сестры Вари, наш брат Саша однажды, зарывшись по горло в мякину, заснул. Спохватившись, все побежали искать, но найти нигде не могли и уже взволновались — не утонул ли? Наша мельница была водяной, воды кругом протекало много, и ребенку утонуть было очень легко. Время клонилось к вечеру, а Сашу все не могли найти, тогда как уж выискали все и потеряли всякую надежду, что найдут. Проходя мимо мякинника, Варя вдруг заметила что-то белое, а приглядевшись, распознала головенку спавшего в мякине Саши, волосы которого тогда были белыми, как лен.

На той мельнице, как говорила мама, мы прожили семь лет, и оно было самым лучшим из всех мест вне города Кульджа, в которых, странствуя, мы жили.

Запомнился мне еще и такой эпизод из раннего детства: мама красила нашу легкую, тонкую, но крепкую скамейку. Та скамейка потом всюду нам сопутствовала и незаменимо служила до последних дней нашей жизни в Китае. Она мне всегда очень нравилась, вероятно, потому, что была легкой и негромоздкой, то есть походной.

По рассказам мамы, по приезде в Китай им там не понравилось. Папа рвался обратно домой, в Россию. Но хорошо понимая, что их ожидало в Советском Союзе в случае возвращения, мама смогла его уговорить, и они остались жить на чужбине. Во время лишений их всегда утешало то, что это лишь временное явление в жизни, в будущем они смогут свободно и без страха возвратиться к себе домой. Но утешение вскоре сменилось безвыходным положением, когда они поняли, что возврата домой не предвидится и состояться ему не суждено. Оставалось сделать одно: смириться и устроить свою жизнь так, чтобы она была терпимой.

Здоровье папы тогда было шаткое, у мамы были маленькие дети, в доме ощущался материальный недостаток. Временами у наших не хватало денег, чтобы купить пшеничной муки. Мне запомнилось, как мы ели кукурузный хлеб. Чтобы хлеб из кукурузной муки выпекался вкуснее, мама приготавливала тесто особым способом, и оно из такой муки получалось грубое и ломкое. Хлеб же казался вкусным только первое время, а потом так приедался, что нам даже не хотелось на него смотреть, не то, чтобы есть, но ничего другого у нас просто не было.

---

[1] Мякинник — хранилище для мякины т.е. оставшихся частей при обмолоте и очистке пшеницы и других зерновых культур, используется для корма скота.

Запомнился мне еще один эпизод. Ночью просыпаюсь я от какого-то страха, встаю в своей кроватке, держась за перильца, и плачу, плачу, а мама спит и меня не слышит. А тут еще сверчок где-то совсем рядом так громко заливается, будто хочет перекричать меня. В комнате стоит страшная темнота, я ничего не могу рассмотреть, отчего мне делается еще страшнее. Наконец, проснувшись, мама подходит ко мне, и я успокаиваюсь.

Не помню я своего брата Степу, который был на два года постарше меня, и когда я была еще совсем маленькой, его не стало. Рассказывали, что он с утра был здоровым мальчиком, но потом приболел и стал пристраивать свою головку на что-нибудь поудобнее, а к вечеру умер. Болезнь оказалась скарлатиной, а лечить ее мои родители не знали как. Степа, как вспоминали, был очень хорошеньким мальчиком, и я помню, как потом мама, сердясь на нас, говорила: «Хорошие дети у меня умирали, а плохие оставались». Когда Степа, уже умерший, лежал на скамейке, и как мне рассказывали, когда меня спрашивали: «Где Степа?», я указывала рукой на его холодное тельце.

В один из поздних вечеров или ночью, проснувшись, я увидела, что лежу не на своем месте, а на разостланной постели на полу, в комнате слышался какой-то разговор. Потом меня угостили вкусным сотовым медом, но оказалось, что с медом я получила и пчелку, которую никто не заметил. Не помиловав меня, она ужалила и, понятно, что мне после этого стало не до меда. Оказалось, что мой дядя — папин брат Алеша со своими сыновьями перевозил куда-то свою пасеку, а по пути заехал к нам переночевать. Он-то и угощал нас всех своим медом. На следующее утро они погрузили ульи на ишаков, по два на каждого, и поехали дальше.

Уже в прохладное время года однажды разболелось у меня ухо, и очень неприятно в нем стреляло, а мама, уложив меня около горевшей железной печки, стала его прогревать. Через некоторое время она налила мне в ухо какого-то масла, после чего я еще погрела его у печки, и ухо мое успокоилось, а болезнь прошла бесследно.

В те годы мои родители хотели где-то за городом построить себе домишко, а дома там строились, большей частью, битые из земли. Земляные стены поднимались постепенно: вначале из досок ставилась форма основания стены, в которую набрасывалась земля и сбивалась специально для этого вылитой из металла тяжестью. Когда земля спрессовывалась до такой степени, что приобретала крепость, доски снимались, укреплялись выше, опять-таки сохраняя форму стены, и вновь набрасывалась в них земля, которая тут же утрамбовывалась. Таким образом вырастали стены для жилищ большинства населения, и назывались они у нас «заплотами». Когда все стены были

готовы, на них клали главную балку, шедшую посреди комнаты, от которой в стороны шли жерди, одним концом ложившиеся на эту балку, а другим на боковые земляные стены. Жерди могли быть и не совсем ровными, но чистыми, поскольку кора с них тщательно счищалась. На жерди стлали плетеные из камыша рогожи, называемые у нас «берданками», которые, в новом их виде, были приятно-желтого цвета. Не знаю, что стлали на берданку, но хорошо помню, что крыши домов сверху были смазаны ровным толстым слоем глины, смешанной с мякиной. Крыши делались почти ровными, с небольшим уклоном, а лежавший на них зимой снег сгребался лопатами. Стены домов внутри и снаружи, тоже смазывались глиной с мякиной и навозом, а затем белились известкой. Пол в комнатах утрамбовывался и смазывался той же смесью, что и стены.

После того как наши уже сбили несколько заплотов, маме приснился сон: как будто она находится на месте строящегося своего дома, а на полу сидит человек, направленный лицом в определенную сторону, и он ей говорит: «Вы строите себе дом, а как вы в нем будете жить, когда вот здесь, в земле, находится покойник?» — и он указал на то место. Утром мама рассказала сон папе, и они решили покопать в том месте, на которое указал ей человек во сне. Только представить, каково было их удивление, когда они докопались до человеческого скелета, находившегося в сидячем положении, лицом в том же направлении, в каком был приснившийся. После этого они, несомненно, продолжать стройку уж больше не могли, а сбитые стены оставили стоять и от непогоды разрушаться.

Мне припоминается, как мы в городе однажды в воскресенье, причесанные и одетые по-праздничному, вышли из дома и увидели на той же улице церковь с возвышавшимися куполами и колокольней. Войдя в церковь еще до начала богослужения, я увидела в ней стоявших и двигавшихся со свечами людей, а особенно мне запомнились молоденькие девушки в беленьких шляпках и красивых светлых платьях. Они проходили мимо меня, стояли рядом и впереди, а я смотрела и любовалась их изящностью.

Будет небезынтересно вспомнить, как я с младшей сестрой Валей, вероятно в Панджиме, играла на пыльной дороге. У нас ведь не было никаких игрушек, и поэтому мы находили себе забавы в самой природе. Так вот, на самой выбитой дороге мы сгребали пыль пирамидкой, потом раздвигали среднюю ее часть так, чтобы получилось углубление в виде чашечки. В это углубление наливали воды, которая, впитываясь в пыль, так укрепляла ее, что потом мы могли выкопать из кучи пыли чашечку, потом ставили ее сушить на солнышке или в тени. Таким образом, мы наделывали и расставляли для

сушки много чашечек разного размера, а когда они хорошо просыхали, то умудрялись в них наливать даже воды, но, впитывая в себя воду, наши чашечки вскоре начинали рассыпаться.

У нашего хозяина-уйгура была дочь приблизительно моего возраста, с которой мы часто играли, и я от нее заразилась кожной болезнью, называвшейся у нас «огоньком». Если такая язва садилась на голову человека, то она выедала все корни волос, и человек делался плешивым. Мне же одна такая язва села около рта, а другая на обратной стороне ладони левой руки. Если бы меня не вылечил от этих язв папа, то не знаю, во что бы это все вылилось: вероятно, была бы и я плешивой и с оставшимися следами на лице. Язва, что была у рта, несмотря на то, что она была небольшой, все-таки оставила несколько следов, а на руке даже слетел один ноготь. После того как папа сумел убить навязавшуюся болезнь, ноготь на моем пальце вырос новый, а на руке остались еле заметные мелкие ямочки.

Помню, как у той же хозяйской девочки на ногах были новенькие черненькие кожаные ботиночки, и я ими любовалась, но ей ничуть не завидовала, и мне было совсем безразлично, что у меня таких не было. Потом та девочка чем-то заболела и стала грустной и невеселой, хотя и выходила на улицу.

Надо сказать, что мы с моей младшей сестрой Валей лет до двенадцати летом дома обувь никогда не носили, а всегда бегали как по траве, так и по камням босыми ногами и теперь, вспоминая, удивляюсь, как могли наши подошвы все это выдерживать? Причем я не помню неприятные ощущения в ногах, разве только, когда наступала на гвоздь, который иногда чуть ли не проскакивал насквозь. Посыплешь ранку землицей и, забыв про нее, идешь дальше. Мне больше запомнилось неприятное ощущение, когда сдерешь верхнюю часть пальцев ног и вновь сдерешь, когда еще не успеет кожица зажить. Мы никогда не обвязывали свои повреждения, и они каким-то образом зарастали и заживали сами собой.

За городом русские, хотя и жили разбросано, однако между собой постоянно общались. По праздникам, на свадьбы, именины и крестины они ездили друг к другу в гости, а иногда и просто приходили, если жили поблизости. Русские у нас были очень гостеприимными и для гостей всегда припасали из пищи что-нибудь получше. Однажды, не помню по какому случаю, я с Валей и моими родителями была в гостях у живших неподалеку русских по фамилии Палаткины. По русской традиции нашего края детей за столы с гостями никогда не сажали, и в обществе считалось, что детям сидеть за столами со взрослыми неприлично. Поэтому мы играли на улице, устраивая себе из росшей травы дома, приглашали и ходили друг к другу

в гости, то есть имитировали взрослых. У хозяев была девочка чуть постарше меня, и мы втроем развлекались в свое удовольствие.

В самый разгар веселья неожиданно к хозяевам пришел какой-то человек и сообщил всем гостям ужасную новость — началась война. Наши, недолго думая, собрались, забрали нас, и мы, немедля, пошли домой. Беспокойство взрослых быстро передалось нам, хотя мы и не понимали, что такое война. Дома папа запер все двери, закрыл окна, завесив их хорошо занавесками, и в вечерней темноте сидели мы, прислушиваясь к раздававшимся странным звукам. Иногда папа, выглядывая в щелочку окна на улицу, говорил: «чирики», а я, не понимая значения слова «чирики», представляла себе по заборам прыгавших каких-то особенных птиц, поскольку знала, что чирикать могли только птицы. На самом же деле это были китайские солдаты, которых почему-то называли у нас «чириками». А странные звуки, что доносились до моего слуха, были не что иное, как поблизости раздававшаяся ружейная стрельба.

По-моему, всю ту ночь наши не спали, а утром, когда все затихло, папа запряг коня в нашу двухколесную телегу. Сложили на нее кое-что из пожиток, усадили нас на телегу между вещами, закрыв сверху покрывалом, и поехали в Кульджу. Вероятно, наши посчитали, что в городе военное время пережить будет легче.

При наших сборах тогда произошло неприятное и довольно странное происшествие. Доставая что-то наверху, папа встал на стул, а когда спрыгнул с него, наступил на подбежавшего маленького котенка и его раздавил, а кошка-мать, найдя этого своего умершего котенка, его съела. Обыкновенно с кошками такого не бывает, и мне кажется, что как собаки собак, так и кошки кошек, как правило, не едят.

Когда мы были в пути, то вдруг над нами появилось множество самолетов, из которых начали выпрыгивать парашютисты и на своих распустившихся парашютах стали спускаться на землю. Их было так много, что все небо было покрыто ими, как звездами. Над нами приоткрыли покрывало, под которым мы сидели, и помню, каким необыкновенным мне тогда представилось небо, усеянное качавшимися белыми парашютами. Потом у многих людей появились шелковые крепкие веревки и нитки, которые они подбирали на полях.

Я предполагаю, что то беспокойное время было в середине сороковых годов, мне тогда было от трех до четырех лет.

Мой второй дядя, папин старший брат Виктор, со своей семьей к тому времени уже тоже был в Китае и жил в городе Кульджа. К нему-то мы и приехали, чтобы пережить военное время. Запомнилась мне комната, в которой жили мы и семья дяди Вити, где по-над

стеной почти во всю ее длину тянулись нары, а на нарах — никогда не убиравшаяся постель. Одно окно комнаты выходило на широкую улицу, которую называли Шоссейной дорогой, поскольку по ней шло автомобильное шоссе, а по шоссе в тот период ходили набитые солдатами грузовики. По-видимому, я очень любила наблюдать, что происходило на шоссе, так как, вспоминая, рассказывали, что если я пропускала, не увидев, проходивший грузовик, то было немало слез.

Не знаю, зарабатывали ли мои родители как-нибудь и что-нибудь на питание, но знаю одно, что есть нам тогда было нечего. Был ли у нас хлеб, тоже не знаю, а помню хорошо, как мы с трудом ели каждый день одно и то же, то есть распаренный в воде сухой урюк, который мне тогда казался настолько кислым, что не хотелось его глотать. Если не урюк, то к чаю приготавливался талкан[2], смешанный с простой водой.

Я помню, как той зимой мой брат Коля с двоюродным братом поймали голубя, ощипали его и на огне поджаривали кусочки мяса. Какой от этого шел вкусный запах! Представляю, сколько каждому достанется, если разделить голубя на всех? Недаром же мне запомнился только запах жареного мяса, а вкуса его я не помню. Как сейчас вижу этих двух подростков в теплых тужурках, нагнувшихся над горящим огнем в нашей комнате и держащих в руках над пламенем длинные с заостренными концами деревянные палочки, на которых нанизаны кусочки мяса.

Так как все жили в одной комнате, то в ней было очень тесно и не уютно, отчего все подростки дневное время проводили на улице. Туалет для всех был где-то во дворе, а для малых детей в комнате стоял специальный таз. Теперь, даже вспоминая, трудно себе представить жизнь двух семейств с детьми в одной комнате и в таких условиях.

Как я понимаю, это был как раз тот период нашей жизни, когда у наших закончился срок пользования первой мельницей, а вторую папа еще не нашел и не построил. Поэтому-то у нас было так плохо с пищей, чего живя на мельнице не могло случиться, поскольку от нее питались как сами, так и скот, и птица, а оттого и хлеб, и яйца, и молоко всегда были своими.

После того как мы отсидели военное время в Кульдже, мы поехали на место, где папа должен был строить вторую мельницу. Когда мы приехали туда, меня с Валей завели в какую-то холодную, совсем не топленую комнату, где мама нас усадила на постель, завернув одеялом, а сама ушла. Так мы сидели, осматривая комнату, где примечательного ничего не заметили, кроме, пожалуй, лежавших мешков

---

[2] Талкан — молотая жареная кукуруза.

с зерном и занимавших почти полкомнаты высохших стеблей кукурузы вместе с торчавшими в стороны початками. В комнате очень пахло мышами, которых там водилось, вероятно, сотни, но нам ничего не оставалось делать, как только сидеть. Я поражаюсь нашему терпению сидеть так спокойно часами, исполняя повеление старших, причем я не помню, чтобы нам было как-то тягостно, разве только уж очень воняло мышами. Так сидели мы одни, временами, может быть, и засыпали, а мама работала в другой комнате, делая ее пригодной для жизни. Это было не в первый и не в последний раз, когда она в первую очередь строила печку из кирпичей или устанавливала железную, трубу которой надо было вывести и вмазать в отведенное для этого отверстие в стене. Затем печка растапливалась и, как правило, первый дым из нее шел не в трубу, а через дверки печки в комнату. Мама в таких случаях открывала дверь, чтобы проветрить комнату от дыма, и ждала, когда печь начнет нормально работать, только после этого прикрывали дверь, и начиналось обогревание комнаты. Нагреть комнату было нелегко, поскольку толстые ледяные стены моментально охлаждали нагревшийся от печки воздух, и поэтому тепла в комнате долгое время не чувствовалось. В дальнейшем комнату обставляли, и начиналась нормальная жизнь.

Когда мы там жили, я помню, как мама нам вязала из шерстяных толстых ниток тапочки, к которым потом пришивала подошвы, и мы в них бегали по комнате. Потом я заболела и болела так тяжело, что, выздоравливая, должна была учиться вновь ходить. Мне вообще часто снились сны, что я летаю, как птица, но нигде так много таких снов не снилось, как тогда. Причину таких снов мне объясняли тем, что я расту, и я вполне такому объяснению верила. То место у нас осталось в памяти под названием «У Зиминых», так как папа отдал построенную там мельницу в пользование Зиминым, а сам поехал искать другое место. Там же, то есть у Зиминых, моему брату Саше, который когда-то спал в мякине, было уже около семи или восьми лет, и мама учила его азбуке. Она выставляла на видное место по букве, чтобы он смог запомнить, и время от времени спрашивала его, какая это буква. Пока он пробовал вспомнить, я за него отвечала, а он на меня сердился. Мама стала буквы от меня прятать, но это не помогало, и я таким образом, не уча, выучила все буквы и рано научилась читать.

Помнится мне выходившая в то время русская газета, на первой странице которой большими буквами печаталось ее название «ТУРКЕСТАН». Вероятно, запомнившаяся мне война и была тем самым восстанием, что поднимал Лескин, после чего был создан Восточный Туркестан, просуществовавший всего несколько лет.

Но потом пронеслись печальные новости, что все руководители Восточного Туркестана, летавшие на съезд в Советский Союз, погибли в катастрофе, когда их самолет во время обратного полета разбился. Мне запомнились грустные лица уйгур, рассказывавших о происшедшем и о выдающихся заслугах некоторых погибших своих руководителей.

После того случая Туркестан без какого-либо сопротивления опять очутился под властью Китая, но только на этот раз коммунистического. Все последние происшествия случились как раз к тому моменту, когда Мао Цзэ-дун захватил власть.

Запомнилось мне как летней ночью около Зиминой мельницы мама на траве разложила постель, и мы трое (я, мама и моя младшая сестра Валя) на ней заснули. Вдруг в темноте кто-то подъехал к нам на лошади и остановился. Мама его спросила по-казахски: «Кто ты?», но он упорно молчал и продолжал стоять. Нам от этого стало жутко и страшно, но, к счастью, он потом повернул свою лошадь и уехал. Мама разволновалась, подняла нас, и мы быстро пошли по дороге к городу. Помню, как впереди по обросшей по сторонам травой колее шла мама с Валей на руках, а я, стараясь не отстать, плелась за ней и видела ее перед собой большой в сравнении со мной, маленьким клопиком. Долго мы шли или нет, не помню, но помню, как увидели вдали двигавшуюся нам навстречу повозку. Когда мы подошли к ней ближе, то, к нашей радости, узнали нашего коня и повозку, на которой ехал папа из города. Посадил он нас на телегу, и на этом наше приключение закончилось.

После того в то же самое лето мы устроились жить совсем рядом около мельницы, но как устроились, надо поподробнее рассказать. Недалеко от Зиминой мельницы находилось жилое помещение с довольно большим двором, и в том помещении жили Зимины. Для нас другого помещения не было, но в том же дворе у противоположной стены от дома находился навес, под которым мы и обосновались на лето. Папа с Колей из свежих веток заплели открытую сторону навеса, и таким образом у нас получилась комната. Листья веток потом свернулись, высохли трубочками и висели по обеим сторонам стены. У Зиминых был мальчик приблизительно моего возраста, который составил нам компанию, и с ним мы постоянно играли. Мы, конечно, не могли не обратить внимания на забавно высохшие трубочками листья и стали придумывать, как ими позабавиться. Долго думать нам не пришлось, поскольку вид трубочек напоминал готовые папиросы, и мы просто, набив их размельченными сухими листьями, пробовали курить. Но удовольствия от этого мы, вероятно, никакого не получали, и поэтому это занятие вскоре оставили, а позже про него и совсем забыли. Мать того мальчика иногда гнала самогон,

и мы, однажды добравшись до него, решили попробовать, да так напробовались, что наш друг свалился с ног, а мы с Валей стали покачиваться, но чувствовали себя весело и совсем не плохо.

Напротив того места, где мы жили, за небольшой равниной и рекой поднималась гора, на которой находились угольные шахты. Издалека я видела, как по горе постоянно двигались люди, и стала задумываться, как они ходят по косогору и, поднимаясь, перпендикулярно ли к нему держат свое тело? Показывая свои предположения руками, — одной изобразив косогор, а пальцами другой идущего по косогору человека, — я задала свой вопрос старшим, но вместо ответа они просто рассмеялись, а потом рассказывали другим, как смешно я изображала.

В один из воскресных дней моя старшая сестра Варя решила повести нас на верх горы и показать находившиеся там шахты. Вымыла она меня и Валю, одела по-праздничному, и мы с ней и братьями отправились. Через речку нас перенесли на руках, а на гору шли самостоятельно, и тут-то я поняла, как ходят люди по косогорам. Когда поднялись мы наверх, то нам пришлось войти в огороженное высокими стенами место, где находился вход в подземную шахту, а у самого отверстия шахты стояло деревянное сооружение, в которое была впряжена лошадь, ходившая в определенные моменты по кругу. Сооружение состояло из колеса, на которое наматывалась веревка, а другой конец ее спускался в шахту, где за нее был привязан деревянный ящик. Когда ящик в шахте наполнялся углем, то лошадь, идя вокруг колеса, заматывала на него веревку, отчего ящик с углем поднимался на поверхность. Наверху уголь рабочими выгружался из ящика или вместо него прицеплялся другой и отправлялся обратно в шахту. Одним словом, добыча угля шла самым примитивным образом. Когда мы только пришли, нам было интересно, но через некоторое время мы с Валей занялись своими делами: оставшись одни, никем не замеченные, стали рыться в угольной пыли. В каком мы виде были, когда нас увидела Варя, я не знаю, но хорошо помню, какой сердитой она подскочила к нам и, нашлепав нас по рукам, потянула домой, говоря: «Раз не умеете себя хорошо вести, так пойдем домой. Могли бы еще кое-что посмотреть, так вы, «чумазайки»[3], нельзя вас в чистое одевать. Надолго ли я вас нарядила сегодня утром?» А мне было очень жаль, что мы еще что-то не посмотрели, и тогда я подумала: «Зачем же Варя так рассердилась, что даже чего-то другого мы не посмотрим? Ну нашлепала бы нас, а все-таки другое-то надо было бы посмотреть. Ведь мы сюда пришли только один раз и, наверно, больше никогда не придем и не посмотрим что-то

[3] Чумазайки — от слова чумазый.

еще, что, может быть, очень интересное». Так и случилось, мы больше никогда на горы, где были шахты, не ходили.

Папа строил мельницы только водяные, поэтому у нас всегда была вода рядом. Вытекая из-под Зиминой мельницы, вода разливалась по широкому дну и была неглубокой, поэтому нам, детям, можно было купаться, что мы часто и делали. Вода летом была очень теплой, но в ней обитало много водяных змей, которые постоянно то проплывали по воде, то ползали по берегу. Очень жутко про них вспоминать даже по прошествии многих и многих лет.

Как я уже говорила, мы все лето жили под навесом, под которым и спали, а один раз вечером, когда было уже темно, мама взяла постель, нас двоих и повела куда-то в поле, где меж высокой травы уложила спать. Как объяснила нам мама, в ту ночь магометане должны были вырезать всех «капэров», как они называли нечистых, то есть людей не магометанского вероисповедания. К таковым относились как китайцы, так и русские, то есть все, кто ест свинину. По закону магометан они подлежат смерти. Для убиения магометане почему-то употребляли ножи, и убийство, как исполнение священного завета, не считалось у них грехом.

Всю ночь мы прятались в траве, а на утро, придя домой, узнали что страшных убийств не произошло, магометан до этого не допустили.

МАЗАРКА

Вскором времени после этого мы поехали на новое место жительства, которое у нас осталось в памяти под названием Мазарка. Это место находилось к югу от Кульджи, под самыми горами, огибающими нашу долину. Чтобы попасть в Мазарку, надо было, выехав из Кульджи, переплыть на пароме через реку Или, проехать мимо одного из Сумулов и затем пересечь с севера на юг сухую пустыню, которую мы называли «долиной». Там, вдали от города, в одном из ущелий Тянь-Шаня, у подножия вечно снежных, величественных гор находилась наша Мазарка. Это было небольшое уйгурское поселение с мечетью и школой. Ни одного магазина там не было, как и ни одного русского человека. Из Кульджи в Мазарку на телеге надо было ехать три дня с ночевками в пути у каких-нибудь уйгур. Не доезжая до Мазарки, на довольно отлогих горах, называвшихся бинемами[1], что значит в нашем понятии — земля, на которой растет пшеница без поливов, мы остановились и стали устраиваться жить. Те бинемы были расположены на одном из горных отрогов, где находилась Мазарка. Оказалось, что наши родители решили жить на бинеме до осени. Я уж взрослой догадалась, что папа когда-то весной успел там посеять пшеницу, и вот теперь, под осень, всей семьей мы приехали убирать. Мы привезли все наше небольшое хозяйство, состоящее из кур, коровы Буренки, коня Гнедко и одной собаки по кличке Черный. Этот пес сам пришел к нам, когда мы еще жили на старом месте и, несмотря на то, что его прогоняли и били, ни за что не хотел от нас уходить, и, в конце концов, наши его у себя оставили. Впоследствии он оказался очень хорошим хозяином и прожил у нас до самой своей смерти, наступившей много, много лет спустя.

На бинемах, где мы остановились, все косогоры были покрыты пшеничными посевами и роскошной сочной травой, которую

[1] Бинемы — плоскогорья, на которых выращивалась пшеница без полива.

потом косили на сено, но не росло там ни одного деревца. Наши прямо на поле сделали шалаш из палок, трав и соломы, сложили все наше небольшое имущество внутрь шалаша, а очаг для приготовления пищи вырыли в маленьком холме под открытым небом. В очаг мама вмазала среднего размера казан, в котором и готовилась вся наша незавидная пища. Поскольку деревьев там не было, то не было у нас и дров, а поэтому огонь для приготовления пищи поддерживали крупной, сорной, высохшей травой и кустарником, а после того как стали молотить пшеницу, соломой. Как кроватей, так и стола у нас не было, а пищу готовили и ели по-азиатски, разложив на земле войлок, а на войлоке — широкое полотенце или доску.

На бинеме водилось очень много черных ядовитых змей, укусы которых были смертельны. Когда змеи кусали наших кур, куры, тяжело переболев, выживали, а люди от змеиных укусов, как правило, умирали. Пострадавшая курица во время своей болезни теряла все свои перья и слепла, а голова ее становилась опухшей и красной. Она, бедная, ходила, ударяясь об окружавшие предметы, и когда мы замечали таковую, то знали, что курочка где-то наскочила на змею. Через несколько дней у нее происходил болезненный перелом, и она обычно выздоравливала. Позже, по выздоровлении, постепенно возвращалось ею потерянное зрение, и она покрывалась новыми перышками.

Однажды я сидела на мешке с пшеницей, и когда слезла с него, то увидела, что по основанию мешок был обвит большой черной змеей. В таких случаях мы всегда кричали «змея», а родители немедля бежали с вилами и лопатами и этих страшных гостей убивали. Еще в начале нашего приезда был случай, когда наши убили змею, но голову ей не отсекли, а через некоторое время заметили, что она уползла. С тех пор, убив змею, наши всегда отсекали ей голову. Змеи там были большие и длинные, их длина часто достигала метра и двадцати сантиметров, хотя бывали и короче.

Жизнь людей бывает непредсказуемой, и человек в зависимости от обстоятельств может пойти на всякие опасности и жертвовать своим благополучием. Даже сейчас мне жутко вспоминать прошедшее, и мне кажется, что у каждого читающего невольно возникнет вопрос: «Как могли родители так устроить свою жизнь, подвергая себя и своих детей такой страшной опасности?» И мне кажется, что каждый человек с полной уверенностью скажет: «Нет, я ни за что такого бы не сделал». Не спешите судить, так бывает в жизни, и если приходится жить не так, как хотелось бы, то зачастую это происходит не по своему желанию, а просто жизнь человека так заставляет его жить. А что можно сделать, когда другого выхода нет? Вот и выходит, что в жизни нашей мы не так живем, как хотим, но как

получится. И сама-то я часто задумывалась над тем, как папа решился жить шесть лет так далеко от города, от русских и от церкви? Ведь он был музыкальным человеком, и как он, так и мама играли на нескольких струнных инструментах, а папа, к тому же, любил петь в церковном хоре и для церкви в большом количестве делал серебряные и медные крестильные крестики, а когда они заканчивались, его вновь просили их сделать. Как он мог от всего этого отказаться, удалиться в такую даль и глушь с семьей? Что бы они делали если б кто-нибудь из нас умер, не говоря уж о них самих? Летом по такой жаркой пустыне довезти умершего в город, чтобы отпеть в церкви, было бы немыслимо. Неужели похоронили бы где-то там, в горах, где застала нечаянная смерть? А зимой в метели по долине? В весенние и осенние грязные дороги, когда земля месилась под колесами? С этим я до сих пор могу с трудом смириться, и мне такой поступок моих родителей непонятен. Но без воли Божией ничего не делается. Видно, так было угодно Ему, чтобы мы все это испытали, и Он же сохранил нас всех и уберег от смерти.

Бывало вечерами сидим мы на бинеме у еще горячего очага, а небо чистое, звездное, и как же их было много, этих звездочек! Кто-нибудь из братьев в золе печет картошку. У меня два брата и оба постарше меня. Старшего звали Колей, а второго Сашей. Сестер у меня, как и братьев, тоже две, из них самая старшая в семье Варя и младшая Валя, она же была самой маленькой в семье, а я на два года постарше Вали. Мы, две последних, так вместе и выросли, и хорошо что нас было двое, а не одна. Так вот, у горячего очага сидим мы и изучаем усыпанное мерцающими звездами чистое небо, а кто-нибудь, указывая на него рукой, начинает:

— Вот это Большая Медведица, а это Маленькая, а вот ковш. Посмотрите, как он походит на ковш, и ручка есть.

Выплывет полная луна из-за горы со своими теневыми изображениями, а кто-нибудь, обратив внимание на нее, скажет:

— Это брат брата на вилы поднял.

— А зачем он его на вилы поднял?

— Ну посмотри, очень похоже. Это, наверно, Каин Авеля поднял.

— За что?

— Ни за что. Ты еще маленькая, чтобы все понимать. Когда вырастешь, тогда и узнаешь.

А иногда по небу плывут пышные кудрявые облака. Смотришь на них и чего только там не увидишь, и опять кто-нибудь начнет, вообразив какую-нибудь картину:

— Смотрите, вон морда, точь-в-точь собачья.

— Где?

— Да вон, видишь ту длинную тучу, а рядом с ней кудрявая, так другой ее край, что подальше.

— А я вижу человека. Смотрите, и рот, и глаза. Вот уже и расплылся, пока вы его искали.

Пороется Коля в огне, вынет картошку, разломит кое-как горячую и поделит всем. А картошка такая душистая да вкусная, и мы ее с удовольствием уплетаем, не снимая кожуру. Так и вечер пройдет, и мы, забравшись в свой шалаш на разостланную общую постель, мгновенно засыпаем.

Утром, проснувшись, мы умываемся водой из кружечки, и начинается новый однообразный день. Воды у нас близко не было, и поэтому за ней ездили к ближайшему роднику, а вода в родниках там была очень чистая и вкусная, но очень холодная.

В то время, когда мы жили на бинеме, папин брат Алеша с семьей жил в Мазарке. Вероятно, папа с ним решили вместе там строить мельницу, но это только мои догадки, а как было на самом деле, я не знаю. Как бы то ни было, но оба брата с семьями оказались оторванными от города, от церкви и от русского населения.

Однажды вечером дядя Алеша, пробираясь по бинему к нам, заметил неторопливо едущего казаха и решил его попугать. Он засел за кустарник и завыл по-волчьи. Видимо, имитация хорошо ему удалась — казах припустил и ускакал без оглядки. Долго после этого наши, вспоминая, смеялись над этим ребячеством.

Дядя Алеша вообще был очень общительным человеком, любил детей и играл с ними, а дети его просто обожали. Рассказывали, как однажды, нечаянно толкнув какого-то уйгурского или казахского ребенка, он схватил его на руки и стал целовать, несмотря на то, что у ребенка был грязный и сопливый нос. Когда он жил в городе, то каждое воскресенье его дом был полон людей, которых он радушно принимал, а жена его в такие дни готовила обеды и для посетителей.

Когда наши закончили уборку урожая, мы двинулись на место нашего будущего жительства, т. е. в Мазарку. Вообще-то Мазарка была совсем не далеко от бинемов, и, как мне кажется, нас разделяло расстояние всего часа в два ходьбы. Но прежде чем попасть в Мазарку, надо было пройти или проехать меж тех некрутых гор, на которых росли бинемы, после чего неожиданно для взора открывалась особенно интересная картина, когда дорога вдруг выходила высоко в горах над большим ущельем и, круто повернув вниз под откос, начинала спускаться. Высота склона, на вершину которого мы тогда вышли, не была высотой обыкновенных гор; нет, это была высота, измерявшаяся, вероятно, не сотнями, а тысячами метров. Проход,

по которому шла наша дорога, был единственным между отвесных скал, растянувшихся, как венцы, во всю длину горного ущелья. Вырвавшаяся из тисков каменистая наша дорога пошла вниз по косогору зигзагами, а перед нашим взором открылся вид на большое и очень глубокое ущелье, по основанию которого далеко внизу, меж зелени, извивалась река. По другую сторону реки на возвышении западного склона ущелья растянулось небольшое плато, а по нему были разбросаны дома уйгурского селения. Это-то и была наша заветная, так много о себе оставившая в памяти, Мазарка. Напротив селения поднимались горы, отделявшие Россию, а в то время Советский Союз, от Китая. С бинемов вечерами и ночами были видны фары автомашин на советской стороне, начинавшейся неподалеку от другого склона нашего ущелья.

Так как плато, где расположился поселок, состояло из двух небольших равнин, селение растянулось на верхней из них в одну улицу, в конце которой стояла мечеть и школа. Чуть пониже, как бы на другой равнине, находились земляные стены разрушенных домов. Вероятно, когда-то там было больше населения, но какая-то стихия или война часть его уничтожила вместе с жилищами. На самом краю нижней равнины, около дороги, стоял один целый дом, в котором тогда жил дядя Алеша с женой, а в летнее время и с детьми (зимой их дети учились в школе в Кульдже).

Та дорога, по которой мы шли, спустившись вниз, пересекала мельничный арык, затем шла по мосту через реку и, обогнув дом дяди, поднималась по западному косогору, тянувшемуся по-над ущельем к вершине. Спускавшаяся со склона горы дорога была слишком крутой, и нашу повозку мы оставили на бинеме, а сами все шли пешком. Спускаться с вершины было нелегко, но спустились благополучно и вскоре оказались в доме папиного брата.

На короткое время нас приютили в том же доме. Мы жили в комнате, которая служила им кладовой, а скот, собаки и куры, как наши, так и их, находились в общем дворе. У дяди тогда была большая желтая с белыми пятнами собака, которую звали Лыской, а у нас — тоже большая, но только совершенно черная собака, та самая что когда-то сама к нам пришла и осталась у нас жить, и ее мы звали, как я уже упомянула, Черным. У дяди был дикий козлик, выросший в домашних условиях, а у нас баран. Бывало раздерутся между собой собаки, а козел и баран, представляя замечательную сцену, встают один по одну, а другой по другую сторону дерущихся и, как бы заступаясь за свою собаку, тот и другой грозно топают о землю передними ногами.

Недалеко от дома дяди через несколько развалин тогда находился еще один неповалившийся домишко, хозяин которого —

уйгур — нам позволил поселиться в нем на зиму. Опять мама начала там работать, устраивать, лепить и мазать. С помощью папы она в одном углу комнаты выложила из земляных кирпичей лежанку, которую мы почему-то называли канью[2], а внутри ее проложила зигзагами обогревавшую зимой лежанку трубу. Мы, детвора, потом на ней всегда сидели, а ночами на ней же и спали. В другом углу нашей комнаты стояла деревянная кровать, а у окна стол с моей любимой скамейкой, которая приехала с нами. В одном конце кани, поближе к двери, был выложен очаг с вмазанным в него казаном, в котором готовилась наша пища. Все помещение состояло из одной комнаты с земляным полом, на котором под кроватью хранились от мороза картофель и морковь, и узеньких сеней, ведущих с одной стороны во двор, а с другой — на улицу.

Во дворе находились наши скот и куры, за которыми ухаживал папа с помощью Коли и Саши. Прибежит, бывало, Саша в комнату к маме и начинает жаловаться на Колю: «Мама, я ему это, а он мне это, я ему не это, а он мне это», — повернется и идет обратно на двор довольный тем, что пожаловался на непослушного брата. Позже мама, вспоминая, смеялась над его жалобами.

К тому времени мне исполнилось пять лет, и я помню, как мне хотелось иметь юбку, не понимая того, что маленьким девочкам не шьют юбок, потому что у них нет талии, а юбка человеку без талии не подходит. Мне так ее хотелось иметь, что даже не раз видела сны о том, что мне подарили юбку, и я очень радовалась, но недолго, так как в этот момент всегда просыпалась, может быть, от необычайной радости и, попав вновь в реальную жизнь, с грустью понимала, что это всего лишь сон. Этому мне никак не хотелось верить, я была в таком подавленном состоянии, какое можно сравнить с тем, когда что-то найдешь очень ценное и тут же потеряешь. Правда, мама нам в ту зиму сшила новые голубенькие платьица, однако я платью не радовалась: во-первых, потому что это было платье, а не юбка, а во-вторых, оно было сшито из самого дешевого, толстого и некрасивого материала.

Как мне помнится, у нас тогда была какая-то толстая книжка, вероятно история, которую мы часто листали, смотрели картинки и о них спрашивали. Но из всех мне больше всего почему-то запомнился портрет Сталина, о котором мама говорила, что он безбожник, и что он сделал очень много злого. Слушая ее, мне его было очень жаль, и очень мне тогда хотелось, чтобы он был хорошим человеком. Когда же мама говорила о грешниках и праведниках, то я всегда думала, что я обязательно буду с праведниками.

---

[2] Кань — сделанная из кирпичей лежанка.

Пришла к нам однажды тетя, жена дяди Алеши, а поскольку она была учительницей, то мама ее и спрашивает:

— Как ты думаешь, Нина, не повредит ли Кате то, что она рано начала читать?

А тетя маме отвечает:

— Если она читает без принуждения, то не повредит, а заставлять читать в таком возрасте, конечно, не надо.

Я сидела и слушала, что они говорили да, как говорится, на ус мотала.

Когда мама готовила вареники или пельмени, то все ей помогали, и мы, младшие, тоже. Вначале у нас не выходило, но потом так научились, что лепили не хуже других.

Зимой кто-то научил Колю сделать ледяную гору для катания, а вместо санок — обледеневшую тарелку из свежего коровьего навоза с вмерзшей в нее веревкой. К сожалению, уклон горы был по направлению к отвесному берегу реки и кататься оказалось очень опасно. Прокатившись несколько раз, мои братья катанье свое забросили, а мы с Валей на ледяную гору даже и не посмотрели, так как на улицу всю зиму мы и носа своего не показывали, но я видела ледяную тарелку с веревочкой.

Шел 1947 год. Русские люди в Кульдже чувствовали, что уже надвигается коммунизм и на Китай, и поэтому многие стали собираться ехать дальше. Они двинулись на восток к городу Шанхаю с тем, чтобы в случае необходимости можно было уехать из страны за границу. Среди собиравшихся был и дядя Алеша с семьей, и он предлагал папе поехать с ними, но папа почему-то отказался. По моему, дело уж было к весне, когда дядя Алеша с женой и всем своим имуществом, распростившись с папой, уехал в Кульджу, а мы так и остались в Мазарке, но теперь остались одни. После той разлуки нам не суждено было больше встретиться с дядей Алешей, поскольку он в Америке довольно рано умер, но с семьей его мы лет через двадцать или двадцать пять встретились.

После того как дядя Алеша возвратился из Мазарки в Кульджу, он узнал, что некоторые русские люди собирались ехать в Шанхай. Не долго думая, он тоже нагрузил продуктами бричку и вместе с семьей двинулся к Шанхаю. Понятно, что на бричке быстро не уедешь, но они, не спеша, продвигались по Китаю все дальше и дальше. Папа, конечно, мог бы и не знать, где и как они, если бы не приходили редкие известия от людей, случайно встречавшихся с ними в пути. С большими трудностями и продолжительными остановками, на бричке и другом транспорте им удалось осилить длинную дорогу. Добравшись до Шанхая благополучно, они прожили там некоторое

время, и перед самым приходом коммунизма им разрешили вместе со всеми другими русскими выехать из Китая. Под руководством Владыки Иоанна Шанхайского (Максимовича) город был оставлен русскими, отправившимися в свое очередное странствование с остановкой на Филиппинском острове Тубабао. Как мне потом рассказывали, люди разместились в палаточном лагере и прожили там два года, не имея возможности никуда выехать. Хотя на Филиппинских островах очень часто бывают тайфуны, приносящие большие бедствия местным жителям, однако благодаря молитвам святителя Иоанна во время пребывания там русских не было ни одного стихийного бедствия. С большим трудом русским удалось добиться въезда в Соединенные Штаты Америки, и они прибыли в Сан-Франциско большой группой и остались там жить. Позже к ним возвратился и их пастырь и ходатай перед властями епископ Иоанн, который потом стал называться как Шанхайским, так и Санфранцисским. Между прочим, и мы в чем-то обязаны тому Владыке, так как нам и другим русским, рассеянным по Китаю, в будущем, после этих происшествий, посчастливилось выехать только благодаря его ходатайствам. А в Сан-Франциско, как мне говорили, поселилось около сорока тысяч русских, бежавших через Европу и из Китая.

Грустно вспоминать, но оставшись в Мазарке одни, наши стали устраивать свою жизнь по-другому, поскольку нам предстояло там жить еще долгое время. Помню, как пришли мы в дом дяди Алеши, в котором ничего не осталось, и лишь какие-то ненужные маленькие вещички валялись то на полу, то на русской печке или где-нибудь в уголке. Почистила мама комнату, и мы перешли в нее жить. Весь дом тот состоял из двух больших комнат, соединенных довольно широким коридором, в котором, как мне помнится, летом спали сыновья дяди, а у нас он превратился в сени, которые зимой никогда не отапливались, и где лежало все, мешавшее в комнате. Комната, что была на противоположной стороне от жилой (в которой мы временно жили по нашем приезде), стала служить кладовой, и там чего только не было. Полы во всех комнатах — земляные; битые из земли стены обмазаны глиной и побелены известкой. Потолок состоял из главной балки, от которой расходились в стороны жерди, а на них лежали берданки. Так как комнаты были большого размера, то посередине стояли толстые столбы, по одному в каждой. В комнате, в которой мы решили жить, пол был устроен в двух уровнях, как обычно устраивали свои жилища уйгуры: при входе в комнату часть пола квадратной или прямоугольной формы находилась на уровне нижней части двери, а весь остальной пол был приблизительно на сорок сантиметров выше. С левой стороны у стены на возвышенном полу

стояла русская печка так, что к ее отверстию был подход с нижнего уровня пола. Почти рядом с русской печкой, в том же ряду в возвышенном полу был устроен очаг с вмазанным в него казаном. Из очага труба шла в верхнем полу через всю комнату, затем в стене поднималась вверх и через крышу выходила на улицу. Таков был уйгурский способ отопления комнат.

Удобство такого устройства заключалось в том, что верхний пол был теплым зимой, а для уйгур это являлось необходимостью, так как у них не было никакой мебели, кроме низкого маленького столика. Короче говоря, они жили на полу. На возвышенной части комнаты у них всегда был разостлан большой войлок, скатанный из серой или коричневой шерсти, иногда с белыми узорами. Спали все на этом войлоке, стеля постель, которую каждое утро женщины аккуратно сворачивали и складывали у стены столбцом. Ели они за маленьким низким столиком, сидя на верхнем полу, подвернув под себя ноги. На ту часть пола, как правило, в грязной обуви не поднимались, а ее снимали внизу; мужчины зимой поднимались в своих ичигах[3], на которые при выходе на улицу они просто одевали верхнюю обувь. Таким образом, вся грязь и мусор оставались на нижнем полу. В летнее же время дети и взрослые ходили босиком и, не обмывая ног, поднимались на верхний пол. Надо признать, что их женщины были чистоплотными и на дню несколько раз подметали пол как в своей комнате, так и на дворе.

Не у всех уйгур была возможность иметь обувь и ичиги, а нередко их мальчишки ходили по снегу босиком, чему мама всегда, удивляясь, говорила: «Как они могут так ходить по снегу?»

Некоторые же семьи живших там уйгур были богатыми. У них стояли большие хорошие дома, а у мужчин, как положено у мусульман, было по несколько жен. Однажды из такой богатой уйгурской семьи нам принесли послушать патефон с русской пластинкой, на которой мужчина пел: «Ты постой, постой, красавица моя!» и «Выходила на берег Катюша», при исполнении которой я смутилась, так как пелось, как мне казалось, обо мне.

Уйгуры очень любили пить черный чай с хорошо прокипяченным молоком и солью, а если у них было еще и сливочное масло, то и оно попадало туда же. К такому чаю надо привыкнуть, и когда его хорошо распробуешь, то он действительно кажется очень вкусным, несмотря на то, что с первого раза он никому не нравится. Для чая употребляли довольно широкие и глубокие чашки, предварительно набросав в них наломанных кусочками уйгурских лепешек, и потребляли его как суп, но без ложек, а просто через край чашки. Чай

---

[3] Ичиги — валеная обувь, которая носится вместо носков.

с молоком для них был роскошью, и многие такого себе позволить не могли, но и в таких случаях его подсаливали и пили с брошенными в него кусочками хлеба. Ели они три раза в день, причем два раза пили чай с лепешками, а на третий раз готовилось что-нибудь горячее. Несмотря на то, что в большинстве своем они были не богатыми, а бедными, пищу готовить умели хорошо, и часто из ничего приготавливался вкусный обед или ужин, который проглатывался нами, когда бывали такие случаи, с удовольствием. Для отопления и варки пищи они пользовались, чем придется: дровами, соломой, сорной травой или кизяком. Кизяк делался из коровьего навоза, смешанного с мякиной или мелкой соломой и высушенного лепешками на стенках заплотов. А делалось это так: предварительно сделав месиво из сырого навоза с мякиной или соломой, брали его руками колобком и, размахнувшись, с силой ударяли о стену, где он разбивался в лепешку. Когда такие лепешки высыхали, их со стен снимали и складывали в кучи под навесами, а потом ими пользовались как топливом. Но, надо сказать, что в процессе горения кизяк выделял очень много дыма и горел довольно плохо, поэтому его сжигали при крайней необходимости.

Около Кульджи с топливом было легче, поскольку угольные шахты находились от города недалеко, да к тому же вокруг них лежали горы мелкого угля, который можно было брать бесплатно, было бы на чем везти. Но не так обстояло дело в отдаленных местах, где с топливом было труднее, несмотря на то, что на склонах гор сухих еловых дров лежало сколько угодно. Так вот и в Мазарке до дров добраться и их привезти было не так-то просто.

До коммунизма уйгурские женщины были домохозяйками, и поэтому к ним часто приходили то их родственницы, то соседки, то подружки, и они подолгу сидели и пили чай. Материально, как везде и всегда, люди были обеспечены по-разному, но даже самые бедные, если не имели молока к чаю, без заварки обойтись никак не могли. Если почему-либо они не выпивали чая утром, то к обеду у них начиналась головная боль, и они вынуждены были лечиться чаем, после которого головная боль затихала. Хозяйки утром, как правило, чай пили долго и, в конце концов, оставшуюся заварку брали в рот и, тщательно прожевав ее, выбрасывали в мусор.

Когда мы стали жить в доме дяди Алеши, то в нашей комнате на возвышенном полу стояли три деревянные кровати, стол между двух окон, над столом висели стенные часы и отрывной календарь, листки которого мы не отрывали, а поднимали. Им мы пользовались из года в год, причем поднимать календарь каждое утро было моей и Валиной обязанностью на соревнование, кто первый. Почему-то

дату я всегда хорошо помнила, и папа обычно обращался ко мне, когда хотел узнать какое сегодня число. Там же, на стенке, у нас была картина густого леса и мне очень хотелось побывать в таком лесу.

Моей и Валиной обязанностью было также каждое утро подметать пол в комнате. Поскольку пол у нас был земляной, то, чтобы не поднималась пыль, мы вначале его поливали водой и только потом подметали. Как и сколько лить на пол воды мы, конечно, хорошо знали — лили воду из чайника красивыми зигзагами, и весь пол покрывался рисунками из потемневших от воды линий. Веники делали сами из особого сорта полыни, которой там росло много. Однажды у нас остановился переночевать один русский, а утром, когда мы стали подметать в комнате пол, ему это так понравилось, что, не скрывая, сказал, что у себя дома установит такие же правила.

Другая часть комнаты, что была при входе и с низким полом, нам служила кухней. Там у нас стоял длинный стол со скамейками, и очаг с передней частью русской печки выходил туда же. Сверху в очаг был вмазан казан, а сразу за очагом шедшая горизонтально труба сверху была покрыта вмазанной железной плитой, которая при топке, быстро нагреваясь, давала тепло всей комнате. Часто зимой она нагревалась докрасна, и на ней закипала вода, а вообще кипяток для чая мы нагревали в казане. Теплое сухое место вокруг плиты в зимнее время нам служило также для просушки портянок и обуви. Топливо было разнообразным: зимой, обыкновенно, дерево, а осенью жгли солому, а иногда, правда очень редко, употребляли и кизяк. Когда варилась пища на соломе, кто-нибудь из нас сидел около очага и подбрасывал ее палочкой, пока еда не была готова.

Из-за того что мы всегда были связаны с мельницей, у нас были не только собаки, но и одна или две кошечки, чтобы они ловили мышей; а поскольку в нашей кладовой всегда хранились не только мука, но и пшено, и отруби, и другие злаки, — мыши заводились очень быстро. Собакам никогда не позволялось входить в помещение, тогда как кошечки зимой жили в доме и могли свободно выходить и входить через специально сделанное для этой цели в окне отверстие с дверкой, открывавшейся в обе стороны.

Одно время в нашу мельницу зимой каким-то образом стали влезать дикие кошки, а когда приходил папа или Коля, то они на них страшно кричали. Помню, как Коля, придя домой, рассказывал о своей с ними драке. В конце концов, убив несколько кошек, он кое-как их смог оттуда выжить.

Нас двоих, самых младших, мама почему-то никогда на улицу не пускала, и мы всю зиму сидели в комнате. Каждый год в морозы у нас появлялись маленькие телятки, иногда один, а иногда и два,

и три. Они в комнате всегда были на привязи, а когда их отпускали, то они начинали бегать вокруг и резвиться, и поэтому мы их старались не отпускать.

Так как Мазарка находилась высоко в горах, зимой на улице всегда стояли сильные морозы. От нечего делать мне и Вале иногда хотелось выглянуть наружу через стекла окон, но они были так разрисованы морозом, что не было ни кусочка чистого стекла. Какой только красоты там не было! В иных стеклышках виднелся дремучий лес с ясно вырисованными стволами деревьев, а в других дорога, отходящие от деревьев ветки, четко выделяющийся сук, и разной формы с всевозможными узорами листья. В каждом стеклышке своя, не похожая на другие, картинка. Где бы мы ни жили потом, в замерзших окнах я больше нигде такой красоты не видела. Через такие окна мы даже и на улицу не могли выглянуть, и поэтому начинали на них дуть до тех пор, пока не появлялось маленькое отверстие, через которое потом выглядывали и рассматривали все окружавшее.

А на улице жизнь шла своим порядком: то наши гнали скот на водопой, то кто-нибудь нес на гору в ведрах воду, или округлившийся от хорошей пищи и без работы наш Гнедко, освободившись от привязи, разминая свои отдохнувшие ноги, бегал по косогорам и резвился. Во двор у нас окон не было, и поэтому мы там ничего не могли видеть, но знали, что там у нас бегали курочки, ходило по двору стадо гусей, а собаки где-нибудь в сарае, свернувшись комочком, дремали. Курятник, конечно, не отапливался, но куры как-то выносили такие сильные морозы. Правда, на ночь курятник запирался, и, вероятно, выделявшегося от них самих тепла курам было достаточно, а «одетые» в пух гуси мороза не боялись: то они расхаживали по двору, то сидели где-нибудь своим стадом или шли к реке, а иногда просто спали на дворе. Однажды, когда я была во дворе, сердитый гусак побежал за мной и, вцепившись в мое платье клювом, стал меня бить своими сильными крыльями. Как же они не любят детей! Тогда меня кто-то из взрослых выручил, а мама, рассердившись, через некоторое время того гусака заколола, и мы его, бедняжку, съели.

Управится, бывало, мама к вечеру, сядет и возьмется за шерсть. Мы все ей помогаем теребить, а мама сидит и прядет на пряхе нитки для носков, чулок и теплых рукавиц. Папа любил вечером сесть за стол и что-нибудь прочесть, часто вслух, так, чтобы и мы могли его послушать. Освещение было очень примитивным, и хорошо, если был керосин, чтобы налить его в лампу, а не то жгли в чашечке фитилек с кусочком сала, то есть коптилку, и такое приспособление у нас называлось по — уйгурски «чираком». В комнате было и без того тускло, а когда папа сидел за столом с книгой, которую обыкновенно ставил

вертикально за лампой или чираком, в ней становилось еще темнее. Но мы, привычные к такому освещению, этого не замечали, и нам казалось, что так и должно быть. Иногда мама требовала, чтобы папа работал и вечером, она не любила когда он сидел с книгой. Не раз мы от нее слыхали: «Ваня, ты опять с книжечкой?», «И все он с книжечкой сидит» или «До каких пор ты будешь сидеть с книжечкой?» А иногда они начинали вспоминать прошлое, кто-нибудь из них брал гитару, другой — балалайку, и вдвоем начинали играть, а мы, притихшие, сидели и слушали. Или они начинали петь красивые русские и украинские песни. Песен они знали много, некоторые из которых выучили и мы и позже стали петь с ними. Вспоминая, мама начинала считать сколько танцев она умела в молодости танцевать и насчитывала их около пятнадцати, а папа был не из танцоров. Они оба могли играть и на гитаре, и на балалайке и, мне кажется, еще и на мандолине, но мандолины у нас не было.

Зимой в комнате всегда было тепло, топливом служило еловое душистое дерево. Закажет, бывало, папа за какую-нибудь плату казахам привезти сухую ель, смотрим, нам и притянут огромный ствол, привязав его к лошади. Распилят его на улице на довольно большие кряжи и, притянув один из них в комнату, папа начинает с ним разделываться с нашей помощью. У нас была большая пила с двумя ручками, так за одну из них папа брался сам, а другую просил взять меня или Валю, и мы пилили с передышками. Трудно себе представить четырех или шестилетнего ребенка, сидящего за большой пилой, из-за которой его и самого не видно, но это было именно так и не ради развлечения. Не знаю, как у нас получалось, но все-таки мы папе помогали, если не силой, то хотя бы уж тем, что придерживали пилу, отчего она двигалась ровно. Потом отпиленные чурки папа начинал колоть на дрова, и тоже сколько это требовало сил, уменья и догадки, но зато потом как хорошо желтое дерево горело с приятным треском и запахом!

Иногда папа приносил в комнату дерево для полозьев саней и начинал их обтесывать топором, затем чистил поверхность рубанком и выдалбливал в них нужные углубления, а мы сидели и внимательно наблюдали, что он делал, расспрашивая его обо всем. Время от времени он просил что-нибудь ему подать, принести или подержать и начинал перечислять имена всех своих детей, пока не называл правильное имя.

Когда мы приехали в Мазарку, у нас не было корыта для стирки белья, и мама должна была стирать в большом тазу, что очень затрудняло работу, поэтому папа решил ей сделать корыто из дерева. Прикатил он в комнату распиленный напополам еловый чурбак

и занялся работой. Постепенно вытесал в дереве большое углубление, затем обтесал снаружи так, что ствол стал походить на настоящее корыто с выступающими наружу краями, за которые можно было браться. Долго оно потом нам служило, и при наших переездах нам сопутствовало.

Каждую зиму папа что-нибудь делал из дерева, и поэтому у нас на нижнем полу всегда были опилки, стружки, щепки и всякие чурки. К вечеру все подметалось и мелочь сжигалась, а на следующий день повторялось то же самое. Он часто вытесывал деревянные полоски для кадок различной величины, которыми потом пользовались как для засолки овощей, так и для хранения муки, пшеницы, отрубей и пр. В кадке же у мамы поднималось и тесто, а после того, как она его выкатывала на листы, мы должны были счищать ножом оставшееся на краях тесто, из которого потом получалась небольшая булочка — «поскребок». Почистив кадку от теста, мы с Валей должны были ее мыть.

Одно время Коля тоже решил заняться деревом и сделал табуретку, чтобы украсить наше скромное жилище, а когда она получилась превосходной, то он решил сделать и вторую. Потом долго они нам служили, а переезжая, мы их всегда возили с собой.

Несмотря на свою занятость, папа любил иногда забавляться разными машинками и электрическими динамками. Надумает он развлечь нас, принесет в комнату одну из электрических динамок, захватит провода, лампочки и, присоединив все, начинает крутить рукой динамку, а лампочка и загорится. Да беда в том, что пока папа или кто-нибудь из нас крутил динамку, лампочка горела, а как только переставал, она гасла. Уж очень папе хотелось установить электричество на мельнице, используя силу воды, но времени для этого так и не нашлось.

Первое время у нас не было игральных карт, но потом они появились, и мы ими стали иногда развлекаться. Я любила играть в дурачка только, если я выигрывала, а когда оставалась дурочкой сама, то мне было обидно до слез. Не правда ли интересно, как самолюбие вселяется в человека еще совсем в детском возрасте, или, вернее сказать, человек с ним рождается. Самолюбие само по себе не имеет разума, но имеет власть над разумным человеком. Оно его мучает, угнетает и тревожит, а откуда исходит — непонятно. Это как бы постороннее бестелесное существо, живущее в человеке, имеющее доступ к человеку, и требующее удовлетворения. Это как прицепившийся к телу паразит и им питающийся, и если бы тело смогло отказать тому паразиту в пище, то он погиб бы от голода. И в то же время это существо невидимое, с которым не поборешься в рукопашную, — это духовный паразит.

Когда мама была еще молоденькой, кто-то ей объяснял, что значат выпадавшие карты при ворожбе. Сама она никогда не ворожила, и в это не верила, а тут возьми и расскажи нам, что значат выпадавшие при ворожбе карты. Я же, выслушав ее, начала пробовать, и у меня стало получаться, то есть я стала читать карты. Помню, как однажды после папиного отъезда в Кульджу он долго не возвращался, и мы стали беспокоиться, не случилось ли чего с ним в дороге. Я обратилась за помощью к картам, потому что уже почувствовала, что там есть какая-то сила. Разложила я их, а они мне говорят, что все в порядке, и он в пути. Вскоре папа благополучно возвратился домой. После того случая я карты больше никогда не раскладывала, так как поняла определенно, что там есть какая-то сила, а что сила эта не от Бога, я уж поняла из разговоров взрослых.

Однажды перед весной надумал Саша покататься на санках. Увел он двух еще не больших бычков вниз под гору к мельнице, запряг их в санки, сам сел на санки и поехал. Бычки же, почувствовав себя в непривычном положении, да еще что-то тянущееся за ними, бросились бежать, да с такой быстротой, что дорогой неизвестно сколько раз и как вся поклажа переворачивалась, и помню, когда бычки влетели во двор, то санки были перевернутыми, Сашины ноги где-то зацепились в санках, а сам он животом вниз летел по снегу за санками. После такого удовольствия он больше никогда на бычках не катался.

В одну из зим прицепилась к папе какая-то странная болезнь, от которой у него болели все головные кости. Болезнь эта продолжалась очень долго — около двух или трех лет, и он, бедный, каждую зиму от нее очень мучился. Мама сшила ему шапку из бараньего меха, такую, что она закрывала ему всю голову с шеей и ложилась даже на плечи. Если бы только дома быть при такой болезни было бы еще сносно, но папу необходимость заставляла иногда зимой ездить в Кульджу, что больному было очень трудно. Он не раз обращался к врачам, но они не могли определить его болезни, и поэтому не могли ему помочь. Папе оставалось одно — просто смириться и безропотно нести свой недуг. Позже в Кульдже, когда мы, то есть учащиеся, уже жили там, кто-то из знакомых посоветовал ему пойти к китайскому доктору, лечащему корешками и травами. Сходил наш папа к нему, принес каких-то корешков, заварил, попарил по докторскому совету, выпил и сразу же почувствовал облегчение, а после двух или трех таких приемов совсем вылечился и про болезнь забыл навсегда.

Одной из зим по государственному назначению приехали в Мазарку люди, чтобы привить проживающих там детей от оспы. Наши повели и нас в уйгурскую школу, где делались такие прививки, и нам

там поцарапали руки, а пока мы вернулись домой, я почувствовала себя нехорошо и вскоре совсем свалилась. Когда я заболевала, то вообще всегда болела очень тяжело, так и в тот раз у меня появилась высокая температура, я бредила, металась и мучилась. Вероятно, если бы мне не привили оспу, то я ей заболела бы.

Когда мы жили в Мазарке, мне почему-то часто ночами снились нападавшие на меня собаки, причем всегда кончалось тем, что я зажимала кулак и, защищаясь, кулак всовывала собаке в пасть, после чего просыпалась от страха с бегавшими по всему телу мурашками, а особенно по пяткам. А однажды, когда мне было около шести или семи лет, мне приснилось, будто я лежала на спине в нашей комнате на кровати, и кто-то вошел в дверь с большим кинжалом в руках. Подошел он ко мне, поднял надо мной обеими руками кинжал острием вниз и стал опускать его прямо мне в грудь, но тут я проснулась опять-таки со знакомыми мне мурашками по всему телу. Когда я росла и позже, уже взрослой, не раз я над тем сном задумывалась и всегда удивлялась тому, как мой детский ум мог вообразить себе такую реальную картину, когда ничего подобного в окружавшей нас жизни не было? Приснившийся кинжал был довольно широким со сходящим на нет острием, а лезвие тянулось во всю длину по обеим его сторонам, тогда как середина была довольно толстой. Книг у нас, можно сказать, не было, если не говорить о какой-то географии, истории да детской книге про медведя и папиной Библии. Правда, позже папа привез нам необходимую книгу о пчеловодстве, по которой Коля научился обращаться с оставшимися после отъезда дяди пчелами. Дурных разговоров у нас никогда не велось, кстати, надо сказать, что в нашей семье никто не курил, и никогда не употреблялись плохие слова. Однажды, играя с Валей, я заглянула под разостланный на полу войлок, увидела там находившуюся Валю и вдруг сказала «чертик», так за это получила от мамы выговор и наказ, чтобы никогда этого слова в разговоре не употребляла. Тут явился для меня удобный случай упомянуть и то, что это слово я узнала не из разговоров, а где-то вычитала в нашей, видимо, детской книжонке о медведе, напечатанной в Советском Союзе. Водки в доме у нас не водилось, и папа никогда не бывал в кабаках, а если и выпивал иногда крепкого, то только с гостями, но никогда не напивался допьяна, а о маме и говорить нечего, она даже и в гостях не пила крепкого.

Приятно вспомнить, как мы готовились к праздникам Рождества Христова и Пасхи. Перед праздниками старшие постились, и мне тоже очень хотелось, но старшие не разрешали, говоря, что слишком еще мала, детям надо хорошо питаться, так как они растут. Конечно, поститься было очень трудно, так как вся наша пища

состояла из молочного, да и молока часто не бывало до тех пор, пока не телилась какая-нибудь из коров, что случалось как раз в зимнее время. Постящиеся ели хлеб с водой или муку из поджаренной кукурузы, смешанной с водой или иногда с медом, — это кушанье взрослым не нравилось. Овощей много у нас не засаливалось, поскольку помидоры не выспевали, а кроме помидоров там могли расти только картофель, лук и морковь. Да к тому же без жиров кислым тоже очень трудно питаться.

Перед самым праздником мама пекла пряники, сладкие пироги, сдобные булочки. Готовясь месить тесто, она открывала наш единственный небольшой ящик, находила в нем сумку с сахарным песком, а мы двое заглядывали как в ящик, так и в сумку с сахаром. Посыплет мама нам каждой по ложечке сахара, это было два исключительных раза в год, когда мы его пробовали. Запомнился мне исходивший от него приятный запах и особенный вкус. В последний вечер перед праздником все ложились спать, а мама начинала смазывать пол в комнате глиной, смешанной с водой, а для крепости и с коровьим навозом. Просыпаешься на следующее утро, вокруг все чисто и очень приятно, чувствуешь, что по-настоящему пришел праздник. В такие дни мы одевались в лучшие одежды, помолившись, пели тропарь и кондак праздника и начинали весело разговляться.

Иногда собирались мы все вместе — я с Валей и два брата — то играли в карты, то рассматривали географию, а Коля, найдя в ней дикого папуаса, указывал на него и говорил мне:

— Это ты. Смотри, у него такие же волосы, как у тебя.

Волосы у меня натурально кудрявые, ложились волнами и закручивались в локоны. А впрочем, кто знает, может быть, когда они не расчесывались по несколько дней подряд, так и действительно были как у непричесанного, полураздетого дикого папуаса? Мой брат любил надо мной подсмеиваться, но я не чувствовала обиды и не сердилась.

Когда было еще холодно, и на двор прилетали только воробьи да белогрудые сороки с галками, чтобы полакомиться пшеном, как же мне хотелось поймать серенького воробушка, но для меня его так и не поймали. Уж потом, вспоминая, я думала: «Как хорошо, что его мне тогда не поймали, а не то убитый страхом воробушек мучился бы в моих руках, тогда как мне было бы приятно им забавляться». На горах Мазарки было много рябчиков, так вот их Коля иногда ловил сеткой и приносил домой. Мясо рябчиков напоминает домашнюю курицу и мама готовила из них необыкновенно вкусные блюда.

С приближением весны на улице становилось теплее, и мама все чаще и чаще разрешала нам выходить во двор. Помню, как яркое

солнце освещало наш сеновал, по которому лазали куры в поиске места для гнезда. Они в то время уже начинали нестись и несли яйца всюду, где находили подходящее место, несмотря на то, что в курятнике были наделаны для них гнезда и в каждом лежало по яйцу для приманки. Часто в сене находили гнезда, уже полные яиц, а иногда и с наседкой. Так вот ранней весной нашей работой было следить за такими проказницами и каждый день собирать яйца. Кроме куриных яиц мы также собирали и гусиные, которых бывало немного, и поэтому с ними надо было обращаться бережно и хранить их для вывода гусят.

С потеплением от тающего снега начинали бежать ручейки, приятно напевая песенку, всюду на крышах появлялись прилетевшие ласточки и разные другие птицы со своими песенными разговорами. Весна там бывала лучшим временем года. Как только начинал таять снег, с каждым днем становилось все теплее и теплее, а сколько было там тихих солнечных дней! Не успевал с земли сойти снег, как из ничего появлялись первые цветочки и сразу же, без малейшего промедления, земля покрывалась мягкой зеленой травой. Настроение весной у всех было живое и веселое.

Местами большие полосы снега долго не могли растаять, и мы любили бегать по спрессованному снегу, играя в догонялки, а особенно было интересно догонять Сашу. Он рос тонким и высоким, а когда бегал, то путался своими длинными ногами и падал, а нам это нравилось, так как было смешно, к тому же, мы его могли легко догнать.

Все окна нашего дома выходили на юг, где вдали, в изголовье раздвигавшегося ущелья, синели высокие снежные горы. А поблизости из окон были видны наша мельница, мельничный арык, местами покрытая роскошными деревьями зеленая равнина, по которой протекал арык, а дальше, меж деревьев, текла речка. На той же равнине за мельничным арыком находился наш довольно большой огород. У самой стены нашего дома шла дорога, на обочине которой лежали два огромных камня. Они были невысокими, но широкими с зернистой и извилистой поверхностью. Летом эти камни служили местом отдыха взрослых, а нам с Валей местом игры. За обочиной, где лежали камни, шел откос, обрывавшийся внизу отвесной скалой, основание которой упиралось в ту самую равнину, где текли арык и речка, и находились огород и мельница. От самого берега реки на востоке протянулась скала и, пересекая ущелье на запад, упиралась в поднимавшуюся там гору. По западному склону от нашего дома к мельнице спускалась не узкая, но и не очень широкая каменистая дорога. Все подножие склона было покрыто густым и высоким, с множеством

толстых корневых отростков, крапивником. Такой крапивы, как в Мазарке, за свою жизнь я нигде больше не видела.

На откосе всегда лежало пыли около тридцати сантиметров, а поскольку он был на солнечной стороне, то летом пыль так нагревалась, что босыми ногами по ней ходить было невозможно, хотя мы только так по ней и ходили. Между прочим, в той пыли не раз мы находили всякие маленькие вещички: кусочки красивой посуды, разного цвета бусы, части металлических браслетов и вообще много обломков непонятных вещей. Мне тогда очень хотелось носить ожерелье, и я, нанизав на веревочку с десяток найденных бус, иногда надевала это украшение на шею и тому радовалась.

Мы с Валей решили поискать короткий путь от дома до равнины. Как раз напротив дома мы обнаружили место, где можно было спускаться и подниматься по скале. Путь был довольно опасным (кроме нас, им никто не пользовался), но мы, как козочки, придерживаясь, ступали на камешки, где стоя, а где и полусидя. Вероятно, это нам не приносило большого удовольствия, поэтому мы ходили там весьма редко.

Как-то мне приснился сон, что я лежу на маленьком одеялке у самого края той скалы и, не удержавшись, падаю вниз, но тут проснулась от страха с моими обычными мурашками по всему телу и в пятках. Поняв, что это был только сон, я была очень рада. Место было очень опасное, и страшно себе представить человека, стоящего на краю дороги и вдруг покачнувшегося: он катился бы вниз по пыльному склону до самой скалы, а затем, не удержавшись, слетел бы с нее, несколько раз ударившись о торчавшие каменные выступы, и только потом упал бы на равнину. Знала ли мама, что мы тогда так опасно лазали по скале?

Скала стояла против солнца и, нагреваясь, излучала тепло, поэтому мама выбрала место под скалой для выращивания рассады. Папа с мамой вырыли там довольно широкую и глубокую яму, застлали ее дно соломой, наносили удобрения, и у них получился хороший парник. В огороде у нас росли картофель, морковь, помидоры, лук и перец. Для арбузов, дынь и фруктов не хватало тепла, да и лето там было покороче.

В первую весну, пока мама работала, подросшая из-под камней красивая и нежная травка привлекла к себе мое внимание. Я решила ее погладить и с ней поиграть, а это оказалась крапива, и она ожгла мне руки. После того случая обмануть меня было невозможно, хотя Коля и пробовал это сделать. Крапива там вырастала высокой, с толстыми стеблями и была очень жгучей, а мы, братья и сестры, в летнее время иногда забавлялись ей, стараясь «ужалить» друг друга.

Вся наша лужайка покрывалась сочной травой и цветами, около огорода расцветали дикие маки, и мы каждое утро спускались вниз, чтобы нарвать свежих цветов и принести их домой. Утром вся трава обильно покрывалась блестящей на солнышке росой, катившейся по нашим босым ногам, а воздух вокруг был чист и свеж до синевы.

Однажды Коля где-то в горах нашел дикого козленка и привез его домой. Мы кормили его молоком, за ним ухаживали, пока он не научился есть траву. Козленок стал совсем домашним и ручным. Как сейчас вижу его пестренькую спинку, когда он лежал где-нибудь на нашей лужайке и ел травку.

Одной из весен быстро потеплело, и от вешних вод наша река вышла из своих берегов. Она страшно ревела, ломала деревья, сдвигала с мест большие камни и все, что ей попадалось на пути, с бурной, потемневшей от грязи водой, неслась по равнине. Наши длинными шестами с железными крючками стали вылавливать плывшие деревья. Много они тогда вытянули всяких палок, а когда все снесли во двор, то получилась большая куча дров, которыми потом пользовались долгое время.

Как я уже упоминала, у нас были гуси, и мама их специально развела, чтобы набрать с них пера и пуха для подушек и перин дочерям на приданое. Без причины мама никогда не стала бы их держать, так как нежные гусята требуют много ухода и растить их очень трудно. Как и взрослые гуси, гусята очень любят воду, но когда бывают долгое время в ней, заболевают и дохнут. За ними надо постоянно следить, чтобы они не попали в стоячую воду, не говоря уж о текущей, которая может их занести неизвестно куда. Так вот, пока гусята были маленькими, моей и Валиной обязанностью было смотреть за ними на нашей лужайке. Придя на лужайку, мы вначале смотрели за ними хорошо, но потом, заигравшись, про них забывали, а гусята, как нарочно, находили себе воду и ей наслаждались. Помню, придет Варя чтобы проверить все ли в порядке, а наши гусята, про которых мы совершенно забыли, уже давно в воде. Сколько нам тогда попадало за гусят, а особенно мне, как старшей! Да и вообще, как старшей из двух меньших, мне всегда попадало больше, даже если это было не моей виной.

Когда гусята подрастали и были уже довольно крепкими, но еще без перьев, им часто угрожала еще одна опасность. В летнее время из-за западной горы внезапно появлялась черная туча, двигавшаяся с большой скоростью, что предвещало ливень. Цыплят мы коекак успевали загнать под навес, а сбегать за гусятами было невозможно, так как туча оказывалась над нами буквально за пять минут, когда начинали падать крупные и редкие, тяжелые и теплые дождевые капли. В такие моменты мы уже знали, что надо прятаться.

Все делалось на бегу, и если кто-нибудь задерживался на пятнадцать — двадцать секунд, то прибегал под навес уже мокрым. Дождь лил как из ведра. Ливни там были необычайной силы, река наша буквально вздувалась, становилась бурной и страшной. Если в этот момент наши гуси с гусятами оказывались в реке, то многим гусятам сулилась неминуемая смерть. Еще не окрепшие и бесперые, они ударялись о встречавшиеся камни, стволы, прутья деревьев и, выбившись из сил, не могли противостоять стихии. После ливня мы всес большим беспокойством бежали вниз к реке и по ее берегу искали и звали гусят. Некоторых из них находили полуживыми, прибитыми где-нибудь к берегу, некоторых не находили вообще, но, к счастью, многие оставались невредимыми. Когда мы ходили по берегу реки и звали гусят, среди большого шума слышался как бы крик гусенка. Редко это было действительностью. Река, в обычное-то время шумная, тогда ревела так, что кричащего человека было трудно расслышать.

За короткий промежуток времени выливалось с неба столько воды, что по склонам гор моментально образовывались реки, захватывавшие с собой крупные и мелкие камни, с грохотом и шумом летевшие вместе с водой вниз, сбивая все, что попадалось на пути. Особенно необычайную картину представляла восточная гора, на самом верху которой вода падала со скалы и неслась по склону, сбивая камни, катившиеся потом вниз со страшным грохотом. После таких ливней вид реки менялся: появлялись новые камни величиной с дом, а иные исчезали. Ливни сопровождались молниями, шумом и невероятным грохотом. Это было необычайно страшное, но в то же время и завораживающее зрелище.

На восточной стороне от дома и равнины, у подножия горы, тянувшейся с юга на север от вечно снежных вершин текла река. На противоположном берегу у самого подножия горы стояла еще одна мельница, принадлежавшая одному из уйгур по имени Уталипу. Мы называли ее Уталиповой мельницей. Склон горы, что поднимался от мельницы, был настолько крутым и гладким, что, я думаю, не только никто из людей по нему никогда не поднимался, но никто и не решался этого сделать. На самом верху склона стояла отвесная высоченная скала, называвшаяся Большой по сравнению с «нашей» Маленькой, что была около дома. Большая скала своей вершиной буквально упиралась в небо. Причем это был сплошной хребет, тянувшийся с юга на север, с небольшой расселиной, из которой и выходила с бинемов дорога, шедшая потом по склону вниз зигзагами. По этой причине солнце у нас всходило очень поздно, хотя и светало утром в обычное время. В верховье реки начинался арык, пролегавший по склону к Уталиповой мельнице.

На западе с юга на север возвышалась другая гора, и где-то за ней шла Российско-Китайская граница. Между западной горой и нами тянулось уйгурское селение; около него гора была довольно отлогой, хотя к югу набирала высоту и крутизну, а, завернув вправо, терялась за поворотом. Перед нами открывался величественный вид на юг: там, в покрытой синевой дали, виднелись вершины скалистых гор, окованных в вечные снега, среди которых темнели заросли могучих тянь-шаньских елей.

По склону горы, что была западнее нас, пролегал тоже арык, но он подавал воду для нашей мельницы из верховья речки. Один раз во время ливня часть нашего мельничного арыка была совершенно снесена, и воды в нем не оказалось. После этого несколько дней подряд вся наша семья с помощью хозяйского молодого сына-уйгура с утра до вечера тяжело работала, прочищая арык и укрепляя его берега. От Уталипова арыка в тот раз ничего не осталось, хотя мельница оказалась невредимой.

Как и на бинеме, в Мазарке водилось много черных ядовитых змей. Однажды в мельнице кто-то поднял лежавшую вещь, а под ней оказалась большая, толстая, свернувшаяся кругом змея.

Несмотря на то, что жизнь в Мазарке была спокойной, и двери наши никогда не запирались, в одну из ночей в нашу мельницу забрались воры и кое-что увезли. Утром, обнаружив это, мы ходили по их следам, и нашим казалось, что следы шли от мельницы, но потом где-то терялись, да и какая была бы польза если бы они к чему-то привели? Все равно управы на воров там найти было трудно, да и пожаловаться на них тоже было некому.

Каждую весну в ясный теплый день мама выносила на двор все постели и одежду для просушки, чтобы не завелась в них моль. И когда она начинала выбирать вещи из нашего единственного небольшого ящика, я любила просматривать все там содержавшееся. А там было мамино теплое, из черного бархата пальто, занимавшее большую часть места, мамин праздничный костюм и еще кое-что не очень важное. Разворачивая пальто, мама всегда нам говорила:

— Когда вырастите, я вам отдам это пальто.

Не знаю, как бы мы вдвоем могли получить одно пальто, но, вероятно, каждая из нас думала, что, когда она вырастит, то пальто будет ее.

Хотя в летнее время такое случалось очень редко, однако бывало, что затягивало небо сплошными тучами, и начинал моросить мелкий дождь, шел он целый день, а иногда и два, и три. Когда мы просыпались утром в такие дни, мама нам всегда говорила:

— Сегодня дождь, спите дольше.

Но нам не спалось, и мы все-таки вылезали из своих постелей. Мама с папой, управившись, тоже приходили в комнату, и мы все начинали теребить шерсть, и, как правило, у нас начиналось пение, игра на гитаре с балалайкой, воспоминания и рассказы мамы о своей хорошей России. Она, имея ввиду Китай, всегда говорила:

— Что тут хорошего? Вот у нас в России как раньше хорошо было!

Дождливый день тянулся долго, но с пением, загадками, скороговорками и разговором мы не замечали, как он проходил, и наступала дождливая ночь.

В Мазарке почти у каждой семьи была корова, и поэтому было заведено, что по очереди каждая семья должна была пасти с неделю или две собиравшееся утром стадо коров. По-моему, в расчет входило и то, сколько коров было в семье, и если их было больше, то и пасти такая семья должна была дольше. Когда приходила наша очередь, то, помню, как папа с Колей, собравшись рано утром, отправлялись на лошадях со стадом коров на весь день и только к вечеру возвращались. Так они пасли его каждый день с неделю или две за все лето.

Телят в летнее время у нас было от двух, трех до пяти, и нашей обязанностью было угонять их довольно далеко вниз по реке и там оставлять на целый день, а вечерами они сами возвращались домой. Каждое утро, еще до восхода солнца, мама нас будила, но наши отяжелевшие и еще не выспавшиеся глаза закрывались. Мама от нас не отступала:

— Вставайте, уж солнце на обеде, а телята стоят голодные! Гнать их надо.

А мы откроем глаза, да опять закроем и лежим. Выйдет мама из комнаты, а возвратясь, опять видит нас в постели, тогда еще сильнее начинает нас теребить до тех пор, пока мы не поднимемся. Встаем нехотя, а как только слезем с кровати, сна как не бывало, и мы, уже совсем бодрые и веселые, гоним телят.

Почти каждый день сияло солнце, и все вокруг, украшенное зеленью и всевозможными цветами, над которыми кружились крылатые жучки и порхали разноцветные бабочки с большими ажурными крылышками, радовалось вместе с нами. Мы про сладкий сон совершенно забывали, наш взор привлекало все окружавшее, дышавшее необычайной свежестью и неописуемой красотой.

Дорога, которой мы гоняли телят, шла над речкой по одному из ее берегов, местами размытого водой так, что оставалось только полдороги, стесненной с одной стороны рекой, а с другой — крутой невысокой горкой. Берег был высоким и обвалившимся, и в этом

узком месте первое время проходить было довольно страшновато и опасно. Но со временем мы к тому проходу привыкли и его просто не замечали. Дальше дорога спускалась на равнину, расположенную в низовьях реки, где мы и оставляли своих телят на весь день, а сами отправлялись в обратный путь. Там, в низовьях реки, росли большие кусты облепихи, и мы, обломив ветку, усыпанную желтыми ягодами, горстями срывали их и ели. К сожалению, из-за кислоты и оскомины много ее съесть было невозможно, и мы часто приносили наполовину объеденные ветки домой. Кроме облепихи там росли боярышник, шиповник и черный барбарис. Всякий раз мы подходили то к барбарису полакомиться его кислыми ягодами или слегка кисленькими листьями, то к облепихе или боярышнику. Так каждое утро, угнав телят, не торопясь мы возвращались домой. В одно из таких путешествий я решила прокатиться на теленке, взобралась на него, а он вдруг побежал быстро и очень близко к стволам деревьев и чуть не сдернул меня со своей спины. Каким-то образом мне удалось удержаться, и теленок со мной на спине поскакал дальше. В тех местах было много крапивы, причем она росла большими роскошными кустарниками, а высота толстых стеблей ее достигала двух с половиной и более метров. Мой теленок заскочил в такой кустарник. Ожог подействовал на меня устрашающе, отчего я не удержалась на теленке и слетела прямо в крапиву. К тому времени к крапиве мы были привычными, но как ни привыкай, а неприятное чувство давало о себе знать. Особенно были чувствительными ожоги от крупных стеблей, иглы которых были более длинными и упругими.

Приобрели мы как-то длинные палки, упершись которыми в дно арыка, легко его перепрыгивали. И это делали не потому, что боялись пройти по воде вброд, просто в этом находили что-то необыкновенное.

Одно время наши братья увлеклись ходулями. Мы тоже нашли подходящие ровные палки с ответвлениями на одном из концов, которые потом Коля ровно срезал, чтобы на них могли ставать ноги. Таким образом мы получили ходули, которыми увлекались до тех пор, пока они нам не надоели.

Как ни удивительно, куклами мы никогда не играли, а придумывали себе игры из житейских дел взрослых. Как я уже упоминала, вокруг нашего дома было много старых заплотов, так вот мы, найдя подходящие палочки с крючочками, усаживались у заплота и начинали палочкой рыхлить старую землю, отчего она начинала сыпаться. В нашем представлении это была мельница, на которой мы мололи муку. Особенно удачно это получалось в местах, где была щелка между двумя заплотами.

Поскольку временами пища у нас была скудной, то в нашем организме, вероятно, чего-то не хватало, и поэтому нам хотелось есть землю. Не знаю, делала ли это Валя, но я, отламывая кусочки земли от заплота, ела, и вкус с запахом ее мне нравились. Мало того, на берегу реки или мельничного арыка мы иногда находили промытый водой чистенький песок, брали его пальцами, насыпали себе в рот и, немножко пожевав, умудрялись проглатывать.

Я и Валя всегда бывали вместе, вместе ели, играли, работали и, несомненно, иногда ссорились. Причем, мне всегда попадало от мамы больше, чем Вале. Папа нас никогда не бил, потому что мама ему не позволяла, говоря, что у него очень тяжелая рука, и что он может легко сделать ребенку какое-нибудь повреждение. Но если нас ругал за что-нибудь папа, то чувствовалось хуже, чем от побоев мамы.

Каждое утро, умывшись, мы молились Богу, и только после молитвы нам разрешалось есть. Помнится мне, как я один раз, очень голодная, встала на молитву перед иконой в углу комнаты и потом очнулась уже лежащей на полу, скорчившись. Случилось это со мной летом, когда в комнате никого не было, а потом о случившемся я так никому и не сказала.

Завтракали, обедали и ужинали мы всегда все вместе, причем, утром и в обед обычно пили чай с хлебом. В летнее время на столе стояли сметана, сливочное масло, варенье и мед, а зимой — часто только талкан с водой или медом, а когда доились коровы, творог со сметаной, просто сметана или сливочное масло. Правда, мама часто пекла то бублики, то пироги и пирожки, то ватрушки, которые у нее были особенно вкусными, а мы, маленькие, также любили сухарики, которые у нас никогда не выводились. К вечеру, как правило, всегда готовился простенький, но горячий ужин, состоявший из одного блюда. Большого разнообразия в пище у нас никогда не было, питались всегда очень скромно. Я и Валя чай пили из одинаковых граненых стеклянных стаканов, в которые наливалось кипятка до определенного уровня (чайной заварки у нас никогда не было, и ее мы не любили), причем мы строго следили, чтобы в обоих стаканах было кипятка поровну, с тем, чтобы поровну же долить в них и молока. Мы пододвигали стаканы рядом и сравнивали уровень содержимого. Удостоверившись в том, что никому не налито больше, мы, довольные, принимались за еду. Летом, когда было много сметаны и масла, мама, боясь что мы не достаточно хорошо питаемся, заставляла нас за чаем есть хлеб с маслом и сметаной, тогда как мне очень нравилось есть хлеб с медом, а к сметане и маслу я была совершенно равнодушной. Хлеб мама пекла каждую неделю, и он у нее всегда получался очень хорошим — высоким, пышным, а внутри пузыристым.

В детстве у меня была мечта, что над нашими главными дорожками сделаны навесы, и мне иногда чудился вверху раскинувшийся шатер, предохраняющий нас от непогоды. Все это проносилось в моей голове, но я хорошо понимала, что для устройства этого было необходимо время, которого, как я видела, у взрослых совсем не было. У меня стали появляться мысли строить дома и навесы для мурашей. Строили мы их с длинными крышами из свалившихся со стен плоских глиняных обмазок, которых было много меж старых развалин, и потом, проходя мимо, заглядывали внутрь в надежде увидеть, как от нашего устройства стало хорошо мурашам. Но, к сожалению и разочарованию, я замечала, что мураши не обращали никакого внимания на наши постройки и бегали как попало, не взирая ни на дождь, ни на ветер и неприятную погоду. Наши дома простаивали по несколько недель, от дождя и ветра начиная коситься и падать, и мы раскидывали оставшееся, чтоб не придавило наших мурашей.

Изредка бывали у нас и землетрясения, а один раз так сильно трясло, что на полке звякала посуда, состоявшая из нескольких непарных фарфоровых уйгурского типа чайных чашек, старых погнувшихся алюминиевых и нескольких глиняных мисок для супа да двух или трех граненых стеклянных стаканов. Хорошо, что больших землетрясений не было, а не то наши землянки, построенные без каких-либо укреплений, не смогли бы выдержать и засыпали бы нас своими толстыми тяжелыми крышами.

Летом бывало много маленьких вихрей. Кто-то нам говорил, что они иногда могут поднять человека вверх и, перенеся его на какое-то расстояние, бросить. Мне тогда такое явление казалось сверхъестественным, то есть сказкой, и я была совсем уверена, что такого случиться никак не может, как не может падать с неба град с голубиное яйцо, как нам тогда говорили, что бывает.

Во всю длину нашего дома со стороны двора тянулся навес, в одном конце которого была расположена летняя кухня с очагом и русской печкой, а на другом висели качели с длинной доской, чтобы на концах ее могло сидеть или стоять по человеку. Мы большей частью качались стоя и раскачивались до тех пор, пока не начинали биться своими спинами о довольно высокий потолок навеса. Кроме того, под скалой на нашей равнине под большими черными развесистыми тополями были две или три качели без досок, так что на каждой из них мог сидеть только один человек. Висели они на толстых, витых из волос, казахских веревках, переброшенных через находившиеся очень высоко нагнутые толстые ветви, и мы, раскачавшись, взлетали на высоту тех ветвей. Даже чувствовалось, что выше подниматься было небезопасно.

Один раз в год в летнее время у уйгур бывал какой-то праздник, на который они любили спускаться вниз на равнину, где висели наши качели, и, повесив еще несколько своих, целый день там веселились. В основном, это были девушки и женщины с детьми. Все они были разодеты в платья с яркими цветами и в такие же яркие платки на головах. На зеленой равнине они были рассыпаны, как цветы: кто качался, кто сидел с другими в группах на разостланных кошмах, а вокруг бегали дети. Так проходил день в веселье, с громким говором и хохотом. Мы в тот день сидели дома, поглядывая на них издали с нашей горы.

Не знаю почему, но мы, дети, никогда с уйгурскими детьми не общались, может быть, из-за своей застенчивости. Нам не надо было учить ни уйгурского, ни казахского и татарского языков, поскольку они нам привились с раннего детства, но, несмотря на это, я все-таки посторонних стеснялась и с ними не разговаривала.

Селение уйгур было выше нашего дома, и нам хорошо была видна главная улица, на которой проходила общественная жизнь. Мы видели, как утром мужчины шли в мечеть, после того как прокричит мулла, и после молитвы расходились. Затем бежали дети в свою школу, выходили из нее на переменах с шумом и криком или шли после школы домой. Когда кто-нибудь умирал, то покойника несли в мечеть, а потом на кладбище тоже по той же улице, а несли его на специальных носилках, обтянутых сверху полукругом, как палаткой из белой материи. За покойником обычно шли провожавшие и громко плакали, особенно женщины. Как мне тогда объяснили взрослые, уйгуры не хоронили своих умерших в гробах, а просто к вырытой могиле подносили носилки с покойником, которого сбрасывали с носилок в яму и зарывали.

Несмотря на то, что мы часто играли, у нас было много и работы. Мы с Валей должны были собирать яйца, угонять утром телят, а вечерами их привязывать, следить за гусятами и цыплятами, кормить кур, собак, подметать, собирать отстоявшуюся сметану, переваривать простоквашу в творог, его собирать, и, перемесив, раскладывать комочками для сушки, скрести с краев кадушки тесто, когда мама печет хлеб, а потом смывать оставшееся на краях тесто той же кадки и стола. Мы разжигали огонь в очаге, приносили и подкладывали в очаг топливо, и даже приходилось месить тесто для лапши, а потом его раскатывать. Братья мои тоже маме во всем помогали: умели месить и раскатывать тесто, готовить пищу.

Собак мы кормили один раз в день, обычно вечером. Для этого мы с Валей из нашего мельничного арыка в ведре приносили воды, а ведро несли на палке, взявшись за ее концы. Нести надо было на

гору далеко, мы часто останавливались, отдыхали и несли дальше. В нашем амбаре в специальное ведро мы нагребали порцию плохой муки, смешивали ее с отрубями, вливали туда принесенную нами воду, и, перемешав, получившуюся довольно жидкую мешанину выливали в собачье корыто. Собаки уже знали, что надо ждать этого момента, чтобы броситься есть. Такую кашу собаки ели всегда с удовольствием, не знаю потому ли, что она была вкусной, или от голода она им казалась таковой. Однако они у нас были не худыми и не жирными, а как я думаю, были такими, какими должны быть, и выглядели всегда здоровыми.

Один раз весной наши надумали посадить картофель где-то в горах на косогоре, вероятно, для продажи, так как для нас этого было слишком много. Поехали они сажать и с собой взяли нас. Помню, как мы ходили по прорытым рядам и втыкали целые картофелины на определенном расстоянии. Для посадки наши всегда брали хороший крупный картофель и никогда его не разрезали. Как там он рос и каким вырос, не знаю, так как нас туда больше не возили.

За мельницей обычно смотрел папа, но в случаях, когда папа куда-либо уезжал, за ней следили мама или Коля. В летнее время Коля часто ездил на бинем, где кроме посевов была и наша пасека. Утром, уезжая, он бывало забывал что-нибудь взять из дома, а папа, вспомнив об этом, начинал звать его, когда Коля был уже на половине подъема. Помню, как папа кричал: «Коля! Коля!», а Коля шел себе и ничего не слышал, а мама как закричит своим звонким голосом: «Коля!», и вдруг Коля останавливался и, повернувшись лицом к дому, слушал, что ему говорят. Мама всегда шутила над папой, что он тихо кричит. Надо иметь ввиду, что вокруг высившиеся горы и скалы при крике издавали звучное эхо, что способствовало передаче звука на большое расстояние, поэтому Коля мог расслышать, что ему говорила мама. Хорошо помню, как папа беспокоился, когда Коля иногда до позднего вечера не возвращался домой с бинема. В таких случаях папа не мог скрыть беспокойства, то и дело поглядывал на дорогу, которую в темноте невозможно было рассмотреть.

Как-то Варя с Колей где-то ходили до позднего вечера и наткнулись на что-то светящееся в темноте. Когда они исследовали то место, то поняли, что светилось просто-напросто мокрое полусгнившее дерево. Решив нас попугать, они, набрав этого дерева, принесли домой и развесили по стенам комнаты и на столбе, что стоял на ее середине. К тому времени дома уже все спали, и поэтому развешивать им пришлось тихонько, чтобы никого не разбудить. Потом проснувшиеся ночью видели этот странный свет, и никак не могли понять отчего светится. Помню, как я тоже, проснувшись, видела

повсюду какое-то странное, белое свечение, но я этого почему-то не испугалась.

Летом в Мазарке мы никогда не купались, поскольку горная вода в реке там не успевала нагреваться, но по воде иногда бродили, по ней бегали и играли. Чтобы пройти к огороду, надо было переходить через мельничный арык, вытекавший из-под мельницы, для чего наши перекинули через него бревно, которое стало служить нам мостиком. Идешь по нему и качаешься, как на канате, — хорошо, что там было неглубоко.

Около нашей мельницы постоянно были клиенты, моловшие свои злаки, привозимые в мешках на лошадях, быках, ослах, ишаках и верблюдах. Однажды с разрешения наших родителей хозяин одного из верблюдов решил нас на нем покатать. Усадил нас на спину своего огромного, лежавшего на боку верблюда, а когда тот начал подниматься, мы чуть с него не слетели. Затем наш верблюд пошел за хозяином, ведущим его за узду, а мы, вцепившись в его горб, с каждым широким и ленивым шагом, покачивались из стороны в сторону. Проехали мы кругом по равнине и возвратились опять к мельнице, а когда хозяин начал от верблюда требовать повиновения, то он в него так плюнул, что хозяину потом пришлось обтирать плевок с лица и со своей одежды.

С зерном к мельнице приезжали казахи, киргизы, монголы и таранчи, как мы называли уйгур. Обычным делом для них было искать вшей в одежде и друг у друга на голове, калмыки, ко всему тому, найденных вшей давили своими зубами. Пока они ждали своей очереди, пока мололось их зерно, у них было много свободного времени, так вот они и использовали его для такого занятия. Иногда и мы подхватывали вшей, и, несмотря на то, что мама как-то умела их выводить, они довольно часто вновь у нас появлялись.

Я помню, как однажды казах или киргиз (я в этом не разбиралась, так как для меня киргизы и казахи были одинаковыми) приехал к нам на мельницу с орлом на руке, и мы с интересом на него посматривали. На голову орла была одета металлическая сетка, и нам сказали, что если бы орел был без такой сетки, то он выклевал бы хозяину глаза, и я не могла понять, зачем же в таком случае этому хозяину нужна такая птица?

Вся одежда казахов и киргиз шилась руками и состояла из кожаных, если можно так назвать, брюк и тканевой рубашки, большей частью белой, поверх которой надевалась сшитая из кож шуба. Часто они приезжали в таком наряде не только зимой, но и летом, несмотря на жаркие дни. Я помню, наши удивлялись, как казахи могли переносить летнюю жару в таком одеянии. Сами же они, то есть казахи,

говорили, что в шубе прохладнее, так как через мех не проходит уличная жара. Одежда калмыков была совершенно иной: всегда черной и с длинными полами.

За помол папе все платили зерном, поэтому мы получали пшеницу, ячмень, очищенное от скорлупы и поджаренное просо, кукурузу, часто жареную, от помола которой получался талкан. Мы ели свежий талкан и вкусное жареное просо всухомятку, не говоря уж о развернувшейся поджаренной кукурузе, которую мы очень любили. Поджаренное просо казахи ели с молоком, и мы, от них научившись, тоже не раз употребляли его в таком виде.

Казахи и киргизы к нам бывали очень любезными. Они нам иногда привозили кислое молоко, у них называвшееся «айраном», кумыс и особым способом приготовленный сыр — «курт». Приглашали они нас к себе в аул, и не раз мы у них бывали, а однажды даже попали к ним на свадьбу. Свадебный обряд у них был очень интересным, мне больше всего запомнилось, как вечером в юрте сидели все парами лицом к лицу, мужчины с мужчинами, а женщины с женщинами, и пели какие-то песни. При этом все сидевшие в парах были молодыми, возможно еще не семейными. Когда они пели свои песни, меня поразило то, что каждый человек смотрел в лицо своему партнеру и пел свою песню, в то время как партнер пел свою, а так как большая юрта была до отказа набита народом, то в общей сложности получался шум и неразбериха. А вообще-то наши казахи были хорошими певцами и очень любили петь, и когда кто-нибудь из них ехал на лошади по горам, то без песни не обходилось, причем голоса их были чистыми и звонкими.

Казахи иногда играли в свою национальную игру, которая называлась «хоп-кер», а играли в нее так: группа казахов на лошадях брали заколотого козла и таскали его по горам до тех пор, пока кто-нибудь из группы, отобрав козла, не прятал его так, что другие не могли найти. Иногда такие группы пробегали по косогорам мимо нашего селения, привлекая к себе внимание жителей, в том числе и наше.

Хозяйство наше никогда не было большим и состояло приблизительно из трех, четырех или пяти коров с телятами, двух лошадей, кур и гусей. Наш главный конь Гнедко был очень хорошим, неленивым и служил нам очень много, несмотря на то, что был небольшой. Сверх того, что у нас была мельница, папа со старшим братом еще сеяли на бинеме пшеницу и горчицу для масла, а пахать весной и жать злаки осенью папа иногда нанимал казахов, а иногда все делали сами. Там же на бинеме стояла наша небольшая пасека, состоявшая из ульев пятнадцати, за которой всегда смотрел Коля. Когда

приближалось время откачки меда, мы все выезжали на бинем, по крайней мере так мне казалось, но вероятнее, кто-нибудь да оставался дома, чтобы следить за мельницей. Перед самым сбором меда Коля вынимал из ульев рамы с заполненными медом сотами, а часто и с восковой пленкой на ячейках, которую мы должны были срезать специальными ножами до откачки меда. Срезая печатку с сот, мы ее жевали, а в конце работы Коля всегда удивлялся, как мы могли съедать такое количество меда, поскольку обрезков к концу дня почти не оставалось. Мало того, мы с Валей придумали выломить стебельки пшеницы, что потолще, и через них пить уже выкаченный мед прямо из сосудов, отчего вероятно, в наших желудках тогда был сплошной мед и больше ничего другого. На бинеме, где была наша пасека, было много пашен, сенокосов и никем не тронутых холмистых земель, покрытых различными дикими травами и всевозможными душистыми цветами. Все это благоприятствовало нашей пасеке, и за лето, как мне кажется, мы качали мед раза два.

Однажды после откачки меда вечером, когда уже было совсем темно, мы отправились домой в Мазарку пешком. Не обращая внимания на отставших от меня наших, я ушла вперед и без какого-либо страха продолжала идти самостоятельно все дальше и дальше. Дорога шла вначале меж больших холмов, потом выходила над щелью и спускалась зигзагами по крутому косогору и, наконец, привела меня домой. Когда потом со всеми другими пришла мама, мне за это как следует попало.

Хорошо, что у нас тогда был мед, а не то мы росли бы совсем без нужной для развития детского ума сладости. На меду же мама варила и малиновое варенье.

Когда подходило время сбора малины, наши снаряжались ехать в горы, так как поблизости она не росла. В связи с тем, что до малинника надо было ехать долго, то обыкновенно в день поездки наши поднимались утром рано, еще до рассвета, и выезжали на лошадях, нагруженных всякими ведерками, корзинками и мешками. Весь день собирали малину , а вечером опять все грузили на лошадей и приезжали домой уже поздней ночью. Один раз и мне посчастливилось поехать с ними и, помню, как я в горах стояла в высокой траве, которая меня скрывала с головой. А какие были вокруг красивые горы! Покрытые роскошной мягкой и сочной травой с бесчисленным количеством всевозможных цветов горы просто утопали в зелени. Местами по ним рассыпались пучками разноцветные пионы, из которых мне особенно тогда понравились бордовые. В один из таких сборов малины Варя с Сашей нечаянно перешли границу на сторону Советского Союза, а когда они сидели там в малиннике, вдруг

услыхали выстрел, на что Варя сказала Саше: «Сиди, не двигайся!» Через некоторое время они ясно услыхали голос говоривший по-русски: «Смелая», но увидеть из-за зарослей никого не смогли. Потом, не торопясь, они стали отодвигаться от того места и потихоньку вновь ушли за черту русско-китайской границы. Каждое лето в один день наши набирали много малины и захватывали побольше сочного, еще не успевшего распуститься в цветок ревеня, когда он был мягким и вкусным, а возвратившись домой, малиной заполняли все домашние сосуды. Малины хватало не только на варенье, но и для сока, который мама всегда хранила на случай болезни. Когда мама варила варенье, мы с Валей должны были его мешать, чтобы снизу не подгорело, собирать с варенья белую пенку, подносить и подкладывать в очаг дрова. После варки мама большую чашку с вареньем убирала с очага и уносила в амбар, где пристраивала повыше на наполненных чем-нибудь мешках. Варенье там оставалось до следующего дня, когда оно вновь переваривалось и вновь уносилось в амбар, что повторялось еще несколько раз. Герметически закрывающихся банок в те времена в Китае не было, и поэтому сварить варенье так, чтобы оно не портилось, было очень важно.

А в кладовой чего только у нас не было! Там по-над стенками тянулись закрома с мукой, пшеницей, отрубями. кукурузой, овсом, просом; вразброс стояли насыпанные чем-нибудь большие и маленькие мешки, на верхнюю поверхность которых мы ставили все, что необходимо было поставить повыше от пола. Вот на эти же мешки мама ставила большую чашку или две с вареньем в промежутках между варкой. Кроме того, в той же кладовой находились наполненные чем-нибудь кадки, корзины с яйцами, горшки с пищевыми продуктами, корм для гусей, кур и собак. В связи с тем, что в кладовой находилось все употребляемое ежедневно, мы часто за чем-нибудь заходили в нее и каждый раз на глаза попадала чашка с вареньем, что было очень соблазнительным. Помню, как я, увидев чашку, складывала три пальца руки ложечкой и, почерпнув варенье, тянула в рот. Это случалось не раз и не два, причем так поступая, я не чувствовала себя виновной, но мне казалось, что я делала вполне позволительное.

Так как в те времена в Китае не было никаких приспособлений хранить пищу, то люди придумывали свои способы ее хранения. Так мясо мы резали кусочками и, пережарив его в сале, складывали в горшки, залив сверху салом. Такое мясо у нас хорошо хранилось, и мы каждый день могли брать с полфунта или немножко побольше для варки горячего ужина. Однако, не всегда у нас бывало такое мясо, и тогда пища готовилась просто с растительным маслом, а оно у нас всегда было горчичным. Следует упомянуть, что там никакого другого

растительного масла не было, кроме горчичного, которое нам очень нравилось. Я даже заграницей покупала бы только горчичное масло, если бы оно было в продаже, но его, к сожалению, в магазинах никогда не было.

Помидоры на корнях в Мазарке не выспевали, поэтому их снимали зелеными и раскладывали на полу в комнате. Из поспевших таким образом помидоров мама с нашей помощью варила томат, который также хранился в горшках в кладовой.

Молока у нас летом всегда было много, а следовательно, было много и сметаны, сливочного масла, простокваши и творога, отчего иногда приходилось выливать собакам простоквашу и обрат, оставшийся после пропуска молока через сепаратор. В общем, было время, когда у нас пищи было больше, чем нам требовалось. Из сметаны маме часто приходилось сбивать масло, что являлось утомительной работой, и поэтому папа ей сделал из дерева хорошенькую маслобойку, в которую вмещалось много сметаны, а масло в ней сбивалось быстро и без всяких затруднений. Оставшееся пахтанье мы очень любили и пили его, как воду. До того, как у нас появился сепаратор, молоко разливалось в горшки для отстоя, чтобы оно скисло, после чего мы с Валей должны были большими ложками собирать сметану. Сметана бывала свежей, мягкой и вкусной, и мы одну наполненную ложку клали в чашку, а другую в рот. Горшки, в которые вливалось молоко, были большими и высокими, по крайней мере мне так казалось, но несмотря на это, один раз в скисшем молоке мы обнаружили утонувшую мышь. Как она умудрилась взобраться по гладкой поверхности горшка просто непонятно. После того, как сметана была собрана из всех горшков, оставшееся выливали в казан взрослые, а мы подогревали простоквашу почти до кипения, чтобы свернулся творог, выбирали его, хорошо растирали, промешивали и раскладывали кусочками на листы для сушки. Потом мы его грызли вместо лакомств до тех пор, пока он нам не приедался. Когда мама пекла хлеб, она часто пекла и творожные ватрушки, а они у нее получались особенно вкусными, и их все члены нашей семьи очень любили.

В летнее время вечерами, когда мама доила коров, мы двое находились около сарая во втором дворе, где наши никогда не подметали. Поэтому там набралось большое количество размельченного от сухого воздуха коровьего навоза, который лежал толстым слоем на поверхности земли. Нижние кусочки, спрессовавшись, постепенно превращались в землю, а верхние были свободны и легко передвигались. Так вот вечерами, ожидая маму, мы увлекались постройкой из этого навоза оснований домов без стен и в них из того же навоза сооружали мнимые столы, кровати и прочее. Расставив всю мебель

на свои места, мы начинали приглашать друг друга в гости, а о чем во время своих визитов говорили что-то мне не помнится. Имитировать кого-либо не могли, поскольку мы жили так изолированно, что гостей вообще не видали, за исключением какого-нибудь заехавшего переночевать охотника. Во дворе вечерами было темно, тепло и очень приятно, и мы всегда играли в одних платьицах, да к тому же там не было ни одного комарика. Когда мама заканчивала свою работу, мы вместе шли в летнюю кухню под навес и там пили досыта свежее парное молоко и только после этого шли спать. В котором часу мы ложились спать — не знаю, но если в летнее время тогда было уж темно, то, вероятно, час бывал довольно поздний.

Наш большой двор был разделен старыми стенами на две части, которые соединялись между собой открытым перешейком. Ворот во двор не было, а просто было открытое пространство меж битых из земли стен, окружавших двор. Дальний двор, как я уже упомянула, никогда не подметался, а ближний, хотя и подметался, но очень редко. Дело в том, что пол нашего навеса был выше поверхности двора приблизительно на полметра, и наша семейная жизнь проходила под навесом, а дворы как бы принадлежали всем: скоту, собакам, куриному и гусиному миру. Когда мы мели первый двор, то он не долго держался чистым, так как сухой, разбитый на кусочки навоз очень легко и быстро вновь по нему разносился. Поэтому обычно мы на двор не обращали внимания, а если иногда возгоралось желание сделать его чистым, подметали с усердием и опять о нем надолго забывали. Между двумя дворами у нас стояла баня, которую наши изредка топили, и мама, вымывши нас двоих, шла мыться сама, а потом по очереди шли все остальные.

В хозяйственных делах у нас в большом употреблении были ведра и корзины. Ведра делал папа, а корзин не было, поэтому Коля решил попробовать плести их сам. Со временем они у него стали так хорошо получаться, что он позже наплел много превосходных корзин разных размеров и форм.

Рассказывала Варя, каким послушным мальчиком рос Коля. Пошли они ночью за чем-то в амбар с керосиновой лампой, и было очень важно, чтобы в тот момент свет не погас. Предупреждая Колю, чтобы он как-нибудь света не погасил, Варя ему сказала: «Вот возьми да потуши!», а он это с усердием исполнил, то есть в тот самый момент погасил свет. Потом часто Варя, вспоминая этот случай, смеялась над случившимся.

Однажды к нам заехал один русский охотник переночевать и много рассказывал, как он воевал на стороне красных во время революции. Запомнилось мне только одно, о чем он рассказывал,

вероятно, с гордостью: «Забегали мы в дома и убивали всех без исключения, — говорил он, — если в доме никого из взрослых не было, а в люльке качался ребенок, мы брали его за ноги и об стену головой. Выходило так, что каждый день я убивал хоть одного человека. Если же случалось, что я за весь день не убил никого, то казалось мне, что чего-то не хватало, и мне от этого делалось не по себе».

У нас никто в доме не курил, и поэтому когда приезжие сидели в комнате и курили, мне это было в новинку. Помню, как я с любопытством смотрела на курящего папиросы человека, и как он вдыхал в себя дым и, задержав его там немного, выпускал из носа и рта кольцами и клубами. Да и запах дыма мне был тоже незнакомым.

А другой охотник во время ночевки у нас рассказывал о своих приключениях в горах. Не так были интересны его приключения, как был интересен его русский язык, что нам показалось тоже диковинкой. А говорил он так: «Як взбэрэшься тудою, да як взглянэшь сюдою, а оттэль и никудою». Короткое время на Уталиповой мельнице работал еще один русский человек, и он там жил со своей женой. Звали его Иваном, а жена нами звалась Иванихой. В наших краях почему-то уж так завелось давать женщинам прозвища по фамилии, к примеру, если у семьи была фамилия Сидоровы, то хозяйка дома, то есть жена мужчины Сидорова звалась Сидорихой. При обращении к ней, конечно, никто ее так не называл, но если о ней говорилось на стороне, то определенно ее называли Сидорихой. В нашем же случае Иваниха получила себе прозвище не по фамилии, а по имени мужа. Так вот эта Иваниха тоже очень интересно говорила по-русски. Я не буду приводить образцов ее разговора, т. к. обороты ее речи, совсем невинные в их понимании, являются нецензурными в нашем. А одним летом совсем неожиданно для нас приехали в уйгурский поселок русские муж с женой и множеством белых кур. Прожив там несколько летних месяцев, куда-то уехали.

Так изредка появлялись у нас русские и исчезали, а мы все жили одни среди уйгур, казахов, киргизов и монголов. Папа с мамой и старшие из семьи по делам общались с ними, а мы, две дикарки, ни с кем не общались и жили совсем уединенно.

Один раз к нам специально приехали русские гости, жившие где-то на половине дороги, что вела в Кульджу. Оказалось, узнав каким-то образом, что у нас была взрослая девушка, они приехали ее сватать за своего молодого сына. Папа с мамой мою сестру Варю за их сына не отдали, отчасти потому, что их совсем не знали, а другой причиной тому было, что жених и его родители были сектантами.

На смену лету, хотели мы или не хотели, подходила осень — пора уборки злаков и огородов. Мне вспомнилось, как у нас шла уборка

картофеля: взрослые его выкапывали лопатами, разбрасывая по поверхности земли, а мы с Валей наперебой собирали. Для того, чтобы у нас разыгрался азарт к работе, кто-то из взрослых придумал соревнование: «Кто найдет большую картофелину?» А тут, как нарочно, одна из нас нашла особенно большую картофелину, а другой такой больше не было, и от этого не нашедшей было очень обидно, ведь у нас все должно быть одинаковым. Тогда наши вот что придумали: незаметно зарыли под еще не вырытые корни ту же самую большую картофелину и вновь ее вырыли, но бросили так, чтобы на этот раз ее схватила другая. Тогда мы успокоились. Мы тогда так и не знали, что нас обманули, и только позже, вспоминая, нам об этом рассказали.

Постепенно к концу лета и началу осени убирался огород, кроме помидоров, поскольку они к тому времени были еще зелеными, а убирались они в последний день перед морозом. Листья деревьев к осени начинали желтеть и падать, и по ковру сухих осыпавшихся листьев приятно было бродить под говор их успокаивающего шуршания.

К осени появлялись низкие белые облака, ползущие так, что верхушки гор, высовываясь из них, представляли собой другой, какой-то загадочный мир. А иногда облака спускались так низко в ущелье, что, казалось, задевали бурлившую в реке воду и терялись в такого же цвета, как и они, пенистой воде. Временами туманом затягивало все пространство, и тогда на расстоянии нескольких метров не видно было абсолютно ничего, но такие туманы, к счастью, бывали весьма редко.

У папы с Колей в осеннее время было много работы: уборка пшеницы и других злаков, заготовка для домашних животных сена и всякого другого корма, уборка пчел в омшаник. Вся эта работа проводилась на бинеме, поэтому они чуть ли не каждый день привозили что-нибудь домой, а утром уезжали обратно. Возить сено на телеге из-за крутой горы было невозможно, приходилось пользоваться волокушами, что очень замедляло работу, так как на них уложить много сена было трудно, к тому же волокуши должны были ползти по извилинам косогора.

Готовясь к зиме, старшие снимали с деревьев все качели; в то время и дни заметно уменьшались, а на душу набегала какая-то неуловимая грусть. В один из наступивших осенних дней, когда в воздухе особенно чувствовался жгучий холод, мама собирала помидоры с огорода и носила их на гору домой, а мы двое их раскладывали на полу под кроватями. По температуре ли, или по каким другим приметам мама уж знала, что в тот день помидоры надо было убрать, а не то они ночью померзли бы.

После уборки огорода и посевов, уже поздней осенью, нашим предстояла еще одна большая работа: закалывались гуси, с них снимались пух и перья, из которых, в первую очередь из пуха, делались подушки, а из оставшегося перины. Из гусиного мяса лепили пельмени, варили из него супы, зажаривали его с картошкой, а главное, им заполняли опустевшие из-под мяса горшки на будущее.

Вероятно, стоит упомянуть, что свиней у нас не было по той причине, что вокруг жили магометане, считавшие их нечистыми, и поэтому, чтобы не раздражать соседей, наши решили жить без свиней.

Каждую осень Коля возил горчицу на маслогонную мельницу, или как ее назвать — не знаю, а однажды он взял с собой и нас, чтобы мы посмотрели, как получается из горчицы масло. Точного устройства маслогонной мельницы у меня не осталось в памяти, но помню, что она была большая и сделана была из простого дерева. Горизонтально от сердцевины орудия торчала длинная палка, в конец которой впрягалась лошадь, ходившая по кругу, поворачивая ось этого тяжелого сооружения и тем самым способствуя выжиманию из горчицы масла, текущего через специальное отверстие в подставленный сосуд. Интересно, что человеку многого не надо, он может приспосабливаться к минимальным удобствам, которые легко может сам для себя соорудить. К тому же, если не хватает своей силы, как в этом случае, он находит ее тут же около себя, в своем верном помощнике — животном. Так вот без машин все просто, чисто и никакого загрязнения ни природы, ни питьевой воды.

Одно время наши уйгуры надумали хитрить и, чтобы не кормить зимой своих коров, они поздней осенью стали их перегонять через границу в Советский Союз, где скот находился всю зиму, а весной туда посылали какого-нибудь дряхлого старика, чтобы он выручил скот обратно. Первое время такая хитрость завершалась удачно, но через года два или три советские поняли, что уйгуры хитрят и стали разрубать коровам кожу на спине и перегонять их обратно на нашу сторону, после чего коровы приходили домой с окровавленными спинами. А один раз между советскими и нашими уйгурами произошло какое-то недоразумение, а переговорить между собой они не могли, поскольку ни те, ни другие не знали другого языка, поэтому им пришлось просить маму, чтобы она на переговорах им переводила. С неохотой, но все-таки мама согласилась и поехала на встречу двух народов и государств. Между прочим, советские о нас знали, и нам передавали уйгуры, что они у них спрашивали о том или ином в нашей жизни, причем, они спрашивали о таких вещах, о которых, не зная, спросить не могли, а как они все это знали, непонятно.

Как я уже упоминала, время от времени необходимость заставляла папу ездить в Кульджу, и с ним мог поехать еще кто-нибудь, а иногда он ездил один. Ему надо было увезти для продажи муку или еще что-нибудь, а из Кульджи привезти необходимое для нашей жизни. Помню, как он однажды привез нам яблок, которые в летнее время от долгого и жаркого пути попортились, но, несмотря на это, я все-таки припала к ним и съела их довольно много, а потом почувствовала себя нехорошо. Поскольку в Мазарке фруктовые деревья не росли, то там не было никаких фруктов, и поэтому с таким удовольствием я тогда добралась до яблок. А плохо мне стало не оттого, что я их много съела, а от того, что яблоки были наполовину порчеными.

Варя с Сашей одну из зим жили в Кульдже, где Варя училась портняжному делу, а Саша ходил в школу. Жили они тогда в квартире у моей замужней двоюродной сестры — старшей дочери дяди Вити, который, как и мы, не поехал в Шанхай со своим братом Алешей. Позже дядя Витя приезжал к нам в Мазарку и, пробыв с нами недели две, уехал. Интересно мне теперь вспомнить, что самое плохое ругательное слово у дяди Вити было "желтопупый ишак".

Прошла зима, за ней прошла весна, а в начале лета вдруг появились гости: приехала Варя с женихом и сватами, в числе которых были и моя двоюродная сестра с мужем. Варю просватали и назначили день свадьбы. Помню, как после сватовства жених с невестой пошли гулять, а мы двое от них не отставали и прошли далеко вниз по речке, куда каждое утро мы угоняли телят, затем прошли на какую-то другую нам неизвестную дорогу и, сделав большой круг, возвратились домой. На нашем пути всюду было много зелени и было очень красиво. Отдохнув у нас дня два или три, наши гости отправились домой, а невеста осталась в Мазарке.

Когда приблизилось время свадьбы, мы все поехали в Кульджу, однако выбраться из Мазарки было не так-то просто.

Дело в том, что выезд из Мазарки был связан с большими трудностями, а вся беда заключалась в крутом подъеме, по которому дорога шла зигзагами вверх. Наша телега всегда оставлялась на бинеме, за исключением, когда ее надо было чинить, и в таких случаях раза два приходилось спускать ее вниз к нашему дому, а починив, вновь поднимать по той же крутой дороге. Мне помнится, как легко ее вез из дома наш Гнедко, но когда он начинал подниматься в гору, то везти ему ее делалось тяжело и, пройдя несколько быстрых шагов, он останавливался, а папа в тот момент торопился подложить камни под колеса, чтобы телега не тянула коня вниз. Отдохнув немножко, конь опять принимался тянуть и опять, пройдя несколько шагов, останавливался, и так до самого верха горы.

Следует упомянуть и то, что конь тянул телегу совершенно пустую, а папа с Колей даже еще ему помогали, подталкивая ее сзади. Нам, пешим, без вещей взбираться было тоже трудно, и мы должны были, как и Гнедко, пройдя несколько шагов, останавливаться чтобы передохнуть. Так с большим трудом, но телега и мы, наконец, выползали на вершину горы, а весь груз надо было поднимать отдельно.

Я помню, как первое время для этой цели папа где-то находил ишаков, возможно у соседей-уйгур, и, привязав на каждого из них по мешку, отправлялся с конем и десятком навьюченных ишаков на гору. Просить ишаков каждый раз, вероятно, было неудобно, и поэтому впоследствии для этой цели наши придумали использовать своих коров. Привязать на спину каждой корове по небольшому мешку было не так-то просто, поскольку они с непривычки вначале вертелись, стараясь сбросить неприятную ношу, но позже все-таки успокаивались и подчинялись. Так и на этот раз, приготовив всех коров, лошадей и несколько ишаков, мы вереницей отправились в путь. Медленно и с передышками взбирались мы на гору, а обернувшись, видели, как на ладони, постепенно удалявшуюся нашу Мазарку. Мы оказывались все выше и выше и, наконец, достигнув вершины, исчезли меж скал, где начинался иной мир.

Там дальше по обе стороны нашей дороги тянулись невысокие холмистые горы, покрытые ковылем и другими травами, но не было ни одного деревца. Казалось бы, что все окружавшее должно было говорить о царившей там полной и нерушимой тишине, однако ее там не было. Все пространство было заполнено крупными и мелкими шумными жуками и насекомыми, перелетавшими от одного цветочка к другому, отчего настраивалось в человеке определенное душевное чувство. От палящего сверху солнца и монотонного звука насекомых то чувство было не то тоски, не то какой-то необъяснимой грусти и одиночества. В воздухе не было ни малейшего движения, а вокруг никакого прикрытия, где можно было бы спрятаться от жарких солнечных лучей. В пути, отдыхая, мы должны были прятать свои головы под стебли высокой сорной травы, которые, хотя и плохо, но все-таки давали какую-то тень. Так шли мы до самого бинема, где начинали виднеться холмистые горки, покрытые всевозможными посевами злаков: пшеницы, овса, ячменя, проса, горчицы и пр. Там уж нам оставалось рукой подать до нашей пасеки. Это был тот самый бинем, на котором мы жили в шалаше в самом начале нашего приезда из Кульджи. На пасеке к тому времени стояли, хотя и не качественные, однако все же постройки, вероятно, построенные папой и Колей, и чувствовалось намного уютнее, то есть как дома.

После всего этого нашим предстояло снять всю ношу с нашего скота, а его отправить домой с специально пришедшим для этой цели человеком. Мы же, погрузив все вещи на бричку, отправились в свой дальний путь по направлению к Кульдже.

Дорога перед нами постепенно спускалась с гор к долине, а когда мы с них съехали, нас окружила ровная местность без деревьев, на которой росли шарообразные растения, называвшиеся, как мне тогда сказали, перекати-поле. Я видела, как сорвавшиеся со своих мест такие шары катились и катились по почти голой, ровной земле, и мне подумалось: «Как правильно названо растение».

Как я уже упомянула, Кульджа от Мазарки находилась на расстоянии трехдневной езды, и это значит, что в пути нам предстояло где-то переночевать две ночи. Папа к тому времени уже хорошо изучил дорогу и точно знал, где мы должны были остановиться как на первую, так и вторую ночь. Уже стало темнеть, а мы все ехали, наш Гнедко сам знал дорогу и обвозил телегу вокруг встречавшихся по дороге ям. Мы с Валей, приткнувшись, задремали на трясшейся телеге, постоянно просыпаясь от ударов головы о что-то очень твердое и неудобное, но сладкий сон брал свое, и мы моментально засыпали, положив голову на то же самое — что-то твердое. Временами нас так встряхивало, что, казалось, задевало даже мозги, и от такой тряски можно было получить даже их сотрясение. В связи с тем, что мы с бинема выехали после обеда, первая наша ночевка была на близком расстоянии от бинема, то есть перед въездом в долину. Въехали мы в какое-то уйгурское селение, и залаяла вначале одна собака, затем к ней присоединилась вторая, третья, а потом поднялся такой собачий лай, что, казалось, все село поднялось и ни одного не проснувшегося человека не осталось. Мы остановились у какого-то двора, и папа пошел. Переговорив с хозяевами, он возвратился и повел Гнедка под узду во двор, а телега с нами покатилась за ним, где уже хлопотал хозяин дома. Он помог папе выпрячь коня и увел его на выстойку[4] после дороги, после чего он сам ухаживал за ним: поил, кормил его, а нас провели в хозяйскую комнату, где на войлоке на верхнем полу были разостланы постели, и на них спали хозяйские дети. У хозяйки кипел чай, а посреди комнаты она поставила свой маленький, низенький столик, на который положила уйгурского хлеба — лепешек и, усадив нас вокруг его, разлила чай. После чая наши принесли свои постели, разложили их тоже на верхнем полу, на войлоке, и мы все улеглись вряд один подле другого. Поднявшись рано утром, хозяйка нас опять накормила, а хозяин подвел отдохнувшего и сытого коня

[4] Выстойка — отдых коня после долгой дороги, в течении которого ему нельзя есть и пить.

к телеге и помог папе его запрячь. Набрав воды, мы, тоже отдохнувшие, сели на бричку и поехали дальше.

Путешественникам там часто приходилось ночевать у неизвестных людей, хотя иногда они могли останавливаться и в «караван-сараях», причем, в таких случаях у них была возможность питаться в харчевнях, но таких учреждений тогда там было немного, и мне никогда не приходилось в них бывать.

После этого нам предстояло ехать целый день по пустынной и безводной долине, поэтому-то и нужна была вода, как для себя, так и для лошади. В долине было жарко и не было никакого движения воздуха, а солнце так пекло, что воздух от земли поднимался вверх дребезжащими сгустками, как от раскаленной печки. В летнее время многие русские, да и не только русские, устраивали над телегами полукруглые навесы из берданок вроде палаток, а над нашей бричкой такого устройства почему-то никогда не бывало. Чтобы хоть немного прикрыться от солнца наши растянули над головами большую тряпку, привязав ее к четырем поднимавшимся вверх от брички палкам. Она хорошо нас прикрывала, пока солнце было над головой, но как только оно начало садиться, так от нашего навеса не стало никакой пользы.

Вокруг нас насколько видел глаз раскинулась ровная бесцветная долина, не было ни деревца, ни зелени, ни жизни. Голая земля с торчавшими сухими голыми стеблями каких-то растений, успевших прорасти еще весной и, не успев достичь своего расцвета, засохших от страшной жары и жажды. В самую жару вдали мы заметили оазис: одно или два дерева с зеленеющей вокруг травой, с поверхностью, напоминающей реку с обросшими зеленью берегами. Легко можно было принять это за реальность, но это был мираж, как нам объяснили старшие. Ехали мы и следили за интересным явлением, которое через некоторое время исчезло совершенно, а его место заняла серая однородная пустыня. В этой долине в летние жаркие дни всегда появлялись такие миражи, и о них путешественники уже знали.

Так ехали мы целый день, остановившись раз или два, чтобы покормить лошадь, а самим спрятаться от солнца в тени под телегой и немного отдохнуть. Наконец, к вечеру мы стали замечать, как окружавшая нас растительность начала меняться, и по сторонам стали появляться пучки росшего чия, что нам говорило о том, что мертвую долину мы уж пересекли, и что мы уж близко к линии, на которой расположены Сумулы, где есть вода, трава, деревья и люди. После этого нам предстояло держаться дороги, ведущей в определенный Сумул, чтобы потом попасть на ведущую в Кульджу дорогу. Папа

дорогу знал хорошо, и затруднений в пути не предвиделось, хотя никаких надписей на разъездах не было.

Наконец вдали меж высоких серебристых тополей и других деревьев мы увидели высокие стены, а вскоре после этого уже въехали в большие и мощные ворота, вделанные в толстые стены крепости Сумула. Ворота, как правило, в определенный час вечера запирались, и поэтому нам было очень важно проехать до того времени. По обеим сторонам улицы, по которой мы ехали, тянулись высокие толстые стены домов и дворов, и в каждый двор вели большие ворота, а у ворот каждого дома, в углублении стены, как бы на полочке, горел небольшой огонек. Вероятно, это касалось религии живших там шибинцев, которые, как мне кажется, были язычниками. Когда мы проезжали по Сумулу, я почему-то думала, что мы там будем ночевать, но папа нигде не остановился, и мы, на противоположном конце Сумула выехали в другие такие же большие ворота, как и первые.

Ночь не медлила, совсем стало темно, а мы все продолжали ехать, наконец, в темноте появились в окнах огоньки. Подъезжая ближе, мы опять услыхали лай собаки, к ней прибавился второй, потом третий, и опять разразился собачий лай по всему уйгурскому поселку. Папа остановил лошадь, а сам опять пошел куда-то проситься переночевать. Опять мы въехали во двор, нас встретили, провели, накормили и уложили спать, а уход за лошадью остался для хозяина дома. Такой уж у них порядок: гостя приветить и путешественника приютить. На утро нас накормили, и мы отправились дальше.

Между нами и городом оставалось небольшое расстояние, но прежде нам надо было перебраться через полноводную реку Или. После серой безводной пустыни приятно было ехать по равнине, покрытой высокой зеленой травой и разбросанными по ней разнообразными деревьями, из которых особенно выделялись стройные тополя, отличавшиеся своей высотой и серебристым цветом резных широких листьев. Вскоре на северной стороне появилась сплошная зеленая полоса высоких деревьев, что издали напоминало сад, но это был не сад, как нам тогда сказали, а город Кульджа. На пути все чаще стали встречаться люди, вдали виднелись поселения с бахчами, а иной раз бахчи тянулись совсем около дороги, так что даже с нашей телеги видны были еле прикрытые листьями арбузы и дыни. На середине бахчей, как правило, стоял шалаш, и если проезжие заходили туда, чтобы купить что-нибудь, хозяин вначале угощал их, разрезав арбуз или дыню, а нередко и то и другое, и только потом продавал покупателю желаемое. Бахчеводством обыкновенно занимались уйгуры, и когда у них поспевали арбузы и дыни, они грузили их на свои двухколесные телеги, называемые арбами, и везли в город продавать. Так мы

ехали до тех пор, пока перед нами не развернулась широкая река, на берегу которой толпился народ вперемежку со скотом и повозками.

Все ожидали прихода парома, и как только он причалил и разгрузился, ожидавшие бросились занимать места. Они завозили свои повозки, выпрягали лошадей и уводили их на берег. На мой вопрос, почему коней выводят, мне ответили, что их на пароме не возят, и что их надо перегонять вплавь. Папа тоже завез нашу бричку на паром, установил ее, подложив под колеса чурки, выпряг из нее коня и с ним сошел с парома. Потом мы видели, как он сел на него и стал спускаться с берега к страшной воде. Как только конь с папой на спине спустился в воду, сразу же погрузился в нее по шею и поплыл — для нас это было страшное зрелище. Дело в том, что река Или была полноводной, глубокой и очень быстрой, но скот, несмотря на то, что его быстро относило водой вниз, благополучно переплывал реку. Однако не обходилось и без того, что и скот, как случалось с немалым количеством людей, тоже тонул. Нам было жутко видеть торчавшую из воды высоко поднятую голову Гнедка, а за ней на воде от пояса вверх папину фигуру. Жутко подумать, как человек может положиться на животное, вверив ему свою жизнь, и это животное своего господина — человека выносит из объятий смерти. Сколько человеческих жизней уплыло с водами той реки? Ни одного лета не проходило без того, чтобы кто-нибудь не утонул. Не только летом река грозила опасностью, но и тогда, когда ее сковывало или расковывало морозом. Немало провалилось повозок с лошадьми и людьми под обвалившийся, еще не окрепший осенью или уже оттаявший весной, лед. Бывали катастрофы и с паромами, когда они срывались, тогда как поверхность их была забита повозками и людьми.

Наш паром все еще стоял, и мы с затаенным дыханием, не спуская глаз с папы, следили за всеми его движениями, и наконец, конь, подплыв к берегу, вцепился в него передними копытами и вынес папу на берег. Мы все облегченно вздохнули.

Очень медленно наш паром начал отходить от берега, но казалось, что не мы от него отодвигаемся, а берег почему-то от нас стал отходить и отдаляться от нас все дальше и дальше. Вода с шумом, разбиваясь о паром и пенясь, разлеталась в стороны, а паром, как мне казалось, двигался не торопясь, держась своей длинной «рукой» за привлекший к себе мое внимание толстый, металлический канат, переброшенный через всю ширь реки. Канат дрожал и, казалось, вот — вот оборвется, о чем было страшно подумать, и невольно стали сами вставать вопросы: «А что если он порвется? Что тогда с нами будет?» Нет, лучше не думать о таком, лучше не вспоминать. Канат не порвался, и мы благополучно доплыли вначале до половины реки,

а потом и до другого ее берега, где наш паром, замедлив ход, осторожно остановился. Подтянув к берегу канатами, чтобы не было большой щели между береговой деревянной платформой и паромом, его привязали, и все, как на пароме, так и на берегу, зашевелились. Мужчины с берега стали заводить на паром уже высохших лошадей, впрягали их в повозки и выезжали по тряским бревнам мощеного берега. А на берегу тоже стоял народ со своими повозками, дожидавшийся своей очереди въезда на только что прибывший паром, чтобы переправиться на другой берег. Наша бричка тоже съехала с парома, и мы, усевшись в нее, отправились дальше, но через короткое время попали в первую городскую улицу, пересекавшую город с юга на север. Племянница моих родителей, к которой мы ехали, жила, как и большинство русских, в северной части города, и поэтому нам надо было его пересечь, что сделать было не очень сложно, поскольку город растянулся не по направлению с юга на север, а с востока на запад, то есть по длине реки.

Запомнилось мне мое первое впечатление города, когда мы ехали по немощеной его улице, и стук колес нашей брички, которого мы не слыхали во все свое путешествие, теперь раздавался громким эхом, заставляя всех проходивших обращать на нас внимание. Других повозок на улице почти не было или было немного, и мы спокойно, не торопясь, продвигались по ней, а я с большим любопытством обращала на все внимание. Город мне показался совсем не тем, что наша Мазарка, с его домами, растянувшимися по обеим сторонам, параллельно с которыми во всю длину улицы в ряд стояли разросшиеся столетние деревья, упираясь своими верхушками в небо, местами редеющие, а местами так сгущающиеся, что наша крошечная повозка, казалось, двигалась под высоким зеленым шатром.

В городе мы остановились у моей двоюродной, сестры, где чувствовался у всех подъем настроения, поскольку время уж было близко к свадьбе, и шла подготовка к ней полным ходом. Невесте шили платье в той самой портняжной, в которой она училась шить, и которая находилась в одной из построек того же двора, где мы остановились. Из рук в руки ходила красивая цветная картинка с надписью внизу «Неравный брак», на которой были изображены под венцом жених лет пятидесяти и совсем молоденькая невеста в белом роскошном платье. Шли всюду толки, что вот как раньше было нехорошо и прочее, и прочее. Незаметно приблизился и день венчания, которого я почему-то не запомнила. После него, усевшись на чьи-то наполненные до отказа людьми дрожки, мы поехали в город Суйдун, откуда был жених, где его родители уж ждали всех на свадебный прием. На дрожках взрослые расселись по краям, опустив ноги вниз,

а нас, малышей, посадили внутри меж взрослыми. Мы ехали, а солнце так пекло, что нам, сидевшим меж людьми, стало невыносимо тяжело, и мы стали жаловаться маме. Мама, всегда-то относившаяся к нам строго, на нас только прикрикнула и заставила нас молчать. Живя в горах, мы стали совсем не привычными к такой жаре, и хорошо, что день тогда уже клонился к вечеру, а не то мы легко могли бы получить солнечный удар. Но и без того я чувствовала себя прескверно. В Суйдун мы прибыли вечером, когда совсем стемнело, а поздней ночью, после шумного приема, мы отправились в обратный путь на своей бричке, которую для этой цели специально привез папа из Кульджи.

Сев на бричку, я приклонилась к ее прикрытому чем-то краю и быстро заснула, но мой сладкий сон постоянно прерывался от ударов головы о что-то твердое. Приподнявшись немного я искала что-нибудь помягче, но не найдя ничего подходящего, вновь опускала свою голову на то же самое, что-то ужасно твердое, чтобы через несколько секунд или минут проснуться и приподняться снова. Так мы ехали, по крайней мере, несколько часов, и вдруг догнавший нас какой-то грузовик, около нас остановился. Оказалось, что шофером того грузовика был муж моей двоюродной сестры, работавший в каком-то гараже, у кого мы тогда в Кульдже остановились. Сбросали нас всех в кузов грузовика, и мы, как мне тогда показалось, моментально прикатили в Кульджу, а папа опять остался позади трястись на нашей бричке.

В Кульдже у моих родителей были друзья по фамилии Федоровы, которых они непременно навещали всякий раз, когда приезжали в Кульджу. Так и на этот раз мы отправились к ним, где нас тепло встретили, угостили и, помнится мне, как вечером во время беседы их дочь Тася поднесла папе гитару и говорит: «Дядя Ваня, сыграйте нам что-нибудь на гитаре!». Папа начал играть, а когда остановился, она опять ему говорит: «Дядя Ваня, вы так хорошо умеете играть Отче Наш на гитаре, сыграйте пожалуйста!». Играет папа и Отче Наш, а все, притихшие, внимательно слушают. Мне тогда показалось, что папа любил бывать в обществе своих друзей, и по своем приезде в Кульджу он всякий раз проводил с ними какое-то время.

Однажды шла я с папой по городу и встретила игравшую у ворот русскую девочку, которая, увидев меня, вдруг спросила: «Девочка, а как тебя зовут?» Я сказала ей, как меня зовут, но в то же время удивилась ее смелости и подумала: «Как хорошо быть такой! А я? Я никогда не смогла бы обратиться к другому человеку так просто».

После того, как мои родители закончили свои дела, мы вновь отправились к себе в Мазарку и прожили там месяц или два. Осенью того же года меня отправили учиться в школу.

НАЧАЛО ШКОЛЬНЫХ ДНЕЙ

В первый класс у нас брали детей восьмилетнего возраста и старше, а мне осенью 1949 г. как раз должно было исполниться восемь. По той ли причине, что нам надо было ехать в школу, или так совпало, но только в августе вдруг приезжает к нам Варя с мужем и, отгостив, забирает меня и Сашу к себе. Когда и как они уговаривались с нашими родителями, я не знаю, но только оказалось, что мы с Варей отправились в Суйдун, где потом ходили в там находившуюся русскую школу. С нами должен был поехать и наш дикий козлик, которого почему-то наши отдали Варе, а так как он ночь перед нашим отъездом ночевал на своей зеленой лужайке, то утром я отправилась с Варей за ним. Помню, как Варя схватила меня на руки и быстро побежала с нашей горы вниз. Поскольку она была высокой и крепкого телосложения, то ей нести меня было легко, а я, оттого что уж давно не была на чьих-либо руках, сконфузилась и чувствовала себя очень неловко, потому что считала себя уж переросшей такой возраст. Перед тем как нам уехать, наши истопили баню, нас вымыли, снарядили, и без слез мы отправились в новые и неизвестные для нас края. Как ни странно, уезжая, я не чувствовала ни радости, ни грусти, а просто принимала предстоящее как какую-то встретившуюся на моем жизненном пути необходимость. С того времени в моей жизни открылась новая страничка, и жизнь потекла по двум, не сливающимся друг с другом руслам: домашнему и школьному.

Ехали мы по уже известной читателю дороге лишь с той разницей, что нигде не останавливались ночевать, а днем, после ночного пути, все, кроме меня, заснули. Несмотря на то, что было тесно, и болели согнутые в коленях уставшие ноги, отчего я постоянно просыпалась, за ночь я все-таки выспалась и днем сидела на передней части брички с вожжами в руках, управляя парой крупных лошадей.

Приехали мы в Суйдун к вечеру, разгрузили бричку, козлика заперли в сарае, а на следующее утро дверь в сарай оказалась раскрытой, и козлика нашего не стало. Как случилось, что дверь оказалась открытой, осталось для нас загадкой, а козлика хотя и искали — не нашли, и о страшной его судьбе нам было даже страшно подумать. Вероятнее всего, на улице города поймали его собаки и съели, но о таком конце хорошенького нашего козлика думать нам никак не хотелось. У того дома, куда мы приехали, где жила тогда Варя с мужем и его семьей, было два больших двора, тянувшихся один за другим, а сарай находился в самой дали. Чтобы выйти козлику на улицу, надо было ему пройти два огромных двора, и только тогда он мог выйти в большие деревянные ворота, если они были приоткрытыми. Я тогда очень жалела, что его увезли из дома.

Небольшой городок Суйдун когда-то был окаймлен широкой стеной крепости, от которой остались лишь одни развалины. Стены без крыш, круглые большие курганы на окраинах города, беспорядочно разбросанные старые неухоженные кладбища с обвалившимися могилами — все это говорило о том, что в прошлом здесь были большие бои. В иных местах в земляных обвалах торчали гробы с отвалившимися стенками, в которых были видны человеческие скелеты.

Русских в городке было очень мало, отчего и школа русская была небольшой. Это была государственная бесплатная русская начальная школа в четыре класса, и учились в ней около ста учащихся. Вся школа состояла из двух ничем не соединенных между собой классных комнат с прилегающими к каждой из них маленькими коридорчиками. Преподавателей было всего двое, и каждый занимался с двумя классами вместе: первый и третий вела Раиса Карповна Синицина, а второй и четвертый — Павел Григорьевич Синицын — муж и жена. Занятия шли по программе, которую получали из Советского Союза и которой придерживались все русские школы в Западном Китае. Когда я пошла в школу, власть в Китае только что перешла советам, но еще не было никаких изменений в жизни людей, а поэтому мне посчастливилось видеть традиции, обычаи и просто современную тому времени жизнь местных жителей. Тогда в центре Суйдуна было много мелких магазинов, в которых продавалось все необходимое, всякая мелочь для взрослых и детей вплоть до английской жвачки, которую дети очень любили. Каждое утро на главной улице расставлялись столы, на них насыпались поджаренные подсолнечные семечки и всякого рода съедобные изделия: сушеные фрукты, соленые и поджаренные китайские бобы, конфеты, а в зимнее время — тангар[1] и прочее. У хлебопекарен выставлялись свежеиспеченные уйгурские

---

[1] Тангар — различные замороженные изделия из меда.

лепешки, тукачи[2], самсы[3], а около китайских столовых продавался китайский хлеб — момы и всякая другая пища, приготовленная как на пару, так и в кипящем масле. Продавались также мука, мясо, рыба и другие свежие продукты, а на определенном месте был скотский базар, на котором продавались лошади и другой различный скот. Летом был и зеленый базар, куда свозились овощи, арбузы, дыни, фрукты и прочее. Кроме того, были и магазинчики, в которых также продавались продукты, включая овощи и фрукты. Надо сказать, что Суйдун особенно славился нежными, ароматными и сочными персиками. Почти в каждом дворе у людей были свои сады, и я помню, как осенью уйгуры-соседи угощали нас вкусными персиками, абрикосами, виноградом и яблоками. Наш двор, хотя и был большим, однако сада в нем почему-то не было, и мы, дети, довольствовались тем, что нам давали домашние взрослые или соседи.

В Суйдуне, как и в Кульдже, по обеим сторонам улиц тянулись огромные деревья, у корней которых бежали оросительные арычки, а в каждый двор были перекинуты мостики для въезда повозок. Во дворы вели большие и, как правило, днем и ночью прикрытые деревянные ворота с калиткой, а около них под окнами домов часто стояла скамейка. Окна были всегда со ставнями, которые на ночь, как и ворота, запирались. Над воротами нашего дома в Суйдуне была большая крыша, под которой всегда жили и ворковали голуби. В те времена было обычным явлением, когда по улицам ходили продавцы со сладостями, разложенными на подвешенной у их поясов деревянной полочке. Особенно люди любили всевозможные разновидности тангара, который и мне очень нравился. Но так как у нас денег не было, то сами мы его никогда не покупали, и только изредка родители нашего зятя или их уже взрослая дочь приносили тангар домой и угощали нас.

Дом родителей нашего зятя был большой. Та часть его, в которой они жили сами, состояла из двух больших комнат с деревянными полами, под которыми находился подвал, и освещались комнаты электричеством. Рядом были еще две комнаты, которые сдавались, и в них всегда жили русские квартиранты. При выходе из главных комнат, над верандой, был большой навес, под которым летом стоял стол, и это место заменяло столовую. Далее располагались еще несколько комнат-кладовых и затем опять навес, а под ним летняя печка, где готовилась пища.

Все это находилось в первом дворе, а во втором стояли вокруг сараи, и там же была большая и глубокая, прикрытая досками с отверстием, яма, то есть примитивный туалет, огороженный простыми

---

[2] Тукачи — уйгурский хлеб, особым способом испеченный.

[3] Самсы — уйгурские пирожки с мясом.

стенками. К слову надо упомянуть, что у нас в Китае часто стены вокруг туалетов состояли из простых кое-как слепленных заборчиков без двери, и находящийся по случаю там человек должен был предупреждать следующего посетителя своим покашливанием, а не то его могли застать врасплох, что нередко и случалось.

На крышах сараев было наметано большими стогами сено, а с земли на крышу вела подставная лестница, которой мы нередко пользовались во время игр и лазанья по крышам.

Так вот в тех, упомянутых мной двух комнатах, жили отец с матерью, два женатых сына и незамужняя дочь. По нашем приезде мы с Сашей тоже поселились в тех же комнатах. Где мы обыкновенно спали, я не помню, но помню, что иногда мы спали на полу, а иногда я укладывалась на кровати с моей сестрой, где, конечно, спал и ее муж. Правда, после того как одного сына призвали в армию, и он с женой и ребенком уехал в Кульджу, людей у нас убавилось.

У отца нашего зятя была своя кузница, и мы часто там бывали и смотрели, как он из раскаленного железа выделывал всякие металлические вещи. Хотя я и видела, как папа из железа выковывал части то для телеги, то для плугов, когда мы ему помогали раздувать огонь горнилом, но все-таки в кузнице с ее всякими приспособлениями было намного интереснее.

Китайцев в Суйдуне в процентном отношении было больше, чем в Кульдже, и женщины-китаянки, всегда одетые в свои традиционные китайские черные, сужающиеся внизу брючки и в такие же черные китайские кофты, ходили мелкими шажками, так как стянутые их ножки были очень маленького размера. Чтобы сохранить ноги маленькими, девочкам-китаянкам с раннего детства затягивали ноги, не давали расти ступне. Представить только, какие боли должен был терпеть ребенок во время своего роста! У китайцев считалось, что если у девочки будут нормальные ноги, то порядочный парень и с достатком на ней не женится, и поэтому желание получить хорошего зятя заставляло родителей мучить своего ребенка.

Еще до того, как я поступила в школу, мама рассказывала о каких-то китайских торжествах, бывавших в Кульдже раз в год. Во время таких торжеств китайцы носили по улицам очень высокие разукрашенные носилки, в верхней части которых находилась худенькая девочка или молоденькая девушка, которой специально не давали много есть, чтобы она не была тяжелой. По рассказам мамы тельце несчастной было щупленьким, тоненьким, а лицо очень и очень бледным, даже как бы прозрачным.

Вот в такую я попала атмосферу, когда приехала в Суйдун, чтобы поступить в первый класс русской школы. У меня тогда были

длинные волосы, а заплетать их в косы я еще не умела. Живя на мельнице, мы меньше всего обращали внимание на волосы и большей частью бегали такими, какими были после сна. Мама всегда была занята то хозяйством, то домашними делами или мельницей, помогая папе, а для наших волос времени у нее просто не оставалось, хотя изредка она их нам расчесывала и заплетала в косички. Поэтому мы к таким волосам так привыкли, что они, взлохмаченные, нам ничуть не мешали. Теперь же каждое утро мне кто-то должен был их расчесать и заплести, то есть я должна была ждать чьей-нибудь помощи. К счастью, я такой помощью пользовалась только первые несколько дней, а потом стала это делать сама, никого не дожидаясь. Как у меня получалось — не знаю, но видно было сносно, что мне это делать стали позволять и никаких поправок мне не делали.

Незаметно пролетела осень, и наступила снежная зима, а для зимы я оказалась очень легко одетой и вскоре, простудившись, заболела. Сестра нашего зятя Настенька тогда работала в госпитале, и по ее инициативе мне сшили стеганые брючки, которые я потом надевала под платье, и так проходила в школу всю зиму. Говоря о Настеньке, я не могу сказать, какую должность она занимала в госпитале, но, как я помню, ее постоянно вызывали к больным, несмотря на день, вечер, раннее утро или позднюю ночь. В таких случаях приезжали за ней на извозчиках, и она, спешно собравшись, уходила. Больных она принимала всех без разбора, какой бы они ни были национальности.

В школу и из школы мы ходили пешком и шли в одну сторону с полчаса. Бывало иду я, коротышка, с моим длинноногим братом Сашей и не могу за ним поспеть, но от него не отстаю, тороплюсь изо всей мочи, не иду, а бегу. Ноги мои от усталости и перенапряжения начинали болеть, что я кое-как переносила, но Саше никогда не жаловалась. И так каждый день: то мы идем через центр города, где вся торговля, то по окраине его, проходя через большие зияющие ворота оставшейся крепости.

У наших хозяев короткое время жила моего возраста русская девочка богатых родителей, и она могла брать у продавцов на родительский кредит все, что хотела, но поскольку она ни в чем не нуждалась, то всегда покупала жвачку, которой угощала и меня. Девочку звали Зоей. От Зои я научилась и чему-то другому, что теперь совестно вспомнить, но вспомнить надо на пользу родителям, чтобы они смогли понять, как влияют на детей их друзья и подруги.

Как я уже упомянула, на главной улице города всюду стояли столики, наполненные как вкусными поджаренными подсолнечными семечками, так и поджаренными китайскими бобами и другими

съедобными вещами. Проходя мимо, Зоя быстро протягивала руку и, схватив горсть чего-нибудь, быстро отходила от столика и шла дальше. Закончив горсть стянутого, она опять протягивала руку к другому столику и опять, набрав горсть, как ни в чем не бывало, шла дальше. Если заметивший продавец ее окликал, то она быстро отбегала, и на этом преследование заканчивалось. Так всю дорогу в школу или из школы она шла, что-нибудь уплетая. Глядя на нее, и я стала увлекаться такой же забавой, да, к счастью, недолго, вероятно, потому, что моя совесть мне этого делать не позволяла.

Однажды Настенька дома на столе оставила деньги, а они исчезли. Помню, как она всех спрашивала о потерявшихся деньгах, в том числе и меня, но поскольку я их не брала, то она, как мне тогда показалось, сразу же мне поверила. По всей вероятности, деньги попали в руки Зои, так как больше их взять было некому.

К слову, у Зои была такая гибкая спина, что она безо всякого труда могла выделывать всевозможные мостики, прыгать, скакать и кувыркаться колесом. На школьных концертах она всегда украшала сцену своими гимнастическими фигурами. Жаль, что не было возможности заниматься гимнастикой как следует, думаю, что из нее вышла бы, может быть, и мировая чемпионка.

Учиться в школе Зоя совсем не могла. Она всегда тянулась на двойках, а было ли это от неспособности или от лени, я не знаю. После того года наши пути разошлись, и я ее встретила много лет позже уже взрослой, но мы к тому времени уж были совсем разными. Мне позже рассказали, что ее жизнь сложилась как-то очень трагично: неудачный и недолгий брак, возвращение в Советский Союз и преждевременная смерть.

Вокруг нашей школы стояло множество стен от давно развалившихся домов, в которых мальчики во время перемен очень любили играть в войну. Девочки же большей частью играли в школьном дворе в кошки-мышки, круговое, прыжки через веревку и в игры, заимствованные от местного китайского и уйгурского населения. С девочками зачастую играли и мальчики. В холодные зимние дни на переменах почти все оставались в классах и ели свои скудные завтраки, которые состояли из простого булочного хлеба, иногда талкана или просто моркови. Во время еды дети угощали друг друга, чем могли. Поэтому у меня была возможность попробовать русский хлеб различных сортов, поскольку каждая хозяйка выпекала булки по-своему, отчего они получались определенного вкуса.

Дети в школе были самые разные, и их русский язык был разнообразен и с разными выговорами. Так незаметно каждый ребенок начинал включать в свой язык когда-то для него совсем незнакомые

слова или их неправильные выговоры. После долгого периода все настолько смешалось в языке, что никто не знал как надо сказать то или иное слово правильно, да мы и не задумывались над этим.

Кроме русских, у нас были и смешанные русско-китайские семьи, в которых, как правило, жена была русской, а муж китайцем. Детей своих такие семьи, большей частью, посылали в русскую школу, и таковых у нас было тоже немало. Их дети в школе от русских не отставали и, часто, учились хорошо.

Мне тогда учиться было очень легко, вероятно оттого, что я всегда аккуратно и добросовестно выполняла все домашние задания. Каждый день, придя из школы, мы вначале садились за уроки и не вставали до тех пор, пока все не было сделано. Закончив все, мы с легкой душой бежали играть с соседскими русскими детьми. Нас никогда не принуждали учиться и делать уроки, делали это мы по своей воле.

Хотя находившиеся вне Кульджи русские школы и были самостоятельными, но на каждой из них лежала невольная зависимость от школ Кульджи. Зависимость эта заключалась в том, что все учащиеся заканчивавшие начальную школу вне города, должны были ехать в Кульджу и там сдавать экзамены, что заставляло преподавателей тех школ не плошать и по-настоящему работать с детьми.

У нас в школе был определенный распорядок, которому все подчинялись безоговорочно. Утром занятия начинались в восемь, а перед ними всегда была всеобщая зарядка, когда все стояли в рядах по классам. Еще до зарядки все должны были быть в классе. Санитаром проверялась чистота рук, ушей, ногтей, воротников, манжет и носовых платков. Отращивать длинные волосы мальчикам не разрешалось, и если это у кого случалось по небрежению родителей, то ему их срезали в классе. Длинных ногтей иметь также никому не позволялось, и если у кого они были длинными, то срезали их в классе. Конечно, делали это не ученики, а учитель после отчета санитара. В начале учебного года в каждом классе голосованием выбирались староста и санитар, а в первом санитаркой оказалась я, и каждое утро я должна была проходить между парт, подходя к каждому ученику по отдельности.

При входе учителя в класс все вставали и на приветствие его отвечали: «Здравствуйте!» Уроки продолжались по сорок пять минут, а между уроками были пятнадцатиминутные перемены с одной большой — в сорок пять минут. За всякие провинности учащиеся наказывались: стояли за партой, или вызывали их к доске и ставили перед всем классом, а иногда — в угол. Очень распространенным было наказание «остаться без обеда», то есть после окончания занятий

остаться в классе на один час. Такое наказание зачастую получали учащиеся, не сделавшие домашние уроки. Весь тот час они должны были в классе выполнять несделанное.

Старостой каждый день назначался дежурный, который следил за чистотой доски и класса. В теплые дни он следил также и за тем, чтобы в классе никого не было при проветривании.

Один раз в год к новогодним праздникам школа ставила концерт, который проходил в городском клубе. Задолго до концерта начинала вся школа готовиться к нему, репетировали пирамиды, танцы, стихи, басни, пьески. Осталось в моей памяти, как мы, девочки, одетые в украинские национальные костюмы, танцевали и пели:

Мы матрешеньки,
Мы хорошеньки,
Все мы лаковые,
Одинаковые.
Мы в колхозе родились
И на славу удались:
Под подушкой калачи,
В ручках прянички,
В щечках яблочки.
Хорошо, хорошо.
До чего ж хорошо,
До того ж хорошо,

Замечательно!

Вспоминаю я эту песенку и думаю: «Да, хотя в наших ручках и не было «пряничков, а в щечках яблочек», однако у нас тогда был хлеб и талкан с морковью, и тем мы были довольны, а позже, когда появились коммуны, то и хлеба с талканом не стало».

Никаких украшений на елку в школе не было, поэтому все оставались после занятий, чтобы делать цепи из разноцветной бумаги. Цветную бумагу давали и домой и просили сделать игрушки — кто что придумает.

В зале, где проходил концерт, на Новый Год стояла украшенная елка, вокруг которой после концерта мы водили хороводы, напевая: «В лесу родилась елочка». Затем Дед Мороз всем нам раздавал мешочки, наполненные конфетами, орехами и пряниками. Заканчивалось торжество угощением, которое состояло из вкусного уйгурского жирного пилава (плова) с мясом. Поскольку уйгуры столовым прибором не пользовались, то и мы должны были есть его по-уйгурски, то есть сложенными вместе тремя пальцами.

Зимние каникулы у нас начинались перед Рождеством Христовым и заканчивались после Нового Года. А на праздник Рождества Христова, по традиции сложившейся в Кульдже и ее окрестностях, дети ходили по домам русских и пели: «Рождество Твое Христе Боже наш». Им за это давали конфеты, пряники, орешки, деньги и прочее. Поэтому каждый ребенок брал с собой мешочек, куда это все и складывалось. Дарить подарки на Рождество Христово родным и друзьям у нас было не принято, и к традиции подарков мы не привыкли. Помню, как в том году на Рождество мы с Сашей тоже пошли славить Христа и даже не постеснялись зайти в дом своих преподавателей. Это был мой первый год, когда я в детстве ходила славить Христа, и последний, поскольку с новой властью необходимость заставила русских изменить свои традиции.

Занятия в школе шли шесть дней в неделю, и только по воскресеньям мы не занимались. Придя домой, мы ужинали, делали уроки и потом, как я уже упомянула, шли играть. Очень редко, но бывало, что с домашними мы ходили в кино смотреть русские фильмы, из которых мне особенно нравились показывавшиеся перед фильмом журналы — коротенькие сказочные мультики. Потом, играя дома, мы пробовали их имитировать, подражая, например, охотнику:

Хожу я по болотам,
Брожу по лесу я.
Охота, охота,
Охота — страсть моя.

Жившие по соседству уйгуры как-то приобрели маленькое радио с наушниками, через которые можно было слушать передачу. Пригласили они и нас послушать их радио, которое я услыхала впервые в жизни, а услыхала я тогда тоненький, еле слышный голосок что-то говорившего человека.

Во время наших забав мы перелезали через стену нашего заднего двора и попадали в какие-то развалины и на старое кладбище с провалившимися могилами. Проходя меж них, мы осторожно ступали, а не то легко можно было оступиться и улететь в зияющее отверстие могилы.

В хозяйской кладовой лежала куча старых туфлей, и, когда в ней никого не было, я выбирала какую-нибудь пару и наряжалась. Мои ноги в них совсем утопали, но я, не обращая на это внимания, расхаживала по кладовой. Любила я туфли с высокими каблуками, и несмотря на то, что они были старыми и огромными, я все равно от ходьбы в них получала удовольствие.

В зимнее время почти у всех русских детей были санки: у кого металлические, у кого — с обтянутыми металлом полозьями, а у некоторых просто деревянные. У Саши тоже были какие-то санки, и как мне кажется, они были из средних. В одно из зимних воскресений надумал он пойти по льду находившейся поблизости маленькой речушки, усадил меня в санки, и мы отправились по извилистому руслу меж высоких, местами обрывистых, берегов. Я сидела в своих санках и видела, как в одном обвалившемся месте высоко над нами был виден гроб без боковины, а в нем человеческий скелет во всю его длину с усевшейся землей промеж его белых костей. Это был скелет взрослого человека, но он мне почему-то показался довольно коротким.

Живя в Суйдуне, мы, вероятно, проверили все его достопримечательности, состоявшие из развалин, больших курганов и кладбищ, которых там было немало. Помнится мне, как на одном из них стоял высокий памятник, внутри которого было пусто. В одной из его стен вверх шла узкая лестница из кирпича, и мы, конечно, ее тоже проверили.

В городе было довольно много нищих, но они не просили у людей на улице, а приходили к воротам домов и у ворот что-нибудь говорили, а люди им выносили, большей частью, хлеб. На плече у нищего всегда был мешок, в который он складывал полученное. У нас говорили, что некоторые «побирушки», как у нас называли нищих, жили где-то на кладбище, и мне было трудно вообразить, как они могли там жить, особенно в зимние месяцы.

До восьмилетнего возраста мне не приходилось видеть умерших, но той зимой, к несчастью, умер тесть брата нашего зятя, и я со всеми пошла на похороны. Умерший очень любил выпивать, что и явилось причиной его смерти — выпивши хорошо, где-то в пути замерз. Помню, как я вошла в комнату и увидела лежавшего в углу на кровати уже приготовленного к похоронам покойника с синими губами, промеж которых выглядывал зуб, прикусивший в одном месте верхнюю губу. Я смотрела на него и не чувствовала ни страха, ни жалости и вообще была очень спокойной. В комнате было много разного народа, пришедшего проводить умершего. Так время шло незаметно, мужчины за это время на улице сделали из простых досок гроб и, переложив в него покойника, вынесли и на чем-то увезли. Оставшиеся быстро стали подметать в комнате, по народному поверью, чтобы покойник не возвратился.

Возвратившись к вечеру домой, я почувствовала в себе какое-то беспокойство и чувство страха, но я этому не придала никакого значения и, не обращая внимания на такое странное чувство, вечер провела по-прежнему, а когда легла спать, и свет был выключен,

то тут-то я поняла, как на меня подействовало то, что я видела днем. Меня буквально начало трясти. Я лежала с братом на постели, разостланной на полу, и мне казалось, что мертвец был всюду: и под столом, и во всех углах, и около постели, и в пространстве. Не помню, как об этом узнала Варя и взяла меня в свою постель, где я также не могла успокоиться. Но это было еще только начало болезни, которая давала знать о себе каждый вечер, когда я ложилась спать. После того злополучного дня я каждый вечер должна была вести войну с собой. За уроками вечерами сидела и дремала, но стоило мне только лечь в постель, как мое сердце начинало колотиться, а сна как не бывало. Я потом уж научилась держать свой ум на привязи, чтобы ни о чем не думать, а не то все думы сходились в одну точку, и в глазах вставал мертвец. До семнадцатилетнего возраста я так мучилась каждый вечер с постепенным медленным улучшением, и только потом как-то я стала забывать о мертвеце. Удивительно то, что страха у меня до этого случая никогда никакого не было, и в нужные моменты в ночной темноте я могла выходить на улицу без всякого страха, и засыпала я всегда моментально, как только ложилась. После такого испытания я старалась никогда не появляться на похоронах, даже уже совсем взрослой.

Учебный год подходил к концу, на улице стало совсем тепло и приятно, а в один прекрасный день всей школой решили пойти куда-то за город на экскурсию. С нами пошел Павел Григорьевич — учитель старших классов, который являлся и директором школы. Пищи мы никакой не взяли, и вообще с собой у нас ничего не было. Шли мы долго. По пути вброд переходили встречавшиеся мелкие и крупные речки, которые в иных местах были настолько глубоки, что вода доходила до моей груди. Каждый раз, когда я выходила на другой берег, облегченно вздыхала.

Старшим учащимся, конечно, переходить через реки было легко, и они присматривали за младшими. А Павлу Григорьевичу было совсем хорошо. Чтобы ему не разуваться, четвероклассники брали его на свои спины и несли над водой, а позади другие поддерживали ему ноги.

По дороге мы нашли красную клюкву, которой позабавились, поели и пошли дальше. Наконец, нам разрешили сесть на холмистой поляне, чему мы обрадовались, но тут произошло нечто для нас неожиданное. Какие-то русские люди в ведрах принесли свежего молока и несколько булок хлеба, от которых, даже теперь помню, исходил особенный аромат. Уставшие и проголодавшиеся, мы тогда с большим аппетитом вволю поели булки, запивая вкусным молоком, и нам казалось, что такого вкусного хлеба и молока мы никогда не ели и не

пили. Потом уж узнали, что мы пришли к месту, где жила одна из наших учениц, и ее родители накормили нас такой вкусной пищей. Хорошо отдохнув на той лужайке, мы отправились в обратный путь.

Однажды, возвращаясь из школы, на перекрестке улиц я заметила толпу. Подойдя поближе, я увидела несколько шутов, которые своими фокусами забавляли любопытствующий народ. Долго они выделывали всякое необычное, а с народа за свою работу собирали деньги. Позже кто-то из учащихся рассказывал, что видел где-то, как шуты на сцене отрубили человеку голову, которая покатилась по полу, и мы с ужасом слушали это .

В весеннюю приятную погоду на одной из перемен мы с девочками бегали по развалинам, где мальчики любили играть в войну, и оказались на какой-то крыше. Одна из девочек решила прыгнуть с той крыши, за ней вторая, третья и я. Недаром говорят «как дети» или «глупые дети», не один ребенок, не два, а все дети. Они сами себе находят беду. Поэтому-то и нужен для них строгий надзиратель, который следил бы за их нехорошими склонностями, дурными поступками и не дозволял бы проникновению к ним таких явлений от беспризорного самовольного детского общества. Вспоминая наши «из ряда вон» выходящие поступки, один из которых я привела здесь, ужасаюсь им, и мне с трудом верится, что мы могли тогда так поступать. А происходило это оттого, что кому-то из нас пришло в голову, а все остальные, как бараны, шли за вожаком. Впрочем, такое ребячество нередко бывает и со взрослыми людьми, и только потому, что зачастую человек не живет своим умом. К несчастью, так уж всегда случается, что не только многие ведут за собой немногих, но, большей частью, за одним человеком идут многие. И только представить, что получается с этими многими, если их умами и волей завладевает какой-нибудь духовный или моральный паразит, а сдерживающей руки нет. Хорошо, что у нас тогда все прошло благополучно, а чего только могло не случиться, не говоря уж о переломах. Когда я приземлилась, то внутри что-то так тряхнуло, что невольно подумалось: «А если что-нибудь оборвалось?»

Поскольку русских в Суйдуне было мало, православной церкви там не было, но изредка приезжал батюшка из Кульджи, чтобы отслужить литургию и исполнить накопившиеся требы: крестины, венчания и прочее. В том году, когда мы были там, батюшка приехал весной, во время уж совсем теплых дней, вероятно, по приглашению народа. Из нашего класса вынесли парты и устроили церковь, расставив и развесив по стенам, как полагается, иконы. Для такого небольшого количества русских, проживавших тогда в Суйдуне, на богослужениях народа было много, и все чувствовали себя празднично,

не говоря уж о детях. После литургии были совершены некоторые требы и венчание суйдунской девушки с парнем, жившим с родителями за городом, где и должен был после венчания быть прием. После литургии нас сразу же забрали, и мы поехали с кем-то в дом жениха и долго там ждали новобрачных. От нечего делать мы заходили в приготовленные для торжества комнаты и поглядывали на накрытые столы, где на тарелках заманчиво горой лежали хрустики[4]. Наконец вдали из-за горки показалась повозка, и на ней, в первую очередь, все увидели невесту в белом, а затем и всех остальных, меж которыми сидел и батюшка. Не помню, были ли только одни дрожки или их было несколько, но помнится мне, как они быстро подкатили, сошли с них жених с невестой и, не задерживаясь, прошли за столы, а за ними прошли и гости. Из комнаты потом слышался шум, гам, шутки, хозяйское потчевание, и потом все это перешло на пение подпившими голосами разных русских песен.

Поскольку детям не позволялось быть с гостями, то мы только со стороны посматривали, как веселились взрослые. Не помню, чтобы мы ели что-нибудь вкусное от брачного стола, хотя и не помню, чтобы я была голодной.

Случилось мне тогда побывать еще у одних живших за городом русских. Во дворе у них я заметила большие грабли, на которых было сиденье для человека, управляющего впряженной в грабли лошадью, а около сиденья торчал рычаг, чтобы поднимать грабли, когда потребуется. Я с интересом рассматривала эти чудесные грабли и жаль, что не обратила внимания на остальные, бывшие там, сельскохозяйственные орудия, облегчавшие труд человека.

Незаметно проскользнуло весеннее время, май подходил к концу, а жара уже дала себя хорошо почувствовать. В Суйдуне, как мне кажется, она особенно ощущалась, потому, что он был ближе к долине или по какой другой причине, но поверхность земли там была суше и пустыннее. Китайцы в своих кухнях на колесах всюду продавали свою легкую летнюю еду, называвшуюся с русским выговором «ашлянфуля». Это было холодное блюдо, состоявшее из рисового холодца, порезанного специальным прибором длинными полосками, куда добавлялась еще тонкая китайская лапша и подливка с множеством различных приправ, стоявших в стеклянных сосудах на ходячей кухне. Это блюдо отличалось особенной остротой, что многим нравилось, но часто люди заказывали себе порции с менее острым вкусом. Такую еду летом все любили, но не у всех для этого были деньги,

---

[4] Хрустики — специально приготовленное, тонко раскатанное тесто, порезанное длинными лентами и поджаренное на растительном масле. В Кульдже называлось "масленкой".

в том числе и у нас. За все время моей жизни в Китае я с удовольствием ела это блюдо всего лишь раз пять до того, как новое правительство разогнало всех, в том числе и продавцов ашлянфули.

На улицах тогда продавалось мороженое разных сортов, а также прозрачные и самых разных цветов напитки в бутылках.

Время шло, наши занятия в школе закончились, настала пора возвращаться домой, в Мазарку. Опять мы ехали по известной дороге: через реку Или, паром, Сумулы, долину, бинемы и оказались на своей заветной горе, с вершины которой перед нашим взором предстала Мазарка. Домашняя жизнь наша уже тоже известна, и изменений каких-либо не произошло, лишь только лето сократилось, и я не заметила, как подкатил сентябрь. Мне надо было бы ехать в школу, да папа не мог оставить уборку хлеба и покос до осенних дождей, поэтому мы очень задержались. Когда папа управился со своими делами, в школах первая четверть подходила к концу.

Саша был в Кульдже и учился в школе, поэтому и меня папа повез на этот раз в Кульджу, где нас обоих устроил жить в семье брата нашего зятя, служившего тогда в военном гараже. По нашем приезде прежде всего мы пошли на базар, чтобы купить мне обувь для школы. Помню, как проходили мы мимо лавочек (небольших магазинов), мимо развешенной под навесом и просто разложенной на столах обуви как летней, так и зимней, включая валенки разных размеров. Продавцы нас подзывали посмотреть, примерить, но мы все шли, присматриваясь, пока папа не выбрал, что хотел. Купил он мне тогда сапоги, валенки и летние тапочки на вырост. Тапочки мне были настолько большими, что мои ноги до них так и не доросли.

На другой день или в тот же, не помню, мы зашли в одну из русских школ, чтобы меня записать в число учащихся, но нам сказали, что очень поздно, школа переполнена, и что меня не примут. Тогда папе пришлось повести меня в другую школу, и там мы встретили то же самое. Преподаватели не хотели меня брать, так как боялись, что я не смогу догнать своих одноклассников, а также не хотели брать на себя лишнюю ответственность. Они говорили, что мне будет невозможно усвоить старое, в то время как класс будет все время продвигаться дальше, даже если преподаватель приложит свое усилие. Вероятно, папа не отступал, упрашивая их, что одна учительница, хотя и с большим затруднением, решила меня взять в свой класс.

Помню, как первый день я сидела в классе за одной партой с какой-то девочкой, и что-то мы писали, а когда мне надо было написать слово с заглавной буквы М, я не могла вспомнить, как она пишется. Я решила спросить у своей соседки, а она, вместо того чтобы потихоньку мне показать, как пишется буква, вдруг на весь класс

произнесла: «Она не знает, как писать буквы». Было ли это причиной, или то, что я не понимала многое, помню, как мне чувствовалось тяжело, и я не хотела идти в школу. К тому времени папа уже уехал, а Саша, узнав о том, что я не хочу идти на занятия, расстроился, заставил меня собраться и насильно повел в школу и прямо к моей учительнице. Иду я с братом и говорю: «У меня сердце болит». Я ему говорила правду, так как у меня болела душа, но от старших я когда-то слыхала выражение «болит сердце», а «душа болит» никогда не слыхала, так и думала, что это и есть то, что «болит сердце» и как знала, так и выразила свое тяжелое душевное состояние. Вспоминая об этом, потом наши надо мной подшучивали: «Как это у тебя сердце-то болело?». Не любила я об этом вспоминать.

Прошла первая четверть занятий, и я оказалась не аттестованной, но уж догоняла опередивший меня класс и чувствовала себя равной с другими, как неожиданно заболела корью. Болела очень тяжело, лежала дома в бреду и с большой температурой. Хозяева наши стали беспокоиться, что я не вынесу, и решили меня увезти в больницу. Не помню, как меня везли, но уж в больнице мне казалось, что я вижу какой-то большой и высокий коридор, в котором что-то строили и раздавался бесконечный стук молотков. После того ничего не помню, а когда очнулась, то увидела, что я лежу на кровати в большой детской палате, в которой еще стояло около десяти или двенадцати кроватей. Мне чувствовалось лучше, и я стала рассматривать палату и детей, лежавших в ней. Некоторые из них лежали тяжело больные, при большой температуре, а другие, чуть ли не совсем здоровые, развлекались разговорами и чтением книг. На противоположной стороне комнаты у стены лежала девочка чуть постарше меня, бывшая центром внимания обслуживавшего персонала. Она болела тремя болезнями: корью, рожей и еще какой-то третьей. Лицо ее было красное, круглое, а температура стояла выше сорока градусов. У подножия каждой кровати висел график, на котором отмечалась информация лежавшего на той кровати больного, а все окна палаты были завешаны красным. Рядом с кроватью стояла тумбочка, на которую ставилась приносимая нянями пища. Больных кормили по определенной диете: обычно один раз в день давался мясной бульон с сухариками, но без мяса и два раза в день приносился чай с сахаром, а что нам давалось к чаю — не помню. Во всяком случае вся пища была очень легкой.

Обслуживавшая больных врач была женщина-татарка, которую звали доктор Шафика. Ее все русские знали, и она говорила по-русски. Пришла она утром осмотреть своих больных а, подойдя ко мне, сказала: «Вот видишь, какая хорошенькая стала, а привозят ко мне

всех страшненьких. Поправляйся скорее. Когда поправишься, я тебя повезу к себе в дом. Хочешь ко мне в гости?» Мне очень понравилось, что врач такая ласковая и, конечно, обязательно хотела поехать к ней в гости. После того я все время ждала, когда она мне скажет: «Ну вот, ты уже здоровая, поедем ко мне». Но она мне так этого и не сказала. Вероятно, каждый выздоравливавший ребенок ждал, когда, наконец, доктор Шафика повезет его или ее к себе в гости.

В определенное время дня к каждому больному подходила сестра, измеряла температуру, давала нужное лекарство и что-то отмечала на графике. От кашля нам давали какое-то приятное лекарство, пахнувшее анисом, и оно очень хорошо нам помогало. Больше нигде я такого хорошего лекарства от кашля не встречала, даже за границей. Когда я стала подниматься с кровати, то выходя из двери своей палаты в первый раз, я ожидала увидеть тот широкий и высокий коридор с какими-нибудь деревянными построениями, что я видела по своем приезде. Однако, к моему большому изумлению, я увидела не очень широкий, низкий и длинный коридорчик, совсем не такой, каким он остался в моей памяти.

Когда я уже почти совсем поправилась, однажды меня вызвали в коридор, где я увидела папу с моим старшим братом Колей. Для меня это было очень большой неожиданностью, да и они, когда ехали в город, тоже не ожидали, что я в больнице.

Невольно мысль перенеслась в Мазарку и встали бесчисленные вопросы или полувопросы — полуответы, так как все-таки было какое-то понятие того, как это все было: как они ехали в такие холода, как пересекли долину, реку, а как взбирались на нашу гору в Мазарке по ледяной дороге? Поговорили мы в госпитале, и папа с Колей ушли и вскоре уехали домой еще до моего выхода из больницы.

Шла я один раз по коридору больницы и видела, как с противоположной стороны няни катили кровать, поверх которой была наброшена простынь, прикрывавшая что-то на ней лежавшее. Мне както не хотелось смотреть на такую сцену, и я хотела поскорее проскользнуть, но тут, как нарочно, когда я проходила мимо той кровати, одна сторона ее соскочила со своего места, а с нее на пол слетел голый мертвец и покатился по полу коридора. За ним кинулись везшие кровать няни, и что они потом делали, я не знаю, так как постаралась без оглядки поскорее исчезнуть. После этого я очень тревожилась, что не смогу спать, но, к моему удивлению, хуже я себя не почувствовала.

Принесли к нам в палату еще одного лет трех больного мальчика, но он, пролежав ночь, на утро умер. Видно родители уж поздно спохватились, бедняжка не вынес.

В нашей палате лежало несколько детей из русского интерната, но их болезнь была в такой легкой форме, что они могли разговаривать между собой о советских «Катюшах», о войне, а няни их, бывшие постоянно с ними, приносили им книжки, читали им или что-нибудь рассказывали. Смотрела я на них и думала: «Какие они счастливые, им столько уделяется внимания».

Наконец, у тяжелобольной девочки температура установилась, и лицо ее стало принимать нормальный вид. Я узнала, что это была Аня Кузнецова, с которой я тогда впервые встретилась и познакомилась.

Когда мне объявили, что я уже поеду домой, я почувствовала себя, как чувствует человек, уволенный с работы, то есть что я там больше не нужна, и от этого мне стало горестно. По правде сказать, мне в больнице очень понравилось, и до слез не хотелось уезжать.

Хотя меня и отпустили домой, но в школу ходить пока что еще не позволили, а когда я в нее попала, то оказалось, что я опять далеко отстала от своих одноклассников. Однако на этот раз догнать их мне почему-то было нетрудно, даже если и вторая четверть у меня оказалась не аттестованной, а к концу года я закончила тот класс отлично и даже с похвальной грамотой.

В Кульдже в то время было две русских школы: одна десятилетка носившая старое название «Гимназия», а другая была только начальной, то есть четырехлеткой, в которой я училась в том году, и название она носила по названию той части города, в которой она находилась, то есть «Арынбакская». Вскоре после этого была построена еще одна десятилетка с названием «Сталинская». В этой, последней, могли учиться только дети родителей, имевших советские паспорта, то есть у кого было подданство Советского Союза. У многих русских такие паспорта были, но у многих, в том числе и у нас, их не было. У нас не было ни советского подданства и ни китайского, хотя и было сильное давление свыше, чтобы люди брали паспорта. Таким образом, мы оказались вообще без гражданства.

Помнится мне, как учащиеся Сталинской школы смотрели на остальных свысока, как будто они были сверхлюди, а все остальные лишь ничтожные людишки, а вели они себя так по следующей причине. Сталинская школа была еще совсем новой, двухэтажной, с большим двором, с зацементированными вокруг здания дорожками и подстриженным живым, зеленым заборчиком по обеим сторонам дорожек. Перед школой на ее фасаде стоял бюст Сталину, и весь школьный двор отделялся от улицы металлическим забором.

Раньше улица, на которой была построена эта школа, называлась Силиньбу, на которой, как раз против школы были большие

ворота, а по обеим сторонам их, на пьедесталах сидели два красивых изваяния больших львов. Внутри этого заведения находилось китайское правительство. При перемене правительства все это снесли, снесли и ворота со львами, а улицу назвали Сталинской. Позже улицу заасфальтировали, однако оросительные арычки по сторонам улицы оставили, прикрыв их сверху деревянными решетками. В летнее жаркое время потом асфальт на улице так размягчался, что в него впивались каблуки ходивших по улице людей, отчего оставались на нем различной величины ямочки.

Арынбакская школа, в которой я училась, была небольшой, и расположена она была в средней части обширного двора, на котором было достаточно места для всех, кто хотел побегать или поиграть в различные игры во время перемен. По всей вероятности, эта школа была древней и обслуживала русских с самых первых лет их страннической жизни в Кульдже. От нашего дома она находилась далеко, и я ходила в нее пешком самостоятельно, что занимало около сорока минут в одну сторону.

Поскольку школ не хватало, занятия проходили в две смены: младшие классы обыкновенно начинали заниматься с восьми часов утра, а старшие после обеда. Причем, в каждой школе было по несколько параллельных классов и в каждом классе по сорок пять детей. С первого класса по четвертый все предметы отдельного класса вел один учитель, и он был ответственным за свой класс. Начиная же с пятого, каждый предмет велся определенным преподавателем, но у каждого класса был свой классный руководитель, который и был ответственным за работу и поведение своего класса. Он же проводил классные собрания, выяснял всякие недоразумения, организовывал классные работы и прочее. С первого класса по третий обязательно все писали в тетрадях со специально разлинованными строками, то есть писали по линейкам, чтобы рука привыкла выводить правильно буквы. К тому же, до четвертого класса был еще и урок чистописания, на котором тоже рука упражнялась выводить красивые линии. Все это, вместе взятое, развивало руку учащегося, чтобы писать красиво. Как за правильность, за чистоту, так и за красивое письмо всегда ставилась оценка, причем, довольно строго.

Домашние работы каждый день сдавались для проверки, что заставляло нас по каждому предмету иметь по две тетради. Очень часто нам давались контрольные работы, и это был одним из способов опроса всех учащихся сразу, чтобы не дать им распуститься.

За поведение учащимся также ставили оценки, причем за этим строго следили. Бывали случаи, когда за отрицательное поведение некоторых вообще выгоняли из школы. Курить вообще строго

воспрещалось, а также играть как в школе, так и дома в «асыки»[5] — косточки или забавляться с голубями, чем заниматься мальчики очень любили.

Утром, еще до занятий, у первой смены всегда была общая гимнастика, на которую в рядах выходили все классы. Как и в Суйдуне, во всех школах утром санитарами классов проверялась чистота рук, ушей, воротников, манжет и обязательно носовых платков. Во всех русских школах была одинаковая форма: зимой у девочек коричневое платье с белым воротничком и манжетами и черный или белый фартук, а осенью и весной она состояла из белой блузки и черной юбки. Формой для мальчиков являлась серая рубашка со стоячим воротником, которая одевалась поверх брюк, поверх ее одевался пояс, а брюки могли быть просто темными. От мальчиков обязательно требовалось, чтобы все были аккуратно подстриженными, а девочки аккуратно причесанными и не позволялось иметь длинных ногтей ни мальчикам, ни девочкам. При входе в каждой школе находилась раздевалка, где и оставлялись все пальто и калоши.

Отапливались школы углем, а всю уборку делали уборщицы. Во время перемен за чистотой доски и класса должен был следить классный дежурный, а за порядком вообще — классный староста. Как и в Суйдуне, в начале учебного года каждый класс выбирал классного старосту и санитара, которые и исполняли свою обязанность весь год, а дежурными бывали все поочередно, по назначению старосты.

Каждый урок длился по сорок пять минут, между которыми бывали маленькие перемены по пятнадцать и одной большой, длившейся сорок пять минут. На переменах девочки и мальчики играли как вместе, так и отдельно, смотря кто чем хотел заняться. В весеннее время мальчики очень любили вырезать из ожившей коры не толстых веток деревьев свистки и ими посвистывать, приглушая щебет веселых птиц.

Весной погода была всегда прелестной, и поэтому на переменах все из школы выходили на улицу и развлекались различными играми. Так уж вошло в традицию, что на Благовещение девочки кос своих не плели и приходили в школу с распущенными волосами, а это делали оттого, что старшие говорили «на Благовещение птица гнезда не вьет, а девица косы не плетет». Бегая во время игр на Благовещение, помню, как их и мои длинные волосы от движения разлетались во все стороны. Нельзя не вспомнить и первое апреля, когда, играя, старались друг друга обмануть. На дворе тогда бывало уж совсем тепло, и деревья начинали распускать свои почки, а снега уж давно как не бывало. Вскоре после этого деревья быстро зеленели,

---

[5] Асыки — азартная игра с костями.

а сирень и акация раскрывали свои душистые кисти цветов, букеты которых любили русские ставить на закрытых белыми скатертями столах своих комнат.

Совсем не то бывало зимой. Идешь утром по улице и от холода не чувствуешь своих коленок. Но зато бывало тихо-тихо, без какого-либо движения воздуха, отчего холода почти не чувствовалось, и лишь только под ногами приятно поскрипывал до отказа спрессованный снег, и скрип тот раздавался далеко по безлюдным улицам. Как всегда бывает, дома не все детям позволялось делать, что они хотели, зато по дороге в школу или из школы они были свободными и делали иногда то, что дома делать строго запрещалось. Так, увидев где-нибудь висевшие ледяные сосульки, они их сбивали, наполняли ими свои рты, а потом в классах ужасно кашляли. Встретив своих одноклассников по дороге в школу или из школы, они любили умывать друг друга снегом или бросать снежки, отчего их руки коченели, и проказники должны были их прятать за пазуху или в рукава. Однако, через некоторое время руки их согревались и так начинали гореть, что никакого холода уже больше не чувствовалось. Пока доходили до школы от ходьбы и барахтанья дети согревались, их щеки краснели и, освежившиеся, они, пыхтя, вваливались в класс.

Как красиво у нас бывало в сухое морозное утро, когда все деревья белели от мороза, и все их веточки были покрыты только что развернувшимся в белые снежинки льдом! Снежинки на палочках сидели тесно: одна на другой, образуя узорчатые белые цветочки, рассевшиеся по всем веточкам дерева, превращая его все в узорное кружево с распустившимися по нему свежими, ничем не тронутыми пышными изваяниями. Зимой воздух был настолько свеж и хрустально чист, что утром, выйдя из дома, бывало не наглядишься на синеву, окутывавшую не только небо, но и все окружавшие предметы. Хрустевший под ногами снег был бел, как полотно, несмотря на то, что по нему проходило множество человеческих ног, спрессовавших его до отказа.

Как многие другие, так и мы в зимнее время по улицам ходили в валенках, поскольку снег зимой, даже в ясные дни, не оттаивал. Когда я утром шла в школу, прохожих по улицам обычно почти еще не было, и просыпавшийся город только что начинал оживать, о чем сообщал гудок Мусабаевского завода, созывая рабочих. Как правило, каждое утро откуда-то неслись приятные нежные звуки гаммы, проигрывавшейся на каком-то музыкальном инструменте, и тянулись они по городу, оставляя в памяти ходы отдельных нот, что благоприятствовало, особенно детям, без труда запомнить ее музыкальные звуки, идущие по порядку и вразброс. К тому же, в такое чистое

зимнее утро высокий и нежный звук инструмента свободно высился и лился над всем городом, успокаивающе действуя на человека.

Не менее интересно вспомнить и о межсезонье, связывавшем зиму с прелестной весной, то есть о ее раннем периоде. Начиналось все с того, что снег по дорогам в ясные дни от солнца начинал делаться влажным, и люди домой возвращались в промокших валенках. Такое время долго не длилось, и вскоре всюду появлялись журчащие ручейки, отражая в себе яркие солнечные лучи, после чего начинала меситься под ногами оттаявшая грязь. Снег с улиц города сходил очень быстро, и они, то есть улицы, превращались в сплошную черную грязь. Народ ходил по тротуарам, которые недели через две или три затвердевали и потом быстро подсыхали, но перейти через улицу было не так-то просто. Нередко случалось, что люди не могли справиться со своими завязшими в грязи ногами и падали. Подобные случаи, правда редко, но бывали и со мной, когда я шла в школу или из школы. На переходах через дорогу другого выхода не было, как только ступить ногой в черную густую сметану, затем опустить вторую ногу в нее же, только немного подальше, а когда при намерении сделать третий шаг по привычке, как это бывает при ходьбе, двинешь ногу вперед, то не тут-то было, нога застревала в грязи, и, не сумев удержать баланса, я не раз упиралась рукой прямо в грязь, и хорошо, что удерживалась, не свалившись. При такой сцене, вероятно, у каждого появится вопрос: «А что потом с рукой? Ведь не могла же идти дальше по городу с рукой в грязи?» Нет, с грязной рукой я не оставалась, но вымывала ее где-нибудь в не очень грязной луже или в одном из бежавших по сторонам улиц арычке и шла дальше, никакого другого выхода, как у всех, так и у меня не было. Люди падали не только потому, что застревали в грязи, но и поскользнувшись на ней, что случалось довольно часто. Когда я выросла и набрала больше силы и ловкости, то мои ноги не стали застревать в грязи, разве только бывали случаи, когда падала на руки, поскользнувшись, а избежать этого было очень трудно. Нас спасало то, что весной там всегда бывало сухо, то есть если шли дожди, то очень редко. Поэтому дорожки подсыхали быстро, и как только на них затвердевала грязь, ждавшие с нетерпением этого момента люди надевали туфли немедленно. После долгой снежной зимы и грязной ранней весны как неописуемо хорошо чувствовалось в легких туфельках! Мы не ходили, а, подпрыгивая, бегали.

Приятной теплой весной иногда девочки нашего класса и я с ними утром ходили встречать нашу учительницу. Помню, как мы встречали ее около ее дома, и девочки, как цыплята, окружив ее со всех сторон, что-то с ней щебетали, спрашивали и ей отвечали, а я,

находясь там же, смущалась и сторонилась. Смотря на девочек, мне нравилось, как они ласково с учительницей обращались, а быть такой, как они, я не могла.

В тот год отмечался какой-то юбилей директора нашей школы Тамары Леонидовны Папенгут, а наша учительница, вручив мне и еще одной девочке нашего класса букет, послала нас к ней на дом с поздравлением. Зазубрили мы, что должны были сказать, и пошли. Не знаю, хорошо ли мы справились со своей задачей, но я, как всегда, была не довольна собой.

Хотя в Кульдже и была церковь, однако по привычке мы в нее не ходили или, вернее сказать, ходили очень редко. Стою я однажды в церкви на литургии и вижу вереницу людей, идущую к амвону. Пристроилась к ним и я, а когда подошла к чаше, то меня державший плат псаломщик спросил: «А ты исповедовалась?» Я ответила: «Нет». А он мне: «Без исповеди нельзя причащаться». Пришлось мне спуститься со ступенек не причастившись, но зато узнала немножко из церковных правил: во первых, что люди вереницей на литургии идут к причастию, а во вторых, что перед причастием каждому человеку полагается исповедоваться, чего я до того момента не знала. Когда же я стояла в церкви, не знаю почему, но как я помню, от долгого стояния у меня очень болела спина.

Когда там бывала засуха, то народ просил батюшку отслужить молебен с крестным ходом за город на близлежащие поля. Я помню, как я шла вместе с народом за хоругвями и иконами, среди которых всегда бывал и чудотворный образ Божией Матери Табынской. Во время этих шествий обыкновенно неумолимо палило солнце, но всякий раз в поле еще при пении молебна набегала черная туча и проливал обильный дождь, так что после молебна народ расходился уже мокрым. Заметив такое явление там жившие уйгуры, всякий раз, когда бывали засушливые месяцы, спрашивали русских: «Когда вы пойдете по городу с иконами?»

Как я уже упомянула, раньше в Кульдже жила моя двоюродная сестра с семьей, а ее старший сын был мой одногодок. Бывало зайдем мы иногда к ней, а она нас ласково приветит, усадит за стол и напоит чаем из кипящего тут же на столе самовара. Так у нее было тепло, чисто и уютно. Она расспрашивала у нас о нашей жизни, и мы, отдохнув у нее, уходили к себе. Помню, как на Пасху я с ней пошла в церковь, а в церкви было так много народа, что я втиснутая между людей стояла и не могла повернуться. Мне казалось, что если бы я стала падать, то не смогла бы упасть, поскольку люди поддерживали меня со всех сторон. Стояла я, поддерживаемая толпой, а мне так хотелось спать, что не могла открыть своих

глаз. Потом все начали выходить из церкви, и я вышла с ними и увидела много народа, стоявшего как во дворе, так и за металлическим забором на улице. Вокруг церкви прямо на земле широкой полосой в чашках и корзинках было наставлено много куличей с горящими свечами, а позади по кругу стоял народ. Моего сна как не бывало, все что я видела для меня было новым и чем-то необычным. Через некоторое время вышел батюшка с крестом и пением: «Христос Воскресе из мертвых...» и, проходя мимо куличей, он стал освящать их, а каждая хозяйка отделяла из своей корзинки что-нибудь съедобное в специальный сосуд для батюшки. Как я помню, это была первая Пасха, которую я встретила в церкви.

Когда мы жили в городе, у нас почти никогда не было своих денег, и если их немного было, то только для покупки тетрадей, ручек с перьями, чернил и карандашей. Книги нам выдавались школой бесплатно, и учение наше было тоже бесплатным. У нас же дома все было на счету, и если появлялась какая-нибудь вещь, то сразу кидалось в глаза, что эта вещь в нашем доме новая. Однажды приехала к нам наша мама и заметила новую стеклянную чернильницу. Это вызвало у нее подозрение, и она спросила Сашу:

— Чья это чернильница?

Он ей отвечает: «Моя»

— А где ты ее взял?

Саша замялся и не знал, что сказать.

— Ты что, ее украл?

Кое-как Саша сознался, что стащил ее из какого-то магазинчика. Ему это, конечно, не прошло даром, и после того случая у него такого больше никогда не повторялось. Как важно следить за детьми и не дозволять им заниматься любыми отрицательными делами, даже самыми маленькими!

Был ли тот случай с Сашей причиной тому, или я просто где-то слыхала, что ничего чужого брать нельзя. Шла я однажды в школу и на улице увидела лежавший шелковый платок, но я прошла мимо, не взяв его, и мне стало жаль, что я его не могла взять. Пройдя некоторое расстояние я оглянулась, но платка на дороге уже не было, хотя и людей тоже не было.

К концу мая стало уже жарко, и я с соседскими русскими девочками бегала дома босиком и в легком платьице. Иногда мы шли куда-нибудь есть ягоды шелковицы или за город побродить, а один раз надумали пойти на озеро. Придя на озеро, кто-то из нас придумал его переплыть, а надумала, конечно, не я, потому что я никогда не была инициатором и если у меня спрашивали совета, то я никогда ничего не знала и не советовала. В общем, мы поплыли через озеро.

В горах, где я прожила свое детство, всегда вода в речках бывала очень холодной, и поэтому мы никогда там не купались, а, следовательно, и плавать я не умела. Но где-то мне удалось немножко научиться плавать, как у нас говорили, «по-собачьи», так я и поплыла. Хорошо, что озеро было небольшим, а не то тогда меня не стало бы. Вначале я плыла и чувствовала, что продвигаюсь, но потом мне стало плыть все труднее и труднее и, наконец, не выдержав, я встала на ноги, да к счастью оказалось, что там уже была мель. Не будь той мели, я определенно пошла бы ко дну, и спасти меня там было бы некому, тем более, что место то было безлюдное и находилось оно в зарослях.

Опять подошло лето, и мы, прибыв в Мазарку, жили уже известной читателю жизнью лишь только с тем изменением, что я стала немного постарше, да мне мама остригла волосы догола. В связи с тем, что во время моей болезни я была с очень высокой температурой, и мама знала из опыта, что после такой болезни обыкновенно падают волосы, то чтобы этого не случилось, она их мне обрезала. Оставшись без волос, я себя чувствовала очень неловко и поэтому обвязала свою голову платком и все лето его не снимала.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД В СУЙДУНЕ

Наконец, опять пришел сентябрь, и мы вновь поехали в школу, но только на этот раз без опоздания. Нас, учащихся, теперь поехало не двое, а трое: с нами была и наша самая младшая сестра Валя. Повез нас папа на этот раз вновь в Суйдун. К тому времени мои волосы ничуть не подросли, а поэтому, я явилась в школу в своем платке и еще с месяц его не снимала, но позже, когда волосы выросли, мне дома сделали стрижку под чубчик, отчего я стала походить на мальчика. Я и Валя в том году оказались в одном классе, так как Раиса Карповна занималась с первым и третьим классами. Иногда, оставляя класс, она препоручала учащимся третьего класса заниматься с первым. Никогда не забуду одного мальчика, которого я учила тогда читать по букварю. Это был Жорик Т., и он никак не мог научиться читать. Однако один раз, когда я его заставила прочесть страничку в букваре, то он, к моему удивлению, вдруг начал читать так быстро и без остановок, что невольно у меня вызвало подозрение. Тогда я решила заставить его прочесть кое-что вразброс, но этого он не смог сделать. Оказалось, что он выучил всю страничку в букваре наизусть и не одну только страничку, а несколько. Ему сделать это было легче, чем прочесть по буквам.

Тот год с самого начала был очень неспокойным. Коммунизм начал проявляться не только в обществе, в жизни людей, но и в школе. Почти в самом начале осени погнали нашу школу собирать хлопок, а потом собирать кукурузу, для чего мы шли за город строем и, проработав весь день, строем же возвращались в школу, а уж из школы вечером шли домой. Затем нас стали гонять на демонстрации по улицам города с плакатами, красными флагами и портретами в руках. Под команду выбранных директором мальчиков четвертого класса или самого директора мы должны были уметь ходить в ногу, и все школы Суйдуна, собравшись вместе, представляли собой длинную вереницу демонстрантов. В каждой школе по-своему кто-нибудь

выкрикивал всякие лозунги, а все остальные подхватывали и кричали, поднимая свои кулачки. И я была в числе последних, демонстрировала против чего-то, чего и сама не понимала, но должна была принимать активное участие вместе со всеми учащимися своей школы. Уйгурские школы ходили всегда под бой барабанов, шедших в передних рядах и бубнивших так, что, как мне казалось, у меня в кишечнике все переворачивалось. Помню, как я тогда не могла терпеть барабанного боя. Так, вместо того чтобы учиться, мы ходили полдня или весь день в рядах по улицам и останавливались в иных местах, чтобы послушать какого-нибудь кричащего изо всех сил оратора. Выслушав его, опять кричали лозунги, а им все вторили, поднимая кулаки, и двигались дальше, чтобы потом опять где-нибудь остановиться для того же. Учащиеся китайских школ рядами ходили, выполняя какие-то фигуры танцев, чему со временем научились и мы и, подражая им, тоже стали ходить под команду «чан», «чан», «чи», «чи», «чи», подпрыгивая и меняясь местами со своими соседями. Часто в строю мы должны были петь революционные песни, и мне особенно запомнилась одна из них, которая время от времени потом всплывала в моей памяти в течение всей моей жизни:

Русский с китайцем братья на век,
Крепнет единство, родной человек.
В пламене битвы нова земля, нова земля:
Москва, Пекин! Москва, Пекин!
Идут, идут вперед народы
За светлый труд, за прочный мир
Под знаменем свободы.

Последующие отношения между Советским Союзом и Китаем невольно заставляли вспоминать те звуки когда-то казавшейся нерушимой песни. Недаром поется в церкви: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческия. В них же несть спасения. Изыдет дух его и возвратится в землю свою, в той день погибнут вся помышления его». Сколько раз уж при моей жизни человеческие помыслы правителей менялись, при которых они каждый раз хвалились, что они стали умнее.

Уже взрослой я часто, вспоминая прошлое, думала: «Хорошо, что наши родители не жили с нами и не знали, чем мы занимались в школе». А иногда вставал передо мной неразрешимый вопрос: «Что бы наши родители сделали, если бы узнали, что мы ходили по улицам, прославляя власть, которая сломила их жизнь у самого ее

корешка и развеяла их, как сухую пыль, по миру? Неужели они забрали бы нас из школы?» А мы сами, ничего не понимая, делали все, что от нас требовали.

Кроме того, что мы ходили по улицам и пели песни по-русски, к нам в школу каждую неделю стал приходить китаец и учить нас китайским новым песням на китайском языке. Удивительно, как быстро мы запоминали китайские слова и вовсю пели, как попугаи, ничего в них не понимая. На демонстрации тот год мы ходили очень часто, и я даже не знаю, прошли ли мы всю школьную программу того года, как полагалось. Гоняли нас не всегда по тем же улицам, но всегда мы шли в разные части города, и покричав там, возвращались по той же улице или по другой. Иногда демонстрации заканчивались тем, что нас приводили на большую площадь, где все школы строем становились одна около другой, и так заполнялась вся площадь до отказа. Причем нам строго не разрешалось нарушать рядов, так что каждый должен был стоять на своем месте. С большим трудом разрешали пойти по нужде, отчего нередко доходило до слез. Правда, нам позволялось садиться на землю, чему мы были очень рады, и с удовольствием, как только приходили на площадь, сразу же садились. Хорошо, что такие суды «врагов народа» начались весной, а как было бы зимой, трудно себе представить. Ходить по улицам в морозы было легче, чем если бы надо было стоять на площади продолжительное время. Да и ходить было холодно, и мне помнится, как у меня замерзали ноги в сапогах почти до нечувствительности, потом приятно разгорались и опять замерзали.

На площади же перед лицом «всего народа» устанавливалось что-то вроде трибуны или сцены с крышей над ней, на которую выходили начальствующие со своими обращениями «к народу». Говорили обычно по-уйгурски, и речь передавалась на всю площадь через громкоговорители. Все это сопровождалось выкриками лозунгов вроде «долой поработителей» и так далее. Мы, дети, никогда не прислушивались к тому, о чем говорилось в тех долгих выступлениях, и в то же время знали, о чем шла речь, так как тема была всегда одной и той же. Большей частью эти собрания сопровождались тем, что выводили на сцену с закованными ногами и руками одного человека или нескольких, причем руки их всегда были связаны сзади. Это были не бедные люди, и за свое богатство так страдали. Все время суда, который обычно длился много часов, эти несчастные должны были стоять смирно, даже не двигая головой. С обеих сторон у них на плечах лежали ружейные штыки, поблескивая от света, а каждое ружье было в руках какого-то стоящего сзади, назначенного на это дело человека. Свидетели кричали, пинали подсудимых, плевали им в лицо

и старались всячески их очернить. Свидетелями были как мужчины, так и женщины. Осужденные никогда ничего не говорили, вероятно, им этого делать было нельзя, и все принимали с полным смирением. Во время вот таких судов подсудимые всегда «перед лицом народа» осуждались на смертную казнь, то есть расстрел. Вероятно, всякий раз после такого суда осужденные тут же вывозились за город, где и были казнены. Я это вывожу из того, что однажды таким же судом были присуждены к расстрелу двенадцать человек, после чего их сразу же вывезли за город и расстреляли, а нас — учащихся, погнали пешком для того, чтобы мы посмотрели на поле уже расстрелянных. Когда мы пришли, все двенадцать лежали с разбитыми черепами. Я знала, что мне нельзя смотреть, и поэтому старалась спрятаться в толпе, но промеж ног стоявших передо мной людей видела мелькавшие тела убитых. Потом рассказывали учащиеся, что около каждого убитого лежали и их выбитые мозги. Валя, моя сестра, после этого с неделю не могла ничего есть.

Когда мы шли на демонстрации, мы никогда не знали, куда в тот день должны будем идти. Кто-то всем руководил и издавал указы, а мы по этим указам то ходили просто по улицам, то на суды, то на концерты, насыщенные пропагандой против богачей и буржуев. Девочкам, в том числе и мне, из казенного материала, кажется, голубого, сшили одинаковые платья, и потом мы в них ходили на демонстрации, танцуя какие-то танцы. Вообще жить стало «весело», и нам в том году было просто не до учебы.

Вид города за тот год очень изменился: не стало никаких столиков с семечками, тангарами, бобами, английской или какой-либо жвачкой, различными сушеными фруктами и конфетами. Вместо всего этого в тот год дети стали подбирать на улицах черный вар, которым кое-где заливались дороги, и жевать его вместо жвачки. На базаре все исчезло, как рукой кто-то смел, как были сметены и толпы народа. Вид города стал унылым и неинтересным. Появилось много расставленных в свободных местах повозок, развозивших привезенных грузовиками или каким другим способом из центра Китая чистокровных китайцев, которые в тех повозках часто жили месяцами, потому что кроме повозок им негде было жить. Их разбрасывали по городу и старались расселить везде, где только была возможность. Делалось это для того, чтобы держать уйгурский народ под контролем. У этих бедных китайцев часто не было элементарных удобств, и утрами на улицах стали всюду виднеться человеческие отходы. Утром в зимнее время, проходя мимо их жилищ, мы часто видели китайцев, чистивших свои зубы щеткой и умывавшихся водой из кружек просто на улице. Тогда я не обращала внимания на происходившее

вокруг, но тем не менее, те или иные сцены остались в моей памяти, и уж потом они превратились в детали одной общей картины.

Вместо магазинов с лакомствами на столиках день и ночь на улицах стали кричать лозунги по радио, прославлявшие то Мао, то его друзей, давших власть народу, и новую необыкновенно хорошую жизнь. Что стало с хозяевами закрывшихся магазинов — неизвестно, но тогда делили людей на богатых и бедных, к примеру, таким образом: если семья имела четыре коровы и лошадь, то она относилась к богатым. Смотря под какую руку попадал такой владелец, он за свое богатство мог быть не только раскулаченным, но мог попасть и в заключение, то есть в лагерь, число которых стало с каждым днем увеличиваться. В тот страшный период выиграли те, которые переехали с одного места на другое, где их никто не знал и поэтому не было у них завистников-врагов. А «переехать» — легко говорится, да не легко делается. Нам в этом отношении очень посчастливилось, поскольку пока коммунизм добирался до Мазарки, срок пользования мельницей у нас закончился, и наши должны были так или иначе переезжать. В последнее время перед их отъездом на них уже доносили, но переезд оградил их от каких-либо страшных последствий.

В том году перед Новым Годом учащиеся каждого семейства должны были сделать красную пятиконечную звезду с отверстием, чтобы внутри ее можно было поставить зажженную свечу. Такую звезду с успехом сделал Саша, и мы отнесли ее в школу. Потом вся школа ночью шла куда-то строем, может быть и на елку, со своими горящими большими красными звездами.

Так, демонстрируя всю зиму, мы не заметили, как подошла весна и первое мая, когда мы, маршируя, с барабанным боем, выкрикиванием лозунгов и, как всегда, с красными флагами, плакатами и большими портретами пришли на ту же площадь, где судили людей, и уж по привычке сели рядами на землю. По громкоговорителю произносили речи, кричали лозунги, угрожая богачам, империалистам, шовинистам, американцам, фашистам, гоминдановцам и всякой буржуазии.

Наконец наш учебный год закончился, и мы, получив табели, вновь поехали в свою Мазарку. Все шесть лет нашей жизни в Мазарке были спокойными, без каких-либо врагов, даже наоборот, все считались нашими друзьями. Родители наши с жившими вокруг народами были всегда обходительными, и те к нам относились дружески. Коммунизм не оставил без своего отпечатка и Мазарку, возбудив в людях зависть и злобу против друг друга. При коммунизме люди ожесточаются до такой степени, что от беспамятства не только мстят друг другу, но что еще хуже, если они увидят у человека везде порядок

и сам он порядочный человек до белизны, то как бы распаляются этим, и это их бесит. Они не успокоятся до тех пор, пока этого человека не «съедят». Правда, у нас не дошло до этого, но уже начинали подниматься и в нашу сторону пока что еще не кулаки, а только указательные пальцы.

Лето прошло, как и каждое лето, спокойно и без всяких изменений, а осень оказалась особенной, так как у папы в том году росла пшеница, которую надо было убирать. Если папа раньше иногда нанимал убирать и молотить пшеницу киргизов, то на этот раз он их не нанял, и мы делали уборку сами. Кто жал пшеницу, я не знаю, но молотили ее папа, Коля и мы двое младших, то есть я и Валя, а где был тогда Саша я почему-то не помню. Опять поставили шалаш около гумна, которое, вероятно, сделали Коля с папой, и опять так же, как и в первый раз, на улице в горке был вырыт очаг с казаном наверху, в котором готовилась пища. Пол шалаша был покрыт толстым слоем свежей соломы, на которой лежала постель и вся необходимая для жизни утварь. Папа с Колей на волокушах свезли с поля все снопы пшеницы и сложили их в один большой стог посредине гумна с таким расчетом, чтобы дождевая вода не проникала в него. Потом из него брались снопы, разрывались их связки и раскладывались на гумне вокруг стога так, чтобы все колосья лежали в противоположную от него сторону. Для молотьбы в наших краях обычно использовались длинные граненые камни, одетые на специальные стержни со специальной упряжкой, в которую впрягались лошади. Затем их с этими камнями гоняли по пшенице вокруг стога, и от ударов подпрыгивавших камней пшеница выпадала из своей скорлупы. Когда на пшеничных стеблях не оставалось колосьев, солому сгребали с гумна и складывали в быстро выраставшие кучи. Остававшуюся смесь на гумне сгребали в кучу и позже, при благоприятном ветре, провеивали. При небольшом ветре тяжелая пшеница падала на гумно быстрее, в то время как размельченные листья и скорлупа относились ветром дальше. Эту работу обыкновенно делал Коля, и ему приходилось провеивать по несколько раз, чтобы получить чистую желтую, как золото, пшеницу. А я с Валей при молотьбе были нужны для того, чтобы, сидя на лошадях, гонять их рысью по разложенной вокруг стога пшенице, тогда как папа с Колей ходили вокруг, поправляя и переворачивая ее. Понятно, что рассказывается быстро, а сделать все это у нас заняло много времени. Чистая, без единой соринки пшеница ссыпалась в мешки и убиралась от дождя, а по окончании молотьбы увозилась на помол или зарывалась в землю, то есть припрятывалась до нужного момента, а в земле она могла пролежать с год и дольше.

У ФЕДОРОВЫХ

С уборкой пшеницы мы опять опоздали в школу, но все-таки папа повез нас не в Суйдун, а на этот раз вновь в Кульджу. Приехали мы к друзьям моих родителей — Федоровым. У них был свой дом с отдельными двумя однокомнатными квартирами, одну из которых папа снял для нас. За квартиру папа договорился платить мукой, что для Федоровых было выгодно, поскольку они знали, что наша мука всегда очень хорошая, и она им была нужна. С тех пор мы стали жить самостоятельно, однако мама заранее для нас насушила много сухарей и снабдила нас хлебом.

В нашей комнате стояло две кровати, стол и в углу железная печка, обогревавшая зимой комнату, и на ней же мы сами готовили для себя пищу. К тому времени, то есть поздней осенью мне должно было исполниться одиннадцать лет, Вале девять, а Саша был значительно старше. Он у нас был за старшего, и вся ответственность лежала на нем, а мы ему только помогали. С раннего детства, как я помню, у нас в семье практиковалось готовить горячую пищу один раз в день и от этой практики мы не отступали и тогда, когда нам пришлось жить самостоятельно. Пища у нас была очень скудной, большей частью мы ели хлеб с горячей водой, иногда с поджаренным на горчичном масле луком, так как ни молока, ни сахара у нас не было. Наше горячее тоже готовилось без мяса на горчичном масле и, в основном, было таким: галушки, жидкая лапша, клецки. Иногда наша хозяйка, выпекая для своей семьи булки, пироги и разное другое, угощала ими и нас, что нам казалось невероятно вкусным. Однажды зимой она, зазвав нас в свою теплую кухню, угощала сладким чаем, а кто-то рассказал шутку, как один человек додумался пить чай всегда с сахаром. У того человека дома был кусок сахара, но он понимал, что если он опустит его в свой чай и выпьет, то у него сахара не будет для следующего раза. Он долго над этим вопросом думал и, наконец, придумал следующее: на веревочке подвесил кусок сахара

над столом и каждый раз, попивая чай, поглядывал на него, и таким образом как бы пил чай всегда с сахаром. Мне подумалось тогда: «Не о нас ли он рассказывает такую шутку? У нас ведь дома даже и кусочка сахара нет». Мы же тогда плохо питались не потому, что вообще в городе было плохо с пищей, а потому, что ее надо было покупать, а у нас не было денег. А пищи в то время на Кульджинском базаре было все еще много, и можно было купить все, включая свежее мясо.

Я описывала нашу новую жизнь, а теперь расскажу что было в школе. Когда мы приехали в Кульджу, то немедля обратились в Арынбакскую школу, в которой я училась до этого. В школе меня уже знали и несмотря на то, что мы появились очень поздно, папе удалось уговорить учителей, и мы с Валей были приняты. К тому времени занятия в школе уже подходили к концу первой четверти, а так как я поступала в четвертый класс, в котором изучались география, история, естествознание, то есть предметы, совсем не знакомые мне, и я не знала как мне их освоить. Я сидела вечерами с множеством книг, читая и перечитывая, но в голове у меня ничего не оставалось. К тому же что-то сидело в моем сознании, постоянно напоминая мне, что я не могу запомнить, что у меня ничего не выйдет, и это меня очень удручало и тревожило, еще более осложняя возможность что-нибудь запомнить. После прочтения текста в моем воображении не создавалось никаких картин, а моя память, как я позже узнала, зрительная, и поэтому мне было очень горько в четвертом классе. Я не могла усвоить того, что проходили в классе, а мне еще надо было пройти и то, что уже было пройдено. В таком состоянии, конечно, мне утром идти в школу не хотелось, и я стала часто болеть. Саша утром спрашивал меня, почему я не встаю с постели, а я придумывала себе болезни, чтобы не идти в школу. Однажды моя учительница вызвала моих родителей в школу. Вместо родителей пошел Саша, а, возвратившись, он меня не очень ругал, но после того я совсем прекратила какие-либо пропуски школы и втянулась в свое новое состояние. Вначале я получала почти сплошные двойки, потом перешла на тройки и четверки, а иногда и пятерки. За прошедшие годы, привыкнув к пятеркам, мне было тяжело получать плохие отметки и поэтому, скрепя сердце, я должна была смириться и продолжать свое учение. И удивительно было то, что у меня проблемы не было ни с какими другими предметами, кроме перечисленных мною новых устных, а по математике я даже не помню, чтобы у меня были какие-нибудь затруднения при изучении пройденного в четвертом классе.

Тот год у меня оказался абсолютным повторением года моего обучения во втором классе. Немножко освоившись в школе, я вдруг заболела свинкой и долгое время пролежала тяжело больной.

А случилось это так. Вначале заболела свинкой Валя, но болела она легко и недолго, но во время своей болезни она почему-то надела мое платье, а потом, сняв его, повесила на крючок, где оно висело некоторое время. Ничего не подозревая, я надела это платье, а через день или два заболела. Оказалось, что я заразилась свинкой через платье. Вначале я лежала дома, но потом приехала мама и забрала меня к себе. К тому времени наши уже жили недалеко от Суйдуна — за городом, как раз на том месте, где когда-то нас, учащихся, накормили вкусным хлебом с молоком. Той осенью наши из Мазарки выехали. Везла меня мама зимой, хорошо укутав теплыми вещами, так как ехать на санях надо было около шести-семи часов. Укутанная вошла я в избушку, в которой поселились наши, и остолбенела. Чего только там не было! У противоположной стены комнаты стояла одна кровать, а в другом углу ее, как я припоминаю, была еще одна кровать, которую отвели для меня. Посередине комнаты рядами лежало все: чем-то заполненные мешки, корзины, всякие вещи; вообще вся комната была заполнена, как кладовая, и только узкие проходы оставались не занятыми. Короче говоря, в комнате порядка и уюта абсолютно никакого не было. Где-то за вещами находился очаг, но я его видеть не могла, да мне тогда было и не до этого, у меня воспалилось за ушами так, что я не находила себе места. Мне казалось, что лимфоузлы вот-вот лопнут. Мама, работая по хозяйству, то уходила из комнаты, то вновь появлялась и пыталась мне облегчить мою болезнь, прикладывая к больным местам горячие отруби в полотенце. От них мне делалось легче, но через некоторое время надо было делать припарки вновь и вновь, так как остывая, боль возвращалась с той же силой. Я не могла ничего глотать, не могла открыть рот, и поэтому мама готовила мне какую-то жидкую пищу, которую она с трудом вливала мне в рот, и я кое-как, со стонами проглатывала ее мелкими глотками. Так я пролежала или просидела на кровати довольно долгое время, пока, наконец, не наступило облегчение, а за ним и выздоровление.

Как только я почувствовала себя хорошо, меня сразу же повезли в Кульджу, и я вновь возобновила свое учение. За период болезни, не знаю когда и как, но мама сшила мне новую форму, в которой, явившись в школу до начала уроков, я прошла к учительнице в канцелярию. Учительница была рада видеть меня и, заметив мою новую форму, сделала комплимент, но от этого мне ничуть не стало лестно. Меня беспокоило то, что я вновь от всех отстала и не знала, как мне придется догонять, тогда как время было уже перед зимними каникулами, и вторая четверть подходила к концу. После каникул я с новыми силами стала учиться, и, вероятно, была прилежной, так как

учительница меня ставила в пример всему нашему классу. Я же наоборот была недовольна своими отметками и до конца того учебного года мне казалось, что я хуже всех в классе.

В одно морозное утро по всей школе сообщили, что умер Сталин, и в определенное время дня школьным управлением была назначена минута молчания, и не только молчания, но чтобы в ту минуту никто не дышал. Мы, конечно, так и сделали, как нам было указано, но ведь можно дышать так, чтобы никто этого не заметил.

Как ни странно, но в том году нас ни на какие демонстрации, суды и пропагандистские концерты не гоняли, занимались весь год нормально, и только изредка ходили школой на какие-нибудь выставки или свои школьные экскурсии. Одна из таких экскурсий была на обвалившиеся овраги с многими наслоениями земной коры, а в другой раз мы ходили на стекольную фабрику, где из стекла выдувались пузыри всевозможных бутылок и выделывались другие стеклянные изделия.

Занятия в классах у нас проходили всегда оживленно. Для ответа на уроке какой-нибудь учащийся вызывался к доске, а весь класс должен был внимательно его слушать, так как в любой момент преподаватель мог спросить кого-либо из класса продолжить ответ. Ответы сопровождались объяснениями по карте или примерами на доске. Когда ученик отвечал без остановок, то иногда можно было заметить в лице преподавателя некую рассеянность, и недаром у нас говорили, что надо что-то да говорить, независимо от того, знаешь ли урок или его не знаешь. Хотела бы я что-нибудь говорить, когда не знала урока, но видно, надо таким родиться, чтобы уметь это делать. После ответа экзаменуемого преподаватель обычно обращался к классу и спрашивал, если у кого есть какие-нибудь добавления или поправки, что и делалось классом. Часто за такие добавки, если они были очень важными, ученик получал пятерку, как вознаграждение. Все исторические даты учащиеся должны были знать наизусть, а если не знали, то их оценки очень снижались, да и вообще оценки во всех школах ставились очень строго, за исключением некоторых учителей, при которых знания класса заметно снижались.

Ко мне учащиеся относились хорошо, и мне дали два прозвища: одно «Метелочка», а другое «Пушкин». Вероятно, нетрудно будет догадаться почему «Пушкин» — это громкое прозвище я получила за свои кудрявые волосы. Эти прозвища настолько ко мне привились, что моего настоящего имени в классе никогда не употребляли, а всегда меня называли тем или иным прозвищем. К концу учебного года мои волосы уже хорошо подросли, и я опять их стала заплетать в косы, которые у меня были толстыми и вьющимися, что,

вероятно, было настолько заметным, что один мальчик нашего класса часто ходил за мной и напевал из фильма песню: «Та дивчина не проста, золотистая коса..... Ходит по полю девчонка, та, в чьи косы я влюблен». Я же тогда была еще совсем ребенком как душой, так и телом, и я помню, как однажды во время перемены сидела я за своей партой, а обернувшись назад, увидела нагнувшегося ко мне сидевшего за мной мальчика, который, приблизившись, но не дотронувшись моего лица, как бы меня поцеловал. Мне это показалось большим оскорблением, и я заплакала. Среди учащихся нашлись такие, кто сообщил о случившемся в канцелярию, и меня туда вызвали. Никаких разборов я не хотела, и плакать тоже не хотела, но все так произошло неожиданно, а идти надо было, и я пошла. Не помню о чем мне там говорили, но вместо утешения у меня от этого осталось тягостное ощущение. А тот бедный мальчик за свой поступок получил хороший выговор.

Я тогда была очень наивной и никаких неприличных слов не знала, и вот однажды, когда я шла с одноклассницей по двору школы, то прочла вслух недавно написанное на стене какого-то старого амбара слово, отчего девочка ахнула: «Как ты могла такое сказать?». А я, указав на стену, сказала, что прочла написанное и только потом поняла, что прочитанное мной было что-то очень нехорошее, а я этого не знала.

Несмотря на то, что в Кульдже я прожила еще совсем короткое время, однако всякий раз, когда я ходила на базар, встречала кого-нибудь из знакомых, причем при таких встречах я всегда расплывалась в улыбке, которую удержать никакими силами не могла и за это всегда себя ругала. Такое со мной случалось даже при встрече с еле знакомыми людьми, и я этим очень тяготилась; пришлось мне долго над собой работать, чтобы научиться держать себя при встречах со знакомыми.

У наших хозяев Федоровых когда-то было много сыновей, но произошло несколько страшных случаев, когда несколько из них погибли. Потом рассказывали, что еще при старом китайском правительстве где-то в городе поймали двоих из них, и им устроили пытки. Когда их нашли уже мертвыми, то родители не могли их узнать. Китайские пытки были очень страшными: прижигали человека раскаленным железом, обливали кипящим маслом, глубоко под ногти вкалывали иглы, отрезали уши, язык, нос, выкалывали глаза, били. Не знаю, мог ли кто после всего этого остаться живым. Надо иметь сердце звериное, чтобы стать таким палачом.

Русские же претерпели издевательства не только от китайцев, но и от дунган. В бывшую там до этого дунганскую войну, по расска-

зам, дунганы, издеваясь над попавшими в плен русскими, сдирали с них живых кожу, вытягивали все внутренности, развешивая повсюду их кишечники, и устраивали им разные другие страшные пытки и казни.

Дом Федоровых состоял из трех довольно больших комнат, а жили в нем муж с женой, их две незамужние дочери и две невестки — жены убитых сыновей. У одной из невесток было двое детей: сын Ваня немножко постарше меня и дочь Соня чуть меня моложе. Возможно, что они живы и здоровы, где сейчас они, не знаю, но на всякий случай их называю чужими именами. Они часто заходили к нам: Ваня с Сашей занимались своими делами, а мы трое то рисовали, то читали, лепили, вырезали из бумаги красивые салфетки. Я тогда очень любила читать сказки и читала все, какие могла достать: как русские, так и других народов. Ваня, хотя был и неплохим мальчиком, однако был большим проказником. Часто он раздражал своими поступками бабушку, и она брала прут, чтобы ему всыпать, но это у нее никогда не получалось, так как он бежал к лестнице и быстро взбирался на сарай. В таких случаях бабушке ничего не оставалось делать, как повернуться и уйти, иногда рассмеявшись. А Соня была спокойной девочкой, и мы с ней никогда не ссорились. Двор у Федоровых был типично кульджинский: во двор вели большие ворота с калиткой, где на переднем плане с одной стороны в глубину тянулись жилые помещения, с другой летняя кухня, кладовые, колодец, сараи, находившиеся частью в стороне, а частью позади двора, где в углу находился и обыкновенный туалет, только с дверью, состоявший из глубокой ямы, покрытой сверху досками с отверстием. Говоря о туалетах, не менее интересно рассказать и о том, что каждую зиму, когда все замерзало и превращалось в камень, по городу с повозками проезжали огородники, поднимали с них доски и, забрав все из ям, увозили на свои огороды. У крыши сараев стояла подставная лестница, по которой и взбирался Ваня, избегая бабушкиного прута. Во всю длину жилых помещений тянулся навес с поднятым земляным полом до верхнего уровня фундамента дома. Двор всегда был чист, а перед навесом летом росли вьюны, заплетаясь вверх по специально для этого устроенным сеткам, и тут же около вьюнов росли цветы.

Если зимой мы готовили пищу в своей квартире, то летом ее готовили во дворе на специально сделанной из кирпича и сверху обмазанной для удобства глиной высокой печке. Для отопления и варки пищи все в городе употребляли каменный уголь, который привозился из тех шахт, на которые мы в моем раннем детстве ходили смотреть. Разжигали его хранившимся в золе кусочком огненного уголька, а если он успевал сгореть, что случалось редко, то брали

такой огонек у соседей. На этот огненный уголек сверху накладывали кусочки черного угля, после чего весь уголь быстро разгорался.

Параллельно нашей улице позади двора шла другая, на противоположной стороне которой текла река Пеличинка, а по ее названию и эта часть города носила такое же название. Хотя русские жили по всему городу, но на Пеличинке их было особенно много. Дети же любили это место как летом, так и зимой. Широко разлившись, небольшая и не глубокая река текла по городу, и дети могли свободно переходить ее летом вброд. Зимой же она замерзала, образуя естественные ледяные катки для катанья на коньках. Если берег реки с нашей стороны был очень отлогим, то другой ее берег вначале отлого, потом все круче поднимался вверх, а на самом верху находилось старое уйгурское кладбище, на котором мы тоже часто бывали. Ту горку русские дети превратили в горку для катанья на санках, с которой летали вниз иногда благополучно, а иногда со всякими приключениями, что делало это особенно интересным. Русских детей по воскресным дням там бывало очень много: кто катался с горки, кто на коньках, а кто просто прохаживался или приходил посмотреть на катавшихся. Коньки я почему-то не любила, но иногда ходила с катавшимися подружками, чтобы посмотреть на них. В городе был еще один специально сделанный каток, куда часто ходили подростки, и я бывала с ними, хотя сама и там никогда не каталась.

На Рождество мой брат Саша решил покататься по-настоящему на больших санях. Он впряг в них коня, и вся детвора, усевшись в сани, поехала за город. Зимой наши поля бывали сплошь покрытыми снегом и в ясные дни так сверкали своей белизной и отражением солнца, что резало глаза, отчего они невольно щурились. В то же самое время вид на поля, которые где-то вдалеке переходили в горы, покрытые толстым снежным покровом, был чрезвычайно красивым. Гладкий покров мягко облегал все изгибы поверхности земли, а по нему шла ровная дорога, проделанная полозьями тянувшихся саней. Мы поехали по уже проторенной дороге, и Саша, решив прокатиться на быстрой скорости, пугнул коня, который немедленно послушался и побежал. Но на повороте мы кучей свалились с саней в сугроб и в нем забарахтались. Не мешкая, мы вскочили на ноги и со смехом побежали по снегу за отдалявшимися санями.

Летом 1952 года, кто придумал такое движение неизвестно, но только русская молодежь из Кульджи стала переходить через границу на сторону Советского Союза. Там их ловили и содержали где-то в определенном месте, но не наказывали. Убегала молодежь различными путями, кто как мог: кто пробирался по суше, кто находил такие места, где можно было перейти границу, или по реке переплывали

на лодках. А вообще-то советские пограничники тогда очень строго следили за границей. Рассказывали люди, что там была не только проволочная изгородь, но также перепахивалась широкая полоса земли, чтобы на ней оставались следы ног. Рассказывали также, как кто-то придумал пограничников обмануть, привязав к рукам и ногам коровьи копыта, а добился ли он желаемого, я что-то не помню. В то лето много русской молодежи перешло советскую границу, в их числе была и одна из дочерей наших хозяев, но через несколько месяцев их всех вернули. Привезла хозяйская дочь черного хлеба, какого мы никогда не видели, и нам он показался невкусным и тяжелым, как кирпичик. По сравнению с тем наш хлеб был белым, высоким, пышным и вкусным. Мы тогда все удивлялись каким нехорошим хлебом кормят людей в Советском Союзе.

Был ли переход границы молодежью рекламой того, чтобы им показать, что в Советском Союзе ничего плохого не происходит, мы не знали. Может это было просто совпадение, но только сразу после этого все зашевелились, стали подавать прошения, чтобы им дали разрешение на въезд в Советский Союз. Да и открытая пропаганда шла со всех сторон: то показывались интересные фильмы о целине, то из советского консульства пугали людей, что граница закроется, или что в Китае русских не останется. Кроме того, родственники и друзья уговаривали нерешительных. По этой причине некоторые семейства разделялись, когда муж хотел уехать, а жена не хотела или наоборот. Иногда молодежь в семье рвалась, а родители не хотели, а в народе были всякие толки, так что было очень трудно выбрать себе путь.

В советском консульстве тогда открылся специальный отдел, где велись дела по подготовке выселения русских людей из Кульджи и ее окрестностей в Советский Союз. Там были работники как Советского Союза, так и местные русские. Работы у них было много: то они получали прошения нашего населения на получение советского паспорта, то прошения на въезд в Советский Союз, что сопровождалось заполнением всяких анкет с приложением к ним фотографий. Дела эти шли по назначению, где разбирались, и через определенный период времени заполнившие анкеты получали разрешение на въезд в Советский Союз, то есть, как тогда говорили, на «родину». Вывоз людей произошел позже, а пока расскажу о протекавшей в то время жизни русских, в том числе и о нашей жизни в Кульдже.

И.Ф. Федоров, кому принадлежала наша квартира, работал инженером, а поэтому материально его семья жила очень хорошо по тамошним меркам. В сравнении с ними и многими другими русскими семьями мы были бедняками, хотя многие и очень многие были еще беднее нас. Русские люди по воскресеньям и праздникам

любили хорошо одеться, особенно молодежь. Нам, детям, тоже хотелось одеться красиво, но лично у нас ничего хорошего не было, и поэтому мы любовались другими. Сонина мама умела очень хорошо шить и сама шила Соне всякую одежду в том числе и праздничные платья. Особенно мне понравилось на Пасху нежное шифоновое платье, материя которого свисала от кокетки и ровно ложилась мелкими фалдами. При всяком движении Сони меня это платье просто завораживало своей красотой. К весне ей мама сшила еще и модное легкое шерстяное пальто, и хотя оно было сшито из старого большого, но оно выглядело совсем новым, поскольку ткань была повернута левой не обношенной стороной наружу. Было заметно, как Соня, одевшись в свое пальто с модной шапочкой, чувствовала себя выше нас.

С Соней мы всегда были дружны и часто куда-нибудь с ней ходили: то в кино, то просто по улицам, а один раз ушли в «Семейный сад». Тот парк, как я помню, всегда существовал в городе Кульджа, но он был, как мне кажется, довольно молодым, потому что старых деревьев в нем почти не было. Назывался он по-русски, что, может быть, говорит о том, что его создали русские. В том парке у дуба на цепи находился медведь, который, когда мы подошли, был на другой стороне дерева. Вероятно, мы не рассчитали и подошли слишком близко, и когда Соня нагнулась, чтобы взять дубовый желудь, то медведь бросился и чуть-чуть в нее не вцепился. Соня от испуга откинулась назад, а цепь медведя придержала, поэтому он не успел ее схватить. Потом Соня нам говорила, каким мягоньким был медведь, а в то время, когда это случилось, ей было около десяти лет. Испугавшиеся служащие парка, подбежав, чуть не побили нас за то, что мы так близко подошли к медведю. А парк тот был довольно большим, чистым и состоял из ровных аллей со скамеечками, по которым прохаживались или сидели люди парами или с детьми.

Взрослые девушки по воскресным и другим праздничным дням в Кульдже всегда старались одеваться нарядно, а их летние платья были сшиты из шифона, крепдешина и других красивых шелковых и хлопчатобумажных тканей. Зимние платья и костюмы шились из шерстяных и других теплых тканей, а поскольку многие девушки учились и умели шить сами, а некоторые отдавали портным, то каждая из них старалась найти фасон и сшить как можно лучше. Фасоны выбирались из иностранных журналов, а как они их получали, я не знаю, вероятно пользовались теми, которые смогли приобрести еще до коммунизма. Тканей в магазинах в то время было еще достаточно, так что выбирать было из чего если было на что купить. В то время там было модно носить длинные платья, не доходящие до пола, и как

раз такой длины платья из шифона при туфлях с высокими каблуками выглядели особенно красиво. Мне же не пришлось в своей молодости иметь такие красивые наряды, какими я тогда любовалась.

После того учебного года мы поехали на новое местожительство, в то самое место, где я была зимой во время моей болезни. Там наши родители уже посадили большой огород, а около комнатушки, в которой я лежала, сделали из прутьев навес, и у подножия его набросали тыквенных семян. К нашему приезду тыквы уж подрастали, а летом заплели весь навес, отчего под ним было очень приятно. Под навесом стоял стол, а позже и сделанная из свежего дерева простенькая кровать, на которой можно было отдыхать только днем, так как ночью заедали комары, что для нас было совершенно новым и неприятным. Дело в том, что вокруг Суйдуна было много болотных мест, и поэтому комары там летали тучами.

Вновь наступило лето, и опять нам мама не давала спать. Рано утром, как только светало, она нас будила: «Вставайте! Огород полоть надо, пока еще не жарко». Не хотелось вставать, но выхода другого не было, поэтому, сколько ни лежи, все равно мама не давала нам покоя, и мы нехотя вставали, наскоро умывались, брали тяпки или небольшого размера кетмени[1], которыми мы все любили работать, и шли на огород. Вместо того, чтобы просто заставлять работать быстро, мама всякий раз придумывала какие-нибудь соревнования, что не заметно для нас самих ускоряло нашу работу. Работали мы на огороде каждое утро часов до девяти или десяти, когда действительно становилось жарко, и мы шли завтракать. Завтракали всегда все вместе, и он начинался, только когда все были в сборе. До обеда почти не оставалось времени, пообедав, Коля, Саша, я и Валя шли купаться. Вода в реке была теплой и купаться было очень приятно, но мы докупались до того, что мы с Валей заболели малярией. Место, где мы тогда жили, оказалось очень малярийным, а наши ослабевшие после горного климата организмы, не смогли бороться с болезнью, и мы не выдержали. Болели мы довольно долго, нам становилось то лучше, то хуже и так тянулось до того, что однажды, войдя в комнату, мама увидела у меня пену изо рта. Испугавшись, она стала раскрывать мне рот чтобы дать воды, но зубы мои были так стиснуты, что она должна была взять ложку и ей раздвинуть мои зубы с криком: «Воды! Воды! Скорее принесите воды!». Она налила мне в рот между приоткрытых ложкой зубов воды, и я очнулась. Мама не только людей, но и животных и птиц всегда отхаживала водой. Папа, бросив свои дела, скорее запряг коня в телегу, посадил или уложил

[1] Кетмень — орудие сельскохозяйственного труда вроде тяпки, но более тяжелый.

ли меня, и мы быстро поехали в Суйдунскую больницу. Там, осмотрев меня, назначили шесть уколов, по одному каждый день, а поэтому папе пришлось оставить меня у родителей нашего зятя, чтобы я смогла пройти курс лечения. Вскоре я совсем поправилась, а Валя поправилась от малярии и без лечения, но после этого мы стали осторожнее с купаньем.

Наше новое место жительства неблагоприятно подействовало не только на нас, но и на наших коров. Четыре коровы, которых пригнали из Мазарки, одна за другой заболевали какой-то странной болезнью и потом сдыхали. Не помню, осталась ли у нас тогда хоть одна живая корова из тех, что пришли из Мазарки. А вот пес по прозвищу Черный, что дрался с Лыской в Мазарке, у нас к тому времени все еще был жив, но вскоре после того сдох от старости. Только конь Гнедко был все еще крепким, всегда исключительно выносливым, надежным, и для нас незаменимым.

На месте, где мы жили, была старая мельница, которую по определенному договору решил арендовать наш зять, и с помощью папы, исправив ее, ею пользоваться. Потому-то и переехали туда наши из Мазарки. Там была избушка с двумя комнатами, двери которых выходили на противоположные стороны. В одной из комнат жила Варя с мужем и двумя детьми, а в другой мы. Я хорошо помню, что когда я и Валя болели, мы лежали в комнате на постели, разложенной на земляном полу. В памяти нашей это место осталось под названием «Старой мельницы», а прожили мы там только одну зиму и лето.

Недалеко от нас в то время проживало несколько русских семей, чем они занимались, не знаю, но у них тоже были разного возраста дети, а всего молодежи с детьми и подростками было около десяти человек. Иногда, собравшись вместе, мы купались или в праздничные дни куда-нибудь уходили гулять, лакомясь по дороге, чем придется, а чаще всего попадавшимся зеленым горохом. В домашнем кругу у нас росли мои племянница и племянник, которых мы очень любили и ими часто забавлялись.

Так пролетело лето, и мы вновь в Кульдже и вновь в квартире у Федоровых, но не в той, что жили прошлой зимой, а в другой — похуже. Если у нас в прошлой квартире было электричество и деревянный пол, то на этот раз пол был земляной, и, как мне кажется, электрического света не было. Комната, в которой мы разместились была намного больше прежней, но в то же время она была сумрачной и невеселой. Без электрического света жить, конечно, неприятно, особенно когда нам надо было заниматься уроками, но мы к этому были привычными, и керосиновая лампа нас в таких случаях всегда выручала.

Как и в прошлом году, наша квартира отапливалась железной печкой, и на ней же готовилась пища. Иногда хотелось нам поесть чего-нибудь вкусного, как сибирские пельмени или манты[2], и мы сами начинали их готовить: мололи мясо, месили тесто и лепили все трое. Они у нас получались вкусными, особенно манты. За главного повара всегда был Саша, а мы двое ему помогали. Один раз с нашей пищей произошел очень интересный случай. Придя домой, мы сварили галушки и поели, а когда я стала оставшееся переливать из казана в чашку, то заметила, что хлюпнуло что-то большое и не похожее на галушку, а вынув это, с ужасом рассмотрела, что это был разварившийся кусок мыла. Еще во время еды мне казалось, что вкус нашего блюда был не тот, но увидеть мыло в галушках я никак не ожидала. Когда произошло это открытие около меня никого не было, и я об этом никому не сказала, потому что посчитала в этом виновной себя, а как попало туда мыло, я уж додумалась позже. Это случилось, не помню, весной или осенью, а как я уже описала, мы осенью и весной варили пищу на дворе на маленькой печке, около которой было место, куда мы ставили кружку с водой для мытья рук и лица, где лежало и мыло. Сняв деревянную крышку с казана при варке галушек, мы положили ее на то самое место, где лежало мыло, причем положили горячей стороной вниз, и мыло прилипло к крышке, а когда ею вновь закрыли казан, то оно упало и сварилось. После того случая я никогда не стала класть крышку казана или любых кастрюль не перевернув их. От пищи, приготовленной по ошибке с мылом, мы тогда не заболели, но оставшиеся галушки я выбросила.

Поскольку в Арынбаке была школа четырехлетка, то чтобы продолжать свое учение в пятом классе учащиеся должны были перейти в гимназию или в сталинскую школы, а мне без советского паспорта можно было учиться только в гимназии. Это был последний год до отъезда русских в Советский Союз, и переполненные школы не могли вместить всех учащихся, поэтому была открыта еще одна школа, которая считалась филиалом сталинской, но я в ней никогда не бывала и не знаю какой она была величины и где она находилась. В гимназии в том году было шесть параллельных пятых классов, и в каждом классе было по сорок пять человек. Начиная с пятого класса, учащиеся занимались на второй смене, поэтому в школу я приходила к часу дня, и занятия шли иногда до девяти часов вечера, порой до самой темноты. Особенно было неприятно ходить в потемках по грязи в осенние и весенние времена. Освещения на улицах, кроме Сталинской, не было, и на темной сырой дороге не видно было

---

[2] Манты — крупные пельмени с мясом и тыквой, которые варят на парах.

абсолютно ничего. Поэтому люди часто с собой носили ручные фонарики для освещения дороги, но я его с собой никогда не носила. Помню, как каждый вечер я прокрадывалась за деревьями и боялась, что кто-нибудь из уйгур встретится мне, а если были слышны шаги спешащего человека, то я старалась проскочить по другой стороне улицы, чтобы не повстречаться с ним. Хотя у нас было спокойно и никаких приключений со школьниками не происходило, однако мы все же были осторожными и ходить в потемках побаивались. Придя домой, в первую очередь мы начинали мыть свою обувь, а если были на ней калоши, то их надо было вымывать как снаружи, так и внутри, поскольку они всегда были полны грязи. Вымытую обувь ставили около печки, чтобы за ночь высохла, и так повторялось каждый день. Зимой по улицам ходить было лучше, так как не было грязи и от белого снега было не так темно.

Само название "гимназия" говорит о том, что школа была организована и открыта русскими беженцами, а когда власть перешла в другие руки, то автоматически к ним перешла и школа, но, к удивлению, название ее не было переименовано. Гимназия состояла из двух длинных зданий, расположенных на противоположных сторонах обширного двора. За забором гимназии сразу начинался церковный двор, на котором стояла наша церковь. Во второй смене в первом здании гимназии учились пятый и шестой классы, а во втором седьмые, восьмые, девятые и десятые классы. Вообще во втором здании, как нам тогда казалось, учился народ взрослый, и мы туда старались не появляться, и поэтому я не знаю сколько там было вообще параллельных и сколько десятых классов до выезда русского населения из Кульджи. Тогда как на одном конце школьного двора были раскинуты спортивные площадки, то на другом, за вторым школьным зданием, находился небольшой фруктовый садик, а между двумя этими зданиями глубокий колодец с маленькой крышей над ним. В одном из прилегавших зданий находилась школьная библиотека, а в другом, построенном в последние годы, находился большой зал со сценой, который у нас назывался «клубом». В нем проходили школьные вечера с концертами и танцами, а также родительские собрания и различные тренировки. При школе был хозяйственник и уборщицы, и все содержалось в полном порядке и чистоте. Школа отапливалась каменным углем, сжигавшимся в больших стенных печах. К зиме в окна вставлялись вторые рамы, и в классах было не холодно, несмотря на то, что форточки почти всегда были открытыми.

Приятно было явиться в школу первого сентября со всеми вместе и встретиться с уже знакомыми и будущими одноклассниками и преподавателями. В тот день обычно занятий не было, но нам разда-

вались учебники, распределялись места за партами, которые мы не имели права менять по своей воле, и проходило простое знакомство. Сколько было разговоров и рассказов среди друзей! Ведь многие из них жили где-нибудь за городом: кто на пасеке, кто на мельнице, кто просто ездили собирать дикие фрукты и ягоды. Возвратились в школу все отдохнувшими, загоревшими и с выгоревшими от солнца волосами.

Хотя уже чувствовалось изменение в природе, однако погода в начале сентября всегда бывала хорошей и совсем теплой, поэтому учащиеся приходили в школу в летней форме.

На второй день занятия уже шли полным ходом и без всяких послаблений на дом задавалось много уроков, а всем в классе так хотелось вспомнить хоть что-то из уходящего лета. Каждый предмет вел отдельный преподаватель, а предметов еще больше прибавилось.

Мне хочется рассказать об одном маленьком происшествии, возникшем в самом начале учебного года, после которого я воспрянула духом и как бы окрылилась. На уроке истории учительница, задав вопрос, спросила кто из учащихся хочет ответить на него? Вместе с другими подняла руку и я, и не потому, что я хотела отвечать, (я хорошо знала свои способности), но я не могла не поднять руки, так как это значило бы, что я предмет не знаю, чего я не могла допустить. Вдруг учительница назвала мое имя, хотя я этого не ожидала. Я встала, как у нас полагалось, вероятно, смутилась и начала отвечать, а когда закончила, к моему удивлению, мне учительница поставила пятерку. Мне было трудно поверить, что по устному предмету, такому, как история, я получила пятерку, и эта пятерка стала для меня как бы переломом, после которого устных предметов я уже больше не боялась.

Занимались мы, как и все другие школы, шесть дней в неделю, а по воскресеньям занятий не было. На дом задавалось много уроков, и требования были строгими. Кроме серьезных предметов были и такие, как физкультура, во время которой кроме всего другого учили ходить в рядах в ногу. Во время таких занятий было замечено интересное явление: некоторые люди не могут ходить в ногу и делать движения руками, как это делается во время марша. Наш учитель уделял много времени и внимания не умевшему ходить в рядах одному из моих одноклассников, применяя различные способы обучения, но у него ничего не выходило. Наконец, он употребил для этого две палочки. Поставил он двух мальчиков в ряд, один за другим: впереди не умеющего маршировать, а позади умеющего и дал в их правые руки одну палку, а в левые другую для того, чтобы умеющий маршировать двигал руки не умеющего во время ходьбы в строю.

Пока не умеющий мальчик держался за палки, ходил нормально, но как только его после этого заставили идти самого, у него ничего не вышло. Помучился с ним учитель, но потом, поняв, что это непоправимо, оставил его в покое.

Часто днем до занятий или во время больших перемен в школе на наших площадках устраивались соревнования спортивных групп, проводившихся с другими школами. Так однажды на соревнование пришла группа спортсменов из Сталинской школы с болельщиками, болельщицами и учительницей. Во время игры болельщики и болельщицы себя вели очень гордо, наших спортсменов не стесняясь, высмеивали, причем учительница принимала в этом активное участие, увлекая за собой своих питомцев. Смеялись они напрасно, потому что мальчики гимназии играли ничуть не хуже сталинских.

Раза два или три в год в школьном коридоре вывешивалась стенгазета, статьи которой писались от руки, и в них было много критики по отношению к замеченным отрицательным чертам учащихся. Там высмеивались такие черты, как лень, невыполнение домашних работ, тайное курение, неопрятность, плохое поведение, увлечение модой девочек и прочее. Как художественная часть, так и рукопись для стенгазет выполнялась учащимися. Между прочим, в последующие годы статьи для них переписывала я с моей сестрой Валей, так как преподаватели считали, что наши почерки были красивыми и схожими.

Несколько раз в году учащимися ставились концерты, к которым заранее готовились, оставаясь после занятий. По этому случаю выбирались более способные к публичному выступлению учащиеся, которых потом готовили ведущие то или иное выступление преподаватели. Концерты всегда бывали бесплатными, причем зрителями могли быть кроме учащихся и их родители и вообще все желающие. Выступления всегда проходили с большим успехом, часто было много смешных сцен, и заполненный народом зал неудержимо смеялся.

На Новый Год в зале ставилась и украшалась елка, после концерта приходил Дед Мороз с мешочками подарков для младших классов, а потом всех угощали пилавом, который, как всегда, ели тремя пальцами по-уйгурски. В больших казанах уйгуры-повара готовили пилав на школьном дворе, и всегда он был не только жирным и с мясом, но и очень вкусным.

Иногда у нас бывали просто школьные вечера без концертов, на которых играла музыка и все танцевали. На них приходили не только учащиеся, но и закончившая школу молодежь, и зал всегда был полон народа. Учащиеся любили танцевать, особенно девочки, и поэтому мальчиков никогда не хватало, а чтобы не сидеть и не ждать

приглашений, девочки брали себе пару из девочек и шли на круг. Поэтому, когда играла музыка, никто не сидел. Когда я еще не умела танцевать при вызове на танец я отказала одному мальчику, а заметившие это девочки накинулись на меня: «Как ты могла так поступить? Ты знаешь в какое неловкое положение ты его поставила? Ты его опозорила!» Как же я могла знать все эти общественные правила? Ведь я еще в обществе не бывала, и мне стало очень жаль того мальчика. После такого случая я решила никогда такой ошибки не повторять. Танцы тогда танцевали такие: вальс, полька, танго, краковяк и фокстрот. Когда моя мама видела танцующих, она была недовольна, так как считала, что никто не умел танцевать и не слушал музыку, а сама, бывало, встанет да так красиво повернется, как молоденькая, изображая какую-нибудь фигуру танца со словами: «Вот так надо танцевать.» Нас же она танцам не научила, да и до этого ли ей было в ее жизни?

Я любила бывать на школьных вечерах, но всякий раз после них мне было тягостно дня два или три, и я не знала почему. Если сказать, что что-нибудь случалось неприятное, так нет, ничего такого я не замечала, вопрос этот так и остался неразгаданным.

Кроме школьных вечеров иногда собирались учащиеся своим классом, например, для встречи Нового Года или в конце занятий. Помню, как в таких случаях мы сами готовили еду, украшали салатные блюда и накрывали столы, а потом веселились весь вечер.

После того как власть перешла коммунистам, в русских школах постепенно стало появляться требование, чтобы учащиеся вступали в пионеры, а так как большинство русских бежали из России из-за коммунизма и своим детям вступать в пионеры не разрешали, поэтому пионеров в русских школах было очень мало. В других школах большого противостояния коммунизму не было, и поэтому дети свободно записывались в пионеры, и их там было много. Однажды шла я с подружкой по улице, и когда мы поравнялись с какой-то уйгуркой-пионеркой, моя подружка возьми и дерни ее за красный галстук. Как на нее напала рядом шедшая взрослая уйгурка! Она ее чуть не побила, и мы даже испугались, что нас посадят под стражу. Я так и не смогла понять, почему у атеистов вдруг красный галстук оказался какой-то святыней, до которой даже дотрагиваться строго воспрещалось. Как это назвать, если не культ, да еще с строжайшими священными правилами. Так внушалось всем детям, и у пионеров считалось, что с галстуком они должны обращаться бережно и с большим благоговением, но почему?

Каждую весну требовали, чтобы каждая школа выходила за город и в течение дня сажала деревья, что мы делали с большим удоволь-

ствием. С нами в эти дни шли директор и некоторые преподаватели, захватив на всякий случай покрывало, чтобы в обеденный час на нем полежать или даже заснуть. Проработав день со смехом и шутками, к вечеру пешком небольшими группами мы возвращались домой.

Бывали случаи, когда от школ требовалась помощь на городских постройках, и мне запомнилось, как мы на носилках носили землю или стояли в длинном ряду, по которому передавались нужные для постройки кирпичи.

Зимой в нашей школе девочкам появиться на школьном дворе было забавой для мальчиков. Ни одного раза они не пропускали, чтобы не кинуть в нас снежком. Большой проблемой для девочек было сходить в туалет, так как чтобы добраться до него, надо было пересечь весь двор, а сделать это, когда летели снежки, было не просто. В одиночку идти мы даже и не пробовали, но всегда шли вдвоем или группой и не шли, а бежали, чтобы летевшие снежки в нас не попадали.

Когда я училась в шестом классе, русский язык у нас вела учительница с очень мягким характером, которая мало работала с учащимися, а за работы ставила незаслуженно хорошие оценки, отчего знания класса очень понизились. В середине того года она, получив разрешение, уехала в Советский Союз, а ее место заняла Антонида Львовна Болдырева, которой весь наш класс и я лично многим обязаны. В первые же дни занятий выяснилось, что наш русский язык и литература были в полном упадке, и вместо пятерок при новом педагоге у всех посыпались тройки и двойки. Еще в довольно молодом возрасте, но уже опытный преподаватель Антонида Львовна стала с нами заниматься и работать, не жалея своих сил. Мало того, что мы проходили многое на уроках, она оставляла нас и после занятий, чтобы мы сами, помогая друг другу, проходили заданное. Много ей пришлось работать с нами, но она была такой терпеливой и настойчивой, что к концу года смогла добиться того, к чему стремилась. Оценки она ставила очень строго, к примеру, за одну серьезную грамматическую ошибку никто пятерки не получал, а за три она ставила тройку.

Предметов с каждым годом прибавлялось все больше, а с ними и работы, так что свободного времени у учащихся совсем не было. Такие предметы, как химия и физика сопровождались в классе опытами, а на истории показывались диапозитивы на стене. Говоря о физике, мне припомнился происшедший со мной один смешной случай. Однажды, отвечая урок, я начала объяснять устройства разных судов и приблизительно рассказывала так: «Судна бывают различных устройств. Одно из них имеет такое, что судно держится на поверхности воды благодаря панталонов». Как грохнет весь класс, а я

стояла, не понимая отчего ему стало смешно. Тогда кто-то из учащихся громко сказал: «У судна штаны» и опять весь класс засмеялся. Только тогда я поняла, что вместо понтонов я сказала панталонов. Но надо сказать правду, что до этого случая, хотя я и слыхала слово панталоны, но его значения не знала, а поэтому, когда учила урок, видимо так и решила, что это то самое слово, которое мне показалось знакомым.

Когда я пошла в шестой класс, в нашем классе оказалась и Аня Кузнецова, та самая девочка, что когда-то лежала тяжело больной в моей больничной палате, и мы стали неразлучными подружками. Если одна из нас по какой-либо причине не приходила в школу, то другая очень скучала и не находила себе места. К сожалению, наша жизнь складывалась не так, как мы хотели, и мы должны были расстаться, и расстаться навсегда. Это случилось, как мне кажется, перед зимними каникулами, когда она, придя в школу, сидела за партой и плакала, а отчего никому не говорила. Несмотря на то, что я несколько раз подходила к ней и спрашивала, что случилось, она мне ничего так и не сказала, но день тот весь проплакала. Я, ничего не подозревая, подумала, что может быть, она была чем-то недовольна мной, так как я была звеньевая, а она была в моей группе. К слову сказать, звеньевых назначали учителя из сильных учащихся себе в помощники, которые должны были каждый день перед началом занятий проверять у всех ли из его группы сделаны домашние задания и объяснять то, что было непонятным. Поэтому, когда что-то случилось с Аней, я решила, что к завтрашнему дню все пройдет и не стала особенно надоедать, хотя как подружку меня о ней спрашивали и преподаватели. Тогда я ничего не могла предположить, и то, что на самом деле случилось, для меня было большой неожиданностью. На другой день, к моему большому удивлению, Аня не пришла в школу, и так мы ее как бы потеряли. Потом мы узнали, что мать Ани, которая жила в самом ближнем от Кульджи большом городе Урумчах, прислала Ане письмо, в котором требовала немедленного ее приезда к ней. Перед отъездом Аня зашла ко мне, чтобы проститься, больше я о ней ничего не слышала кроме того, что она позже уехала в Советский Союз.

За это время прошли большие волнения среди русских. Многие стали получать разрешения на въезд в Советский Союз и многие уезжали, а другие оставались, не зная что их ждет, волновались, семьи делились, расставались родственники и друзья. Уезжавшие пугали остававшуюся молодежь: «Подумайте, ведь никого не останется. На ком же вы будете жениться или за кого выходить замуж? На китаянках и за китайцев что ли? Ну, будете жалеть, когда граница

закроется, да уж будет поздно». Остававшаяся молодежь волновалась, уговаривала своих родителей ехать, в то время как уезжавшие, подпрыгивая, радовались, но не все. Некоторые уезжали со слезами на глазах, видимо, предчувствуя, что их там ожидало.

Остававшиеся в Китае почти каждое утро провожали своих родных, знакомых и друзей, когда они, усаженные со своими вещами в грузовики, отъезжали от транспортной станции с несущейся над головами песней: «Прощай, любимый город», которая потом долго звенела в ушах провожавших. Постояв еще немного, осиротевшие люди начинали расходиться по своим домам, оставив позади часть своего сердца. Даже город, казалось, притихал и становилось грустно на душе.

Русские из Кульджи уезжали группами, и они как бы терялись: один день люди были с нами, а на другой их уже не было. Одни уезжали, другие с нетерпением ждали своей очереди, а третьи не знали что делать в то время, как определившиеся остаться решились на всякие предстоящие испытания. Мы были в числе четвертых, но неугомонный Саша тоже не хотел оставаться и все время беспокоил родителей. К счастью, они поступили очень разумно, сказав ему, что еще есть время подумать, и что, может быть, поедем и мы. От этого он успокоился, а через некоторое время все так изменилось, что про Советский Союз совершенно забыл.

За это время Федоровы тоже получили разрешение ехать, и я помню, сколько было восторженных объятий и ликования от радости. Все это было нормально, но не хватало одного, что еще не уехавшие люди не могли получить правдивой информации об уехавших, поскольку в своих письмах никто не мог написать правды. Многие заранее уговаривались, что они напишут, если им будет трудно жить, и наоборот. Так одна из наших родственниц сказала, что если у них будет трудная жизнь, то она в письме своем будет ее хвалить, но на письмо покапает водой, что будет значить писала со слезами. Получили мы письмо не только со следами капель, но письмо совершенно все залитое водой, что говорило о том, как трудно им жилось на «родине».

Начали собираться к выезду и Федоровы. Они, как и все другие, ходили по базару, покупали всякие ткани, перешивали их, а что было старое, продавали, и мы у их родственницы купили старый, но еще крепкий чемодан. В связи с тем, что за границу не разрешалось провозить ткани, то все старались хоть что-нибудь из нее сшить, и шили все: дорогие пальто, костюмы, платья, брюки и пр. Чтобы ткани больше ушло на вещь, они часто шили юбки с глубокими складками или придумывали что-нибудь другое, еле-еле зашивая швы.

Потом им все это пригодилось, так как, понемножку продавая, они покупали материал для постройки домов и устраивались как-нибудь жить на своей «родине».

Пришло разрешение на выезд нашим родственникам, то есть дяде Вите с семьей и моей двоюродной сестре с мужем и детьми, к которой мы, как я описывала, ходили пить чай. Перед их отъездом мы все собрались вместе и, заснявшись на фотокарточку, проводили их, как и всех других, вначале на транспортную станцию, а потом и дальше, в неизвестность.

Жившие в деревнях русские в те годы бросали свои места и переезжали в город с тем, чтобы потом уехать в Советский Союз. Таким образом русские деревни пустели, а город наполнялся людьми из деревень, часть которых жила временно, а другая, не хотевшая ехать в Советский Союз, осталась жить там постоянно. Потом, когда в Кульдже осталась небольшая кучка русского населения, тяжелая жизнь заставила не делиться на городских и деревенских, она их соединила, и они вместе, помогая друг другу, пробовали выжить.

А у нас в лето, когда мы жили на Старой мельнице, мой брат Коля нанялся к одному русскому человеку смотреть за рыбой на реке Или. Там у хозяина было место, где рыба ловилась сама собой, а рядом другое, где она жила и кормилась. Надумали я, Валя и папа поехать к Коле на рыбалку, чтобы навестить его и посмотреть, как он ловит рыбу. Место, где жил Коля, было на другой стороне реки, и мы еще раз имели «удовольствие» испытать переезд на пароме. Когда мы посмотрели место ловли рыбы, то поразились необычайной простоте устройства: укрепленная в реке большая, но простая «мордочка» (так у нас называлась специально для этого сплетенная корзина из древесных прутьев), в отверстие которой рыба свободно входила внутрь, а выйти из нее не могла. Каждое утро и вечер Коля должен был приходить к тому месту чтобы специальным черпаком выбирать рыбу через отверстие на верху мордочки и опускать ее в другой водоем, откуда выхода вообще не было. Мы весьма были удивлены и тому, что мордочкой могла ловиться рыба довольно крупного размера. В определенное время дня Коля выносил для своих рыб пищу и бросал ее в воду, и мы были поражены, что рыба знала время, когда он должен был появиться, и тучей ожидала его у берега. Вся Колина работа и ответственность состояла только в этом, а поэтому у него было очень много свободного времени, которое он проводил в чтении книг и в скуке.

Поскольку река Или находилась очень близко к горячей долине, то летом там всегда было очень жарко, и нагревавшиеся землянки с одним окном и толстыми стенами за ночь никак не могли

остыть, так как ночи были тоже теплыми. Залитая водой местность при той жаре как раз благоприятствовала размножению комаров, которых там было очень много. Когда настал вечер, и нам надо было укладываться спать, в Колиной комнате оказалось невыносимо жарко, поэтому мы решили взобраться на крышу, где расположились на свежем воздухе. В надежде, что будет дуть ветерок, чего комары обыкновенно боятся, мы ошиблись, так как оказалось, что его было недостаточно, и нам пришлось придумать, как избавиться от комаров. Набросив на лицо легкий платок, я сразу же заснула, но потом во сне сбила его с лица и сквозь сон слыхала жужжание комаров и чувствовала их неприятные укусы, заставлявшие от них отбиваться и вертеться. Перед рассветом комаров не стало, и я помню, как было приятно без них спать на свежем воздухе с небольшим веянием прохлады и ветерка.

Утром для нас Коля сварил большую вкусную рыбу, мы поели и отправились домой, и это была моя последняя переправа через реку Или, о чем жалеть не приходилось. Как ни удивительно, но река Или с паромом и всеми другими подробностями мне запомнились в первую мою поездку из Мазарки больше, чем когда-либо, а от последней переправы в памяти вообще ничего не осталось. После переправы, проехав небольшое расстояние, мы увидели большое поле кустарника, густо покрытого кругленькими, небольшого размера ягодами красного цвета. Оказалось, это были съедобные ягоды и назывались они барбарисом, хотя на барбарис совсем не были похожи. Они были сочными, вкусными, но очень кислыми на вкус. Мы их поели, набрали домой и поехали дальше.

Прожив на рыбалке все лето, Коля возвратился домой, а хозяин рыбной ловли каким-то легким способом выловил рыбу уже поздней осенью и замерзшей куда-то сдал, получив порядочную сумму денег, часть которых передал Коле за работу. Заработанная Колей сумма была немаленькой, так что он смог себе купить два хороших праздничных пальто и отдать портным сшить несколько хороших костюмов и рубашек. Неугомонному Саше тогда очень захотелось получить велосипед, и он его получил, уговорив родителей, которые его купили тоже за вырученные Колей деньги. Один отрез коричневой шерстяной ткани, купленный для Коли, чем-то ему не понравился, и через некоторое время мама из него решила сшить мне школьную форму. Платье она мне шила с помощью портних, и оно получилось удачным, так что потом не раз мне делали комплименты. В последующие годы в той форме я ходила до окончания школы, не проносив даже рукавов на локтях. Она меня выручала, скрывая от людских глаз бедность моей семьи, что подсознательно я всегда чув-

ствовала. Я стыдилась того, что мои родители не могли хорошо одеться и не хотела, чтобы кто-либо из моих одноклассников их видел. Правда, у мамы было плюшевое пальто, о котором я уже говорила, и единственный костюм из шерстяной ткани, которые она надевала только по большим праздникам, а из лучшего одеяния папы я помню только приличные брюки и одну или две гимнастерки; никакого костюма или хорошего пальто у него не было. Мой папа был высоким и неполным, даже наоборот, он был всегда сухощавым, в то время как мама была невысокого роста, плотная, хотя тоже неполная. Мой же рост оказался средним, и подростком я была достаточно плотненькой, но потом похудела.

Прожив лето на Старой мельнице, наши переехали на Март. мельницу, где прожили еще с год, но об этом в моей памяти ничего интересного не осталось, и поэтому опишу нашу жизнь в следующем, более интересном месте, куда мы переехали к лету.

КОПЫРЛЫ

Горное местечко, куда мы прибыли в то лето, находилось в той же полосе от Суйдуна на север, но только на тот раз в горах, расположенных по северной стороне реки Или, то есть у подножия Джунгарского Хребта. Мазарка виднелась в синеющих вдали горах, расположенных как раз напротив, за долиной. С нами переехала и Варя со своей семьей, поселившись в находившейся там небольшой избушке. Была ли там старая мельница, которую папа арендовал и поправил, или он выстроил новую из ничего, я что-то не могу припомнить, но во всяком случае там опять появилась для нас возможность жить и работать на мельнице. Ущелье, в котором мы обосновались, было очень красивым и называлось оно Копырлы. Поскольку около мельницы была только одна избушка, то нам жить оказалось негде, поэтому мы поселились под стоявшим неподалеку китайским вязом. Это было толстое дерево, которое раскинуло свои ветви во все стороны, а шарообразная верхушка была густо усеяна листвой. В общей сложности ветви с пышной листвой переплетались между собой, образуя навес в несколько ярусов, так что даже солнечные лучи не могли пробиться сквозь такую толщу. Мои братья сделали из сырого дерева и веток подвесные кровати, на которых мы потом спали все лето, а мама поставила стол и слепила очаг тут же под деревом. Наша живая крыша была настолько плотной, что даже дождевая вода сквозь нее не проникала, а если в сильный ливень в некоторых местах начинало капать, то мы просто перебрасывали постель в другое, более надежное место. Дожди, как и в Мазарке, бывали проливные, теплые, после чего выходило солнце и, поблескивая в лужах и разбросанных каплях дождевой воды, радовало ожившую природу.

Мне кажется, у читателя появится немало вопросов о нашей обстановке — шкафах, нормальных кроватях, диванах и пр. Могу ответить, что в нашей квартире в Кульдже стояли две кровати, мамин ящик и стол, а об остальном мы и понятия не имели. Часто вместо

стула или табуретки обходились простым деревянным чурбаком и не грустили, что плохо живем. А тут возникает второй вопрос: «А где пекли хлеб?» Ответить на этот вопрос мне будет немного труднее, так как сделать печку не могли по той причине, что для этого потребовались бы кирпичи, которых у нас не было. Поэтому папе, маме и Варе просто пришлось найти другой выход из затруднительного положения, что они и сделали: в склоне горы лопатой вырыли русскую печку, которая потом нам и служила.

Благодаря тому, что погода была постоянной, и температура всегда стояла ровной, мы и могли вот так жить в природе, которая, казалось, сама содействовала нашему благополучию. Такого климата я ни в каком другом месте не встретила.

Странное дело, несмотря на то, что в моей памяти довольно часто всплывали эпизоды нашей прошлой жизни, но они являлись и исчезали, не оставляя на душе ни печали и никакого другого беспокойства или волнения. По-видимому, в реальной жизни мы просто не осознавали, что такая жизнь не является нормальной, и поэтому встречавшиеся на нашем жизненном пути трудности принимались безропотно, а мешающие жить жизненные неурядицы, по возможности, нами сглаживались.

Местность в Копырлах была чрезвычайно красивой: широкое с плоским дном ущелье было покрыто кудрявыми деревьями и всевозможной зеленью, и по нему с шумом текла чистая река, усыпанная различного размера серыми закруглившимися камнями с отшлифованной поверхностью. Вода в реке искрилась и пенилась, разбиваясь о встречавшиеся камни, и была настолько чиста, что было видно дно, покрытое камнями и песком. По дну проносились стаи различного размера рыб, которые иногда, разыгравшись, одна за другой выпрыгивали из воды, придавая особую красоту этому великолепному зрелищу. Местность в той части ущелья была обильно покрыта травой с полянками и пересекающими их дорожками. Деревья росли в основном лиственные, не густо, с кудрявыми макушками. В сравнении с Мазаркой окружавшие горы были не высокими и довольно отлогими, по склонам которых росло множество диких яблонь и абрикосов, дававших очень хорошие и крупные плоды. Живя последующие годы на Западе, я в магазинах не встречала такого размера абрикосов, несмотря на то, что они выращивались в садах. Яблоки же, которые там росли, были крупными и сочными, но кисловатыми. Ранним летом мы постоянно рвали незрелые плоды абрикосовых деревьев и ели. Жалеть и ждать, когда плоды поспеют, не приходилось, так как их было так много, что осенью, осыпавшись, если они не гнили, то просто высыхали, несмотря на то, что когда

они поспевали, мы их собирали мешками для еды, сушки, варенья и пастилы. А высохшие под деревьями абрикосы если бы кто-то захотел собрать, то вполне мог бы это сделать. Кстати, как абрикосы, так и яблоки, и вообще любые фрукты в Кульдже и ее окрестностях почти никогда не были червивыми, сама природа охраняла их от этого.

В Копырлах фруктовые деревья росли по нижним склонам гор и были разбросаны по всему ущелью. Помню, как однажды я, Варя и Валя отправились на конях, чтобы привезти мешки с фруктами, но поехали мы без седел. Пока мы ехали по отлогим дорожкам все было хорошо, но когда наши кони пошли на гору, и Гнедко, на котором я сидела, начал быстро взбираться вверх, я, прокатившись по его гладкой спине, не успела опомниться, как мягко скатилась под косогор. Там же, в Копырлах, со мной произошел еще один неприятный случай во время сбора абрикосов. Хотя фруктовые деревья обычно росли у самого подножия ущелья, местами они встречались на довольно крутых склонах, и поэтому, поднимаясь по ним, мы обычно хватались за росшие стебли какой-нибудь сорной травы. Так я, поднимаясь, ловила перед собой крупные стебли и, протянув руку вперед, вдруг увидела на стебле, за который я только что хотела взяться, обвившую его толстую змею с головой, направленной в мою сторону. Я вмиг скатилась с той горы и была очень рада, что все обошлось благополучно.

Со змеями у меня был еще один случай, когда мы уже жили в избушке после того, как она освободилась. Я сидела под тем большим деревом, под которым мы прожили лето и что-то делала, а когда взглянула в сторону, то совсем близко от себя увидела змею. Я вскочила и хотела бежать, но когда повернулась в другую сторону, там тоже недалеко от меня была вторая змея, а повернувшись в третью сторону, я увидела третью. В тот раз я, вероятно, полетела, не касаясь земли. В Копырлах змеи были такими же ядовитыми, как и в Мазарке, и особенно весной, тогда как поздней осенью они становились менее опасными. Однажды в такую осеннюю пору змея укусила Колю, а он об этом не знал, и только по недомоганиям с признаками укуса змеи понял, что он подвергся такой страшной опасности. К счастью, укус тот оказался для него не смертельным, и его недомогание прошло бесследно.

Ущелье Копырлы было отделено от внешнего мира горным хребтом, через который шла накатанная телегами дорога. Хотя этот подъем был крутым, однако сравнить его с подъемом Мазарки было невозможно, поскольку повозки поднимались на гору намного легче, хотя и с передышками. Недалеко от того подъема и дороги находилась наша мельница с избушкой, в которой мы потом жили, и дерево —

наше первое пристанище. В перемежку с другими травами там росло так много конопли, что мне с трудом представляются те места без красивых, с роскошными листьями и высокими стеблями, к тому же и вкусными семенами растений. Когда уже на Западе я узнала, что это безобидное, красивое и полезное растение запрещено, мне казалось, что я что-то потеряла, поскольку моя жизнь была рядом с ним. Растение и люди там жили вместе не сотни, а тысячи лет и ничего в нем плохого не находили, а тут такое открытие и на него гонение. Кто тот человек, который увидел в конопле это свойство и преподнес свое открытие обезумевшему от безделья человечеству?

Когда мы переехали в Копырлы, у нас все еще был конь Гнедко, которого мы все любили за его покорность и трудолюбие, а также за то, что он был смирным и ласковым настолько, что вокруг него можно было ходить без всякой опаски. Чтобы кони могли пастись и не уходили далеко, их, как у нас говорили, «треножили», т. е. связывали три ноги на определенном расстоянии друг от друга. В таких случаях лошадь двигала тремя ногами, в то время упираясь в землю одной, и делала прыжок. В один из летних дней Гнедко пасся на возвышавшейся рядом горе, через которую наискось переваливала дорога, и вдруг кто-то из наших заметил, что Гнедко, кувыркаясь, покатился по горе вниз. От ужаса увидевший закричал: «Гнедко! Смотрите Гнедко с горы упал!» и побежал, поднимаясь вверх, к небольшому плоскому выступу на горе, об который Гнедко, скатившись, ударился. Мы все до одного тоже побежали вверх к печальному месту, где с негромкими стонами лежал наш Гнедко. Он даже пробовал поднять голову, обводя всех своими грустными глазами, как бы упрекая и прощаясь, зная, что видит нас в последний раз. Он как бы говорил: «Если бы я не был стреноженным, я бы не упал». Вся наша семья тогда чувствовала перед ним свою вину, но ничего сделать не могли. Побыли мы с ним некоторое время, погладили его, поплакали, а чтобы он не мучился, кто-то из чужих принес ружье, так как у нас никогда ружья не бывало, и Гнедка нашего не стало. Так тяжко мы должны были расстаться с нашим любимым конем. Даже теперь, когда вспоминаю прошлое со всеми подробностями, невольно выступают слезы на глаза, и чувствуется та боль, которую чувствовал Гнедко при своем падении.

Без коня мы жить не могли, поэтому купили другого и назвали его Савраской. Это был большой конь, сильный, но в то же время строптивый и вредный. Пришлось Коле с ним не раз воевать и даже бить за непослушание. Постепенно Савраска делался более покладистым и, в конце концов, стал тоже хорошим конем, и даже незаменимым, так как был трудолюбивым и надежным. Коля хотя

и наказывал его, но любил, и конь, вероятно, чувствуя это, постепенно менялся.

Прожив лето, Варя с семьей куда-то переехала, освободив избушку, в которую к осени смогли переселиться мы. Это была маленькая избушка, состоявшая из одной комнатки с очень маленькими сенями. Как у нас было в комнате я не запомнила, но хорошо помню, что мы в ней спали на кроватях.

Кроме нас в том месте, где мы жили, никого не было, хотя в верховьях того ущелья на своих пасеках проживало еще несколько русских семей. Когда же наша мельница начала работать, то к нам вновь стали приезжать казахи, чтобы молоть свою пшеницу, и у нас народ, как и раньше, перестал убывать. Иногда в подарок казахи нам привозили кумыс, айран и пр., и я не могла забыть того, как один раз казах вылил в нашу чашку из своего меха (кожаного мешка) айран, а по его поверхности, как рыбки, быстро поплыли два мушиных червяка. Казахские кумыс и айран были особенно вкусными, и мы все любили их пить. Русские хотя и пробовали перенять у казахов приготовление айрана, однако такого вкусного никогда не получалось, может быть, оттого, что не хватало кожаных мехов и нечистоплотности.

После переселения из Мазарки наши коровы подохли, поэтому сколько скота у нас было в Копырлах, я не знаю, тем более что, оставив для молока одну или две коровы, остальной наш скот мы отвели в горы, что сделать было необходимо, так как у оседлого населения скот всюду отбирали. Дела с учетом у правительства тогда еще не были налажены, поэтому о перегоняемом скоте никто не знал, и его не отбирали. Отобранный же правительством скот оставался без ухода, и я не раз видела стоявших с опущенной головой тощих коров, которые были уже при смерти. Жалко было скот, но что поделаешь, кому-то захотелось, чтобы так было.

Немного выше нашей мельницы на пасеке жила вдова Скворцова с дочерью года на два постарше меня, и мы иногда ходили к ним, где нас угощали медовым квасом. Были ли у Скворцовой еще дети, что-то не припомню, но в верховьях нашего ущелья жило еще две или три русских семьи, в которых тоже была молодежь. Иногда в праздничные дни собирались все вместе, как молодежь, так и подростки, и шли на прогулку по ущелью. Ущелье было красивым, с бегущей речкой и переброшенными через нее бревнами, служившими для пешеходов мостиками. Но такие прогулки у нас бывали очень редко, а чаще воскресные и праздничные дни мы проводили дома. Умывшись утром, мы прибирали в своей комнате и, что можно было, на улице, а потом отдыхали, кто как мог. Если была книга, то я старалась в такие дни что-нибудь прочесть, но книги не всегда у нас

были, поэтому я просто ходила по своим любимым местам и любовалась природой.

Как правило, по всем окружавшим Кульджу горам росла малина, и наше ущелье не было исключением. Но, к сожалению, малина обычно не росла у подножий гор, а поэтому, чтобы попасть в те места, где она росла, надо было добираться на лошадях, а потом уж лазить по горным зарослям в поисках малинника. Нередко во время таких поисков мы приходили в места, где были свежие следы медведя: вывернутые пни или обсосанные остатки свежей малины, висевшие на стеблях. Мы всегда были рады тому, что медведи позволяли нам свободно пройти мимо, или, вернее сказать, что у нас никогда не происходило с ними столкновений.

Когда поспевала малина, мы каждое лето уделяли один день на поездку для ее сбора. В такой день мы поднимались утром рано, брали ведра, корзины, хлеб, все привязывали на оседланных лошадей, садились на них сами, часто по двое на лошадь, и отправлялись в путь. Чтобы предостеречься от укусов змей, мы с Валей надевали брюки наших братьев, блузки с длинными рукавами, а на ноги натягивали толстые носки. Коля хорошо ориентировался в горах и по их виду легко определял, на каких косогорах должны были быть места малины. Большую роль в этом отношении играло расположение гор по отношению к северу, западу, востоку или югу. Когда Коля определял, что на том или ином косогоре, мимо которого мы проезжали, растет малина, то мы останавливались внизу ущелья, оставляли лошадей и с ведрами шли на гору пешком. Горы в таких местах, как правило, были очень крутыми и высокими, но не со сплошным подъемом, а местами прерываемые пологими откосами, на которых часто располагались малинники. Горные косогоры, а особенно их низовья всегда были покрыты кустарниками и высоким бурьяном, и поэтому впереди всегда шел Коля, а мы тянулись за ним гуськом до тех пор, пока не попадали в горный лес, где меж редких кустарников появлялось легко проходимое пространство. В таких местах в поисках малины мы расходились, но никогда не терялись. Первая малина, конечно, всегда шла в рот, и только насытившись, мы начинали ее собирать в висевшие через плечо ведра. Ведра мы никогда не носили в руках, так как руки должны были быть свободными, чтобы держаться за деревья или прутья зарослей во время подъемов и спусков.

Так мы незаметно поднимались на самый хребет горы, покрытый осиновым лесом, откуда хорошо виднелось все утопавшее в зелени ущелье с его ушедшим далеко вглубь дном. Мы усаживались поудобнее под деревьями, а нежный, теплый ветерок, ласкаясь, веял, неся с собой горную приятную свежесть. Хорошо было там посидеть

под говор осиновых листьев, которые неугомонно о чем-то все шептались, создавая своеобразный музыкальный аккорд. Что-то непонятное чувствовалось в те минуты: не то грусть, не то раздумье, а может быть, какая-то тоска, что-то унылое и необъяснимое, но только не радость. И мне кажется, в те минуты, внимая этому удивительному чувству, некоторое время мы все сидели притихшие, не проронив ни слова. Отдохнув немного, мы начинали спуск, который оказывался труднее подъема. Горная земля была мягкой и пышной, так что легко уходила под нашими ногами, и мы должны были постоянно за что-нибудь держаться руками, чтобы не сорваться и не упасть вниз. А наши мальчики однажды придумали сесть верхом на палки, упершись ими позади, а каблуками своих ботинок впереди в поверхность косогора, и нестись на этих палках вниз, но такая игра была очень опасной, что они и сами вскоре поняли. По пути нам встречались заросли вперемежку с торчавшими корневищами и лежащими рядом повалившимися стволами деревьев, перемешавшихся со сгнившими корой, ветками и осыпавшимися листьями. Красивые могучие ели, расстилая свои нижние ветки над поверхностью косогора, величественно возвышались над всякой мелочью своими сужающимися макушками, уходя в синее небо. Их стволы были такой толщины, что обхватить его одному человеку не было никакой возможности. Почти в каждом ущелье по дну текли быстрые холодные и, как стекло, чистые речушки, воду которых мы пили из ладони, когда перед отъездом домой ели свою черствую булку.

Так незаметно у нас проходил день, и к тому времени, когда мы оказывались внизу ущелья, уже наступал вечер. Приезжали домой поздно, а пересыпанная в чашки малина оставлялась до следующего дня, когда ее перебирали и варили варенье или мяли для сока. Малиновый сок мама всегда хранила в бутылке на всякий случай, и когда кто-либо в семье заболевал простудой, то она больному давала выпивать немного сока. Оставшаяся выжатая малина никогда не выбрасывалась, но высушивалась комочками, которые тоже хранились для чая или просто для еды сухариками.

Росли у нас и ежевика, и костяника, но их мы для варенья не собирали по той причине, что в них бывало много костей, однако изредка мы их просто ели свежими. Клубники же почему-то у нас было очень мало, но зато она была такой вкусной и душистой, какой я больше нигде не встречала.

Так как хлеб мы пекли всегда сами, а для этого требовались дрожжи, которые один раз в год мама сама приготавливала из дикого хмеля, то каждое лето нам надо было специально ехать искать, где он растет, и собирать. Помню, как мы ездили на нашей двуколке,

которую Саша шутливо называл «драндулет», что в нашем понимании означало — «карета для высокопоставленных». Это была небольшая тележка на двух колесах, и, вероятно, она была легкой, но, как нам тогда казалось, была некрасивой и бедной, а поэтому о ней мы всегда отзывались с иронией. Сколько я помню, эта двуколка всегда у нас была, и вот на ней Коля, я и Валя поехали искать хмель, который в горах никогда не рос, а рос в более теплых местах, то есть поближе к городу. К тому же, у нас где-то в той стороне рос картофель, и заодно мы должны были его прополоть. Захватили мы по небольшому кетменю и, к обеду прибыв на место, где рос картофель, принялись за работу. Стояла послеобеденная жара, когда вся полоса картофеля была освещена ярким солнцем, и я помню, как у меня от такой работы разболелась голова, а кончить прополку было необходимо, и я, превозмогая свою головную боль, кое-как дотянула до конца. При такой работе и жаре пот крупными каплями заливал глаза и все лицо, но нам было не до него, и он, как дождь, падал на землю. Надо сказать, что такая работа для нас была не исключением, и поэтому мы к этому были уже привычными, причем в такие жаркие дни у меня во время работы всегда болела голова. К вечеру наша прополка была закончена, а по дороге домой мы нарвали и вившегося на росших у дороги деревьях хмеля, а домой приехали в тот раз поздно ночью.

Будят меня и Валю однажды ночью и говорят: «Поезжайте с Колей прятать пшеницу!» Мы ничего не поняли, куда ехать и где прятать, но собрались и поехали не то на бричке, не то на «драндулете» с Колей. Приехали мы на какое-то чужое гумно, где работы уж закончились и из людей никого не было. Тихонько осмотрелись, разложили постель на соломе, предварительно захватив ее с собой, и мы с Валей легли, а Коля пошел рыть яму. Вероятно, с той целью и послали меня с Валей, чтобы, если кто-нибудь набредет на то место, так это не было бы подозрительным, поскольку казалось бы, что мы, как путники, просто остановились переночевать. Рыл Коля яму бесшумно, а через некоторое время заметил, что кто-то едет. Он прикрыл яму соломой и прилег на постель в ожидании, что будет. Оказалось, что подъехал какой-то казах, может быть, тоже хотевший переночевать на том гумне, но, увидев, что гумно занято другими, поехал дальше. Обождал еще немного Коля, пока человек совсем уехал, и вновь занялся своей работой. Он выкопал яму, застлал ее соломой, свалил туда, теперь уж не помню, один мешок или два, хорошо обложив их вокруг соломой, а сверху яму засыпал землей и прикрыл соломой, чтобы не было заметно. Осмотрелся вокруг, запоминая точное расположение места, и мы, не медля, отправились в обратный путь.

В те времена перевозить пшеницу было очень опасно, так как по дорогам всюду проверяли государственные сыщики, а если везти ее заставляла необходимость, то везли как-нибудь украдкой. Если же таковых на дороге ловили, то отбирали муку или пшеницу, а человека сажали за это в тюрьму. Наши тоже иногда должны были возить для себя муку в город, но так случалось, что в руки сыщиков не попадали. Однажды Колин деверь вез какую-то порченую пшеницу, а его на дороге поймали, но с ним тогда был наш зять, который его научил представиться дурачком и, посвистывая, ходить вокруг своей брички. Сыщики, решив что он действительно ненормальный, его отпустили, а что они сделали с пшеницей, я не знаю.

Все родственники нашего зятя не отстали от других, тоже получили разрешение ехать в Советский Союз и, готовясь к выезду, покупали, шили, и все складывали в ящики. Когда мы приехали их провожать, то оказалось, что у них была еще не сшитая ткань, а шить ее ни у кого не было времени. Мама посоветовала им, чтобы они мне позволили сшить им мужские нижние рубахи, так как я уже шила такое белье дома с одиннадцати лет. Проводив уезжавших, наш зять пригласил всех пойти в китайский ресторан, где он заказал известные ему блюда, а когда принесли нам всем по полчашечки еды, никто из нас не узнал заказанного: в чашках лежала чуть ли ни в палец толщины очень темная лапша, поверх которой лежал зеленый, слегка поджаренный перец. Когда мы начали есть, то от лапши почувствовали на зубах песок, в то время как перец был настолько острым, что есть заказанное оказалось совершенно невозможным. Посидели, пожевали, с трудом проглатывая пищу, и пошли из ресторана, не получив не только какого-нибудь удовольствия, но и голодные. Надо сказать, что тот ресторан до коммунизма славился хорошей и вкусной едой, что стало с его хозяином, неизвестно, а ресторан перешел во владение государства.

У Федоровых в квартире мы прожили всего два года, а после того как в 1954 году они уехали, мы должны были искать другое место и нашли квартиру недалеко от нашей школы у богатых, к тому времени уж раскулаченных, татар, которым было позволено жить в своем доме. Наша новая квартира состояла из двух комнат, и зимой впервые вся наша семья жила в городе. В первой комнате у нас стоял стол с той самой моей любимой скамейкой, о которой я уже писала, кровать и русская плита, обогревавшая всю квартиру, на которой готовилась и пища. Стол, что стоял в передней комнате, очень шатался, и я помню, как надо мной дома смеялись, когда я сказала, что когда я буду жить самостоятельно, то в первую очередь приобрету себе хороший, не шатающийся стол. В следующей большей комнате

стояло две кровати и еще один стол с табуретками, теми самыми, что когда-то еще в Мазарке сделал Коля, а на стене под белой занавеской на вешалке висели наши пальто. Мы занимались всегда за столом второй комнаты, на котором около стены лежали две высокие стопы книг: одна моя, а другая Валина. Перед уходом в школу свои книги я всегда складывала аккуратно в стопу, и все знали, что ничего моего брать было нельзя, а тем более нарушать эту стопу. Из всего, что принадлежало мне, самой важной моей собственностью были мои школьные принадлежности, и их, как правило, никто не трогал. Дома я занималась очень много. Вечером, придя из школы, я делала письменные задания и сидела с ними часов до двенадцати ночи, а иногда и до двух, в то время как все уже давно спали. Хорошо, что они могли спать при свете и моих хождениях, так как ночами я мыла свои длинные густые волосы, которые потом в косах не успевали просыхать к утру. Утром, умывшись и позавтракав, я вновь бралась за уроки, и мама, понимая, что нам надо было учиться, ничего делать нас не заставляла, но и посторонние книги читать нам тоже не разрешала. Она говорила, что если есть время читать постороннее, то значит есть время и помогать ей. По утрам я обычно учила устные предметы, а учила их так: вначале прочитывала заданный урок вслух, затем закрывала книгу и пересказывала тоже вслух, и так каждый предмет. На каждый предмет я отводила по полчаса, а так как их было много, то лишь к обеду я успевала пройти все заданное. Затем наспех ела, одевалась и шла в школу. Количество книг у меня с каждым годом увеличивалось, и моя стопка одного учебного года, в конце концов, стала состоять из более чем двадцати книг. Какие-то предметы были важными, а другие неважными, но готовиться надо было ко всем, что требовало времени. Так проходила неделя и только по воскресеньям, когда не было у нас занятий, я позволяла себе послабление.

С того года мы стали чаще ходить в церковь, а Саша вдруг захотел петь в церковном хоре и пошел на клирос. Я вначале не хотела идти в хор оттого, что стеснялась, но потом мои родители меня коекак уговорили зайти и попробовать петь. Я зашла один раз, и мне там так понравилось, что если бы меня после того стали отговаривать заходить на клирос, то я бы не послушалась. Так с того момента папа, Коля, Саша, я и Валя стали петь в хоре. Помню, как перед Пасхой церковный регент по фамилии Мисютенко собрал хористов на спевку, чтобы подготовиться к страстной седмице и Пасхе, на которую я попала впервые, Из наших на ту спевку почему-то никто не пошел, но меня пригласила пойти с ней тогда певшая в хоре чуть постарше меня девочка по фамилии Макарова, а как ее звали, не помню,

поскольку нам вместе пришлось быть очень короткое время, так как она вскоре уехала в Советский Союз. На спевке мы пели долго, и все для моего слуха было необычайно красивое и новое, включая «Разбойника» и «Архангельский Глас». Последние две вещи мы несколько раз пропели всем хором, потом регент стал заставлять некоторых дискантов и альтов петь самостоятельно и в трио. Я никак не ожидала, что он заставит петь самостоятельно и меня, но он это сделал, и я пропела даже не смутившись. Пела ли я правильно или нет, это другой вопрос, но я пропела без всякой помощи, после чего мне регент сделал лишь некоторые поправки. Я даже теперь удивляюсь, как я могла спеть незнакомые мне вещи, не понимая ни нот, ни движения руки регента.

После спевки, уж поздним вечером, девочка Макарова повела меня к себе переночевать, и я помню, как мы вошли в уютный, чистенький, уже совсем готовый к празднику домик ее родителей с недавно смазанными земляными полами и белыми занавесочками на окнах. Все говорило о большом порядке в доме и религиозности семьи. Мне та девочка очень понравилась, да жаль, что нам не пришлось быть вместе дольше: совсем вскоре после этого случая она с родителями уехала.

Церковь же наша существовала уже долгое время, и до того, как русское церковное правление в Пекине признало Московскую Патриархию, в Кульдже была лишь одна церковь, в которой служило два или три священника. Но после того, как правящий архиерей Виктор Пекинский признал Московскую Патриархию, наши священники и прихожане разделились, и тогда была организована домовая церковь, в которой, не подчинившись Московской Патриархии, стали служить о. Павел Кочуновский с диаконом Павлом Метленко. Когда уже было явное нашествие коммунизма на Китай, о. Павел с диаконом и их семьями покинули Кульджу и с большими трудностями пробрались в Шанхай к владыке Иоанну Шанхайскому, который со всей своей паствой тоже не подчинился управлению советской церкви и ждал удобного момента, чтобы всю свою паству выселить за границу. Когда русским позволили выехать из Шанхая, то их с Владыкой почему-то вывезли на Филиппинский остров Тубабао, где, ожидая разрешение на выезд в США, они прожили, два года. К слову надо сказать, что о. Павел Кочуновский с семьей по какой-то причине попал в Австралию, где и прожил до своей смерти.

Здесь необходимо упомянуть, что в сороковые годы из Советского Союза приехал в Кульджу один молодой священник, который пробыл там довольно короткое время. Я видела его еще в детстве, он мне запомнился во время проповеди, которые всегда говорил

с большим воодушевлением, так что слезы катились не только по его щекам, но и по щекам прихожан. У того батюшки не было одного пальца на руке, и когда он читал проповедь, то складывал перед собой руки так, чтобы не было заметно. Помню, как я еще совсем маленькой стояла в передних рядах женщин и во время проповеди рассматривала батюшкины руки, когда и заметила, что у него не было одного пальца, чему очень удивилась. Так про того батюшку потом рассказывали, что он говорил друзьям в Кульдже: «У вас здесь течет мед и молоко. Живите здесь». Как мне рассказывала позже мама, тот батюшка прибыл в Кульджу из Советского Союза один, без матушки, и поэтому, прожив какое-то время в Кульдже, решил вновь перейти границу, чтобы вывести оттуда и матушку, но, к сожалению, о нем больше никто ничего не слыхал.

В связи с тем, что по отбытии о. Павла осталась у нас только одна церковь, которая подчинялась Московской Патриархии, а домашней не стало, то некоторые оставшиеся русские люди, считая советскую церковь незаконной, поскольку она, оказавшись под властью советов, стала несвободной, перестали ходить в церковь вообще. Мои родители вполне разделяли их мнение, но в то же время считали, что без церкви жить нельзя, и поэтому стали ходить в ту церковь, которая осталась, а с ними ходили и мы. Они считали, что если мы не привыкнем к церковным богослужениям, то не сформируемся как православные христиане. Я помню одну благочестивую семью, которая после того, как о. Павел уехал в Шанхай, совсем перестала ходить в церковь. Дети в этой семье долгое время росли без церкви. Но потом, глядя на нас, молодые родители, наконец, поняли, что действительно без церкви воспитать детей им будет трудно, и они позволили им посещать службы. А позже — в нашей юности, мы с ними были очень хорошими друзьями и не боялись обмениваться мнениями.

Как раз в тот период, когда мы стали ходить в церковь постоянно, батюшек у нас своих не осталось, и к нам прислали из Харбина иеромонаха Софрония Иогеля. Приход его принял недоверчиво, так как сразу же понял, что это был советский агент, но в церковь все по прежнему ходили, говоря: «Мы не батюшке молимся, но Богу». Иеромонаха же нередко люди видели в рикше подъезжавшего к советскому консульству, с которым у него была постоянная телефонная связь. О переселении в Советский Союз, не стесняясь, он даже говорил в своих проповедях с амвона и всячески это поощрял. Потом он и сам уехал в Советский Союз, а наш приход остался без священника, в котором и прихожан осталось не очень много, но все-таки их было еще не менее сотни.

Когда мы были уж в Австралии, встретили одного человека из Харбина, который знал нашего иеромонаха Софрония еще по Харбину и отозвался о нем как о нерадивом монахе. Вот каких людей подбирала советская власть, чтобы они служили не Богу, а им.

После того как уехал церковный регент в Советский Союз, хором стал руководить старичок Иван Васильевич Тузиков и руководил он год или полтора. Жизнь текла по своему руслу, перед праздниками проводили спевки, на которые Иван Васильевич всегда ждал нас, и уж настолько привык к тому, что я на них бывала, поскольку я очень любила петь, что однажды, когда я позабыв о ней, не пришла к ее началу, а спохватившись, пришла с большим опозданием, он мне высказал: «Что ж ты не пришла вовремя? А мы тебя ждали. Я был настолько уверен в том, что ты не пропустишь спевку, что даже хористам сказал, что ты сию минуту будешь здесь, но я ошибся».

Потом в Советский Союз уехал и И. В. Тузиков, а хором стал управлять еще другой старичок, но недолго, так как и он вскоре тоже уехал. Однажды перед Рождеством последний старичок устроил спевку в своем доме, который от нас находился довольно далеко, так как был расположен в другом районе, а поскольку городского транспорта у нас не было, то мы — молодежь, собравшись вечером небольшой группой, вместе отправились к нему пешком. Вечер уже глубокой зимы был превосходным. На улице стояла тихая погода, и все время падал пушистый снег, превращая дома, деревья, улицы в нежную сказочную картину, которой, казалось, каждый шедший по улице невольно любовался. В тот вечер весь город утопал в тишине, он как бы заснул, и только мелькавшие в окнах огоньки говорили о том, что там где-то за ажурными стенами находился иной мир. Заглянуть бы туда, за стенку, что там? Наверное, можно было бы увидеть там все: проскользнувшую сквозь слезы улыбку, обидой подернутое лицо, любовь матери к ребенку, неутешный плач от горя, жестокость и согнувшуюся от нее фигуру. Но не сейчас об этом. Сейчас же мы идем по пушистому и мягкому снегу, я, как и многие другие, в валенках и в стеганой куртке, в теплой шали на голове. Кое-где нам надо было перелезать через сугробы, и перелезая, мы падали, смеялись. Не обходилось и без шуток, так что длинная дорога укоротилась, и мы незаметно оказались у цели.

Года за полтора или два до нашего выезда церковь наша осталась без священника, и мы, оставшиеся, приходили, молились, читали и пели, как и полагалось. Расставшись с уехавшей семьей, наш псаломщик М. А. Золотухин, хорошо знавший все богослужения, все сам вычитывал и как-то задавал тон, а мы его понимали и пели все

по богослужебным правилам. Православных русских становилось все меньше и меньше. Это было беззащитное стадо овец без пастыря, на которое со всех сторон нападали волки: с одной стороны советские, а с другой сектанты. Советский Союз употребил все свои ухищрения, чтобы переманить как можно большее количество людей на «родину», а из сектантов никто в Советский Союз не ехал, и поэтому их в процентном отношении в Кульдже ставало все больше и больше, чем было раньше. Они всячески старались запятнать православие и соблазнить к себе людей, выучив несколько фраз из Евангелия. До этого времени сектантов было совсем не видно, и никто на них не обращал внимания, то есть их как бы не существовало, а когда они увидели, что православные остались не защищенными, то подняли свои головы, увлекая за собой и православных. У православного народа не было никакой защиты, они, не ожидая такой атаки, оказались неподготовленными из-за отсутствия соответствующих книг. К бывшему у нас иеромонаху хотя и обращались некоторые люди за помощью, однако ее не получили, да ему было и не до того, так как он был занят своими делами с советским консульством, за что еще больше укоряли православных сектанты, говоря: «Вот вы идете в церковь, а кому вы молитесь? Советскому агенту?» А что мог ответить православный, когда его священник и действительно таковой, но православные на это отвечали: «Я молюсь Богу, а не священнику», что, конечно, было тоже правдой. Немногие из православных могли выдержать натиск, а многие не выдержали и соблазнились обманом сектантов. По воскресным дням православные крестились у сектантов десятками, а потом, хвастаясь, сектанты говорили православным, сколько человек у них в тот день крестилось.

Надо сказать и то, что почти все сектанты из Кульджи собирались выехать на Запад, и они через тайные связи были зарегистрированы в Совете церквей в Гонконге. Некоторые из православных, узнав об этом, тоже заполнили анкеты на выезд из Китая, и все ожидали такого разрешения. Так сектанты решили это натянутое положение использовать в свою пользу. Они говорили православным, что на Западе весь народ состоит только из баптистов и пятидесятников, то есть сектантов, и поэтому православные разрешения на выезд не получат, что было стопроцентной ложью. Эта тактика тоже подействовала в пользу сектантов, так как некоторые крестились только ради того, чтобы им выехать.

При всем этом была замечена одна общая черта у перешедших в сектантство: если у них не было среди людей врагов до крещения, то после крещения в сектантство православие и православные становились для них врагами, которых они начинали ненавидеть большой

ненавистью за их православие и, всячески издеваясь над их верой, критиковать. Человек действительно перерождался.

Вообще с сектантами общаться было очень трудно, да и понятно почему. Ведь мы считаем, что мы немощные и постоянно грешим, если не наяву, то в своих мыслях, то есть в своем сердце, т. е. видимыми грехами или не видимыми для других: гордостью, завистью, самолюбием, алчностью, осуждением и прочее, и что мы своей силой без помощи Божией не можем очиститься от всех больших и мелких бесчисленных грехов, а у них таких грехов нет. Они сказали своему пресвитеру, что уверовали и сразу без всякого усилия перешли в святые, то есть они уже больше не грешны, если не грешат явно. Не правда ли, легко? Если бы мне пришлось с ними говорить теперь, то есть после того, как я получила небольшое духовное самообразование, то я, защищая свою веру, указала бы на стихи из священного писания, так как сектанты святых современных, как и древней христианской церкви не признают, не признают они и церковное предание, о котором сказано в Евангелии от Иоанна словами: «Но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (21;25). При нашем желании спастись нам Христос сказал быть нищими духом, быть чистыми сердцем и плакать о своих грехах: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5;3,8). А также: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата; ибо сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут». (Луки 13;24). От дней же Иоанна Крестителя до ныне царствие небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». (Матф. 11;12). А на вопрос, кто же может спастись, Христос сказал: «Невозможное человекам возможно Богу» (Луки 18;27) или «А Иисус воззрев сказал им: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно»» (Матф.19;26). «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам» (Матф. 7;7). «Ибо без меня не можете делать ничего» (Иоанна 15;5). «Входите тесными вратами; потому что широкие врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесные врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». (Матф. 7;13,14). У нас зарождаются грехи тайные, о которых никто никогда может и не знать, а у них таких грехов нет. Вера их не духовная, а умственная, материализованная, и на православие они смотрят своими утратившими зрение глазами и, конечно, его не понимают и никогда не поймут, если будут смотреть на него не с духовной точки зрения. Без критики православных в их молельнях никогда не обходилось, а при встречах они всегда говорили: «Ну вот посмотрите на своих. Они

и пьют, и курят, и употребляют непристойные слова и т. д.» Вообще, они видят грехи отдельных личностей, входящих в церковь, а святости самой церкви не видят и не хотят ее видеть. А в Евангельских проповедях Спасителя говорится и такое: «Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: «Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей став молился сам в себе так: «Боже! Благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю; даю десятую часть из всего, что приобретаю». Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику!» Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Луки18;9,10,11,12,13,14). При этом необходимо заметить, что в своей притче Иисус Христос не сказал, впустили ли грешного мытаря в храм или его вывели вон, что практиковалось у наших сектантов, но мытарь с фарисеем был в церкви на равных, как бывает у православных. «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые; а худое дерево приносит и плоды худые. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного» (Матф. 7;15,16,17,21). А что в каждом человеке множество невидимых грехов, с которыми надо вести постоянную войну, говорят следующие тексты из Евангелия. «Ибо из сердца исходят злые помыслы: убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Матф. 15;19). «Ибо извнутрь, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Марка 7;21,22). В то же самое время мы видим ясно, что не все верующие и желающие спастись спасаются, но лишь некоторые. «Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано». «...Кто может вместить, да вместит». (Матф. 19,;1,12). Они выучили фразу «Не покланяйтесь рукотворным идолам», на что обыкновенно указывают православным (Исход гл. 20) и на этом остановились, не продумав даже того, к чему это было сказано Богом, когда в тот же период времени Бог сказал Моисею соорудить переносный храм с Святая Святых, с херувимами на крышке ковчега и указал, как это надо сделать и какого

размера, что стало великой святыней, где почивал сам Бог, а евреи ему покланялись, кланяясьсооруженному своими руками храму с изображениями в нем херувимов. (Исход гл. 25; 26; 27).

Наши кульджинские русские сектанты в своей вере, отойдя от своих собратьев иностранцев, до сих пор живут своей кучкой и ждут, что перед пришествием антихриста с какой-то точки земли они будут взяты живыми на небо, и эти точки им уже предсказывались не раз на них сходящим «святым духом», и уж в который раз этот «святой дух» предсказаний своих не выполнил. С такой целью многие из них уж не раз переезжали на предсказанные «святым духом» места, откуда они предполагали, что будут взяты на небо, но до сих пор никто из них не взят, и никогда они со всеми другими своими собратьями с таким же учением до пришествия антихриста взяты не будут. Все это заблуждения сектантов произошедшие от того, что «слепой ведет слепого» (Матф. 15.14).

Когда дошло до того, что оставшийся костяк православных им уже больше не поддавался, то они его оставили в покое, хотя изредка, на всякий случай, все еще забрасывали удочки с тем, чтобы узнать, не клюнет ли рыбка.

Перед большими праздниками, как правило, все русские женщины в своих домах делали генеральную уборку, во время которой побелка дома известкой считалась самой большой и утомительной работой. До коммунизма купить известку на базаре было очень легко, когда она продавалась по сортам, но со сменой правительства стало трудно купить не только еду, но даже и известку, а тем более хорошую. По этой причине в летнее время мама нас заставляла собирать известковые камни, из которых потом папа сам в специально для этого вырытых в земле печках выжигал известь. Папа вообще был мастером по сооружению печек, особенно русских, и на его долю выпало их сделать немало при наших постоянных переездах.

Вторым очень важным приготовлением к праздникам у наших русских считалась выпечка всякого сдобного и пирожных, чего напекалось обыкновенно очень много и в большом разнообразии.

Мыть полы или смазывать их глиной было тоже нелегкой работой, поскольку если были деревянные полы, то они были из простого дерева без всякой покраски, отчего грязь входила в древесину и надо было мыть, как говорится «с песочком» в полном смысле этого слова. Такие полы у нас считались вымытыми только после того, как они высыхая делались желтенькими, поэтому каждая хозяйка старалась их промывать до такой степени. Правда, были у некоторых людей и покрашенные полы, но это считалось уж роскошью, и немногие могли такое себе позволить.

Из пищи самое лучшее русские люди оставляли гостям даже не в праздничные дни. При этом гостем считался и случайно зашедший человек. Так однажды купил папа немного колбасы, чего у нас никогда не бывало, а когда принес домой, то мама каждому из нас отрезала от нее по маленькому кусочку, а остальное повесила со словами: «А это гостям».

Когда вся наша семья стала жить в городе, то мои братья, вошедшие в одну из групп русской молодежи, стали часто бывать на вечеринках, которые устраивались молодежью в своих домах. Когда такая вечеринка бывала у нас, то во второй комнате накрывались столы, приносились откуда-нибудь стулья, все расставлялось, и к вечеру приходили гости. После веселого стола у них начинались различные игры, а мы сидели в своей передней комнате и поглядывали в дверь из любопытства. Помню, как мама меня посылала к молодежи, поскольку мне тогда уж было лет четырнадцать или пятнадцать, но я ни за что не хотела идти, так как могла чувствовать себя свободной только со своими школьниками. Через дверь я любовалась красивыми платьями девушек, юбки которых свисали до самого пола по обеим сторонам стульев, на которых они сидели. Они были сшиты из хороших тяжелых, как одноцветных, так и с разными цветами тканей, так что юбки их не топорщились, а ложились вокруг мягкими фалдами, что мне особенно нравилось. Волосы некоторых девушек были подрезаны и завиты, а у других просто заплетены в косы. Молодежь в Кульдже в то время была высокого морального уровня, но делилась на более консервативную и менее, причем делилась по группам. Таким образом; в то время там было несколько групп молодежи, а до отъезда русских в Советский Союз, вероятно, молодежных групп было очень много. Всякое нехорошее поведение молодежи всегда осуждалось обществом, и от этого она должна была себя держать в определенных рамках. Так однажды на Рождество на нашей улице я встретила шедшую с каким-то молодым человеком знакомую девушку, с которой я познакомилась в Копырлах, ее приглашению пойти с ними к другой нашей знакомой девочке, тоже из Копырлов, я не отказала, хотя никакого желания у меня с ними пойти не было, и мы все вместе отправились. На следующий день мать знакомой, у которой мы были в гостях, предупредила мою маму, что я еще слишком молода, чтобы ходить с молодежью, а тем более еще и с парнями. Я, конечно, за это получила от мамы выговор, а привожу этот пример здесь только для того, чтобы показать на каком моральном уровне была наша молодежь.

Еще когда мы жили около гимназии, однажды прошел по нашей улице грузовик с керосином и по какой-то причине разлил его

на дороге, так люди радехонькие побежали со своими сосудами, в том числе и мама, чтобы набрать керосина с земли. А вечером мама нам рассказывала, как она приобрела керосин для лампы. Как и все другое, керосин тогда можно было купить только в кооперативе, то есть государственном небольшом магазине, если его так можно назвать, поскольку он собой ничем не напоминал магазин. Но даже и в кооперативе, как и все остальное, керосин не всегда был, а если и был иногда, то выдавался только по норме, вот поэтому мама тогда так радовалась, что приобрела довольно много керосина, который нам был очень нужен, так как в нашей квартире не было электрического освещения.

Хозяева нашей квартиры были татары, а все татары в Кульдже до правления коммунистов были богатыми. У них были, как правило, капитальные дома со множеством комнат, обставленных всевозможной мебелью и украшенных персидскими дорогими коврами. Многие из них отдавали своих детей учиться в русские школы, в числе которых часто встречались блондиночки и с румянцем на щеках, то есть совсем похожие на русских. По пришествии коммунистов татары, как и все другие богатые люди, пострадали, но у них в основном страдал хозяин дома, которого забирали в тюрьму или расстреливали, оставив всю семью не тронутой при своем доме и домашних вещах, тогда как все остальное богатство их конфисковалось. Такие, оставшиеся без хозяина татары, потом часть дома своего сдавали в аренду и на вырученные от этого деньги жили. Так сделала и наша молодая хозяйка, у которой мы снимали тогда квартиру, жившая не то с одной дочерью — подростком, не то с двумя. Мы же всегда предпочитали снимать квартиру у раскулаченных богатых, так как от них можно было меньше ожидать какой-либо слежки и пр. Дом наших хозяев был с большим двором, кладовыми, сараями и колодцем, а наша квартира находилась отдельно от хозяйского дома, вероятно, раньше она была предназначена для прислуги. Так как у хозяйки была девочка немного моложе меня, то я изредка бывала у них и видела, как было в доме.

В Советский Союз люди продолжали уезжать, и, как я уже упомянула, мы оттуда получили залитое водой письмо, говорившее о том, что жизнь у них была очень трудной. В чем состояла их трудность жизни и что с ними там было никто из нас не мог угадать, об этом мы узнали лишь после тридцатипятилетней разлуки. Оказалось, что после того, как группы уезжающих на целину перевозились через Китайскую границу, их сразу же везли на нетронутую никем землю, на которой вообще ничего не было. Снимали их там с грузовиков и оставляли просто под открытым небом, а потом, как наши рассказали, им

привезли немного леса для покрытия крыш и сказали: «Стройте себе жилища сами». Делать было нечего, необходимость заставляла как-то выживать, и они стали рубить из земли пласты и складывать их один на один, сооружая таким образом стены для жилищ, которые потом накрыли крышами и так перезимовали. Когда весной вокруг начало таять, то на улице стала подниматься вода и дошло до того, что она стояла в их жилищах. Люди начали болеть и проситься переехать в город, но уезжать с целины никому не разрешалось, а когда кто-то тяжело заболел из наших родственников, то их семье кое-как удалось упросить своих начальников отпустить их. В городе они оказались совсем без денег, и хорошо еще что у них были отрезы материи, которые они увезли из Китая. Благодаря им, на вырученные от продажи деньги, они смогли купить материалы для постройки своего дома.

СЕДЬМОЙ КЛАСС

Между тем жизнь в Кульдже шла своей колеей, я уже училась в седьмом классе, который был особенно знаменательным и полным жизни. К этому времени число русских в Кульдже очень сократилось, а поэтому и учащихся в школах тоже резко убавилось.

Директором гимназии был Виктор Александрович Турко — еще молодой и энергичный человек, всегда одевавшийся очень аккуратно и умевший держать себя подобающе. Как сейчас вижу стройного, бодро идущего через школьный двор директора, которого учащиеся очень боялись. Он всегда ходил своей уверенной походкой, не озираясь по сторонам. Брюки носил только из шерстяной ткани, хорошего покроя, и они всегда были настолько хорошо проглажены, что передние и задние рубцы спускались вниз тонкой линией во всю их длину. Всякий раз, когда он появлялся, невольно привлекал к себе взгляд, и также невольно в уме всплывал вопрос: «Сидит ли Виктор Александрович когда-либо, и если сидит, любопытно было бы посмотреть как он сидит?» Надо было уметь как-то особенно сидеть, чтобы брюки оставались в таком виде. Да, его учащиеся боялись, но его и уважали. К тому времени, когда я пошла в седьмой класс, преподавателей в школах стало не хватать, поскольку они тоже уезжали в Союз, и школьное руководство Кульджи решило, что в том году восьмой, девятый и десятый классы будут только в сталинской школе, а в гимназии будет только семилетка. Причем мы узнали также, что в нашем классе математику будет вести директор, что для нас было большим сюрпризом. Узнав от классного руководителя такую новость, наш класс как бы на минуту застыл, огорошенный такой неожиданностью. Нашим же классным руководителем в том году была Вера Григорьевна Ильина — очень спокойная, выдержанная преподавательница, которая у нас вела несколько предметов. По русскому языку и литературе, как и в прошлом году, была назначена

Антонида Львовна Болдырева, которую я уже описала, чей образ встает в моей памяти всякий раз, как я что-нибудь пишу, а в душе моей теплится ей глубокая благодарность. Не помню какой предмет преподавал высокий и тонкий учитель — Сергей Константинович Летников, которого наш класс-проказник прозвал «циркулем». Учителя по физкультуре прозвали «Тошнит» за то, что он вместо «точно» говорил «тошно». Любил наш класс иногда поиздеваться над своими преподавателями, и случалось не раз, когда молодые учительницы не выдерживали и уходили из класса, не докончив своего урока. После таких случаев класс сидел притихший в ожидании, кто явится в дверь, а иногда наоборот, мальчишки, как бы дожидаясь такого момента, разом поднимались со своих мест и буквально «ходили на головах» до тех пор, пока не открывалась дверь. Как только она начинала открываться, они в один прыжок все были на своих местах, как ни в чем не бывало, а в классе водворялась полная тишина. После этого шли опросы, допросы, «кто виноват?», но в таких случаях класс как бы «набирал в рот воды», никто ничего не знал, и виновных никогда не было. Часто за такие проделки наказывались все, так например, мы должны были стоять за партами один час после занятий, в то время как учитель сидел за столом, занимаясь своей работой. Однако это не помогало, и через какое-то время опять происходило то же самое. Класс действительно был иногда невыносим, но в то же время он был очень дружный в полном смысле этого слова. Преподаватели наши знали, что все наши шалости исходили просто от ребячества, и что пошлого лукавства ни у кого не было, а поэтому они тайно наш класс любили. Были у нас мальчики — юмористы, о которых все знали, как хорошо исполнявших свои роли в пьесах на сценах. Особенно отличался юмором Василий Рукавичников. Он так умел сострить, что от смеха любой преподаватель не мог удержаться. Помнится мне, как он жаловался вслух на весь класс: «То, говорят, играй посмешнее, а когда играешь смешно, ругают». Он имел ввиду, что во время репетиций к концертам его заставляли играть свою роль смешнее, а в классе его за шутки ругали. Тот класс был полон жизни, юмора и смеха, и он один из всех классов, в которых я была в мои школьные годы, запомнился мне как олицетворение всего моего школьного периода, поэтому я и привела его в своих воспоминаниях.

Когда директор нашей школы Виктор Александрович Турко начал с нами заниматься, то не зная его как учителя, учащиеся вначале относились к нему с определенной осторожностью. Но вскоре выяснилось, что он был замечательным преподавателем и кроме того обладал чувством юмора. Сострит он иногда сам, или кто-то в классе скажет такое, что класс рассмеется, вместе с классом смеется и он

сам, но только одну минутку, после чего, как по команде, все делались серьезными и продолжали работать. За весь год не случилось ни одного раза, чтобы наш класс его чем-нибудь разозлил. При всем этом он умел так работать с классом, что работа перемежевывалась с коротким смехом, и все были увлечены ей настолько, что не оставалось ни малейшего момента на какие-нибудь другие занятия. Мне здесь хочется привести один из многих случаев, оставшийся в моей памяти от его объяснения одной из задач. В нашем классе тогда училось два брата Дроздовых, одного из которых звали Анатолием, и он был высоким и тонким, а другого, поменьше ростом, Александром. Этих двух братьев по имени в классе никогда не называли, а звали: большой Дроздов и маленький Дроздов, к чему уж все привыкли, а сами они на это не обижались. Виктор Александрович, объясняя задачку на расстояние, решил к примеру употребить этих двух братьев. Сделав чертеж на доске, он начал: «Допустим у нас вот такое расстояние, которое должны пройти два брата Дроздовых. У Анатолия шаг, допустим, равняется двум метрам — тут весь класс: «ха, ха, ха», а он продолжает дальше — а шаг Александра равняется тридцати пяти сантиметрам — и опять весь класс: «ха, ха, ха», но он продолжает, и класс его внимательно слушает до самого искомого числа. Несмотря на его короткие шутки, Виктор Александрович был очень требовательным и всегда держал класс крепко на поводу. Он почти каждую неделю нам устраивал контрольную работу, так что распуститься ни в коем случае не позволял.

Между прочим, моим любимым предметом была математика, и я ее так любила, что понимая свое положение, говорившее, что после нашей школы мне будущности в этой отрасли никакой нет, я очень огорчалась. Чем труднее была задачка, тем она мне казалась интереснее. За все школьное время дома у меня помощников никогда не было, однако в школу я всегда приходила с решенными задачками даже тогда, когда никто в классе не мог решить. Я очень любила доказывать всякие теоремы, что многим учащимся давалось с большим трудом.

По китайскому языку у нас был учителем китаец Джан, говоривший и по-русски, но с большим акцентом. Однажды он вызвал меня чтобы за ответ поставить мне оценку, а я на тот раз ответила, но не совсем хорошо, на что он, назвав мою фамилию, сказал: «Почему сегодня не так хорошо знаешь, как всегда? Три». То есть он мне поставил три не за мой ответ, а потому, что я в тот раз не так хорошо ответила, как отвечала всегда. Правда, в конце четверти он решил подтянуть мне отметку, чтобы вывести за четверть пятерку.

Завуч школы — Елизавета Васильевна Лисюкова — тоже была особенным человеком. В случае необходимости она замещала

любого учителя второй смены и всегда урок знала, как будто она к нему готовилась. Она была строгим преподавателем и отметки также всегда ставила строго. В нашем же классе она в том году была преподавателем геометрии. Через несколько лет после того, как она уехала в Союз было слышно, что она там вновь сдала все экзамены и получила место заведующего учебной частью в какой-то школе.

К тому времени в нашей школе все еще были спортивные команды, участвовавшие в соревнованиях как местных школ, так и в широком масштабе, для чего такие группы ездили в центральные большие города Китая. Возвратившиеся после поездок нам много рассказывали о всяких происшествиях и приключениях.

Иногда в гимназию приходили какие-нибудь посетители, так однажды пришли делегаты из Тибета, которые во время наших занятий обошли все классы, а в другой раз посетила школу откуда-то приехавшая бывшая ученица гимназии, которая тоже обошла всю школу, с любовью вспоминая свои школьные годы. Она проверила все уголки школы, замечая все, и восхищалась, не скрывая своего восторженного настроения.

В одном из классов второй смены учился в то время один неугомонный мальчик, которому часто попадало от директора, а однажды он вздумал зачем-то спуститься в очень глубокий школьный колодец. Потом по этому случаю было много разговоров, а мальчику, конечно, был преподнесен еще один директорский нагоняй. Я тогда слышала его фамилию и знала ее хорошо, так как мои родители и его были давнишние друзья, но в лицо я его тогда не знала. Когда же стало мало русских, то волей- неволей вся оставшаяся молодежь оказалась вместе, и я только тогда с ним познакомилась. Это был Иван Югов, о котором мне придется еще не раз вспомнить.

В нашем классе тогда были учащиеся и других национальностей: шесть или семь татар, трое шибинцев, четыре или пять русско-китайских полукровок, но остальные все были русскими. Никакой дискриминации по отношению к иностранцам в школе не существовало, как в отношении преподавателей к учащимся, так и среди самих учащихся. Все считались равными и, нередко, были друзьями. Я, к примеру, дружила с русскими девочками, а также и с шибинкой — Светланой Горге, сидевшей со мной за одной партой. Это была школьная дружба, а разойдясь по домам, каждый из нас жил своим кругом за исключением единичных встреч.

Интересно вспомнить еще один необычный факт из жизни нашего класса. В том году у нас учился один взрослый мужчина — татарин, которого звали Израиль Габитов. Мы его называли отцом, на что он не сердился и с нами шутил, а меня он всегда называл

«доченькой». Один раз он решил некоторых учащихся пригласить на татарский праздник к себе в гости, и мы, придя к нему, как всегда веселые, угостились на славу, посмеялись и разошлись. Нам всегда было весело. Придя в школу, мне кажется, я постоянно смеялась и даже сердилась на себя за это. Иногда дома заранее решала, что в школе больше не буду смеяться, но как только переступала порог класса, тут же вновь начинала, видимо это зависело не от меня, но от всей классной атмосферы. Я любила бывать в школе и поэтому никогда не пропускала учебных занятий.

Как и в любой другой школе некоторые мальчики любили как-нибудь задеть девочек: то начинали их давить с двух сторон за партой, то снегом умывали или прятали их вещи, а однажды зимой меня за руку вытянули в садик к куче снега и намеревались лопатой набросать на меня снег, но кто-то из них же заступился, и меня отпустили.

Наш класс, как и все другие, был разделен на звенья с назначенными звеньевыми, которые должны были заниматься с отстающими. Хотя у меня было свое звено, с которым я работала, однако по алгебре и геометрии ко мне обращались учащиеся и из других звеньев. Помнится мне, как только я заходила в класс перед началом занятий, меня уже ждали и сразу же тянули к доске, чтобы объяснить им то или иное. Я эти предметы любила и любила их объяснять до малейшей подробности.

Как всегда учащихся в классе было много, около сорока пяти человек, а старостой в том году был мальчик, бывший немного постарше меня, — Геннадий Сио. Он был спокойным юношей, и хотя сам никогда не участвовал в шалостях, однако других никогда не выдавал. К тому же у нас в школе кроме явной, видимой школы за кулисами была школа невидимая. Там могли проучить ябедников. Попробовавший ябедничать хоть раз, во второй раз на это уж не решался, так как его за это где-нибудь побили бы. Таких обычно проучивали мальчики, да и вообще ябедников в школе не любили.

Несмотря на наше ребячество и беззаботность, постепенно атмосфера в школе менялась из-за давления свыше. Все чаще нас стали оставлять на классные собрания после уроков, на которых говорили о политике, к которой у нас не было никакого интереса. Заставляли нас вникать в политику, говорить, высказываться, критиковать других, и в конце концов дошло до того, что должны были критиковать себя при всех. Хорошо, что все учащиеся нашего класса были дружными и наговаривать на других ни у кого не было желания, благодаря чему собрания всегда проходили вяло и скучно, а ведь могло доходить и до лагерей.

В связи с тем, что материальное снабжение школы с каждым годом сокращалось, в том году снег сгребать, как на дворе, так и с крыш, стали учащиеся. Во дворе сгребали снег во время физкультуры, а с крыш по воскресеньям приходили мы, то есть старшеклассники, забирались с лопатами на крыши и, как всегда, со смехом убирали снег.

Прошла зима. Сняв с окон вторые рамы, их распахнули, а за ними так приятно светило солнце и чувствовалось, как заполняет класс чистый весенний воздух со своим особенным ароматом. Перелетая с ветки на ветки, птицы громко щебетали, и пение их доносилось до нашего слуха. Так бы и убежал на улицу, да нельзя, шли уроки и уж начиналась подготовка к экзаменам.

На первое мая, как обычно, школа была обязана явиться на площадь рядами и в парадной форме, состоявшей для девочек из белой блузки и черной юбки, а для мальчиков из белой рубашки и черных брюк. У меня тогда не было белой блузки, и я явилась в школу в своей обычной коричневой форме. Директор объявил всем, кто в парадных формах, строиться в ряды, а кто не в парадных отойти назад для того, чтобы построиться там в ряды отдельно. Мои одноклассники все были одеты в парадное, так что мне предстояло отойти назад, но тут, заметив это, директор подошел ко мне и потихоньку спросил: «Почему ты не в парадной форме?» Ответила ли я ему что-нибудь или не ответила, но он, увидев мое смущенное лицо, вероятно, сам понял, что не от меня зависело то, что я оказалась не в парадной форме и разрешил мне построиться в ряды с моими одноклассниками. О том, как я чувствовала себя в своем коричневом платье среди белых блузок, рассказывать, мне кажется, нет надобности.

Почему я тогда оказалась без белой блузки, вероятно, требует объяснения. Может быть, она у меня и была бы, если бы я потребовала ее от родителей, однако я у родителей никогда ничего не просила, и если мама сама решала что-нибудь мне купить, то я тем и довольствовалась. Не таким был Саша, он захотел велосипед и его получил, а мы с Валей были другими. Помню, как на Рождество, получив от кого-нибудь деньги, я их вкладывала в какую-нибудь свою книгу, и они там лежали до тех пор, пока не требовались неотложно маме, и тогда я их ей отдавала. Вероятно, так получалось оттого, что я была не привычной к деньгам, и про них просто забывала. Если говорить о блузке, то к следующей осени мне купили новую белую блузку.

Экзамены мы обычно должны были сдавать по всем предметам, и для подготовки к каждому из них нам давалось по два дня. Заранее записывали вопросы по всему годовому курсу, по ним

и готовились. В день экзамена стол в классе застилался белой скатертью, а на него ставился букет цветов. Окна всегда были раскрытыми, за ними светило яркое солнце и разносилось щебетание птиц. Настроение учащихся и преподавателей на экзаменах было особенно приподнятым, несколько тревожным, но праздничным. В класс входил учитель с несколькими ассистентами, раскладывал на столе билеты лицевой стороной вниз, и все вошедшие устраивались за столом, в то время как класс сидел и ждал. Затем один из экзаменуемых выходил к столу, брал билет и садился за стоявшую в стороне парту, где он мог продумывать ответ на вопросы в билете, для чего ему давалось определенное время. По истечении времени он выходил из-за парты и отвечал, тогда как следующий готовился. Так проходили устные экзамены, а письменные сдавались всеми учащимися определенного класса вместе, но, как и при устных, в классе стоял стол накрытый скатертью с букетом цветов, за которым сидели ассистенты. Хотя время экзаменов бывало беспокойным, но оно было и приятным, все являлись в школу, как на какое-то торжество. К экзаменам я часто готовилась с моей подругой Валей Коржовой, и часто мы сидели на скамейке в школьном садике под вишневыми деревьями, на которых то здесь, то там выглядывали из-под листьев зеленые вишенки. Вскоре после того и Валя уехала в Союз, а я опять осталась без подруги. А к экзаменам готовиться было нелегко, бывали в Кульдже случаи, когда десятиклассники, то есть выпускники, готовясь к экзаменам, заболевали психической болезнью и теряли рассудок. Надо отметить, что десятый класс у нас заканчивал среднее образование.

Так сложились обстоятельства, что с Геннадием Сио, нашим старостой, после экзаменов того года мы расстались и встретились лишь после двадцати восьми лет. Вот что, вспоминая, он говорил нашим друзьям обо мне: «Она в школе была тихой и часто смущалась. Когда ее вызывали к доске отвечать, то она, бывало, выйдет, покраснеет и потом начнет рассказывать. А как строго ее держали дома! В конце года мы устроили выпускной вечер, и когда увидели, что она на него не пришла, то я и Вера Григорьевна решили пойти к ним, но когда мы постучались в их ворота, вышел один из ее братьев и на нашу просьбу ответил, что ее дома нет. Ничего другого нам не оставалось делать, как шагать вновь в школу, а идти надо было с полчаса. Так она на выпускном вечере и не была». А я хорошо помню тот вечер, когда мама меня не пустила на школьное торжество, потому что тогда был Великий пост, и в тот самый вечер была спевка, и я вместо выпускного вечера ушла на спевку. Вот почему меня дома тогда не оказалось.

В Советский Союз русские все еще продолжали уезжать, и за лето их уехало так много, что к осени число учащихся вновь очень сократилось, и поэтому все русские школы были объединены. К началу учебного года открылась только гимназия, но перед самой зимой нас перевели в сталинскую. Почти в самом начале учебного года Виктор Александрович Турко уволился с должности директора по той причине, что собирался выехать за границу на Запад, что держалось в большом секрете, так как таковых тогда сажали в тюрьму. После того, как он уволился, я однажды увидела его идущего по улице и даже усомнилась, он ли это. Одет он был очень просто и в не проглаженных брюках, что, как мне тогда показалось, было очень неестественным для него. Но это был он. Просто время было уже не для нарядов. Вскоре он уехал в Шанхай, легально или нелегально не знаю, но тогда уж многие уезжали в Шанхай нелегально. Через несколько лет после нашего выезда из Китая я случайно еще раз встретилась с ним в Австралии и, разговаривая со мной, он удивлялся, как я изменилась, говоря: «Я смотрю на тебя, и мне не верится, что это ты та самая, что была в моем классе. Ты тогда была такой стеснительной». Через два года после того разговора Виктора Александровича не стало. Он погиб в Австралии в автомобильной катастрофе.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В КИТАЕ

Для оставшегося в Кульдже русского народа наступал новый этап решений, суматохи и беспокойств, появилось новое движение, но только, на этот раз, в противоположную сторону от Советского Союза. Народ двинулся в Шанхай. Проехать в Шанхай было очень трудно и рискованно, но людей ничто не держало: ехали семьями, группами и в одиночку. На дороге их ловили, возвращали обратно, а они, побыв дома некоторое время, вновь собирались и уезжали. Некоторым удавалось добраться, а другим не везло. Те, которые успешно добирались до Шанхая, обращались в какую-то иностранную контору, где их ставили на учет как беженцев, после чего китайское правительство не имело над ними власти. Поэтому каждый бежавший человек трясся от страха всю дорогу, боясь что поймают, по приезде же в Шанхай нанимал спешно рикшу и ехал в контору для регистрации, и лишь после этого чувствовал себя свободным. После регистрации беженцы отправлялись в самую бедную часть города, где находили своих, прежде убежавших из Кульджи, русских ютившихся кое-как. Жили они там, потому что надо было получить позволившие бы им свободный въезд в Гонконг документы. Из Кульджи до Шанхая очень далекое расстояние, и чтобы добраться до него требовалось очень много времени. Люди пробовали ехать всякими способами: кто на бричке, кто прячась в грузовиках, кто простым пассажирским транспортом. А в центральном Китае им приходилось даже идти пешком по пескам, где кругом рыскали голодные шакалы. Чтобы не очень отличаться от китайцев, многие красили себе волосы и мазали лицо. Часто возвращенные ребята не могли потом показаться молодежи с их черными волосами, но зато все знали, что человек пробовал бежать. Особенно бежала молодежь, и никакой страх ее не держал, но намечавшиеся свои поездки все держали в строжайшей тайне, даже от самых близких друзей. Несмотря на это, все-таки были случаи, когда каким-то образом намерения

раскрывались, и людей ловили на месте, а некоторых ловили на полпути, или уже почти в Шанхае. Добравшиеся до Шанхая счастливцы жили в бедных районах, чуть ли ни в каких-то шалашах, так как ни у кого из них не было много денег. Экономили и как-то доживали до получения документов, после чего свободно ехали в Гонконг, а из Гонконга — кто куда.

После того, как Виктор Александрович уволился из школы, новым ее директором был назначен еще совсем молодой, но уже женатый Ростислав Викторович Петров, а его жена и две сестры поступили преподавателями. Нам было интересно явиться в Сталинскую школу, чтобы посмотреть, что она из себя представляет, а тем более что раньше, как беспаспортным, нам туда являться воспрещалось. Оказалось, что, войдя в здание, человек попадал в обширную как бы прихожую с двумя большими зеркалами в рост человека, обращенными к входу. Слева от зеркал, но позади их находилась раздевалка, а справа поднималась лестница на второй этаж. Классы, расположение черных досок и парт ничем не отличались от других школ, в которых я училась. На втором этаже одна комната с отверстиями в полу, предназначавшаяся для женского и мужского туалета, осталась недоконченной, в ней хранились помойные ведра, тряпки и веники. Действующие туалеты находились далеко во дворе, и они, как и в других школах, были примитивно устроенными, просто в земле. Обязанность уборки и мытья полов в тот период полностью легла на нас, то есть учащихся, и каждый класс после уроков должен был ее безоговорочно выполнять. Учащиеся в нашем классе для этой цели делились на группы, которые по очереди мыли пол, что было связано с передвижкой тяжелых парт и пр. Мы как-то справлялись, приносили и выносили воду в ведрах, а мыли полы тряпками. Если раньше учебников было более чем достаточно, то в те годы их стало не хватать, и приходилось учиться по одному учебнику двоим, что создавало большие затруднения. У нас уже больше не было садика со скамейками, но проходила вокруг школьного здания цементированная дорожка, по сторонам которой росла живая изгородь, аккуратно подстриженная.

В тот период люди все еще ехали в Союз, тогда как другие бежали в Шанхай. Не знаю, какое правительство — советское или китайское — всячески старалось внушить учащимся, как поехавшие в Шанхай русские люди страдали по дороге. Для этой цели в школе устраивались большие собрания, на которых заставляли выступать вернувшихся с дороги школьников. Помнится мне, как одна возвратившаяся бойкая ученица рассказывала о своем «горьком» путешествии, и что с ними было в пути, причем, уговаривала всех не уезжать. Вспоминая это теперь, невольно проносится в моей голове:

«А ведь не устраивали же таких собраний, чтобы рассказать, как плохо пришлось уехавшим в Советский Союз». Даже заикнуться о том нельзя было, не то чтобы рассказать на собрании. Да и про нашу жизнь в Китае тоже мы не имели права говорить, что жизнь плохая, хотя она была таковой. В этом же случае можно было говорить про тот же Китай, при той же власти, как там плохо, причем, говорившие это были чуть ли не героями, их ставили на пьедестал, чтобы их все видели и слышали. Где же логика? Бежавшие и без таких внушений знали, что их ждут всякого рода лишения и трудности, но это их не останавливало. Они решались на все, лишь бы выбраться из «райской жизни», каковой она была у нас и которая с каждым днем становилась все хуже и хуже.

К тому времени на Сталинской улице, главной в Кульдже, правительство выстроило несколько новых зданий, в том числе и новый кинотеатр. Каждый вечер в кинотеатре шли русские фильмы, и всегда он был полон народа. Все фильмы приходили из Советского Союза, и в них велась пропаганда о счастливой и веселой жизни на целине. У молодежи в Кульдже было мало развлечений, и поэтому все любили ходить в театр, особенно зимой. Вместо уничтоженных частных магазинчиков открылось несколько государственных, в которые мы изредка заходили, чтобы посмотреть, что там продается, но никогда ничего не покупали, так как у нас никогда не было денег, и сумок мы с собой не носили.

Некоторые здания по Сталинской улице строились в зимнее время, и весной они стали рушиться и расползаться, а в народе пошли слухи, что инженеров, не соглашавшихся на условия постройки зданий зимой, правительство посажало в тюрьмы, а построивших потом тоже забрали в тюрьмы за то, что плохо построили, и здания рассыпались. Выходило, что для инженера не было никакого выхода: так или иначе ему было суждено попасть в тюрьму. Строительство и ремонт улиц производились заключенными, одетыми в одинаковую желтого цвета одежду, за которыми следили надзиратели в форме и с оружием. Народ к этому уж настолько привык, что, проходя мимо, не обращал на работавших никакого внимания. По большим улицам города были расставлены громкоговорители, и радио гудело на весь город день и ночь, к этому тоже все привыкли настолько, что как бы его и не было, даже когда оно работало очень громко. Рупоры украшали особенно Сталинскую улицу, как будто хотели перекричать толпы народа. Там же, только в стороне от центра, находилось обширное место для продажи вещей с рук, и называлось оно между русскими «толкучка». Та толкучка хорошо послужила всем, то есть и тем, кто уезжал в Союз,

и тем, кто бежал в Шанхай. Одни приходили туда, чтобы что-нибудь купить подешевле, а другие, чтобы продать.

При коммунизме стало очень плохо с обувью по той причине, что все самое лучшее вывозилось куда-то, а своему народу оставался брак. Однажды мама увидела в магазине хорошенькие туфельки, которые ей очень понравились, и она решила купить мне и Вале по паре. Хорошо, что она это сделала, потому что они нам потом служили по воскресным дням несколько лет, до самого нашего выезда. Правда, мы потом еще купили себе по одной паре, но те, другие, были не тонкой работы, а громоздкими и плохого качества.

Еще одной особенностью у нас было то, что в последнее время ни женщины, ни девушки никогда не носили ручных сумочек, и ни у кого не было зонтика. Это считалось буржуазным и нехорошим, и поэтому, когда шли дожди, люди ходили просто открытыми в своих толстых куртках и мокли. Особенно было неприятно осенью, когда небо затягивалось тучами и по несколько дней моросили дожди, а такой одежды как дождевик, мы даже и во сне не видели и о ней не знали. Нас спасало еще то, что, когда начинали дожди и было уже прохладно, мы могли на себя натягивать толстые куртки, которые все-таки задерживали влагу, а на голову надевали какой-нибудь платок. Хорошо, что такое время длилось недолго и наступали заморозки, когда вместо дождей начинал сыпать снег, обычно в средине октября, после чего дождей уже не бывало.

В квартире у татар, что была недалеко от гимназии, мы прожили один год, а к осени нашли в другом месте хорошую квартиру с деревянными полами и электричеством, где со стороны двора во всю длину квартиры тянулось крыльцо. Когда мы перед началом школы туда переехали, папа купил воз арбузов. Мы их разложили в одной из комнат на полу и потом долгое время ими с хлебом питались. Когда мы только переехали, в нашем дворе какой-то русский мужчина с своим сыном гнул ободья для телег, а в один из вечеров парень подошел к стоявшему на крыльце столу, где мы делали уроки, и стал с нами разговаривать. Мы были очень наивными, поговорили, показали ему наши фотокарточки, а когда он ушел, пришел здесь же живший наш хозяин — уйгур и сказал: «Закройте хорошо на ночь все окна и двери». Только тогда мне пришло в голову, что мы что-то сделали нехорошо, а это нехорошее было то, что мы так доверчиво отнеслись к тому парню. После того я всячески стала его избегать, а через некоторое время, закончив работу, он со своим отцом в нашем дворе уж больше не появлялся.

К зиме приехали все наши, и опять потекла обычная семейная жизнь. К братьям постоянно приходили их друзья, проводили

вечеринки по домам, в том числе и у нас, но я с ними не общалась, так как считала, что с молодежью можно будет общаться только после шестнадцатилетнего возраста, да мне с моими уроками было не до них. Однако на школьные вечера, которые бывали довольно редко, я ходила, но только если пойти на них мне разрешала мама.

Прожили мы в той квартире год, а к осени опять надо было искать другую квартиру, а вопрос, почему мы не остались жить там дольше, у меня возник только теперь, и ответа на него не знаю. Найти квартиру было поручено мне, и я нашла, на мой взгляд, подходящую квартиру с русской печкой, дала хозяевам задаток и назначила дату, когда мы в нее въедем. Причем, разговаривая с хозяевами, я заметила, что с ними был какой-то мужчина в форме, что означало, что он какой-то государственный служащий. По своем приезде мама стала расспрашивать о квартире, и когда я ей все рассказала, и о мужчине в форме, то она сразу же решила, что мы в той квартире жить не будем. Причиной же было то, что там за нами могли следить государственные сыщики. Так наши предпочли найти другую квартиру, потеряв мною заложенный задаток. После того наши опять нашли квартиру у раскулаченных татар, и у нас вновь были деревянные полы и электричество. Несмотря на то, что наши хозяева были раскулаченными, они жили намного лучше нас, и у них было даже радио, которое они давали нам, чтобы послушать Москву. Мы пробовали слушать, но передачи о пятилетках да о колхозах, перевыполнявших план, были настолько неинтересными, что мы просто перестали включать радио. Однажды хозяйская девочка моего возраста на праздник надела тонкие шелковые чулки, а я, никогда не видевшая таковых, при моем понятии, что чулки одеваются для тепла, не могла сообразить, для чего такие тонкие чулки производятся, а красоты я в них тогда никакой не заметила.

На тот раз колодца в нашем дворе не было, но он был недалеко, на нашей же улице, а когда по каким-либо причинам он не работал, мы ходили с ведрами и коромыслом на речку, что занимало минут пятнадцать в одну сторону. Особенно неприятно было это делать весной и осенью, когда на улицах было грязно. Вода в реке в такие времена была очень мутной и грязной, и поэтому прежде, чем ею пользоваться, нам приходилось ее дома отстаивать. Каждое утро воды носить приходилось много, потому что она требовалась как для питья, мытья, так и для стирки, хотя зимой для стирки частично пользовались водой от растаявшего на печке снега.

Той зимой наш папа простудился и заболел. Как всегда при простуде, больного лечили дома, но когда заметили, что у него нет улучшения, решили повезти в больницу, которая тогда была

единственной, и называлась она «Советской больницей». Там его осмотрели, дали лекарства, но ему от этого лучше не стало, и мы уж думали, что он не выживет. Так лежал он дома долгое время, как вдруг пришли к нам незнакомые мужчина с женщиной, чтобы узнать как здоровье папы. Оказалось, что они были медиками, и когда услыхали, что папа уж долгое время болен, решили ему помочь. Когда они выслушали его, то определили, что он болен какой-то болезнью легких, и что его надо лечить каким-то лекарством и делать уколы. Они пообещали нам достать лекарства и ушли. Слово они свое в точности исполнили, и потом женщина приходила к нам каждый день, чтобы поставить папе укол, отчего папа сразу же почувствовал улучшение, а потом и совсем выздоровел. Много лет спустя мы встретились с той доброй женщиной уже в Австралии, и она была у нас в гостях, но, к сожалению, ни имени, ни фамилии ее я не знаю.

Прошла еще одна зима, и опять наступила Пасха, а на второй ее день группа молодежи собралась поехать на пикник и пригласили меня. Мне было очень интересно на праздник выехать за город, а тем более на пикник, но я этого сделать не смогла, потому что не могла оставить свои уроки несделанными. Помню, как меня упрашивали, но я должна была им отказать, хотя мне самой очень хотелось поехать.

Каждое лето, как и раньше, мы продолжали жить за городом, а в одно из них я с Валей попали на Б. пасеку находившуюся в одном из ущелий. На той русской пасеке работал одно лето Коля, так вот и мы приехали к нему ненадолго. Около пасеки стоял деревянный дом, в котором летом жила вдова — хозяйка, а недалеко от дома находился вырытый в горе небольшой омшаник, и в нем жили мы. Около омшаника Коля сделал небольшой навес, заплел его стены зелеными прутьями, а внутри под навесом у него стояли из свежего дерева сделанные примитивно две или три кровати, на которых мы спали, а поскольку комаров там не было, то было очень приятно спать на свежем воздухе. Тогда в гостях у Коли находился еще один молодой русский человек: не то уже закончивший русскую школу или заканчивавший ее в следующем году. Как он попал к Коле на пасеку — не имею понятия. Между прочим, в тот период, о котором я хочу рассказать, с нами на пасеке был и папа, то есть всего нас было пятеро. Сходили мы все за малиной, принесли и расставили ее в чашках по омшанику, в то время как часть ее была подвешена в сумках для того, чтобы стекал сок в чашки. Управившись вечером с делами, пошли мы спать на свои кровати под навесом и, как всегда, заснули крепким, здоровым сном, а когда среди ночи вдруг посыпал на нас дождь, мы вскочили от такой неожиданности, похватали свои постели и все

в омшаник. Света у нас никакого не было, а в омшанике стояла такая темнота, что даже хоть как-нибудь ориентироваться было невозможно, да к тому же везде стояли чашки с малиной, чашки с соком, висели мокрые мешки с малиной. Мы знали, что середина омшаника была свободной, куда и побросали все постели. Вокруг той кучи опять все крепко заснули, приютившись кто как мог. Не чувствовалось никакого неудобства, хотя наши тела оказались на голой земле, а головы расположились на куче постели. Позже так случилось, что тот молодой человек, что тогда был с нами, стал одним из преподавателей девятого класса.

Недалеко от ущелья, где находилась пасека, было местечко называемое Бутханой, в котором жило довольно много русских, среди них было много молодежи. Как-то летом приехал на пасеку Саша, и мои братья в воскресенье решили пойти в Бутхану. Они звали меня и Валю, но мы не пошли, а теперь я жалею, так как упустила возможность посмотреть китайскую Бутхану и жизнь в ней русских. Позже я много слышала о Бутхане, о том, что там росло много диких слив, что там было хорошо, а как — не знаю. Братья потом возвратились поздней ночью или к утру, а на следующий день мне сказали, что в Бутхане было хорошо и весело, и они, сходив туда пешком, даже не устали.

К осени мы опять уехали в Кульджу, где у нас вновь была другая квартира, а год тот оказался знаменательным, так как у нас была свадьба. Оказалось, не впустую летом Коля ходил в Бутхану и, пройдя большое расстояние, даже не устал, он там кого-то подметил, а когда пришла зима — время отдыха, то, по русскому обычаю, он женился. Все началось с того, что Коля, предварительно сговорившись с невестой, которая в зимнее время тоже жила в Кульдже, объявил дома, что надо посылать сватов. Хорошо, что сваха была готовой, поскольку та женщина, у которой он работал лето на пасеке его заранее предупредила, что она будет его свахой, кроме нее кого-то еще пригласили в число сватов, приготовили булку хлеба с солью, сели все перед выходом, немного посидели, встали, перекрестились на образа и пошли. Через некоторое время сваты возвратились ни с чем, не смогли уговорить мать невесты. Что ж делать? Посидели, подумали и решили пойти еще раз. На этот раз их ждала удача, выговорили у матери невесту, то есть ее высватали. Приходят все к нам с новыми сватами, женихом и невестой, а у нас уж столы были готовы, и гостей сразу же усадили за столы. Такой вечер у нас назывался «рукобраньем» или «обручением» и на него обыкновенно приглашались все родственники. На нем родственники обеих сторон договаривались о дате венчания и пр. День венчания не был отложен на долго, и вскоре

жених с невестой обвенчались. Ткань для подвенечного платья, как у нас было в традиции, купил жених, сшили его в портняжной мастерской и тоже за счет жениха. В назначенный день, обвенчавшись в церкви, молодые с гостями приехали к нам, где уж стояли накрытые столы. На столы, кроме всего другого, мама поставила свежеиспеченные мясные пироги, которые были особенно вкусными, и они всем очень понравились. Однако одного дня для гулянья на свадьбе оказалось недостаточным, участвовавшие в свадебном торжестве потом всю неделю ходили в гости, за которую обошли всех родственников, гуляя в каждом доме. Такая уж была русская традиция.

В нашей семье прибавился еще один человек, а квартира состояла, как всегда, из двух комнат. Я, как и прежде, ложилась спать очень поздно, и поэтому все спали при свете. Кроме выполнения уроков я придумала однажды выпороть рукава из моего легкого пиджачка, поскольку мне не нравилось, как они были вшиты, и постаралась вновь их пришить, как мне хотелось. К тому времени мне еще никто не показывал, как это делается и поэтому справиться с начатым делом было не легко, но, в конце концов, все-таки что-то получилось, и потом долгое время тот пиджачок меня выручал в весеннюю и осеннюю пору.

Если раньше в каждом дворе у уйгур росли и цвели цветы, то к тому времени найти их стало очень трудно. Не помню по какому случаю, учащиеся восьмого класса должны были преподнести одному из наших преподавателей букет цветов, а найти цветы поручили мне с одной татарочкой. Долго мы ходили по городским дворам, спрашивая если у них есть цветы, и только в одном, заросшем сорняком дворе, кое-как нам удалось что-то найти. Жизнь людей, и без того неприглядная, становилась еще хуже, и народу стало уж не до цветов. Пищи в семьях не хватало, поскольку всем выдавались на хлеб купоны или порция на муку, которая состояла из различных смешанных вместе злаков с прибавкой в них еще и мелких камней. На выдававшиеся купоны можно было купить по выбору: хлеб, которого хватило бы на два-три дня или муку и растянуть ее потребление на месяц. При этом, если бы из муки испечь хлеб, то его хватило бы тоже дня на два-три, тогда как мука выдавалась на весь месяц. Люди предпочитали выкупать муку и, заправляя ей, варить каждый день супы, а это значит, что люди жили совсем без хлеба. Если кому-нибудь удавалось по знакомству тайно купить муки, то это было большим счастьем. Имеющие муку люди были очень осторожными и продавали ее только своим хорошим и надежным друзьям, боясь что их выдадут. Они не искали заработка, а просто тихонько помогали людям выживать. Сахара тоже почти совсем не было, и он давался только детям

по очень маленькой норме. У нас же, кроме последнего года, всегда была своя мука, поскольку сами растили и убирали пшеницу, и это делалось также чтобы никто не знал. В начальные годы правления коммунистов это можно было делать, так как правительство не могло уследить за всем, а тем более, что свободных земель там было очень много, тогда как народ остался без лошадей и пахать частным образом могли очень не многие. На всех было оказано очень сильное давление, заставляли вступать в коммуны, но так как мы — русские в Китае оказались не подданными, а иностранцами, то на нас давление было во много раз меньше, чем на всех остальных местных жителей.

Едешь бывало меж полей коммунаров и видишь стоящий на косогоре трактор или комбайн, а народ все делал вручную. Как всегда, коммунисты любили похвастаться, что у них работа кипит, что коммуны снабжены сельскохозяйственными машинами, что человек не должен тяжело работать. В реальной же жизни мы видели совсем не то: привезли в кое-какие коммуны машины, которые прокатились по полям несколько раз и остановились, да так и остались потом стоять годами, пока не погнили, а народ все делал вручную, вплоть до плуга. На поля гнали всех: как молодых, так и стариков и женщин, часто в положении последних дней беременности. От них требовалось вставать по утрам еще до света, умывшись, идти в коммунальную столовую, где они ели, после чего с нормой хлеба, если он был, отправлялись на работу. (Часто зимой коммунары питались мерзлыми картофелем и морковью без хлеба). Отработав день, они возвращались в свою общую столовую, там ели и шли домой в темноте. Еды в доме коммунарам иметь на разрешалось, и они полностью зависели от своих начальников, которые распределяли продукты. Както у меня нечаянно всплыло в уме название этой новой системы «модерновое рабство». Это рабство отличается от прежних тем, что в прежние времена оно называлось «рабством», а теперь оно называется «счастьем народов». Да было бы хорошо если бы его так называли только со стороны, на самом же деле еще хуже, сами рабы поют себе славу и радуются своему рабству, называя его «благом» и «счастьем». Так у нас и было, только что описанные мученики на полях пели песни, восхваляя в них виновников своих мучений. Как может так быть? Надо быть сумасшедшим, чтобы это вместилось в голову. Многим такое было непонятным, но каждый из них должен был молчать если не хотел пойти в тюрьму и в лагерь. И таких было много, и они молчали, только лица их не могли скрыть то, что у них было на душе. А в лагерях! Сколько там побывало этих мучеников, или как их назвать, не сумасшедших ли, которым все это не вмещалось в голову, и они пробовали это высказать. У нас туда пошли не только люди из

местного населения, но и русские, несмотря на то, что они считались иностранцами. Каждую ночь терялись из домов люди, так что каждый из нас был к тому готов, даже и я с Валей. Каждое утро потом проносились по народу устные новости — кого прошлой ночью забрали. А забранных угоняли в лагеря тяжелых работ, откуда некоторые из них так и не возвратились, как отец моей подруги Яков Волков. Правда, в конце концов, хотело правительство или не хотело, но русских оно должно было выпустить, благодаря нажиму с Запада, где ходатайствовали наши же братья русские с их архипастырем владыкой Иоанном Шанхайским, и эти русские лагерники все потом смогли выехать за границу, иногда получив освобождение из лагерей перед самым выездом.

Благодаря полученной нами информации от одной русской семьи, мы тоже смогли заполнить анкеты заграничного учреждения в Гонконге, занимавшегося делами беженцев, а при получении анкет для заполнения нам представились большие затруднения. Дело в том, что в Китае в то время, как знание, так и изучение английского языка строго запрещалось и даже каралось лагерями, и поэтому его никто не знал, а если кто его и знал, то всячески скрывал. Так вот, получив анкеты, мы были огорошены видеть их на английском языке, которого никогда не приходилось ни слышать, и не видеть в письменной форме. К счастью, благодаря людям, прошедших такие же испытания, мы нашли человека, с помощью которого, заполнив анкеты, выслали в Гонконг. Вспоминая, даже сейчас удивляюсь тому, что наши письма проходили всегда благополучно. Через некоторое время контора, производившая регистрацию желавших выехать из Китая людей, нас информировала из Гонконга, что наши анкеты ею получены, и она поставила нас на учет. Таким образом с того времени мы стали настоящими иностранцами в Китае. Все ставшие на учет в Гонконге русские, в то время были на положении временно проживающих в Китае, ожидавшие согласованного разрешения между правительствами Запада и Китая на их выезд за границу. Нам пришлось долго ждать такого разрешения — года три или четыре.

Правительственные деятели Китая и Советского Союза запугивали русских, говоря, что они их из Китая никогда не выпустят, и что они зря теряют время. Мы же к тому времени уже открыто стояли на своем и им не верили, зная, что они всегда лгут. Да и вообще, решившись на выезд из Китая, не зависимо от последствий, мы защищали свое положение тогда без всякой боязни и открыто говорили, что хотим выехать за границу. Изредка нас вызывали на устраивавшиеся просто на какой-нибудь улице переговоры, когда речь шла о том же. Я помню, как однажды нам пришел такой вызов, когда

дома у нас кроме меня никого не было, и я решила пойти сама, так как строго наказывалось такие сходки не пропускать. При моей встрече с находившимся там русским человеком, он обратился ко мне со словами:

— Вы собираетесь выехать за границу?

Я ответила: «Да».

— Но ведь вас никогда не пустят, как же вы хотите выбраться?

— Если будет угодно Богу, так нас выпустят, и никто не сможет задержать, а если нет, так уж тогда, конечно хотим мы или не хотим, придется оставаться.

— А я тебе говорю, что вы никуда не поедете! Мы вас не пустим.

— Сейчас пока рано об этом так уверенно судить, а вот поживем и тогда посмотрим.

Не знаю, что он подумал и что решил, но, к моему большому удивлению, он больше ничего не сказал и меня отпустил.

Пока мы ждали своего выезда, наша тяжелая жизнь продолжалась, а нам надо было думать о том, на что жить. Как раз в те годы, за несколько лет до нашего выезда, один русский человек в Кульдже решил заняться фотографией, но так как ему одному было трудно справиться с таким делом, то он себе в партнеры пригласил Колю. Каким образом они смогли выхлопотать разрешение не знаю, но его получили и открыли маленькую студию. Потом почти до самого нашего выезда Коля проработал в ней, а позже она, вероятно, постепенно перешла в собственность государства или просто закрылась.

К осени мы вновь переехали на другую квартиру, которую опять сняли у бывших богатых татар, хозяин которых, находясь в лагере, умер. У них был большой дом, который они разделили, и часть его превратили в квартиру. Тот дом раньше являлся их усадьбой, окруженной большим участком земли с рассаженными по планировке, и к нашему приезду уже с большими деревьями, между которыми виднелся открытый фасад, со спускающимися каменными ступеньками. Хотя наша квартира состояла только из двух комнат, но вторая из них была настолько большой, что в нее можно было вместить пять, шесть кроватей, тогда как у нас их стояло три. Полы были деревянными, но некрашеными, и в комнатах было электричество. Круглая печь отопления называвшаяся у нас «голландкой» стояла в углу, являясь частью стены между двух комнат, так что тепло от нее шло в обе стороны. Во второй комнате было шесть или более, выходивших во двор окон с ставнями, на ночь закрывавшимися и запиравшимися изнутри. Как у нас уже вошло в практику, зиму в той квартире жили все, а летом она пустовала. Но тем летом наша семья разделилась на

две части и жили на двух мельницах, находившихся неподалеку от Кульджи, так что мы — молодежь, иногда приходили по воскресеньям пешком, чтобы попасть в церковь, а потом побыть с молодежью. Недалеко от нас на другой мельнице жил Сашин друг, у которого, как и у Саши, был свой велосипед, и поэтому им ничто не мешало приезжать в Кульджу чаще, а изредка с ними на велосипедах приезжали и мы, то есть я и Валя. В последние годы по городу часто можно было видеть молодых русских ребят, возивших девушек на велосипедах. Это все происходило позже, а сейчас мне придется немножко вернуться назад и продолжить описание нашей жизни за городом.

Из Копырлов мы переехали на мельницу С., около которой находилась землянка, состоявшая из двух небольших комнат, которые летом очень нагревались, да, к тому же, в них водилось столько блох, что спать там было просто невозможно. Нам посоветовали на пол набрасывать полыни, отчего блох стало меньше, но совсем вывести мы их так и не смогли. Мучаясь на своих кроватях, мы иногда не выдерживали и шли спать на улицу, расположившись на телеге, где нас заедали комары. При мельнице был небольшой сад, в котором росли невероятно сладкие, с крупинками как засахаренный мед, груши, каковых я больше нигде не встречала. Также там был большой огород и бахчи, прополка и полив которых отнимали у нас очень много времени. Огороды у нас всегда были очень ухоженными с ровненькими, чистыми грядками и арычками для поливов. Поливали приблизительно раз в неделю, напуском воды, которая шла по арычкам. Для отвода воды мы с кетменем в руках ходили по огороду босиком, погружаясь в иных местах в жидкую глину по колено, еле успевая переправлять воду.

В своем домашнем кругу обычно ели три раза в день, и всегда все вместе, за исключением тех случаев, если кому-нибудь уж очень хотелось есть, тогда он мог перекусить молоком с хлебом или просто запить хлеб водой. Утром, как правило, пили чай с огурцами, помидорами, редиской и сметаной, если она у нас была. В обед, когда выспевали арбузы и дыни, ели их с хлебом, а когда их не было, то опять пили чай, а к вечеру готовили очень скромный ужин, всегда состоявший только из одного блюда, к примеру, если приготавливался суп, то ели суп с хлебом и кроме этого у нас никогда ничего другого не было, к чему мы были уж привычными. Свежего мяса у нас почти никогда не было, за исключением если закалывали курицу, что случалось довольно редко, и в таких случаях наш горячий обед оказывался очень вкусным. После еды мытье посуды была моей и Валиной работой, и поэтому сразу же, поднявшись из-за стола, я начинала собирать и мыть ее просто в горячей воде. Никакого мыла для этого

мы не употребляли, а если надо было помыть получше, то шли к мельничному арыку и мыли песочком.

Упомянув о мыле, мне вспомнилось, что в последние годы нашей жизни в Китае у людей был недостаток и в мыле. Хорошо, что мама умела варить его из щелока, который получался из травяной золы и жиров, тогда как приобрести жиры было тоже очень трудно. Между прочим, наши казахи умели варить очень хорошее домашнее мыло черного цвета называвшееся «сабун», которое изредка появлялось и в нашем доме.

Рыба к нашему столу почти никогда не готовилась, и лишь изредка появлялась у нас охота пойти и половить ее в близлежащей речушке. В наших маленьких реках водилась небольшая рыба, самая крупная из которых достигала приблизительно тридцати сантиметров длины, и называли ее у нас «маринкой». Хотя она была довольно вкусной, однако из-за мелких многочисленных костей есть ее было довольно трудно, и поэтому особенной охоты к ней у нас никогда не было. Ловили ее большим сачком, натянутым на специально изогнутую полукругом с плоским низом деревянную дугу, который ставили внизу реки, тогда как в верховьях ее кто-нибудь из нас деревянным шестом гнал рыбу. Проплывая мимо сачка часть рыбы попадала и в него, таким образом без особенных трудностей мы налавливали нужное количество рыбы в довольно короткое время. Поскольку с детства мы не привыкли к рыбе, то особенного интереса у нас к ней не выработалось, и поэтому я до сих пор осталась к рыбе безразличной.

Прожив одно лето в местечке С., мы оттуда уехали, а на следующее лето устроились на другой мельнице, находившейся тоже недалеко от Кульджи, где потом прожили еще два года, а осенью папа решил помочь отцу нашей невестки отремонтировать старую мельницу, находившуюся недалеко от С. Меня откомандировали поехать с папой на мельницу, чтобы я готовила для них пищу. Когда мы приехали на место, увидели обыкновенную уйгурскую избушку, в которой должны были жить. Она состояла из одной комнаты с очагом внутри ее, причем, наружной двери не оказалось, тогда как на дворе уже становилось прохладно. На дверной проем мы сразу же повесили какую-то тряпку, и я начала работу внутри комнаты. В первую очередь я вмазала в очаг казан, затем подмела в комнате, вымыла что могла и приготовила кипяток для чая, который мы пили с домашними ирисками и хлебом. Не знаю почему, но когда мы там жили, у меня появился страшный аппетит, так что я могла есть не останавливаясь, а тем более, что из кипятка, с растаявшей в нем ириской и набросанными кусочками хлеба получалась, как мне тогда казалось, прекрасная еда. Спали мы на полу, на войлоке у трубы, где ложились

все подряд: я, папа, отец нашей невестки и его взрослый сын. Сверху одевались кто чем мог: набрасывали шубы, пальто, одеяло. Недалеко от того места тогда жила одна из моих двоюродных сестер с семьей, и я с папой в один из вечеров решили пойти к ним. Сестра поджарила для нас мяса с помидорами, и я помню, как мы вкусно у них тогда поужинали. А в избушке, в которой мы тогда поселились, нам пришлось жить не очень долго, после чего я с папой вновь возвратилась домой.

На следующее лето наша семья разделилась на три части: Коля с женой остались в городе, поскольку Коля работал в типографии, папа с мамой жили на старом месте, а Саша, я и Валя переехали на вновь арендованную мельницу, находившуюся тоже недалеко от Кульджи. Там мы потом прожили два года. Около той мельницы стоял небольшой дом с двумя небольшими комнатами, в одной из которых жили муж с женой — уйгуры, а другую заняли мы. Комнаты стояли совсем рядом, а напротив их под той же крышей находилась кладовая, окруженная с трех сторон стенами, тогда как четвертая была совершенно открытой, и эти две структуры соединял открытый с двух сторон, но находившийся под той же крышей довольно широкий коридор.

Для молока у нас была одна корова с теленком, которую доила я. Наша мельница находилась на окраине уйгурского селения, и уйгуры время от времени появлялись у нас, а однажды сказали: «Корову вы должны отдать правительству», на что я им ответила: «А я ее не отдаю». Они стали напирать на меня, а я возьми и скажи им: «Если хотите забрать, то забирайте без разрешения сами, а я ее вам не отдаю». Не знаю, что они почувствовали от этого ответа, но только мне больше ничего не сказали, повертелись еще некоторое время около коровы, и ушли, чему я была очень удивлена, и после этого они нас больше не беспокоили.

Жившая около нас семья уйгур была загнана в коммуну, и муж каждое утро отправлялся на работу, а жена была дома с маленьким ребенком, так как детские сады в то время еще не были созданы. Так тот уйгур проработал в коммуне все лето, а осенью, ничего не получив за работу, после подсчета, оказался еще должным государству. Если сказать, что он был лентяем и плохо работал, так нет, он таковым не был, так как мы его уж хорошо знали как порядочного человека. Вскоре они от нас выехали и их комната нам стала служить кладовой.

Работа домашней хозяйки в то лето полностью легла на меня, вплоть до выпечки хлеба, который у меня выходил преснее и вкусом отличался от маминого, но не был плохим. При подготовке теста для

булок и прочее я старалась делать точь-в-точь как делала мама, однако тесто у меня получалось другим, а почему я так и не узнала.

По воскресеньям я, как хозяйка, любила пораньше утром убрать в комнате и в кладовой, где у нас была кухня, поставить букет цветов и отдыхать, занимаясь своими делами. А вечерами, особенно по праздникам, у нас часто бывали Сашин друг с своим братом, работавшие тогда на соседней мельнице. Часто приезжали к нам наши родители и жили иногда довольно долгое время.

В летнее время вечерами погода была всегда тихой и очень приятной, со множеством ярко светившихся на небе звезд, когда вокруг разносилась музыкальная гармония всего проснувшегося ночного мира. Откуда-то доносилась трель увлекшегося своим пением соловья вперемежку с соревнующейся с ним зеленой лягушкой, под аккомпанемент бесчисленного хора сверчков, голоса которых то выделялись где-то близко, то доносились чуть слышно издалека. Любила я в такие вечера в потемках уединиться и следить за звездами, которые невольно настраивали на размышления. Часто по небу плыли светившиеся метеориты, не задерживаясь долго на своем лету, и исчезали в потемневшей ночной небесной синеве. И очень удивительным было то, что обычно являющиеся большой редкостью, звездочки с светящимися длинными, изогнутыми, постепенно расширяющимися позади хвостами появлялись у нас за лето несколько раз. Причем, появившись одна, она продолжала присутствовать на небе неделю или две, после чего исчезала, а через некоторое время появлялась другая, так что мы к ним даже привыкли, и это необычное и редкое явление у нас стало обычным.

Там у нас был не очень большой огород, за которым мы ухаживали уже самостоятельно и самостоятельно поднимались утром пораньше, чтобы прополоть его до солнца.

Нередко вода мельничного арыка, прорываясь, сносила берег, после чего папа, подвернув вверх «гачи»[1] своих брюк, ходил босой по воде, стараясь укрепить прорыв так, чтобы можно было сверху насыпать землю. Поскольку укрепление надо было сделать крепкое, чтобы через него потом не просачивалась вода, то папе требовалась и наша помощь. В таких случаях мы с Валей брали носилки и на них подносили папе землю, а для хорошего закрепления берега ее требовалось немало. Я удивлялась, как это папе удавалось справляться с такой трудной работой, видимо жизненный опыт ему подсказывал что и как надо делать.

Изредка с своим фотоаппаратом к нам приезжал Коля и фотографировал нас или мы его, после чего мы сами проявляли пленки и

[1] Гачи — нижняя часть мужских брюк.

делали фотокарточки. Помнится мне, как я, шутя, засняла его с красным, красивым петухом на руках, хвост которого был черно-радужного цвета. Также я сфотографировала наших мужчин у дрожек, которые они сами смастерили за лето.

В то время у мамы что-то случилось с грудной клеткой чуть пониже шеи и все лето проболело в одном из суставов, а к осени одна из уйгурок нашего села посоветовала ей пойти к жившей в том селе уйгурке, которая, как она сказала, умела править кости. Я и мама пришли к этой уйгурке, она нас усадила, разбила куриное яйцо и им начала натирать маме больное место. Так прошло некоторое время и, вдруг неожиданно уйгурка так надавила маме косточку, что она даже щелкнула и встала на место. После этого у мамы прекратились боли навсегда.

А у папы от тяжелой работы в Китае образовалась грыжа, с которой он очень долго мучился, а получил он ее, вероятно еще до моего рождения или во время моего раннего детства, поскольку, как я помню, он всегда ложился где-нибудь чтобы ее поправить.

Когда Коля уж не работал в фотографии, он с женой одно лето жил где-то в горах, куда по какой-то необходимости, или просто решив прокатиться, приехали я с Валей и папа. Это было своеобразное, большое и тоже красивое ущелье с множеством деревьев в его гористом основании, вдоль которого текла быстрая, горная река. На одном из выступов, довольно высоко от основания ущелья, стоял деревянный домик, состоявший из одной комнаты с маленькими сенями. Вокруг домика росло множество разных видов деревьев, включая ель, черемуху и рябину. Когда я вошла в комнату, то я увидела хорошо сделанные вместе с домом деревянные кровати, а также у стены скамейку и стол, около которого, кроме скамейки, стояли отпиленные от ствола дерева чурбаки, служившие нашим стульями. Дом наверняка был построен русскими, которые, возможно, уехали в Советский Союз, а он еще очень крепкий, среди теснившихся деревьев, остался одиноко достаивать свой век. Почти весь наш скот в то лето находился на том приволье, где ходил совершенно свободно.

Погостив там два дня, мы возвратились домой, а в памяти моей сохранилась еще одна необыкновенная страничка из нашей жизни и жизни наших соотечественников, старавшихся хоть как-нибудь украсить свою тяжелую жизнь и одиночество небольшим уютом и удобствами.

Мельница, за которой смотрел Саша и где мы жили в то лето, незаметным для нас образом перешла в собственность государства, и нам сообщили новые указания и правила. За всем очень строго следили, чтобы не было какого-либо недостатка, и поэтому принималась

пшеница на вес и муку с отрубями увозили также после взвешивания, а за помол Саше давались только деньги, в то время как работа ни на минуту не приостанавливалась. За день у нас тогда набиралась порядочная сумма денег, и мы каждый вечер разбирали бумажки, считали и складывали их в надежное место. За то лето и осень у нас набралась такая сумма денег, что потом, когда мы выезжали из Китая, ее хватило на покупку билетов для всей семьи и на всякие другие дорожные расходы. Не будь этого заработка, я не знаю, как мы смогли бы выехать, так как в то время денег у нас совсем не было, а ехать через весь Китай надо было за свой счет. Правда, были и совсем безденежные люди, и они тоже выехали, но им посчастливилось потому, что деньги перевозить за границу не разрешалось, а у кого было много денег стали отдавать их под заем безденежным с тем, чтобы получить долг за границей в иностранной валюте.

Так как на мельницах всюду рассыпались зерна, то там всегда водилось множество мышей, которых кошки не успевали поедать. Насытившись, кошки от нечего делать часто приносили мышку к нашему дому чтобы ею позабавиться. Бывало играет кошка мышкой, а когда во время игры ее отпустит, мышка, вдруг быстренько отбежит и где-нибудь спрячется, да так, что кошка ее уж больше не может найти. Это говорит о том, что кошке есть просто не хотелось. Хотя наш хлеб находился высоко от земли, однако мыши забирались и к булкам и выедали в них норы, а в земляных мышиных норках наши иногда находили целые кучи заготовленной мышами пшеницы на зиму, которую они часто воровали и из мешков, сделав в них отверстия.

Это было последнее лето, когда мы жили за городом, а что стало с нашей коровой и со всем нашим скотом, я не помню.

В школах по распоряжению правителей стали чудить: то учащимся сказали приносить в школу хвостики мышей, доказывающие, что мыши убиты, потом стали заставлять приносить убитых птиц, как вредителей сельского хозяйства. Школьники повиновались и несли в школу то, что просили. Через год это вылилось в катастрофу, так как все деревья в городе летом оказались оголившимися, поскольку листья их поели черви. Оказалось, что птицы, которых уничтожили учащиеся, питались точащими листья деревьев червями. После того, без всяких извинений начальство просто про убийство птиц позабыли, и в школах перестали заставлять учащихся приносить что-либо в доказательство. Виновных же у них, в таких случаях, не бывает, потому что сами виновны, и себя наказывать или выявлять свою вину «умный человек», конечно, никогда не будет. Со стыдом, которого якобы никто не заметил, они тихонько, как воришки, отменили

свое распоряжение, тогда как до этого в их красноречивых призывах и улыбающихся лицах, каждый читал: «Вот что значит наука, а вы — невежды, прозябающие в своей неграмотности, темноте и тупости». Так и хочется этим умникам сказать, что наши предки-то, оказалось, не были глупцами уж только потому, что до такой глупости не додумались.

А в одну из зим учащихся с преподавателями возили к доменным печам где-то за городом, в которых примитивным образом топили железо. Рассказывали потом, что были случаи, когда люди падали в раскаленные печи, и страшно подумать, что от них оставалось. Хорошо, что с русскими школьниками такого не произошло, но им и без того в холодные зимние дни там пришлось немало помучиться.

С каждым годом больше и больше стали беспокоить народ, выгоняя его то на собрания, то на субботники или воскресники, на которые собирали бегавшие групповоды — люди, поднявшиеся наверх из низов. Причем, это были не просто бедные люди, но люди, потерявшие совесть и прославившиеся отрицательными чертами своего поведения. Бабы-сплетницы при коммунизме стали групповодами, и они бегали потом по домам, а у самих глаза на все четыре стороны: они все видели, все слышали, все замечали и своих господ информировали. Им была дана такая власть, что перед ними не было никаких преград, их все боялись и молчали. Вообще власть перешла не порядочным людям.

При коммунистическом режиме всякое передвижение народа строго воспрещалось, а если куда-либо требовалось срочно поехать, то надо было пойти в специальную контору и получить разрешение. Посчастливилось побывать в такой конторе и мне, так как нам надо было срочно получить разрешение куда-то поехать. Пошла я с Варей, моей сестрой, рано утром, а когда мы пришли в контору, то там уж было полно народа. Я обратила внимание на очень грязный деревянный пол конторы и запятнанные стены. Когда долго стоишь без дела, то невольно чувствуешь в ногах усталость, а тем более после продолжительной ходьбы, поскольку у нас городского транспорта не было. Запомнилось мне, как от усталости нам хотелось где-нибудь присесть, хотя бы на какую-нибудь чурку, но ничего кроме грязного пола вокруг нас не было. Переступая с ноги на ногу, простояли мы там очень долго, и когда, в конце концов, подошла наша очередь, то, несмотря на наши убедительные просьбы, от конторщика справку на проезд мы не получили, а, видя нашу настойчивость, он послал нас к какому-то начальнику на дом. Мы вдвоем по указанному адресу нашли большие ворота и постучались, а когда никто не вышел, мы постучали еще раз, после чего какая-то женщина, выглянув из калитки,

на наш вопрос ответила: «Подождите здесь у ворот, он сейчас придет», причем, нас она провела во внутреннюю часть обширного двора, откуда меж деревьев было видно, что делалось около дома. Оказалось, что начальник только что поднялся с постели и вышел на улицу с чайничком, чтобы умыться. Долго он умывался, харкал, сморкался и прочее, после чего опять зашел в свой дом, и только после всего этого подошел к нам. Выслушав нашу просьбу, он нашел ее маловажной, а может быть даже чем-то и вредной, а нам объявил, что исполнить ее ни при каких условиях не может. Так мы вернулись ни с чем, и это значило, что мы не имели никакого права поехать туда, куда нам было нужно.

К очередям, которых раньше люди не знали, волей-неволей должны были привыкать, и они становились с каждым днем все длиннее и длиннее. Особенно тяжело было стоять в ней на улице у окна за продуктами в зимние морозы, которые у нас бывали не хуже сибирских, а стоять надо было иногда по четыре часа и больше. В таких случаях люди из одной семьи менялись для того, чтобы пойти и погреться дома, а потом прийти опять для смены. Когда в 1992 году я снова попала в Россию и увидела очереди за продуктами — мне было очень тяжело на них смотреть, так как мне это напомнило то, что за многие годы в моей памяти затушевалось и забылось, и вдруг такое яркое напоминание.

Питание наше, и раньше-то не отличавшееся большой роскошью, становилось все скуднее, особенно зимой, хотя хлеб еще был свой, и его было в достатке, но каждый день есть хлеб без ничего было тоже трудно. Нас тогда еще выручал выращенный на огороде и засоленный в кадках сельдерей, который потом зимой мы вынимали, резали, поливали немного растительным маслом и ели с хлебом. А также уже поздней осенью, когда поспели ягоды, Коля поехал и привез красного мелкого барбариса, того самого, что мы когда-то нечаянно нашли около Или, когда ездили к Коле на рыбалку. Мама потом его как-то сварила и слила в горшки, а позже для разнообразия его тоже ели с хлебом. Правда, у нас были соленые помидоры и огурцы, но тогда у всех была страшная изжога, отчего кислое елось с большим трудом.

Наступившей осенью в городе мы вновь переехали на другую квартиру, то есть сняли весь дом с двором и сараями. В доме было всего три комнаты с земляными полами и, как мне кажется, без электрического света или, если он был, то только в одной комнате, при этом одна из комнат прилегала к средней, но вход в нее был с другой стороны. Так как в двух комнатах нам было жить тесно, то решили из средней комнаты прорубить дверь в комнату, имевшую отдельный

вход, и ей пользоваться как третьей комнатой. Та квартира нас устраивала тем, что мы там сами были хозяевами, и жили так, как хотели, а в довольно большом дворе мы имели даже свой огород. К тому времени у нас все еще была одна лошадь, корова для молока и хорошенькая черная собачка по прозвищу «Жулик» мелкой породы с волнистой длинной шерстью и широкими, повисшими ушами. Между прочим, Жулик был очень хорошим хозяином: он никогда не впускал чужих людей во двор, не лаял впустую и из дома никогда не отлучался, причем, не было ни одного случая, когда он кого-нибудь бы укусил. Мне до сих пор жаль, что мы его должны были оставить, когда пришло время уехать. Я его очень любила, и он меня, видимо, тоже любил: всякий раз, когда я выходила из дома во двор, он подскакивал и бегал вокруг, да так, как никакая другая собака не бегает. Только надо уточнить, что у него никогда не было такого, чтобы прыгать на человека, он радовался по-своему. Жил он летом и зимой во дворе, а спал зимой в сарае.

Отапливались мы тогда, как и раньше, углем, который наши мужчины привозили сами на бричке из шахт, где с давних пор уголь был хорошего качества. Тот, что был в крупных кусках, продавался, а куски помельче просто выбрасывались, и их могли брать кто хотел бесплатно. Так вот нащи, за редким исключением, всегда ездили на шахты сами, покупали там хорошего угля, и, если у них было время, набирали и мелкого бесплатно. Не помню, хватало ли нам на год одной повозки угля, или привозили его два раза, но как бы то ни было, одной повозки хватало на очень долгое время. Уголь там был очень высокого качества, и в комках блестел, а размер комков был настолько велик, что нам приходилось каждый раз его разбивать на мелкие куски топором или молотком. В нашем доме было всегда очень тепло, так что мы, находясь в нем, были в платьях, ничем не прикрываясь сверху.

Савраска все еще хорошо служил, и возил хозяина, часто ночью спящего в бричке сам. Не раз случалось, что после того, как конь останавливался, хозяин поднимал голову и видел, что уже приехал домой. Мы уж его хорошо знали и на него надеялись, а он нас возил и никогда не подводил. Савраску вся наша семья любила, а братья часто его ласкали, похлопывая по шее.

Я и Валя к тому времени стали уж совсем взрослыми и по воскресеньям бывали с молодежью, а молодежь приходила к нам, и поэтому к праздникам и воскресным дням мы всегда делали дома уборку: подмазывали, где нужно было, подбеливали, подметали, и так бывало каждую субботу. Перед церковью чистили туфли, чтобы они блестели, гладили для себя и для других, причем, не электрическим

утюгом, а старого типа, с раскаленным углем внутри. В общем, жизнь кипела. К Саше до церкви каждый раз приходили его друзья, и потом они все вместе уходили или уезжали на велосипедах в церковь.

Затем на лето я устроилась учиться шить у портнихи, и шила все: платья, блузки, мужские рубахи, брюки и даже стеганые тужурки. Всего я там работала два лета и за то время сшила: два или три платья, столько же мужских рубах, одну блузку, четыре тужурки и пару брюк. Мой брат Коля заказал у той портнихи сшить ему костюм, брюки, рубашки, так вот брюки и рубашки для него во время моей учебы сшила я, а костюм шила дунганка, работавшая тогда у той же портнихи. Там же позже и мне сшили праздничное зимнее пальто, заказанное моими родителями, а я сшила себе, Вале, и братьям по тужурке, спасавшие нас потом от холода, в которых мы выехали из Китая. Когда мы приехали в Австралию, некоторое время, на всякий случай, они там у нас еще хранились, хотя ни разу не одевались. Несмотря на то, что я шила у портнихи только покроенное, а кройке меня почему-то не учили, однажды дома я решила сама скроить себе платье и сшить. В процессе шитья я поняла, что кое-где надо было порезать ткань немножко по-другому, но платье все-таки я сшила, получив некоторую практику как в шитье, так и в кройке. Одолев первый барьер, я больше не боялась ни кройки, ни шитья, но без ошибок все-таки не обходилось, что и заставило впоследствии научиться шить хорошо, а при кройке мне постоянно вспоминалась русская пословица «Семь раз отмерь, а один раз отрежь», что я и старалась аккуратно исполнять. Другая же русская пословица «Ленивый два раза работает» учила меня шить терпеливо и не торопясь.

Когда я училась шить, у портнихи работало около шести русских девушек и одна дунганка. Среди русских были как православные, так и сектантки, и у нас иногда разгорались споры, но большей частью мы старались на тему религии не говорить. В таких случаях у нас царил мир, сыпались шутки, мы смеялись, и время пролетало незаметно. Поскольку правительство не разрешало иметь свое дело, то портниха брала заказы тайно и так, чтобы никто не видел. Работали мы в ее двухкомнатной, очень приличной квартире, где жила ее семья, состоявшая из мужа и двух маленьких сыновей. В передней комнате находилась кухня с небольшим столом, а в стороне, в той же комнате, за большим столом работали мы. Работали мы шесть дней в неделю, а в субботние дни после работы каждая из нас по очереди должны были мыть полы в квартире. Хорошо, что в квартире были крашенные полы, отчего их было мыть легче, но в то же время, если они не были хорошо промытыми и протертыми, то после того, как они высыхали, на бордовой краске пола появлялись белые полосы.

Поэтому мы всегда старались их промыть и протереть тряпкой, прополосканной в чистой воде. Хотя во второй комнате мы почти никогда не работали, однако полы мыли в обеих комнатах, и по окончании работы все выглядело чисто и аккуратно. Надо сказать, что во второй комнате, где спали хозяева, стоявший между окон стол был всегда накрыт белой скатертью, а около него стояли легкие венские стулья, а на окнах до самого пола свисали красивые тюлевые занавески. Постели на кроватях каждый день до нашего прихода ровно раскладывались, и кровати нарядно убирались, причем, комната стояла так весь день до самой ночи. И это было типичным образцом жизни русских в Кульдже. Если среди дня хотелось кому-нибудь из семьи полежать, то ложились где угодно, но только не на кровати, чтобы ее не помять.

Число русских в Кульдже убавлялось, так как все еще люди ехали в Советский Союз, или бежали в Шанхай. Оставшиеся русские, в основном, делились на две группы: православных и сектантов, которые общались между собой очень мало, так как сектанты навязывали православным свою веру, а православные их сторонились и избегали. Но несмотря на это, было нечто, что связывало обе русские группы, отчего забывалось разногласие их религий. А это нечто заключалось в том, что обе группы хотели выехать за границу, и у них были общие переживания в многолетнем ожидании разрешения на выезд. Если в какой-либо группе появлялись новости, то они быстро передавались и другой, отчего все всегда были хорошо информированы. Однако молодежь двух групп вместе не бывала по той причине, что православная могла петь песни и танцевать, а у сектантов это строго воспрещалось, но вместо того они на своих гуляньях всегда пели свои гимны, часто взятые из православных духовных песен, чего они даже и не подозревали, думая, что все, что они пели, создано их писателями. По количеству людей обе группы русских к тому времени, примерно, были равны, а общее количество всех было небольшое. Поскольку в тюрьмы и лагеря людей все еще продолжали сажать, то со всякими новостями мы были очень осторожными, а людей сажали и по другим причинам: за грубый ответ или какую-нибудь критику по отношению власти и пр. Не приходится удивляться, что среди русских находились предатели, о которых все знали и при них или при их приближенных остерегались что-либо говорить. Так образовался третий лагерь русских людей, к которому не было доверия как со стороны православных, так и сектантов, а называли их «советскими работниками» или «агентами», а самых отъявленных «шпионами».

К тому времени почти вся православная молодежь была в одной группе за исключением нескольких человек, считавших себя

принадлежащими к высшему классу и интеллигенции, часть которых вскоре поженилась, а другие разъехались, в то время как оставшимся не было другого выхода, как объединиться и бывать со всеми вместе. Приехавшей из деревень старообрядческой молодежи в Кульдже общаться было не с кем, и поэтому иногда в нашей группе появлялись и старообрядцы, с которыми тесной связи у нас так и не получилось, вероятно потому, что они в церковь не ходили, тогда как наша молодежь ходила в церковь.

Священника у нас к тому времени уже не стало, и церковные службы вел М. А. Золотухин. Если мы приходили в церковь с опозданием, то обнаруживалось, что все сидели на скамейках в церковном дворе и ждали начала службы. Оказывалось, что псаломщик ждал нашего прихода, чтобы было с кем петь. Все праздники церковью отмечались богослужениями без священника, и даже в день Радоницы после церкви молившиеся шли на кладбище, где устраивались у могил семейные поминки. Привыкли мы к нашей церкви и к нашей группе хористов, которая состояла почти полностью из молодежи, бывавшей всегда вместе. По окончании богослужений мы расходились по домам обедать, а после обеда все знали, где можно найти всех остальных, даже не сговариваясь.

Среди довольно большой группы православной молодежи у нас были более близкие друзья, с которыми мы часто встречались отдельно. Хотелось бы мне здесь упомянуть имена всех, но воздержусь, и если будет возможность кому-либо из них прочесть эти строки, пусть они сами вспомнят те дни нашей ранней молодости и переберут имена в своей памяти, поскольку теперь рассеялись все как по разным городам, так и государствам. Все русские почему-то тогда жили около окраины города, а за городом недалеко от той окраины находилось Лесничество, а почему то место называлось Лесничеством, не знаю, оно больше походило на парк. Там тянулись березовые аллеи и зеленые с низкой травой площадки. Позади, за лесничеством, текла река, по берегам которой промеж деревьев росла более высокая трава, но мы там почти не бывали. Пройти в Лесничество можно было с двух сторон. В одном месте восточного пути из Лесничества в город текла чистая вода из родника, которая была настолько холодной, что от нее даже в жаркие летние дни ломило зубы. Поодаль от того места на северо-восток находился аэродром, к которому мы никогда не пробовали пройти, хотя не раз бывали около него и видели стоявшие самолеты. Другой же выход из Лесничества был с западной его стороны, выводивший в город к месту, где большей частью и жили русские, и по этой причине мы всегда пользовались тем, вторым входом. Раньше за Лесничеством присматривали и содержали

его в чистоте, туда по воскресеньям приходила как молодежь, так и семейные пары с детьми и едой, чтобы там отдохнуть, но с переменой власти и ухудшением жизненных условий такие посещения прекратились. Лесничество стало совсем пустым, если не считать того, что им овладела русская молодежь, состоявшая из двух групп: православной и сектантской. Там мы иногда просто прохаживались по аллеям, играли в различные игры, пели песни или просто сидели, разговаривая.

У нас было два неразлучных друга-юмориста, входивших в число наших близких друзей, которые нас постоянно смешили. Один из них был Василий Кусков, а другой Иван Югов, и это был не кто иной, как тот, что спускался в школьный колодец в Гимназии и за это получил от директора нагоняй. Однажды нашли они в Лесничестве дохлого паука и решили его похоронить, а пока хоронили, мы свои животы надорвали от смеха. И так каждый раз, что-нибудь да находили, чем могли бы посмешить окружающих. Иногда мы встречались более тесной своей группой на дому нашей подруги Нюси, так как она в своем доме тогда жила одна, потому что ее семья выехала за границу, с которой, по каким-то причинам, она в тот раз не могла поехать. Мне особенно запомнился день Троицы, когда в ее доме стояли большие зеленые ветки, а по полу была разбросана свежая трава. Впрочем, здесь уместно сказать, что Иван тогда ухаживал за Нюсей, будущей своей женой, и берег ее от всяких напастей. Так совпало, что отчество Ивана было Васильевич, а его друг был Василий, то они придумали, что Иван сын Василия, и потом, шутя, называли друг друга «отец» или «сынок». Я же тоже Ивановна, а поэтому оказалась дочкой Ивану, и внучкой Василию. Шутя, так и называли друг друга: «отец», «сын», дочь», «внучка» и «дедушка». Это тоже было предлогом смеха для молодежи. Кроме Нюси у меня тогда была еще одна подруга — Тая Волкова, с которой я также очень часто встречалась по воскресеньям и по праздникам.

Тогда как днем вся молодежь бывала в Лесничестве, вечерами она собиралась на широкой улице, что тянулась на берегу реки Пеличинки, и поэтому то место у нас получило название «Пеличинки» или «Хутора». Кроме того что Василий был человеком с юмором, он был и хорошим гармонистом, и обычно весь вечер сидел на стуле и играл, а остальные танцевали, пели и просто веселились. Не раз бывало, когда кто-нибудь из молодежи пускался в пляс или петь русские частушки. Вечера обычно бывали тихими, теплыми и очень приятными, когда от широко разлившейся реки доносился плеск и журчание воды; отражаясь в ней, скользила по поверхности воды серебристая луна, а с деревьев доносилось соловьиное пение.

Вечерами нам из дома разрешалось выходить только если за нами приходили наши подруги, и поэтому по пути к нам всегда заходила молодежь, а возвратиться домой мы должны были не позже назначенного времени. У нас было так принято, что все ходили под ручку, и когда мы шли группой, то, взявшись под ручку, образовывали длинный ряд, а иногда и два ряда или три. Если шли две или три девушки, то тоже всегда ходили под ручку, как под ручку ходили и парни с девушками. Иногда молодежь решала пойти по главной улице города, и мы рядами под ручку проходили мимо кинотеатра, а потом возвращались обратно, а временами специально шли туда, чтобы попасть в кино, особенно зимой, когда таких развлечений, как в Лесничестве и на Пеличинке, не было.

Случилось как-то, что Иван заболел аппендицитом и попал в госпиталь, а мы, решив его навестить, пришли группой к нему в палату и когда стали с ним разговаривать, то и там без шуток не обошлось, и больной, засмеявшись, от боли должен был тут же остановиться. Он нам тогда с большой обидой рассказал, как от операционного стола, сразу после операции его заставили идти на свое место. Правда, все потом зажило, и он совсем поправился.

Приятно вспомнить свою беззаботную молодость и друзей, которых разбросала судьба по всему свету, а придется ли еще когда-нибудь увидеться с ними, не знаю, а как хотелось бы еще хоть раз встретиться уже старичками, чтобы вспомнить всем вместе свое родное прошлое.

Одно время городское управление решило не позволять людям ночами ходить по городу, а чтобы следить за этим они стали назначать по очереди живших на той или иной улице мужчин. Когда подходила наша очередь, то и наши мужчины тоже должны были всю ночь ходить по улице и следить за нарушителями. Зимой по морозу бродить по улицам было очень неприятно, да и вообще таким делом заниматься было и не безопасно.

Несмотря на житейские трудности, праздники Пасху и Рождество среди русских праздновались по-старому. В эти праздники по русскому обычаю праздновали по три дня, и все три дня после посещения церкви гуляли. На первый день хозяйки домов накрывали столы, ставили на них все лучшее, что у них было в доме и весь день находились дома в ожидании гостей, а мужчины ходили из дома в дом по родственникам, друзьям и знакомым, поздравляя хозяйку и всех домашних с праздником. Таковых гостей у нас называли «визитерами». Побывав в нескольких домах, выпивая по рюмочке или две, некоторые «визитеры» к вечеру едва ли могли стоять на своих ногах, и таковые потом часто засыпали в гостях, а те, кто мог еще держаться,

1

2

I

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

1973 г.

Рим
Афины
Тегеран
Тель-Авив
Иерусалим
Дели
Бангкок
Сидней
Мельбурн

15

16

17

18

19

20

21

22

23

еле сидел за столом с другими гостями. Потом жена с помощью друзей должна была вести или, если была подвода, везти подпившего домой. Как бы русские не любили гулять и пить, однако приходящих в такое плачевное состояние бывало не много, в большинстве же своем мужчины бывали подпившими, но не упившимися. Напиваться до пьяна у нас считалось неприличным, но угощений без выпивок не бывало. Как и везде, традиции воздержания одной семьи не соответствовали другой, как и традиции знакомых, компаний и друзей. Бывали у нас и такие случаи, когда с шумом и смехом водка насильно вливалась в рот гостя. После шумного веселья обычно начинали петь песни и пели потом долго своими подпившими голосами. На второй и третий день праздников, а в лучшем случае всю праздничную неделю, как правило, муж с женой вместе ходили в гости по приглашению, причем, каждая гостившая в группе семья приглашала потом всех гостей к себе. Поэтому если в группе было семь семейств, то чтобы отгостить в каждой из них требовалось целую неделю. С исчезновением муки и мяса с пищей у всех было плохо и поэтому в последнее время в праздники для закусок на столах стояло что-нибудь из соленого. Троицу там тоже праздновали три дня, но визитеры на Троицу не ходили. На Рождество Христово некоторые дети, все еще по старой традиции, ходили по домам родных или знакомых славить Христа, за что им давали конфеты, пряники или деньги.

В последние годы в Кульджу постоянно свозили откуда-то китайцев и оставляли их где-нибудь в городе, а часто прямо на улице, где они ставили себе палатки и в них жили. Идешь по уже замерзшей улице мимо таких поселений и видишь везде человеческие отходы, так как у жившего в палатках народа не было абсолютно никаких удобств. В последнее время и наше Лесничество все было загрязнено до того, что надо было ходить и смотреть под ноги. Улицы летом больше уж никогда не подметались и не поливались, и никому до улиц никакого дела не было. Люди проходили мимо без остановок, чтобы никого и ничего не видеть, а прийти домой и спрятаться. Меньше посторонние люди видят, меньше разговоров и спокойнее.

На транспортной станции каждый день ранним утром люди возбужденно пытались получить билеты легальным или нелегальным образом, среди многих мелькали и русские лица. Некоторым это сделать как-то удавалось, и получившие билеты выезжали в ближайший большой город Урумчи, а из Урумчей, если все шло хорошо, как-то находили себе пути чтобы пробраться дальше и так до самого Шанхая. После ухода автобуса неудачники с маленькими своими котомками в руках возвращались к себе домой, а на следующий день или немного позже вновь приходили искать себе счастья. Я эти сцены

видела сама когда утрами, еще в темноте тоже приходила на станцию и тоже пробовала искать себе удачи, но, не знаю, к несчастью или наоборот к счастью, я ее не нашла. А наш Саша, никому ничего не сказав, как-то смог купить себе билет перед сочельником и нам вечером сообщил, что он ранним утром следующего дня, то есть в сочельник уезжает. Такая неожиданность поразила наших родителей, и они стали его уговаривать этого не делать, но на него ничто не действовало. Пришлось маме кое-что собрать ему в дорогу, а главное еду. Уж долгое время, готовясь к выезду, мама пекла сдобные булочки, разрезала их на ломтики и, высушив на сухари, толкла в муку и ссыпала в мешочки. Это делалось для того, чтобы сумка с сухарями была не громоздкой и чтобы можно было взять с собой побольше пищи. Так она заранее приготовила каждому из нас по мешку толченых сухарей и в каждый мешок положила по кружке и ложке. Таким образом при такой неожиданности пища для Саши была готовой, а из других вещей он почти ничего не взял. Встал он утром рано, оделся, а так как время было морозное, то он одел сверху теплую тужурку, поверх которой натянул хорошую шубу, взял с собой денег, уложил сухари в маленькую котомку и, распростившись с нами, с билетом в кармане ушел на транспортную станцию и больше не вернулся. Позже он нам рассказывал, что в каком-то городе его поймал милиционер и повел по улице, но в тот момент, когда в толпе народа произошел какой-то шум, отвлекший внимание милиционера, Саша в той же толпе скрылся, сняв с себя свою шубу. Потом он шубу припрятал где-то под забором, оставшись в тужурке, а когда опасность миновала, он вновь ее нашел нетронутой. Ему как-то везло на покупки билетов и так благополучно добрался до самого Шанхая, где сразу же, сев в рикшу, отправился в контору чтобы зарегистрироваться. Через некоторое время неожиданно пришло письмо от Саши с сообщением, что он уже на месте. В Шанхае он, как и все другие беженцы, ютился в бедном районе до тех пор, пока не получил разрешение на въезд в Гонконг, где оказался на чужом попечении. В Гонконг он прибыл к лету, где, с непривычки, переносить климат той местности ему было очень тяжело. Дело в том, что климат Гонконга резко отличался от нашего тем, что он был жарким и влажным, отчего человек чувствовал себя постоянно мокрым и липким от пота, тогда как в нашем климате мы привыкли наслаждаться сухим, приятным теплом с легким освежающим ветерком.

По своем приезде в Гонконг Саша подал заявление, на разрешение ему въехать в США, где тогда жила семья дяди Алеши, но ему сказали, что он сможет получить такое разрешение только через пять лет. Тогда он решил дождаться нас в Гонконге, предварительно

побывав в конторах по делам беженцев, где подтвердил, что мы все еще находимся в Китае и ждем разрешение на выезд.

После того как уехал Саша, наша жизнь побледнела, но папе с Колей еще раз удалось весной посеять пшеницу, которую потом осенью мы все поехали жать, а жала я ее впервые. Вспоминается мне кипяток с дымком, каким он у нас всегда получался, когда бывали мы в пути или, как тогда, на работе в поле. Папа любил пить кипяток, но чтобы его вскипятить он клал на земле три камешка, на которые ставил с водой кастрюлю, которую возил всегда с собой. Под кастрюлю подбрасывал крупный кустарник или, что другое, смотря что можно было достать в той местности, и у нас всегда кипяток был с привкусом дыма. К кипятку в пути никогда ничего вкусного у нас не бывало, и мы его пили с хлебом. Поэтому я предпочитала пить воду из реки, если таковая была на нашем пути, зачерпывая ее ладонью, или есть размоченный в воде кусок хлеба.

Прожили мы со своим хлебом еще одну зиму, а к весне решили пшеницу больше не сеять, так как к тому времени уже многим русским пришли документы на выезд, и люди уезжали в Гонконг легально. Назначенный государственной властью чиновник русских людей с документами объединял в группы, из которых выбирались по одному человеку групповоды для исполнения связи между группой русских беженцев и чиновником.

Будет интересно вспомнить и то, что нам, как и другим русским, стало приходить из Гонконга денежное пособие, которому, несмотря на то, что оно было очень маленьким, мы все-таки были рады и каждый месяц его ожидали. Такие конверты приходили с почтовыми карточками, на которых, когда их приносили к нам на дом, мы расписывались, и это значило, что письма были зарегистрированными, чего мы тогда не знали.

К тому времени все люди жили на скудной и очень маленькой норме как пищи, так и ткани. На человека в год позволялось купить один метр ткани, а муки приносили каждый месяц для нас шестерых взрослых, фунтов двадцать пять или тридцать, что в небольшом мешке составляло около восемнадцати сантиметров высоты. Несмотря на то, что в годы, когда мы сеяли свою пшеницу, у нас была своя мука, однако, чтобы не вызывать каких-либо подозрений, месячную норму мы тоже всегда выкупали. В последний же год перед нашим отъездом, когда решили пшеницу больше не сеять, у нас своей муки не хватило, и мы должны были лично испытать, что такое жить на государственной пищевой норме. Хорошо, что к тому времени сухари на дорогу у нас были уж готовыми, о чем не надо было больше беспокоиться, но пищи на каждый день, можно сказать, у нас не было. Про

муку, что приносили по норме, сказать, что это была пшеничная, нельзя, поскольку она состояла из примесей разных злаков и цвет ее был слегка синевато-серый. Ко всему прочему в ней была примесь земли, и размельченных камней, отчего при еде неприятно хрустело на зубах, а делать было нечего, надо было жевать и проглатывать. Печь хлеб из такого количества муки и думать было невозможно, так как он исчез бы дня за три, а остальные дни месяца питаться было бы нечем. Поэтому мы тогда могли варить только супы заправленные мукой или лапшой, и, может быть, будет вернее если я назову их похлебками, на которых мы и прожили несколько месяцев до нашего выезда. Когда мы замешивали тесто для лапши, то оно было синеватого, неприятного цвета, и в нем не было обычной эластичности, даже наоборот, оно было рвущимся и разваливающимся. Нельзя забыть и того, что у Коли к тому времени было двое детей, которым нужна была пища и не такая, какой мы питались, что конечно, отразилось на их здоровье, в особенности младшего мальчика, у которого стал расти живот, в то время как сам был худеньким, то есть он был «кожа да кости» в полном смысле этого слова. Его носили к докторам, но они ему не могли помочь, а ухудшение его здоровья было явное. К счастью, кто-то из русских посоветовал его купать в горячих ваннах из корней боярышника, отчего он стал заметно поправляться, даже если и не стал намного полнее. Их мама старалась им что-нибудь испечь вроде пряничков, но этого для них не было достаточно. Иногда нам удавалось купить немного муки у знакомых русских, что немного нас всех подкрепляло, как и подкрепляло редкое горячее с мясом своей заколотой курицы, а закалывать своих кур при коммунизме тоже не разрешалось. Зато при наших условиях у нас не было страдавших от полноты и ожирения людей, и не надо было заниматься никакими упражнениями чтобы похудеть, и не было такого, как на Западе говорят: «ничего не ем и не худею». Мне кажется, от плохого питания аппетит человека теряется, что я на себе испытывала и не раз, причем, каждую зиму вообще я теряла вес, потому что питание зимой у нас было хуже, в то время как летом, когда мы жили за городом, у нас вырастало много еды в огородах.

В Китае с самого раннего детства я никогда не видела, чтобы люди употребляли бычью силу для работы, и поэтому когда при коммунистах на улицах появились быки, возившие нагруженные двухколесные повозки с резиновыми шинами, мне было неприятно на это смотреть. Мне казалось, что вместо того, чтобы человеку совершенствоваться, он падает вниз. Весной и осенью уличные дороги были настолько разбиты, что образовывались ямы, и быки изо всей силы напрягались, когда везли тяжелые телеги нагруженные какими-

нибудь мешками. Местами они уже просто больше не могли сдвинуться с места, и в таких случаях не раз я видела китайца, тянущего изо всей силы веревку, привязанную к кольцу, продетому в нос быка, так, что из носа уже текла кровь, а он все тянул, опуская на быка свой длинный кнут. Я не могла дальше смотреть на такие тяжелые картины и быстрее уходила, чтобы ничего этого не видеть. Часто в повозку впрягалось и по два быка, и таких повозок стало проходить по городу очень много, а что они везли и куда — неизвестно.

Как я уже упоминала, китайское правительство постоянно переправляло китайцев из центрального Китая в Кульджу, и их в последние годы нашего там пребывания было множество, причем, все были одеты одинаково: как мужчины, так и женщины, независимо от возраста, и такое одеяние для китайцев ввел коммунизм. Одежда их состояла из современного тому времени типа китайских брюк и жакета из одинаковой мутно светло-зеленой ткани. Летняя одежда лишь отличалась тем, что вместо жакета была одета белая блузка или рубашка. На голове зимой у всех были одинаковые шапки из такой же ткани, как и брюки. Волос на голове у китайцев обыкновенно бывает не много, и женщины до коммунизма обычно туго укладывали их маленькой шишечкой, а при коммунизме стали волосы ровно подрезать или делать завивки, особенно молоденькие девушки. Тогда ни одна китаянка не смела надеть свое национальное платье, и поэтому в Китае мне не приходилось их видеть в национальном китайском одеянии, разве только на пропагандистских концертах в Суйдуне, где высмеивались и критиковались богачи.

С зимы последнего года нашего пребывания в Китае мы потихоньку стали готовиться к нашему выезду. Из заграничных писем мы узнали, что ничего везти с собой не надо кроме необходимого, так как за границей все есть, и что магазины от различных товаров там ломятся. Мне было трудно представить такое, чтобы, войдя в магазин, человек мог купить все, что он пожелает, и тогда мне думалось, что когда я буду за границей, я накуплю множество всевозможных тканей и нашью для себя различных, красивых платьев. Но такие заманчивые мысли сменялись грустными и неутешительными, и я не знала хорошо ли, что мы туда едем. Дело в том, что некоторые русские ребята из Кульджи, попав в такой большой город, как Гонконг, где много всякого соблазна, решили воспользоваться своей беспредельной свободой. Потом о своих похождениях они писали своим друзьям в Кульджу, что не утаилось и от нас — девушек. Узнав о том, какой беспутной жизнью живут люди за границей, мне помнится, как это знание легло тяжелым камнем мне на душу. Помнится мне и то, как две молоденьких девушки — дочери очень хороших

родителей после таких слухов обратились в советское консульство, где объявили, что не хотят ехать с родителями за границу. Их там сразу же прибрали, и когда девушки не вернулись домой, оповестили их родителей о случившемся. Бедные родители сколько потом о них тосковали и плакали не только в Китае, но и за границей. А девушкам в консульстве оформили нужные документы, и вскоре их увезли в Советский Союз. После того случая, я помню, сколько было суждений и разговоров среди русских, и, вероятно, каждый родитель радовался тому, что такое случилось не с их ребенком.

Городская толкучка, в конце концов, пригодилась и нам, где одни люди продавали свои вещи по дешевке, а другие на дешевые вещи охотились. В то время все еще были русские люди в Кульдже, которые собирались ехать в Союз, и они закупали все, что могли, а тем более то, что продавалось за бесценок. Стали на Толкучку носить свои вещи и мы, и помню, как один молодой русский человек, увидев мое шерстяное, праздничное пальто, от нас не отстал, пока его не купил.

Пришлось нам расстаться и с нашим конем Савраской, продав его коммунальным китайцам. Позже Коля его видел впряженного в повозку корневым, тогда как ему в помощь было впряжено еще несколько лошадей. Коля рассказывал нам, как Савраска посмотрел на него, и как ему было тяжело вынести, а после его рассказа та тяжесть передалась и нам.

В конце лета 1960 года мы получили долгожданные документы на выезд, который должен был состояться вместе с другими людьми вошедшими в нашу группу. После получения документов оказалось, что в нашей группе было около ста человек различного возраста, включая древних и немощных стариков, но не считая детей. Прежде чем была назначена дата нашего выезда прошло еще несколько недель, за которые теплая осень успела смениться на заморозки, а за дверями уж стояла зима. Собираться к поездке нам было нетрудно, благодаря тому, что у нас вообще-то почти ничего не было, а тем более после продажи кое-каких вещей на Толкучке. Самое важное что было у каждого из нас в руках — это сшитые из простых тряпок ручные сумки с измельченными сухарями, а остальное, как мне кажется, вместилось в купленный у Федоровых чемодан. Однако перины и подушки, что мама так заботливо приготавливала, в Китае она не оставила, а как и где их уложили, я не помню.

Варя с семьей к тому времени документов на выезд еще не получила, и поэтому мы должны были с ней расстаться. После нашего отъезда ее семья поселилась в нашем доме, так что Жулика не надо было кому-нибудь отдавать, он просто остался сестре. Позже, лет

через пять, когда они тоже выехали, и мы вновь с ними встретились, так зять рассказывал, как он в Китае выучил Жулика охотничьему делу, Жулик хорошо знал свою роль и исполнял ее добросовестно.

Перед отъездом все хорошо знали, что провозить золото и деньги через границу нельзя, то есть деньги нельзя было перевозить совсем, а из золота пропускали только кольцо, если оно было на руке человека, или цепочку на шее. У нас золота вообще никогда не бывало, и беспокоиться об этом нам не приходилось, но другим оно создавало большие сложности. Часто люди прятали его так, что трудно было додуматься, что там золото, однако на границе особыми аппаратами его находили и все отбирали. Были случаи, когда на границе разбивали доски в ящиках или выворачивали каблуки обуви, где было спрятано золото.

Наконец, подошел и наш день, а к тому времени на земле уже лежал снег и было холодно. В октябре 1960 года, когда мы пришли на транспортную станцию рано утром, еще затемно, нас ждал грузовик с открытым кузовом. Вначале побросали в кузов вещи, разложив их рядами, чтобы на них можно было сесть, потом стали подниматься наверх люди, усаживаясь на свои вещи, и садились они так тесно, что было невозможно даже двинуть ногой. Но, несмотря на это, мест все-таки всем не хватило, и несколько человек должны были стоять, держась за изогнутые над кузовом металлические прутья для брезента. Вначале стояли молодые ребята, но потом стали меняться, и временами мне тоже приходилось ехать стоя. Следует заметить, что с нами ехало два уже старых брата, один из которых уже потерял зрение, да к тому же был совсем слаб и даже сидеть ему было трудно. Не знаю, как его устроили: уложили ли как-нибудь или усадили, но только моя душа даже теперь трепещет от мысли, как он бедный, должно быть, мучился в той дороге.

В то время как во дворе нас усаживали в грузовик, куда посторонних не впускали, на улице собралась большая толпа русских людей, пришедших в последний раз увидеть своих родных, друзей и знакомых. Когда наш грузовик тронулся и выехал за ворота, то на повороте, при утреннем полусвете я увидела быстро промелькнувшие среди людей знакомые лица, среди которых были и те, кто даже еще не подавал прошений для выезда за границу и не думал уезжать из Кульджи. В грузовике кто-то запел песню: «Прощай любимый город», и многие подхватили, в то время как грузовик набирал свою скорость, наши голоса относило назад в Кульджу, где оставались наши родные и хорошие друзья. Последний раз была пропета эта песня в моей жизни, но отголосок ее тянулся и тянулся, не прерываясь, иногда усиливаясь, а иногда затихая до беззвучия. Окинули мы взглядом

тянувшуюся параллельно с шоссе улицу в последний раз, которая вскоре стала от нас отдаляться и, уменьшаясь, исчезла из поля зрения насовсем.

Наш грузовик взял путь по направлению к городу Урумчи, но чтобы попасть в него, надо было перевалить через высокий горный хребет по названию Джунгарский Алатау. Вначале дорога шла по равнине мимо уйгурских селений, потом вышла в безлюдные места и начала постепенно подниматься все выше и выше. Добравшись к подножию гор уж после обеда, наш грузовик съехал с дороги по направлению к каким-то окруженным деревьями домикам, где остановился, а мы все слезли с него, чтобы немножко размять ноги и отдохнуть.

Через полчаса все вновь стали усаживаться на свои места, и наш грузовик тронулся по дороге, которая вскоре вошла в широкое ущелье с постепенно увеличивающимися склонами величественных гор, на которых уж лежало много снега. В последний раз мы тогда смогли полюбоваться горными ущельями с прорезающими их бурлящими реками, несущими в своих берегах еще не успевшую застыть родниковую воду. Высоченные склоны, усыпанные побелевшими кустарниками и оголившимися лиственными деревьями, вперемежку с посыпанной снегом вечно зеленой хвоей, стояли перед нами со своими разнообразными, причудливыми изгибами и отвесными скалами, что еще больше придавало им неописуемое величие. Идущий параллельно с речкой склон, по которому была проложена постоянно поднимавшаяся наша дорога, удалялся ввысь по направлению хребта. Запомнилась мне последняя картина гор, представшая тогда перед нами на прощанье с ее громадными, черневшими среди полубелых круто наклоненных склонов утесами, тогда как все утопало в магической тишине. Мы ехали молча. Видимо, каждый из нас переживал что-то, чего и сам не мог понять, но внимал с благоговением той дивной, уходившей навсегда величественной красоте.

День был пасмурный, но снег не сыпал. Медленно поднимался грузовик, дорога наша повернула, а угол горы, как занавеска, прикрыл от нас таинственное зрелище. Вскоре дорога стала круче, и наш грузовик начал скользить назад, но остановился, а мы, перепуганные, стали соскакивать с него. Шофер распорядился, чтобы с грузовика все слезли, кроме немощных стариков и больных, что с радостью было исполнено, так как ехать на нем оказалось очень опасно. Мы начали взбираться на гору пешком, тогда как за нами полз, еле передвигаясь, опустевший грузовик.

Поднимаясь на гору, мы разгорячились, и вдруг неожиданно оказались на самой вершине хребта, где находилось плоскогорье

с озером Сайрам, которое из-за темноты уж невозможно было рассмотреть, и только вода ловила какой-то ночной свет и давала нам знать о себе. Когда мы взошли на самую вершину, то на нас, разогревшихся, дунул холодный, пронизывавший насквозь ветер, и я не забыла, что мне стало неприятно, но спрятаться на вершине горы было негде. Ничего не придумаешь худшего, как простудиться в пути и заболеть. Пройдя еще немного, мы увидели стоявшую уединенно избушку для путешественников, в окнах которой светился еле заметный свет, и нам позволили войти в нее, чтобы обогреться. Избушка состояла из одной комнаты, посреди которой жарко горела железная печь, а вокруг ее обступили гревшиеся люди. Все мы двинулись к ней, чтобы обогреть себя и окоченевшие от холода руки, а некоторые успели развернуть и свои портянки, чтобы если не высушить, то хоть немного прогреть. Быть там долго нам не позволили, и мы вновь, усевшись в грузовик, поехали дальше.

Привез нас грузовик в Урумчи ночью, завез во двор, и нам было сказано разгружаться, после чего нас провели в комнаты, предназначенные для ночлега. Нам отвели всего две комнаты с отдельными входами, во всю длину которых над стенами тянулись сделанные из дерева голые нары, и при этом двери в нашу комнату не было, а дверной проем был просто завешен тряпкой. Была ли дверь в другой комнате я не знаю, но скорее всего, ее там тоже не было. Об отоплении даже и думать было нечего, так как мы ничего лучшего и не ожидали. Нас удивило, что в ожидании следующего транспорта мы должны будем находиться там дня два или три, но ничего не могли поделать и должны были повиноваться. Разостлали у кого что было, чтобы не ложиться на совершенно голые доски и легли все в куртках, прикрывшись кто чем мог. Ночь прошла благополучно, однако я уже почувствовала в груди и горле простуду.

Поднявшись на следующее утро, пошли кто куда: кто просто погулять и посмотреть город, а другие надеялись купить хлеба или вообще чего-нибудь съестного, но, несмотря на большие старания, никому найти еды не удалось.

Здесь нужно упомянуть, что в нашей группе тогда ехал Иван — один из наших юмористов, тогда как Василий, его друг, остался в Кульдже, где он прожил после нашего отъезда еще долгое время — несколько лет. Так вот на утро Иван, я и Валя тоже пошли смотреть город, причем, не такой городок как наша Кульджа, а большой, со своими порядками и следящими за ними милиционерами со свистками. Шли мы по какой-то большой улице со светофорами и отмеченными переходами для пешеходов, а Иван нам говорит: «Вы приехали из провинциального города и поэтому не знаете о правилах

больших городов, так слушайте меня. Я вас буду учить, как надо ходить по улицам». С этими словами мы все трое сошли с тротуара и пошли через замерзший перекресток по диагонали, чего в городе не полагалось делать, но тут засвистел свисток милиционера, а наш провожатый почему-то поскользнулся в этот момент и шлепнулся на спину так, что и ноги подскочили вверх. Нас разобрал смех, и он, вскочив на ноги, тоже разразился хохотом. Потом долго мы не могли успокоиться, а вообще-то хорошо, что Иван так благополучно упал и без какого-либо ушиба.

На следующий день со своей простудой и кашлем я оказалась прикованной к постели и никуда пойти не смогла, а через день или два нам подошло время опять грузиться на грузовик, чтобы доехать до городского вокзала, где мы должны были ждать некоторое время, пока нам укажут, что делать дальше. На вокзале было очень много всякого народа, а особенно было много уйгур, сидевших на своих небольших, оборванных котомочках или просто на грязном полу, тогда как другие стояли или ходили, также как и мы, решив пройтись и посмотреть вокзал. Мне на глаза тогда попалась сидевшая с совершенно голеньким однолетним или чуть постарше ребенком, женщина, пробовавшая прикрывать его своим пальто, а чуть подальше, с другой стороны, сидел мальчик лет двенадцати и грыз ломтики зеленой дыни, тогда как еще дальше я увидела другого, лет десяти мальчика, державшего в ладони штук пятьдесят пшеничных зерен, которые он пальцами другой руки брал по одному и клал себе в рот. Вообще картина народной толпы на вокзале была беспросветно печальной.

Мы вновь влезли в кузов грузовика, и поехали на расположенную довольно далеко от Урумчей железнодорожную станцию. Тогда железная дорога еще не доходила до Урумчей, но постепенно продвигалась к его направлению. Ехали мы часов пять по какой-то не интересной, песчаной равнине, о которой и рассказать особо нечего, и к послеобеденному времени наш грузовик остановился у станции, находившейся на открытом месте, где была поставлена брезентовая палатка, вероятно для служащих. Все поспешили снять с грузовика свои вещи, которые потом составили на земле удлиненным кругом под открытым небом, а так как уж было время послеобеденное, то все начали вынимать из сумок провизию, чтобы поесть.

Как и предполагалось, нам пришлось питаться исключительно своими сухарями с водой, которую везли с собой в специально взятой для этого фляжке. И теперь, вынув свои кружки, мы насыпали в них сухарей и, не обращая ни на что внимания, налив в сухари воды, стали есть. Во время трапезы я нечаянно подняла голову и увидела

окружившую нас толпу китайцев, жадно смотревшую на нас. Я была крайне удивлена такому быстрому и бесшумному скоплению невероятно большого количества людей, стоявших молчаливо и смотревших на нас, как на неведомо каким образом свалившееся с неба чудо. Вначале мне было непонятно, почему им было так интересно на нас смотреть, но когда кто-то из наших людей бросил просто на землю не то косточку или что-то другое не знаю, то человек пять или шесть китайцев кинулись чтобы схватить брошенное, я поняла, что народ был голоден. Уже позже мы сообразили, как опрометчиво мы тогда поступили, раскрыв наши продукты перед голодными людьми. Страшно подумать, что голодная толпа могла бы с нами сделать!

Как ни странно, в то время как в Кульдже уже была зима, на станции, где мы тогда высадились снега на земле еще не было, но уже было холодно. Поскольку дни уже были короткими, то быстро наступил вечер, и на нас надвигалась темнота, а мы, не зная что делать, кто как мог присели на свои вещи, каждый в своем кругу. Когда уже совсем стемнело, я услыхала какой-то странный звук, похожий, хотя и не совсем, на визг собаки. Я решила проверить и пошла в сторону, откуда доносился странный визг, и к моему ужасу увидела нечто, чего никак не ожидала. Около палатки, под нижний край брезента старалась подлезть лежавшая на мерзлой земле и трясущаяся от холода и жалобно повизгивающая женщина, а находившиеся в палатке изнутри из всей силы ее выпихивали и натягивали брезент до земли, чтобы не впустить не нужную им женщину. Я даже опешила и, испугавшись, поторопилась с того места уйти. В то время там было очень холодно, но я лично не запомнила, чтобы я мерзла или чувствовала себя уставшей, да и вообще не помню, как мы провели ту ночь под открытым небом и спали ли мы вообще. Не помню когда подошел поезд: вечером, ночью или утром, но мне хорошо помнится, как на следующий день мы проходили мимо вагонов и видели в них молоденьких уборщиц с тряпками в руках протиравших все поверхности вагонов. Мы подошли к уборщицам так близко, что одна из них что-то мне сказала по-китайски, а когда я ей ответила тоже по-китайски, они громко рассмеялись и начали что-то разговаривать между собой. Хотя я и заметила, что они смеялись от души и никакого осуждения в мой адрес не было, однако из-за моего вечного смущения, я решила, что они смеются над моим произношением, и поэтому постаралась от них удалиться.

Еще до обеда нам сказали, чтобы мы шли покупать билеты, и мы выстроились в очередь у железнодорожной кассы. Затем нас вместе с нашими вещами повели в отведенный для нас вагон, в котором кроме нашей группы никого другого не было, да и за все наше

путешествие ни один из посторонних пассажиров не вошел в него. Ехавшие в том же поезде люди даже не подозревали, что в одном из вагонов с ними едут какие-то таинственные пассажиры, однако взаперти нас не держали, и мы могли ходить по всему поезду. Войдя в вагон с вещами, мы стали располагаться на сиденьях семьями. Вагон оказался неплохим и был чистым со стоящими в два ряда деревянными сиденьями, между которых у окон находились маленькие столики. Никаких купе или перегородок во всем вагоне не было. Мест хватило всем, и даже были свободные, поэтому было нетрудно отвести старенькому дедушке, что ехал с нами, все сиденье, чтобы он мог на нем полежать. Ему там стало намного удобнее, но если вспомнить что сиденья были деревянными, твердыми да еще с качкой поезда и без хорошего питания, то ему уже измученному, вероятно, в его годы было очень трудно перенести такое дальнее путешествие. Члены нашей семьи днями сидели где хотели или ходили по вагонам, а на ночь собирались на свои семейные места, и укладывались, кто как мог на ночлег. Старшие ложились на сиденья, а мы — молодые, залезали под них во всю их длину и там спали на голом полу, а поскольку в поезде было очень тепло, то нам под сиденьями было даже жарко и приходилось немало попотеть, но зато не пришлось промерзнуть.

Проходя по вагонам, кто-то обнаружил в поезде столовую, а когда люди побежали чтобы купить пищи, то узнали, что пищи в столовой не было. Некоторые вагоны были совсем пустыми, и мы, проходя мимо, для разнообразия могли на время оставаться в них, и никого из нас не выгоняли, а однажды во время остановки поезда я гуляла по вагонам и, отворив дверь в один из них, увидела толпившихся у выходной двери китайцев с криками и воплями рвущихся к выходу, куда их не пускали, в то время как с платформы другие жандармы на входные ступеньки вагона, вверх и внутрь его насильно вталкивали других китайцев. Чтобы не видеть всего этого, я повернулась и ушла назад в свой вагон, но вопрос, почему такое происходит, меня не оставлял, и уже потом я сама ответила на него, вспомнив как китайцев везли в Суйдун и в Кульджу. Вероятно правительству надо было заселить какие-то места китайцами, вот оно на них и охотилось.

Через несколько дней нашего железнодорожного путешествия кто-то увидел, что в столовой продавали горячую пищу, и Коля решил купить несколько порций для нас. Когда он их принес, то мы рассмотрели, что это был обыкновенный китайский рис с соусом, только в нем виднелось большое количество каких-то морских червячков с ножками. Помню, как я копалась палочками в своей тарелке, а есть так и не смогла.

Наш поезд быстро несся по извилистой железнодорожной линии. Он то исчезал в темные, длинные или короткие туннели, то вырывался из-под земли, летел меж гор с их ущельями и обрывами покрытыми камнями или зеленью. Иногда он, вдруг выскакивал на плоскогорья и равнины с китайскими огородами и их владельцами — коммунарами, работавшими всюду на полях вручную в своих соломенных шляпах треугольником. Некоторые из них в тот момент стояли и сидели наклонившись над землей, роясь в ней, кто-то из них шел, а кто, подпрыгивая, нес на коромысле в корзинах, вероятно, землю или в ведрах воду для полива. Однако, людей и скота на полях виднелось немного. На изгибах нашей дороги часто можно было видеть изогнувшийся наш поезд, хвост которого тянулся очень длинной, полукруглой, постепенно уменьшающейся лентой. Зима где-то осталась позади, а там проносились то зеленые и скалистые горы, то пески, то рисовые поля и китайские деревни с окружавшей их зеленью. На мокрых полях, иногда наполовину в воде, ходили странные, показавшиеся нам некрасивыми, животные. Это оказались буйволы. Головы их чем-то очень напоминали домашних коров, а горбатые спины их просто уродовали. Местами наш поезд бежал меж рисовых полей, заполненных водой, на которых по пояс в воде работали китайские коммунары с черными треугольниками на головах. Пейзаж перед нашими взорами постоянно менялся: горы, равнины и поля сменялись на холмистую поверхность покрытую зеленью, на которой виднелись китайские хижины, или рисовые поля залитые водой и опять равнины и, наконец, перед нами предстала Желтая река, вода которой нам показалась мутной и непривлекательной. Стуча колесами, проскочил поезд через реку и помчался дальше до места своего назначения.

Я рассказала только в общих чертах обо всем нашем пути на поезде, который продолжался около тринадцати дней с небольшими остановками и пересадками. За этот долгий путь у нас были остановки как в маленьких, так и в больших городах, тогда к нам в вагон приходил китаец и объявлял, что мы должны выйти из поезда с вещами. Затем нас отводили в какую-нибудь гостиницу или просто просили подождать пока подойдет другой поезд. Часто такие пересадки были ночью, и я помню, как мы большой толпой стояли где-нибудь в стороне на большой железнодорожной станции, когда мимо нас постоянно проходили пассажиры — китайцы. В больших городах на станциях мы подходили к небольшим магазинчикам чтобы посмотреть, что там продается, а если что-то находили нужным купить, то покупали.

Первая наша остановка была в городе по названию Турфан, где мы вышли из поезда одетыми в зимние одежды, тогда как оказалось,

что на дворе было лето. Как только мы вышли из вагона, наш проводник повел нас куда-то, и мы одетые в теплые пальто с ношей в руках, не желая отстать от него, поплелись сзади, и, пока добрались до места, от жары просто испарились. Нас всех завели в какую-то большую комнату на втором этаже, где мы и переночевали. Утром на дворе и по ступенькам ходили китаянки и стучали каблуками своих сандалий так, что мы удивлялись, почему стук сандалий получался таким громким? И только потом на дворе, когда увидели их сандалии, мы поняли причину такого громкого стука. Оказалось, что подошвы их сандалий были сделаны из дерева, чего мы раньше никогда не видели и не знали, что такое вообще может быть.

Когда я утром спускалась вниз, то внизу под лестницей я заметила китаянку, которая несла в клетке большого белого, очень похожего на крысу, какого-то зверька. Я не удивилась, поскольку крыса в клетке — это как бы нормальное явление, но то, что произошло дальше, меня просто ошеломило. Китаянка, поставив клетку на землю под лестницей, облила живую крысу кипятком, что заставило меня от такой сцены поскорее уйти. Позднее я увидела ту же китаянку, поджаривавшую мясо в китайской сковороде.

В Турфане в зимнее время было так тепло, что к тому времени, когда мы туда попали, уже поспели дыни и другие овощи. Вероятно они там вырастают по несколько раз в год.

По дороге у нас были неоднократные остановки и пересадки в таких больших городах, как Ланьчжоу, Чунцин, а приблизительно на половине пути в нашей группе случилось несчастье. Тот старенький дедушка, что ехал с нами, бывший родным братом дедушки Ивана Югова, не вынес тяжелой дороги и в нашем вагоне умер. Чтобы похоронить старичка, конечно, всех нас не оставили, а позволили остаться Ивану, пообещав родным, что он их вскоре скорым поездом догонит. Простился с умершим его родной брат — дедушка Ивана, к тому времени также престарелого возраста, но еще в силе, и все его родственники, и покойника вынесли. Тяжело было родителям расставаться с Иваном, но необходимость заставляла, и другого выхода у них не было. Обещание свое китайцы в точности исполнили, и Иван, похоронив старичка, дня через два вновь встретился со своими.

Когда мы были в южных областях Китая, во время остановок поезда прямо в поле подбегали к нему взрослые и дети и предлагали бананы, апельсины, гранаты, которых у нас никогда не было в Кульдже, и мы не знали какого они вкуса. Кое-кто из нашей группы решился купить по одному и потом давали другим попробовать. Я же, изучая географию, знала такие названия как: бананы, апельсины, лимоны, мандарины и гранаты, но как они должны были выглядеть

и какого вкуса, я не имела представления. Тут же, увидев незнакомые фруктовые плоды, мы спрашивали друг друга, какие это фрукты, а когда кто-то говорил, что это бананы или апельсины или что другое, то все остальные в голос говорили: «Так вот, они как выглядят — «бананы» или «апельсины»» и пр.

Последняя наша остановка в Китае была в городе Кантоне, где нас высадили из поезда и поместили на ночь в большую комнату с множеством кроватей. Несмотря на то, что над моей кроватью висел марлевый балдахин с опускавшейся со всех краев марлей закрывавшей всю кровать, комары меня в ту ночь просто заели, как люди спали на совсем открытых кроватях, а таковых было большинство, просто не представляю.

Наутро мы решили пройтись по городу и посмотреть магазины, а по дороге увидели парад с длинным, раскрашенным в разные цвета драконом. Движимый находившимися внутри дракона закулисными людьми, он как бы полз или летел, изгибаясь во все стороны, с огромной головой и страшной пастью.

В магазинах ничего хорошего или интересного мы не нашли, но в одном месте, рассматривая что-то под стеклом прилавка, мы не заметили, как вокруг нас собралась толпа китайцев с любопытством рассматривавшая нас. Оказалось, в той части Китая видеть европейца было большой редкостью и, очень возможно, что они увидели их впервые. Мы же, заметив что на нас все смотрят, решили сразу же уйти.

Из Кантона нас доставили до пограничного моста переброшенного через пролив, разделяющий Красный Китай от Гонконга. Там под большим навесом свалили наши вещи, и началась проверка китайскими пограничниками. Так как деньги перевозить через границу не разрешалось, то оставшиеся у нас Коля перевел обратно в Кульджу сестре Варе, что было разрешено сделать. В наших вещах ничего подозрительного не было, и поэтому проверка вскоре закончилась, а после нее нашу семью сразу пропустили на пограничный мост. Сопровождал нас китаец и мы делали то, что нам говорили, не зная что нас ожидает дальше. Мы даже не знали того, что делали последние шаги по земле Красного Китая, и что вскоре на середине моста, переступив черту границы, нам предстояло его покинуть навсегда. В тот момент я не чувствовала ни радости, ни грусти и все принимала с абсолютным спокойствием. Мне кажется, что и другие люди нашей группы чувствовали то же самое, по крайней мере, это было видно по их лицам. Шли мы по мосту один за другим, не останавливаясь на точке разделения двух государств, где стояли английские пограничники, и, сделав только один шаг вперед, оказались на другой стороне

и в других руках. Китайский пограничник, подойдя к английскому, кивнул головой, и наша судьба была решена. От той точки и дальше нас повел англичанин. Провели нас до какой-то остановки, где мы немного обождали, а когда подошел троллейбус, мы сели в него, и куда-то покатили по совсем иному миру, с большим любопытством рассматривая окружающее. Местность заметно отличалась: чистые дороги, по краям которых расстилались, как ковры, зеленые газоны, а за ними тянулись улицы с солидными зданиями по сторонам. Мы были еще только на дальней окраине города, и поэтому вокруг было много зеленых, парковых земель с редкими деревьями. Китайскую границу мы перешли днем и поехали на троллейбусах еще при дневном свете, но пока доехали до Гонконга на улице стало совершенно темно. Подъезжая к городу, еще издали мы увидели освещенный электрическим светом горизонт, а при въезде в него оказались окруженными всевозможными огнями бежавшего, мигавшего и просто горевшего от земли до верхних этажей электрического света на зданиях, стоявших по обеим сторонам улиц. Такого как в Гонконге количества электрического света ни в одном другом городе мне не приходилось видеть. На зданиях висели какие-то рекламы, на которых лампочки то затейливо мигали, то передавали свет бежавший то по горизонтали, то по вертикали, меняя цвет или китайские и английские надписи. И это происходило по обеим сторонам улиц, конца которым не было, и по всей их длине был виден такой же танцующий, светившийся аккорд электрического света. По улицам было много народа, чем мы не были удивлены, ведь даже в Кульдже на центральной улице до двенадцати часов ночи всегда было тесно от скопления народа. Внизу под рекламами по обеим сторонам улицы тянулись большие стеклянные окна с всевозможными витринами. Все это для нас было в новинку, поскольку никаких витрин мы раньше не видели, а тут стояли в окнах куклы в рост человека с красивыми лицами, разодетые в различные красивые одежды. Все это было интересно видеть, но как и переход границы, почему-то не вызывало никакого душевного переживания, и чтобы понять, надо самому все это испытать, когда бывает полное спокойствие мыслей, взора и телесного состояния.

Наконец, привезли нас в дешевую гостиницу, в одну из тех, где содержали русских беженцев из Китая, а таковые были как из наших краев, так и из Харбина, Тяньцзиня и Шанхая. Там у нас произошла встреча с Сашей, занимавшим одну комнату в той же гостинице.

В ГОНКОНГЕ

После распределения всех по номерам гостиницы, я с Валей попали в комнату, где жила одна, приехавшая из Китая русско-китайская полукровка, приблизительно моего возраста. Я хорошо помню, что в нашей комнате стояло три простеньких односпальных кровати, а было ли еще что, я почему-то не запомнила; вероятно потому, что во время моего там пребывания я ничем, кроме своей кровати не пользовалась. Из общего коридора был вход в общую ванную комнату с ее удобствами, которые состояли из обыкновенной западного стиля ванной у стены, умывальника и туалета с туалетной бумагой. Ванная комната на меня не произвела никакого впечатления, хотя мне не приходилось видеть их в своей жизни никогда.

Как я описала раньше, наше шестнадцатидневное путешествие по Китаю было тяжелым: без чистки, без мытья, постоянно в поту, а поэтому, когда мы попали в гостиницу от нас шел определенный запах. Долго не думая, я взяла свою чистую одежду, пошла в ту самую, общую ванную комнату и вымылась в ванной, не думая о том, что так можно было подцепить какую-нибудь болезнь, и уж позже, вспоминая, я не раз себя ругала за свою наивность. Но мы уже так привыкли, ведь в таком городке, как Кульджа, заразных болезней почти не было, и в городских банях никто никогда не остерегался друг друга, однако заболеваний никаких не получали. Потом, вспоминая, я была очень рада, что в той гостинице я ничего не подцепила не только в тот раз, но и во все наше там пребывание, хотя в ней проживали и местные люди с крайне плохим поведением.

В Гонконге мы жили на всем готовом, в гостиничной столовой нас кормили два или три раза в день, когда на столы накрывали официанты, и они же потом уносили со столов пустые тарелки и наводили чистоту. Раз в день давали каждому по одному фрукту: яблоко, апельсин или банан. К бананам я была не привычна, и они мне

не нравились, а поэтому я их всегда обменивала на что-нибудь другое. Утром на столы приносили кофе, которое нам очень не нравилось, тем более без сахара, и поэтому нам приходилось не наслаждаться кофе, а наоборот, употребляя его, мучиться. Оно нам казалось горьким, не вкусным, и мы удивлялись, как могут люди пить такое? И к сладкому чаю мы были непривычны, Удивительно, как человеку прививается то, что закладывается в него с детства: я до сих пор не люблю заварки и чая с сахаром.

На второй или третий день после нашего приезда в Гонконг нас повел китаец в контору беженцев, чтобы заполнить анкеты для каких-то документов. Затем нас водили то на врачебные осмотры, то еще в какие-то конторы, и мы, не понимая языка, шли за провожатым и делали то, что он от нас требовал, объясняясь кое-как руками и мимикой. После осмотра, врачи положили папу в госпиталь, чтобы сделать ему операцию грыжи, которая его мучила много лет, а остальные в нашей семье оказались здоровыми. Папина операция прошла благополучно, и в госпитале его держали не долго, а когда он оттуда вышел, то о своей грыже забыл и никогда о ней больше не вспоминал.

При заполнении документов у нас стали спрашивать, куда мы хотим поехать на постоянное жительство, а так как у нас были родственники в Соединенных Штатах Америки, и мы еще в Китае решили что поедем к ним, то мы сказали, не задумываясь, что мы поедем в Америку. Не тут-то было, нашим беженцам попасть в Америку оказалось просто невозможным, как нам тогда сказали, что разрешение на въезд в Штаты надо ждать пять лет, а где и как жить эти пять лет беженцу? Несмотря на это, наши все-таки заполнили американские анкеты, а чтобы прожить пять лет до разрешения на въезд в Америку решили поехать в какую-нибудь другую страну. На списке принимавших беженцев стран тогда были Бразилия и Австралия, причем, мы знали, что в Бразилии жизнь тогда была трудной, а на Австралию никто не обращал внимания, так как считали, что жить на каком-то островке не совсем бы их устраивало. Но потом, прожив в Гонконге четыре месяца, всем так надоела бездельная жизнь, что уж рады были выехать хоть куда-нибудь, и кто-то из беженцев решил узнать о австралийских возможностях. Когда узнали что Австралия выдает документы на въезд в нее через две недели после их заполнения, что было очень соблазнительным, то некоторые из русских решили ехать туда. Наши вначале остановиться на Австралии не хотели, но заметив, что многие русские стали заполнять австралийские анкеты, а многие уже уехали и еще уедут, то тоже решили избрать себе в новую «родину» — Австралию.

В Австралию в то время люди азиатского происхождения не впускались. За этим строго следили, анализируя кровь каждого человека. По этой же причине, жившая в нашей комнате девушка русско-китайского происхождения, не принятая Австралией, ждала разрешение на въезд в какую-то другую страну. Мы же, по требованию иммиграционного департамента Австралии, вновь должны были пройти серию врачебных осмотров и получить необходимые прививки.

Пока были в круговороте ожиданий, мы понемножку знакомились с городом, причем помогало то, что Саша к нашему приезду его уже знал и знал как пользоваться троллейбусами, где были их остановки. Говоря о троллейбусах, они нам показались какими-то особенными, так как состояли из двух этажей, отчего на улице их было далеко видно.

Приехавшей в Гонконг молодежи спокойно не сиделось, и вскоре она стала собираться вместе, чтобы иногда по воскресеньям выходить за город или проводить вместе вечера в какой-либо из гостиниц. В Гонконге было несколько недорогих гостиниц, в которых жили русские беженцы, и когда в одной из них назначался вечер, то молодежь из других гостиниц приходила пешком, а после вечера уходила всей группой. По приезду мы сразу поняли, что Гонконг не наша Кульджа, где мы могли ходить по улицам ночами не опасаясь, и поэтому если шли куда-нибудь, то всегда ходили большими группами, чтобы не чувствовать опасности.

Чтобы пойти за город, мы тоже собирались группой и шли пешком, а за городом поднимались по дорожкам в довольно красивые, но невысокие горы, где по сторонам дорог росла зеленая трава и какие-то не очень высокие деревья. Когда попадалась подходящая полянка, мы на ней рассаживались и пели песни или развлекали друг друга разговорами. Один раз мы попали к водопаду, где вода маленькой речушки падала с очень большой высоты, причем, падая, она разбивалась о бесчисленные каменные ступени, с которых сбегала в струю, чтобы упасть и разбиться снова. У водопада было настолько шумно, что голоса человеческого совершенно не было слышно, и поэтому говорившие должны были кричать.

В городе народ, в основном, состоял из китайцев, но были и европейцы, из которых, как мне казалось, были большей частью англичане. Европейский народ был одет по-европейски, и по-европейски же были одеты высшего класса китайские мужчины, тогда как китаянки все одевались в китайские народные платья, каких я раньше никогда не видела. Их разноцветные платья были все одинакового покроя с короткими рукавчиками кимоно и со средней длины разрезанными по бокам узкими юбками. Как мне тогда показалось,

у всех женщин была одинаковая стрижка и завивка волос, которые мне очень не понравились, так как голове женщины они придавали некрасивую форму.

По центральным улицам Гонконга проходило много народа, и поэтому было шумно. В магазинах мы бывали очень редко, поскольку у нас не было денег, а если иногда и заходили, то просто из любопытства чтобы посмотреть что там продается. Однажды я решила спросить цену какой-то вещички, и по старой привычке заговорила по-уйгурски, инстинктивно зная, что надо говорить не на русском языке. А вообще-то китайских диалектов настолько много, что часто китайцы сами не понимают друг друга, хотя у всех одинаковая письменность. Поэтому живущие в восточной части страны китайцы совершенно не понимают северных и западных и наоборот, и чтобы переговорить между собой пишут на бумаге.

Были мы и на простом китайском базаре под навесом, где продавалось все исключительно китайское, включая продовольствие. Из всего самым интересным мне показалось то, что в подвешенных под навесом железных клетках продавались живые змеи для пищи. Нам рассказывали, что в китайских ресторанах тоже предлагаются на выбор живые змеи в клетках, которые тут же и приготавливаются.

По улицам Гонконга сновало множество различных автомашин, но я не могла переносить отхода неочищенного бензина из-под автобусов и грузовиков, который, поднимаясь вверх, заходил в нашу гостиничную комнату. От такого запаха мне делалось дурно, и я с нетерпением ждала, когда мы оттуда вообще уедем.

В воскресенье с группой молодежи я попала в одно из мест центра города, где можно было сесть на скамейке и отдохнуть, а ребята купили лимонада и подали каждой девушке по бутылке с пластиковой трубочкой, через которую он должен был выпиваться. Я, никогда не бывавшая с бутылкой в руках, себя так неловко почувствовала, что не знала что делать: пить со всеми вместе или просто от бутылки как-нибудь избавиться, но потом, поняв, что там к этому уж все привыкли, я решила последовать примеру других и выпить. А неловкость я чувствовала оттого, что в Кульдже из бутылки мог пить только пьяница, а человек в здравом уме такого позволить себе не мог бы, а тем более девушка. Угощавший нас лимонадом молодой человек почему-то всегда носил очень черные очки и был не русским, отчего у меня к нему было недоверие, которое усилилось, когда я заметила, что он обратил на меня внимание. Мне тогда очень хотелось поскорее куда-нибудь от этого всего скрыться.

В городе было много питейных заведений, называвшихся «барами» и ночных домов, что нас очень беспокоило и невероятно стра-

шило. Потом, как мы заметили, в кабаки с мужчинами свободно заходили и женщины, чем мы также были поражены и не могли никак с этим примириться. В общем народ Гонконга нам показался очень развращенным и непорядочным. Выходить на улицу в темноте мы там очень боялись и поэтому, если ходили вечерами, то только группами и никак не в одиночку.

Город Гонконг расположен на небольшом острове и поэтому ему расти некуда, а если он растет, то только в высоту или расширяется за счет насыпей. При нас на такой насыпи был построен аэропорт, и мне помнится, как из воды выросла длинная площадка для разбега и для посадки самолетов.

К пристани Гонконга постоянно приплывали и отчаливали пароходы, и поэтому на ней всегда бывало много ожидавшего и провожавшего народа. В последние месяцы мы тоже стали часто посещать пристань, так как наступила пора нашим русским из Гонконга выезжать, и их группами грузили на плывшие в разные страны пароходы. Проводив уезжавших, мы потом долго ждали на пристани, пока отходивший пароход не скрывался за горизонтом из вида.

На пароход, во время погрузки багажа, можно было входить кому угодно, и мы с уезжавшими проникали к отведенному им месту. К нашему разочарованию, почти всегда мы находили, что русских людей везли в трюме парохода, где была брезентовая изгородь, за которой стояло много кроватей предназначенных для наших беженцев. Понятно, что никакого протеста и ни обиды наш народ не выявлял и не чувствовал, живя в таких условиях около двенадцати дней, если пароход шел в Австралию.

В заливе, где находилась пристань, плавало множество не очень больших лодочек, то есть домиков, в которых китайские семьи жили постоянно. На плоских поверхностях таких лодок женщины готовили пищу и вообще исполняли всякую домашнюю работу в окружении своих детей, которые себя вели очень вольно и свободно бегали вокруг, иногда подбегая к самому краю лодки. Мы со страхом наблюдали за всем этим. Нам в некоторых случаях казалось, что ребенок вот-вот шлепнется в воду, однако он всегда уверенно цеплялся за что-нибудь рукой и опасности никакой не чувствовал. С верхней, почти ровной площадки через отверстие вела лестница в люк, где, по-видимому, семья проводила ночи и скрывалась в непогоду. Всегда, когда мы там бывали, мы с большим любопытством наблюдали за необычайной жизнью людей в лодках, чему немало удивлялись и, безусловно, были рады, что нам не пришлось разделить еще и такой жизни.

В Гонконге тогда был специальный салон старой одежды для беженцев, привозимой из разных стран Запада, в котором по состав-

ленному расписанию каждый из нас мог получить себе одежду. В салоне служили русские беженцы за какую-то небольшую плату, и они же составляли очередные расписания для каждой семьи на вход в салон для выбора одежды, которой выдавалось определенное количество на человека. Одежда там была плохого и хорошего качества, а иногда попадалась и совсем новая, что заставляло нас удивляться, а удивлялись мы тому, как люди могли отдавать если уж не хорошую, то совершенно новую одежду? Это было вне нашего понятия, но получить хорошую или новую вещь мы были совсем не прочь. Помню, как только открывалась дверь, и нас впускали в салон, то все стремились побыстрее подобрать что-нибудь получше и поэтому торопились проверить стоявшие в рядах столы с одеждой как можно скорее.

Кроме того Саша иногда приглашался бывать в толпе на съемках фильмов, за что ему немножко платили, и таким образом у нас появлялись деньги на какие-нибудь маленькие расходы, такие как поездка на троллейбусе или покупка в церкви свечи.

В Гонконге была православная церковь, которую мы стали постоянно посещать и петь там в хоре. После первой литургии ко мне стали подходить люди говоря: «Это ты так хорошо пела? Тебе обязательно надо учиться петь. Обязательно». Я с ними совершенно соглашалась, а тем более, что самым любимым занятием для меня было пение. Так в воскресные дни наша жизнь стала заполняться чем-то приятным, а через несколько недель подошло и Рождество, когда неожиданно хористам преподнесли подарки, и я получила шкатулку с граненым зеркалом на ее крышке.

В церкви мы познакомились с постоянно проживавшей в Гонконге женщиной, читавшей часы перед литургией, и она пригласила нас к себе в гости. Везла она нас на своем автомобиле по загородной, гористой и извилистой дороге, что мне очень понравилось, тем более что я испытывала такое путешествие впервые. Войдя в дом, хозяйка усадила нас в гостиной и включила декоративную электрическую печку в камине напоминавшую собой точь-в-точь горящие поленья дров, чем мы очень заинтересовались, а когда хозяйка включила радио передававшее на английском языке, то мне показался этот язык настолько непонятным, что я даже из любопытства спросила хозяйку, понимает ли она сама, что говорят?

В нашей гостинице проживало несколько человек молодежи из Кульджи, и мы часто собирались в чьей-нибудь комнате вечерами и слушали русские пластинки или просто разговаривали и шутили. Иван, один из наших юмористов, что приехал с нами из Кульджи, жил в той же гостинице, и иногда тоже бывал с нами. Однажды он с друзьями сидел на одной из кроватей и играл на губной гармошке,

а когда его попросили остановиться, то он, никого не слушая, продолжал играть. Тогда друзья начали его толкать и дошли до того, что свалили кровать, и наш игрок со своей гармошкой оказался под ней. Но ему и там оказалось удобно и весело, и он лежал себе под кроватью и наигрывал какую-то плясовую, а мы умирали со смеху. Между прочим, когда мы уехали из Кульджи, его подруга Нюся осталась на какое-то время еще там, но вскоре тоже приехала в Гонконг, где прожила совсем короткое время, перед отъездом в Австралию.

Пока мы жили в Гонконге, то пробовали учить английский язык, но у меня ничего не выходило, поскольку я не знала ни одной английской буквы, и мне пришлось начинать с букваря. А слова, хотя и пробовала запомнить, держались в моей памяти день или два, пока я ими занималась, а как только переходила к заучиванию других слов, первые из памяти тут же улетучивались. К тому же, начинающему учить другой язык уже взрослым, да еще без учителя, произносить слова очень и очень трудно,. При таких условиях человек должен постоянно заставлять себя учить, а поскольку заученные слова без практики тут же забываются, то от зубрежки он не получает никакого удовлетворения, и от этого у него исчезает всякое желание изучать язык. Так, ко времени нашего отъезда из Гонконга я смогла запомнить всего лишь несколько слов, звуки которых, однако мне ничего не говорили, и я должна была прежде переводить их на русский язык, чтобы представить ту или иную вещь.

Зимнее время в Гонконге очень дождливое, но не холодное, а при нас небо постоянно было затянутым каким-то непонятным слоем туч, отчего оно никогда не бывало голубым. Кто-то показал мне австралийские фотокарточки, и я, увидев на них голубое небо, от восхищения с оживлением спросила: «А что, в Австралии бывает такое голубое небо?» И когда мне ответили утвердительно, то помню, как я была рада, что в своей жизни я еще не только увижу, но и буду жить под голубым небом, о котором так соскучилась.

Хотя нас в гостинице кормили неплохо, однако все русские очень скучали по домашней пище, и, однажды, решив наделать пельменей, попросили главного повара снабдить их мясом и всем другим что требуется для их приготовления. Повар сразу же согласился и, возможно был рад, что освободился от работы, а все необходимое было ко времени доставлено, и все женщины: как наши, так и из Харбина принялись за работу. Когда пельмени были готовыми, то их по-своему же сварили на печках столовой, и потом с большим удовольствием и аппетитом в столовой же все вместе поужинали.

В то время в нашей гостинице жили уже довольно пожилые муж с женой, приехавшие, не помню, из какого-то города Китая.

Их сын когда-то давно девятнадцатилетним юношей уехал из Китая в Америку, а в то время, узнав, что его родители в Гонконге, специально приехал, чтобы их там встретить. Он выглядел простым сорокапятилетним американским мужчиной, и к удивлению всех, почти совсем не мог говорить по-русски, а когда его необходимость заставляла говорить, то он, сказав одно слово, думал некоторое время, чтобы вспомнить следующее, причем, их окончания ставил в неправильных падежах.

Одна часть нашей столовой комнаты была отведена для тяжелого багажа русских беженцев, где стояли один за другим большого и среднего размера ящики, причем, показавший их человек мне объяснил, что люди из Харбина выезжают вот с таким багажом. Мне тут же вспомнился наш грузовик, в котором рядами теснились маленькие ящички, котомки и самодельные, простые сумки, и сто взрослых человек, не считая детей. Я не могла себе представить, что было бы если бы наши пассажиры везли с собой такие ящики, какие я видела перед собой. Нашим не требовалось в гостинице отдельного места для хранения багажа, он у них оказался незаметным даже в их комнатах, а во время наших пересадок по китайской дороге каждый из нас мог, как сверчок, отойти в сторонку и прождать нужное время никому не мешая. Когда я стояла в столовой около тех больших ящиков мне стало очень любопытно узнать, что бы это такое могли везти в них беженцы, но узнать так и не пришлось, поскольку их так запечатанными и отправляли с выездом их владельцев. Я все-таки предполагаю, что не у всех уезжавших из Харбина были большие багажи, и мне кажется, что оттуда уезжали и подобные нам люди. А вообще жившие в гостинице харбинцы на нас смотрели свысока, и понятно почему, а нам ничего не оставалось делать, как смириться и не обращать на то внимания, считая в своей участи себя невиновными, если нас, как говорят в народе, «наградила» так незваная «судьба».

В конце марта 1961 года, получив визу в Австралию, мы стали готовиться к выезду, и для наших вещей потребовались ящики, так как на заработанные Сашей деньги мы купили ножную швейную машину, а из старого салона на каждого получили довольно много одежды.

Наш пароход оказался сравнительно маленьким, и нас поместили не в трюм, как устраивали других, а в самые нижние каюты, в которых стояло по три пары двухэтажных кроватей. Шесть человек нашей семьи попали в одну каюту, то есть по одному человеку на кровать, а мы, молодые, заняли верхние этажи. Взойдя на пароход, мы еще долго ждали, пока он тронется, и только к вечеру, когда уж начинало темнеть, он сдвинулся с места и тихонько начал отчаливать

от берега. Что нас ждало за морем, совсем на другом континенте, об этом думать не хотелось, и мы не думали, жили не своей жизнью, были в чьих-то руках и принимали происходившее, как нечто неизбежное, без выбора: как есть, как происходит. Земля, на которой уж начинало загораться освещение, медленно отходила от нас все дальше и дальше, пока совсем не скрылась за горизонтом, а наш пароход, выйдя в море, стал покачиваться на бесконечно волнистой водной поверхности.

К утру я почувствовала неприятное ощущение, но нельзя сказать, чтобы оно было сильным, поскольку я нормально ходила по палубе и могла сидеть, где хотела. Кормили нас три раза в день в особой кухне, что находилась на корме парохода, а по утрам всегда давали кашу, в которой, к моему несчастью, я рассмотрела червячков. Такое открытие подействовало на меня неблагоприятно, и я всегда шла на кухню только потому, что надо было как-то питаться, и каждое утро тщательно просматривала еду в тарелке, отодвигая в сторону червяков. Кормившие нас хорошо знали, что жалоб не будет от таких бесправных людей, как мы, так вот они и решили, что все сойдет гладко, даже если они будут этих людей кормить не так, как тех, что угощались в настоящей столовой со стеклянными наружными стенами за круглыми с белыми скатертями столами, что была на середине палубы парохода, где и качки-то было намного меньше.

Некоторые из наших путешественников от качки очень болели, так что даже и с кроватей не могли подняться, но я, чувствуя себя нехорошо, все-таки могла ходить и сидеть в тени на стоявших на палубе стульях. Там же рядом был и бассейн, в котором желающие могли купаться, но я не хотела. Сидя на стульях на палубе, мы иногда засматривались на обычно однообразный вид моря, когда в нем группами начинали выскакивать из воды проплывавшие мимо парохода дельфины или где-то появлялся фонтан плывшего кита.

Пересекая экватор, мы никакой разницы в температуре не заметили, возможно оттого, что вокруг нас была бесконечная вода. Погода почти все время стояла спокойная, за исключением поднимавшихся иногда больших волн, а один раз, когда на пароход налетела сильная буря, нас так хорошо покачало, что вода переливалась через палубу, а все выходы на ее поверхность были наглухо задраены. Это случилось в ночное время, когда мы спали на своих кроватях с решетками по бокам, чтобы человек при качке не выпал, а слететь с кровати в таких случаях было очень легко, чего с нами, правда, не случилось, но наши вещи в каюте разметало во все стороны. Утром, выйдя на палубу, мы ее увидели начисто вымытой соленой водой, а в притихшем море умиленно отражалось как раз всходившее ясное солнышко.

В те годы на Западе было очень модно носить высокие прически, что для нас было непривычным, а я свои длинные вьющиеся волосы заплетала в косы и с закрученными в локоны концами иногда оставляла их распущенными, а иногда подкалывала вверх. Одной девушке из Харбина захотелось уложить мои волосы в модную прическу, и она, подойдя ко мне, сказала: «Катя, разреши мне сделать тебе прическу. Если она тебе не понравится, то ты можешь ее сломать, и волосы вновь заплести в косы. Я просто хочу посмотреть, будет ли тебе к лицу то, что я хочу сделать». Я согласилась. Волос у меня было много, и ей было очень трудно их уложить на моей голове, но все-таки, наконец, она с этим справилась и мне разрешила взглянуть в зеркало. С непривычки, видя себя в зеркале с большой копной на голове, я, конечно, не могла так оставить и, сломав прическу, вновь убрала волосы по-своему.

На том же пароходе ехало довольно много настоящих пассажиров — европейцев, может быть англичан, которые находились в каютах, расположенных на верхних этажах парохода, и питались они в столовой, о которой я уже упомянула, находившейся в средней части парохода. С нами они никогда не общались, чему мы были рады, но всегда держались своими группами где-то у себя наверху или в столовой. Их было намного больше, чем нас, тогда как всего русских беженцев — из Харбина, с северного Китая и из Кульджи — было около шестидесяти человек.

С нами тогда ехал один молодой человек, тоже из Кульджи, по имени Григорий, и мы от нечего делать, сидя на палубе, смешили друг друга, а когда нам от скуки хотелось дремать или зевать, то этого делать друг другу не позволяли, отчего нам было еще смешнее, и так коротали свои неинтересные и скучные дни на пароходе. Этого человека потом многие люди за границей знали как отца Григория Котлярова, служившего долгие годы священником на Толстовской Ферме, находящейся около Нью-Йорка, а до того — диаконом в Мельбурнском соборе в Австралии.

На пароходе нам было очень скучно и тоскливо видеть одну и ту же картину каждый день: поднявшееся ввысь небо, по краям соприкасавшееся с бесконечной плоскостью воды, постоянно менявшей свой цвет, как и гладь свою на шероховатость. Обычная ежедневная картина лишь изредка менялась благодаря иногда возраставшим морским волнам, бежавшим, догоняя друг друга, но, вероятно, никогда не сумевшим догнать, а бежали они опять-таки к тем же краям и терялись навсегда там же, где терялось и голубое небо.

Самым интересным в нашей однообразной жизни были солнечные закаты, когда большое солнце пряталось, как бы за вуаль, за

тонкий слой туч, окрашивая его то в желтый, оранжевый или бордовый цвета со всякого рода оттенками, и опять-таки все было связано с водой, в которой отражалась яркая небесная картина.

Пароход наш упорно двигался вперед, разрезая своим острым носом густую воду, которая, не находя себе места, уходила в стороны, оставляя на поверхности длинные, разбегающиеся хвосты, в то время как позади парохода с невероятной быстротой стремилась сомкнуться, образуя бурлящую и пенящуюся поверхность.

Подходило воскресенье. Ехавшая с нами женщина, может быть, из Харбина, захотела организовать общее церковное моление на палубе парохода. Она добилась разрешения капитана, принесла богослужебные книги, с помощью других людей расставила кое-какие иконы и, собрав певчих, помогла нам встретить воскресный день с чтением и пением из богослужебного чина.

После долгих дней, проведенных в бесконечном море, как радостно было заметить на горизонте маленькие холмики земли! По мере нашего приближения земля приятно увеличивалась, но потом ускользнула в сторону, а затем осталась позади и совсем исчезла из вида. Это был еще только остров Новой Гвинеи, после чего мы плыли еще дня два или три до того, как перед нами на горизонте вновь появились какие-то холмы. На этот раз мы не ошиблись, это виднелась Австралия.

На пароходе начались приготовления, а у нас еще раз проверили документы с медицинскими бумагами, удостоверявшими, что нам были сделаны все положенные прививки. Наконец, наш пароход замедлил ход, а мы все выстроились у борта, следя за происходящим. Австралийский берег с его деревьями и постройками быстро приближался и, мы въехали в Сиднейский порт и остановились у одной из его пристаней, где сразу же был переброшен к пароходу мост, и работа закипела. Быстро подкатила лебедка и началась разгрузка тяжелого багажа, который подцепляли к лебедке, поднимали и выносили на берег.

Нашей семье сказали высаживаться, но мама, знавшая что наш пароход после этого идет в Мельбурн, ни за что не захотела оставаться в Сиднее, поскольку кто-то ей сказал, что там летом бывает очень жарко. Она добилась своего, и мы были оставлены на пароходе, а так как разгрузка и загрузка на пароход шли несколько дней, то нам разрешили сойти на берег и даже съездить в город.

В АВСТРАЛИИ

Так случилось, что мы в Сидней прибыли к Вербному воскресенью и решили на праздник попасть в церковь на богослужение. Встретивший нас в порту, к тому времени уж живший в Сиднее, Сашин друг из Кульджи повез городским транспортом всю нашу семью в русский Сиднейский собор Петра и Павла, где служил бывший тогда правящим австралийской епархией архиепископ Савва. Войдя в просторную церковь мы попали на торжественное богослужение с архиереем и большим хором, чего в моей жизни до этого не приходилось видеть.

Моя подруга Нюся к тому времени была уж в Сиднее, в то время как ее кавалер Иван все еще находился в Гонконге. Не помню как, но я попала к ней в дом, и мы вдвоем решили пройтись по близлежащим к ее дому улицам. Когда мы шли, улицы города были совершенно пустыми, и я вначале подумала, что это случайность, но нет, это не было случайностью, и когда я это поняла, мне стало очень грустно и тоскливо, а в моем сознании пронеслось: «мертвый город». Уж потом я узнала, что в Австралии, и в Америке у людей такой образ жизни: люди не знают даже своих соседей, все большей частью сидят по своим домам у телевизоров. Первое время это мне было очень неприятно, но потом и сама привыкла к такому образу жизни, и у меня появилось такое же желание не встречаться с своими соседями, поэтому я старалась пройти поскорее, чтобы ни на кого из соседей не натолкнуться.

У Нюси на руке я заметила маленькие часики с черным ремешком, который, как мне показалось, плотно прилегая к ее пухленькой руке, придавал особенную красоту. В Кульдже у женщин ручных часов не было, и я, увидев Нюсины часики, не прочь была и себе завести такие. Пробыв некоторое время с Нюсей, я должна была расстаться, поскольку надо было уже возвращаться на пароход.

Несколько дней спустя мы прибыли в порт австралийского города Мельбурна (это был апрель 1961-го года). Выгрузив наш ящик

с вещами, таможенники его распечатали и разложили все содержимое на столы для проверки, а мы в тот момент встретились с приехавшими за нами русскими людьми, специально назначенными для этой цели Советом Церквей, который пока что оплатил, правда в долг, всю стоимость нашей жизни в Гонконге и дорогу из Гонконга в Австралию на пароходе. Когда вещи были проверены, нам разрешили их собрать, после чего встретившие усадили всех в свои автомобили, и мы поехали на окраину Мельбурна по названию Данденонг, на место нашего нового жительства.

Оказалось, что брата Колю с семьей от нас отделили, поместив их в отдельное жилище, тогда как нас пятерых устроили в доме, в котором жил хозяин с двумя детьми, в то время как его жена была в госпитале. Для нас пятерых была отведена небольшая гостиная комната и очень маленькая столовая, в которых стояли для каждого из нас по раскладной кровати с простынями и тонкими одеялами. Кроме того нам дали вилки, ложки и ножи и кое-что из посуды.

Почти сразу же после приезда Совет Церквей прислал нам счет включавший расходы за четыре месяца нашего пребывания в Гонконге с медицинским обследованием, плюс стоимость нашей дороги на пароходе и квартиры в Австралии с купленными вещами. В счете также указывалось, поскольку мы должны будем платить Совету Церквей в месяц, когда получим работу. Сумма оказалась очень большой, а чтобы понять, насколько она была большой, приведу в сравнение стоимость в те времена среднего размера нового дома с тремя спальнями. Деньги тогда в Австралии считались в фунтах, и дом с тремя спальнями в том месте, где нас поселили, стоил тогда от трех до четырех тысяч австралийских фунтов, тогда как наш долг Совету Церквей оказался около двух с половиной тысяч австралийских же фунтов, то есть более половины с лишним стоимости дома. На сумму долга тогда можно было купить семь или восемь городских участков земли специально нарезанных для постройки домов. Такая сумма нас ужаснула, но мы отказаться от платежа не могли, и как только у нас стали появляться деньги, мы сразу же стали оплачивать свой долг.

После нашего приезда, кроме папы с мамой и невестки, мы стали ходить по фабрикам и искать работу, соглашаясь делать все, что попадется, тогда как папа с мамой в новой стране совершенно растерялись и работу для себя не искали, а невестка была дома с детьми. Очень скоро оба брата получили работу на фабрике, где тянули стеклянные нитки, наматывая на специальные юрки, что делали машины, а люди должны были только следить, чтобы все шло гладко.

Я тоже получила краткосрочную, сезонную работу — выбирать плохие помидоры с конвейерной линии на фабрике «Хеинз». Тут

необходимо упомянуть то обстоятельство, что Австралия находится в южном полушарии, и поэтому там все наоборот: в зимнее время лето, а в летнее зима, и сезон помидор начинается в конце апреля. Придя на фабрику, мы надевали на себя халаты и обязательно прятали волосы под шапочку, после чего шли на конвейер, по которому быстро двигались красные свежие помидоры. В резиновых перчатках на руках мы стояли у двигавшейся линии и быстрым взглядом проверяли проезжающие перед нами помидоры, а если между ними были порченные, мы их выхватывали руками и выбрасывали. Затем, уже проверенные помидоры с линии падали в воду, их мыли, потом они шли дальше через большую машину, которая изготавливала томат, тогда как с другой стороны на длинной линии подавались открытые, пустые баночки или бутылки. Машиной же их заливали готовым томатом и пропускали дальше, чтобы следующая машина накрыла их крышечками, после чего, уж совсем готовые баночки с линии попадали в коробки. Все это происходило так быстро, что баночки бежали одна за другой без какой-либо задержки, а если что-то случалось, то бежавшие баночки начинали набегать и выталкивать друг друга из своих мест. Чтобы такого не происходило, в определенных местах стояли рабочие, которые должны были следить за всей движущейся цепью и если замечали какую-нибудь остановку, то быстро помогали баночкам выправиться, или выключали машину. На такие места ставились люди с быстрыми и ловкими движениями, а не справлявшиеся оттуда сразу же убирались. Весь процесс варки томата происходил в большом здании, где и были установки, по которым двигались баночки: вначале пустые, а потом уже наполненные томатом. Мне помнится, как, гремя на конвейере, баночки проносились где-то высоко над головой и чуть ниже, в иных местах опускались вертикально, чтобы попасть на самую низкую горизонтальную линию, которая не задерживаясь несла их дальше.

В «Хеинз» я тогда работала в ночную смену, а днем не могла заснуть и дошло до того, что мне казалось, будто мои раскрасневшиеся глаза были засыпаны песком. Не знаю, что было бы дальше, если бы моя работа затянулась надолго, но, к счастью, этого не случилось, поскольку сезон помидор прошел, и меня от работы освободили. Для моего здоровья это освобождение было просто необходимо, но в то же время я опять оказалась без работы, а это означало, что я должна была искать другую, чего я без посторонней помощи делать никак не могла, так как по-английски не понимала.

Мы приехали в Мельбурн на страстной неделе, то есть перед самой Пасхой. По приезде в Данденонг от наших знакомых русских из Кульджи мы узнали, что почти в центре Мельбурна тогда

находился православный храм Покрова Пресвятой Богородицы, то есть собор, в котором служил епископ Антоний (Медведев), и что встречать Пасху все русские из Данденонга собирались поехать в тот собор. Поехали в Мельбурнский собор со всеми и мы, и увидели, что снаружи он совсем не был похож на православный храм, причем, входная дверь находилась в боковой каменной стене, по левую сторону, то есть большого входа совсем не было. Собор оказался наш, русский, православный, подчиняющийся не советской Патриархии, как ее русские за границей называли, а образовавшемуся после революции Синоду — ни от кого не зависимому, свободному, русскому, заграничному, православному правлению, то есть невольно оказавшейся за границей нашей древней, многострадальной Российской Церкви, которую называют Зарубежной. А почему собор был не похож на православный, ответить нетрудно, и это не было редкостью, так как русские, оказавшись за границей, начинали свою жизнь с нуля, и русские общества были бедными, поэтому и церкви свои они устраивали везде, где находили возможность. Здание же Мельбурнского собора было куплено объединившимся русским обществом у какой-то неправославной общины, почему он и не походил на православный храм. Однако через год после нашего приезда в соборе напротив алтаря прорубили большие входные двери и пристроили хоры, а снаружи над церковью всегда высился православный крест. Вместо находившегося рядом зала при церкви выстроили новый, с кухней и всякими удобствами.

Во время Пасхального богослужения на меня особенно большое впечатление произвели слова: «О страждущей стране Российстей и православных людех ея во Отечестве и в рассеянии сущих Господу помолимся». При таких, никогда раньше не слыханных мною, словах у меня на глазах появились слезы, так как на себе испытала, как страждет страна Российская и ее люди, находящиеся как в самой России, так и по всему миру.

Только что приехавшие из Китая люди, то есть мы, по своей внешности, конечно, были «из ряда вон выходящие», несмотря на то, что смогли немного приодеться в одежду из салона, которая в то время была уж совсем вне моды, поэтому в Мельбурнском русском обществе прибывшие оказались как бы «бельмом в глазу». Через несколько лет, вспоминая, одна девушка рассказывала о случившемся в ту Пасхальную ночь, (ей было тогда лет девять или десять): «Когда мы собирались поехать в церковь на Пасхальное богослужение, я дома выбрала себе красивое платьице и, ничего не подозревая, в него оделась. Потом стою в церкви и слышу шепчущихся позади: «Смотри, эта девочка пришла в церковь в ночном платье». Я сразу же поняла,

что это говорилось о мне, и мне стало так неудобно, что хоть сквозь землю провались». Ночное платье!? Человеку, жившему в наших условиях, было не до «ночных платьев», и такого понятия у него даже не существовало. У него было просто платье и все. Оно не делилось на ночное и дневное, а если это было что-то действительно ночное, так оно у нас называлось рубахой, но никак не платьем, и рубаху спутать с платьем было просто невозможно.

Так мы встретили, теперь уж очень далеко от своей «родины», нашу первую Пасху без каких-либо особенных к ней приготовлений.

Через неделю после приезда мы, молодые, поехали в собор к вечерне и с разрешения регента Ивана Макаровича Евсеенко зашли на клирос. После этого мы стали постоянно посещать церковные службы и петь в хоре. Хор был довольно многочисленным и пел неплохо, а на нас хористы смотрели по-разному: одни с снисхождением, а другие с явной нетерпимостью. Мне очень хочется назвать тех, кто понял наше положение и как бы в некоторой степени разделил его, проявив доброжелательность и помощь. А отнеслись к нам очень хорошо регент и несколько человек из хористов: Наталья Борисовна Дьяковская — сопрано, Надежда Константиновна, не помню ее фамилии, Мария Михайловна Родионова и Зинаида Николаевна, фамилию которой тоже не помню, причем, последние три альта имели замечательные голоса. В хоре тогда пели две незамужние девушки, которые к нам отнеслись тоже очень хорошо а позже иногда даже бывали у нас в доме. Одну из них звали Леной, не помню ее фамилии, а другая была Лика Герасимова.

С первого же дня нашего знакомства Наталья Борисовна проявила участие в нашей жизни, а когда узнала, что я ищу работу и что я немного шью, решила мне помочь устроиться на швейную фабрику, где она тогда работала в конторе. Ей это сделать удалось, и я получила мою первую настоящую работу. Вероятно будет небезынтересно узнать и мою первоначальную зарплату, которая состояла из семи австралийских фунтов в неделю. К счастью, на той фабрике была установлена норма выработки, и если человек работая быстро, мог вырабатывать сверх нормы, то получал дополнительную плату, благодаря чему я позже стала получать около двенадцати фунтов в неделю.

Валя тоже, с помощью людей, вскоре нашла себе легкую работу в известной по всему миру типографии «Холл-Марк». Она работала за столом, отсчитывая поздравительные открытки с конвертами по дюжине и вкладывала их в бумажные пакеты, а потом в коробки. В ту же типографию потом устроились и Саша с Колей, где они стали работать на машинах, печатавших цветные открытки с разными ви-

дами и с выдавленными золотом фигурами, и через несколько лет такой работы они стали специалистами в этом деле. Так постепенно приехавшие русские стали помогать друг другу устраиваться на более хорошую работу, где многие из них потом работали до самой пенсии. А я, проработав один год на швейной фабрике, тоже решила перейти в «Холл-Марк», где работала Валя с еще одной русской девочкой из Кульджи, поскольку работа там была легкой, не требовала особенного напряжения, а оплачивалась неплохо. Позже к нам присоединилось еще несколько русских девушек, и работать стало веселее, тем более, что за нашим столом сидели все только русские, и мы между собой говорили и шутили только по-русски. В связи с тем, что работать надо было лишь руками, а головой не надо было думать, то я начала пробовать сочинять и записывать стихотворения, которые как будто у меня получались, и я сочинила их несколько, на разные темы. Проработав в типографии еще один год, я должна была оттуда уволиться, получив другую работу, послужившую началом моей будущей карьеры.

Лика Герасимова, о которой я уже упоминала, приехала из Харбина раньше нас и работала чертежницей в государственном учреждении Мельбурна. Познакомившись со мной, она спросила меня, не хотела ли бы я работать там, где работала она, на что я ответила утвердительно. Тогда она меня решила поучить этому делу, начиная с того, как следует пользоваться тушью, приборами, писать буквы и пр. Иногда по субботам я стала к ней приезжать и учиться, и так продолжалось довольно долгое время, за которое она успела выйти замуж, и в силу сложившихся обстоятельств решила уволиться с работы. На свое место она решила попробовать устроить меня, и я, к моей необычайной радости, получила ту работу с жалованьем в шестнадцать австралийских фунтов в неделю, что тогда считалось очень хорошо. Моя неопытность и неловкость, вероятно, заставляли Лику не раз краснеть за меня, но все прошло, и я вошла в свою колею, а эта моя первая ступень для меня значила очень много. Без нее не знаю, что было бы со мной и как сложилась бы моя жизнь, но тогда я стала на первую ступень, и стала на нее очень крепко. А Лике я была обязанной очень многим, что я чувствовала всегда в течение моей жизни, и когда вспоминала о ней, то вспоминала с чувством глубокой благодарности за то, что как говорят «она решила мою судьбу».

Это начало моей карьеры послужило как бы маленьким корешком, из которого потом выросло само дерево. Мне много раз пришлось в жизни менять работу, но с этим корешком я всякий раз устраивалась по своей специальности, причем, на каждом новом месте я училась чему-нибудь новому, и, в конце концов, стала больше чем

профессиональной чертежницей, так как могла чертить и на чертежной доске и с помощью компьютера. Правда, прежде чем научиться чертить на компьютере, мне необходимо было пройти несколько курсов, после чего я получила сертификаты. Теперь, безусловно, читающему эти строки понятно, почему у меня до сих пор таится в душе искра благодарности к моей подруге.

Государственное учреждение, где я устроилась на работу, находилось в самом центре города, и поэтому на дорогу в одну сторону у меня уходило чуть ли не полтора часа, а ездила я обычно на электрическом поезде. Наша группа на работе состояла из иностранок, большей частью из русских и венгерок, причем, русские были как приехавшие из Харбина, так и из Европы, тогда как начальником группы и его помощницей были австралийцы. Вся группа женщин сидела за большими чертежными столами, стоявшими один за другим в довольно большой комнате, а начальник с его помощницей сидели сбоку. Помню, как мы во время работы потихоньку начинали разговаривать между собой, а наш начальник, заслышав шепот, подбегал к нам с круглыми зелеными глазами. Прибежит и смотрит на всех, ничего не говоря, но мы хорошо знали, что это значило. Несмотря на это, наши начальники были неплохими, и поэтому мы на такую беготню во время нашего разговора не сердились, но только посмеивались над начальником.

Проработав некоторое время, я помогла там устроиться и моей сестре Вале, где она потом работала много лет.

На службе все женщины были в одинаковых формах, которые выдавались учреждением, как и чистые белые полотенца для рук, причем, каждую неделю формы и полотенца собирались, а взамен выдавались чистые. Для нашей группы была отведена отдельная комната для перерывов, где мы обедали или отдыхали, в которой для этой цели стояли столики со стульями и кровать. Этой комнатой мы пользовались пока были в старом здании, но когда через несколько лет перешли в новое, то никаких комнат для отдыха у нас не стало. Между началом работы и обедом нам разрешали перерыв в пятнадцать минут, и такой же перерыв разрешался после обеда, тогда как всего в день работали восемь часов, один из которых являлся обеденным перерывом. В каждый пятнадцатиминутный перерыв кухонными служащими прикатывалась специальная тележка с чаем и кофе, которые разливались в чайные чашки и раздавались подходившим служащим, а в конце перерыва на той же тележке собирали освободившиеся чашки. Причем, это обслуживание было бесплатным, но если кто-либо хотел поесть пряника, которые тоже привозились, то тогда он должен был за него заплатить.

За мое пребывание в этом учреждении я работала в трех совершенно разных группах, из которых одна была дорожно-строительная, где я делала работу для инженеров и поэтому там очень многому научилась.

Еще в самом начале, когда я только начала там работать, около меня сидела венгерка, которая по почте получала уроки рисования и этим заинтересовала меня. Я тоже решила их получать, и с этого момента у меня дома все свободное время уходило то на чтение уроков, которые я старалась разобрать и хоть что-нибудь в них понять, так как все было на английском языке, то на подготовку заданных рисунков. Я никогда не думала, что у меня есть способность рисовать, и поэтому очень удивлялась, когда получала свои рисунки обратно с хорошими отзывами на них. Мне надо было бы курс закончить, но замужество помешало, и я, заплатив деньги за весь курс, к сожалению, его так и не закончила.

Заработанные мною деньги я всегда приносила домой в бумажном пакетике, в котором их получала и отдавала маме, а на что мама их тратила я никогда не интересовалась, но знала одно, что родители старались выплатить наш дорожный долг.

За время происшедших перемен на службе, не меньше изменений произошло и в домашней жизни. В доме, в который нас поселили по приезде, мы прожили очень короткое время, решив переехать в гараж, переделанный в жилое помещение. Он состоял из двух комнат и крохотных сеней, причем, там не было ни ванной комнаты, ни кухни. После маленького входного коридорчика шла проходная комната, и ее заняли мама с папой, я с Валей поселились в самую дальнюю, а Саша спал вероятно тоже в проходной. Коля с семьей жили отдельно от нас и тоже в каком-то гараже. Пищу готовить у нас было не на чем, и поэтому папа купил примус, на котором мама стала готовить пищу на дворе. Время уж было зимнее, и хотя снега там не было, было холодно и неприятно, особенно во время дождей, которые шли довольно часто. Папа тогда все еще не работал и поэтому во всем помогал маме.

Однажды я пришла с работы домой, а мама мне говорит, указывая на какую-то завернутую в бумагу коробочку: «Приходил грек тебя сватать и принес подарок, а мы не согласились». Для меня это был большой сюрприз, но грека того я так и не видела ни до сватовства, ни после.

Когда мы приехали в Австралию, у всех в домах были кухни и ванные комнаты с горячей водой, но туалеты часто были во дворе с бидоном под сиденьем, который городской службой каждую неделю заменялся чистым, а заполненный закрывался наглухо крышкой

и увозился. Молоко каждое утро развозилось молочником в небольшой тележке, в которую был впряжен конь, и оно расставлялось у каждого дома в бутылках в таком количестве, сколько было заказано хозяином на каждый день. Таким же точно способом развозился и хлеб пекарем. У большинства людей телефонов тогда еще не было, и поэтому молоко и хлеб заказывались в их конторах.

Прожив в гараже несколько месяцев или год, нам жить без всяких удобств надоело, и мы решили вместе с Колей арендовать довольно старый дом. В связи с тем, что в Мельбурне воздух сырой, а в грунте очень близко к поверхности находится вода, то все дома там строились с отдушинами в стенах каждой комнаты, а это значит, без утепления домов. В зимнее время это особенно чувствовалось, и мы бесконечно мерзли, так как никакого отопления вообще не было. Я мерзла как на улице, ожидая поезда, в самом поезде и дома, не говоря уж о том, что мерзла и при ходьбе. От холода мне до того стягивало грудную клетку, что трудно было расправить легкие при дыхании, чего в сухом климате я никогда не испытывала. Сколько я там помучилась от холода! Меня просто трясло, причем, холод не то чтобы чувствовался снаружи, как это бывает в местах с сухим климатом, а он проходил внутрь тела, откуда потом и действовал, что переносить мне было очень мучительно. Вечерами было страшно дотрагиваться до постели, настолько она была холодной, но надо было влезать под такое же холодное одеяло и согревать все своим телом. Потом под толстым одеялом приходилось лежать, как в каком-то холодильнике, а со мной не раз бывало и такое, когда, поленившись согреть ноги с вечера, утром просыпалась с совершенно ледяными ногами, то есть за всю ночь они не успевали согреться. Но ведь заснуть с холодными ногами почти невозможно, поэтому мы стали пользоваться грелками и бутылками с горячей водой, отчего получили большое облегчение. Уже при нас в новых домах в одну из стен гостиной стали встраивать газовую печку и обогревать только одну комнату, когда там находились люди, а спальни, как и раньше, оставались не отапливаемыми. Так жили все австралийцы, и только в редких домах зажиточных людей было центральное отопление обогревавшее весь дом. Правда, не все люди одинаково боятся холода, но мне кажется, что при температуре, когда на дороге начинает замерзать вода, редкий человек не почувствует холода в нетопленом помещении, да еще и с отдушинами в стенах.

Как я там мучилась с моими ногами, которые никогда не могли согреться! Теплой обуви в австралийских магазинах тогда вообще не было, и все женщины ходили в туфельках с тонкими чулочками, а местные пожилые австралийки даже и без чулок. Часто молоденькие

австралийки с совершенно синими губами были одеты в какой-нибудь тоненький пиджачок поверх обыкновенного платья. Нам никак не верилось, что человеку не холодно, но вероятно уж так у них было заведено: тепло не одеваться, а нам от этого приходилось очень мучиться. Особенно мне тяжело было утрами, когда вообще было холоднее, а мне надо было на станции ждать поезд иногда по пятнадцать минут и больше, затем ехать в холодном поезде, на что уходило очень много времени, так как все места моих работ находились на больших расстояниях от дома. Так мы прожили несколько лет, и только потом в магазинах появились первые простые боты, чему я очень обрадовалась.

Даже в летнее время в Австралии надо было быть ко всему готовым. Утром могла стоять ужасная жара, что бывало один раз в год, да и то не всегда, которая затягивалась недели на две, а к вечеру вдруг все менялось и становилось холодно, да еще с пронизывающим холодным ветром, и если с собой ничего не было теплого, то приходилось просто перемерзать. При этом, перемена погоды всегда происходила в течении всего лишь нескольких минут, к примеру: две, три или пять. Такие перемены можно было ожидать в любой день, что и случалось очень часто во все летние месяцы. Поэтому летом на всякий случай мы всегда с собой брали какую-нибудь накидку или вязаную легкую фуфайку, а когда после таких перемен начинался дождь, то ему обычно не было конца и поэтому с собой надо было брать и зонт, или тонкий, пластиковый дождевик или пластиковую косынку на голову, которая из моей сумки никогда не вынималась.

У нас в соседях тогда жила одна семья русских, приехавших в Австралию после второй мировой войны, так они нам рассказывали, как трудно им тогда пришлось жить, как иностранцам. Во первых, на них косо и с недоброжелательством смотрели австралийцы, а во вторых, их заставили жить в бараках, а все мужчины должны были безвозмездно работать там, где им указывалось. Так они отрабатывали свою дорогу в Австралию. Рассказывая это, они нам говорили: «Теперь здесь жизнь для иностранцев стала хорошей, не то, что мы испытали, как-то даже не хочется и трудно вспоминать. Австралийцы нас просто ненавидели». Нам в это было легко поверить, так как даже при нас австралийцы открыто над иностранцами смеялись, называя их «новыми австралийцами», при этом смысл слов имел какое-то унизительное и презрительное значение, может быть оттого, с каким тоном это говорилось. Они даже американцев и англичан не могли терпеть, не то что русских, а вообще о жизни других народов у них не было никакого понятия, и при всем этом себя они считали наилучшим народом мира. И лишь позже, когда некоторые из них

стали выезжать в другие страны, только тогда эти выезжавшие стали говорить о других народах более снисходительно, и такое изменение мнения австралийского человека было очень заметным.

В последнюю мою поездку в Австралию, то есть в 1995 году я заметила одно интересное явление. Тогда как раньше азиатские народы в нее строго не впускались, то на этот раз я увидела, что улицы почти наполовину заполняли люди из разных азиатских стран. Открылось множество азиатских магазинчиков и ресторанов. Я просто старую Австралию не узнала, а сказать правду, мне она даже понравилась, потому что я почувствовала себя более свободной, чем я чувствовала себя там раньше.

Через некоторое время после нашего приезда в Австралию, мы стали немножко откладывать деньги, и Саше захотелось купить себе автомобиль. Он его купил, но только старый, на котором стал ездить к себе на работу, а иногда и нас возить по воскресеньям в церковь. А вообще по воскресным дням до центра Мельбурна мы добирались на поезде, после чего шли несколько кварталов до трамвая или, если не ехали на трамвае, шли полчаса или чуть больше пешком до самой церкви. В последних случаях наш путь пролегал частью по длинным улицам города, а частью по большому парку, где находился исторический, музейный домик капитана Кука с его мебелью, посудой и даже обувью. Как известно, капитан Кук открыл Австралийский континент, и поэтому он там считается великим человеком. Утром наше шествие было бодрым и легким, но после такой длинной ходьбы, а потом стояния в церкви в наших белых туфельках на каблуках и по моде с острыми носками, ноги уставали и болели, а нам предстояло еще так далеко шагать в обратный путь. После всего этого в поезде мы с удовольствием усаживались на сиденья, по воскресным дням почти пустых вагонов, и отдыхали сорок пять минут, пока поезд добирался до нашей станции. Каждое воскресенье мы возвращались домой к половине четвертого после обеда, а пока обедали, подходил вечер.

Когда мы жили в Кульдже, не помню, чтобы как-то отмечался храмовой праздник, и поэтому для меня было чем-то новым, когда на Покров Пресвятой Богородицы, то есть в престольный праздник собора после церковного торжественного богослужения все прошли в старый прицерковный зал, где были накрыты столы для молившихся. Во время общей трапезы многие говорили приветственные слова, а хористы пели много многолетствий. Первое престольное торжество, на которое я попала, мне очень понравилось, и в последующие годы я всегда принимала участие в таких праздниках всех наших приходов. После окончания торжественных литургий всегда проходили общие трапезы, устраиваемые сестричеством того или иного прихода.

Тогда я была здоровой, как мне казалось и крепкой, вечерами дома сидела долго и думала: «Зачем тратить попусту много времени на сон?». По утрам вставала рано, но вскоре должна была такой режим изменить, о причинах напишу позже.

Прожив в старом доме около года, наши решили в долг, как это все делали в Австралии, купить свой дом. Нашли новый, небольшой дом, купили его, и все вместе в него переехали. Это был как раз тот период, когда я занялась художеством. В том доме были все удобства: гостиная, кухня, ванная комната, горячая вода и промывной туалет, не говоря уж о том, что кухня была с кухонными шкафчиками, газовой печкой и новым холодильником. Одну спальню занял Коля с семьей, вторую наши родители, третью я с Валей, а Саше пришлось занять небольшую столовую комнату, хотя в гостиной и в столовой в Австралии обычно люди не спят.

В тот период стали приезжать русские из Северного Китая, по названию Трехречие, среди которых оказалась одна девушка без родителей, и ей негде было жить. Мои родители решили ее принять в свой дом, пока ехали задержавшиеся в дороге ее родители, и поселили ее в нашу комнату, после чего нас стало трое. Через какое-то время после этого из Кульджи выехала семья моей подруги Таи Волковой, состоявшая из четырех человек, а Тая, к тому времени бывшая уже замужем, со своим мужем еще оставалась в Кульдже. Поскольку семье Волковых по приезде надо было где-то жить, то наши решили их принять к себе, пока кто-нибудь из них не устроится на работу. Так у нас семья выросла, но тесноты особой я что-то не помню, и где все помещались, тоже не помню, однако очень возможно, что к тому времени Коля, заняв денег в банке, выстроил свой дом и уже в него переехал.

Мой папа был очень спокойным человеком, и я не помню его когда-либо горячо спорящим с людьми, а когда случался спор, то он просто первый замолкал, и спор прекращался. Я не помню как, но он через года два после нашего приезда получил работу помощника очень сварливого австралийца, с которым никто из австралийцев не мог работать. Папа же и без того спокойный, а тут еще и ничего не понимавший по-австралийски, спокойно проработал с ним до самой пенсии. Вероятно, без брани по отношению к папе не обходилось, но папа все равно ничего не понимал, и все шло спокойно. Работа же его состояла в том, что на специально предназначенной для этого машине папа и его начальник ездили по центральной части Данденонга, где были магазины, конторы, рестораны и пр., и собирали мусор из стоявших на улицах металлических корзинок. Папин начальник всегда сидел за рулем, а папа высыпал мусор из корзинок

в машину. Хорошо, что до пенсии оставалось не много времени, а после того, когда он на нее вышел, на мой вопрос, хотелось ли бы ему еще работать, он ответил: «Нет». Когда папе исполнилось шестьдесят пять лет, его ни одного дня на работе не держали, такое в Австралии правило: пенсионеры не имеют права работать. А пенсию дали папе и маме, несмотря на то, что мама никогда не работала и была моложе папы, поскольку тогда в Австралии пенсию зарабатывал муж, после чего, если жена в тот момент не работала, ее получали оба. Но пенсию надо было заработать и поэтому папе получить работу было просто необходимо.

Между прочим, после того как мы прожили в Австралии пять лет, папе, маме, мне и Вале пришло разрешение на въезд в США, а остальным из нашей семьи такого разрешения не оказалось, и мы, подумав, решили не делиться и остаться жить всем вместе в Австралии.

Когда мы жили еще в старом арендованном доме, к нам впервые приехал Владыка Антоний — епископ Мельбурнский, и мы с ним тогда смогли хорошо познакомиться. В то время Владыка был еще довольно молодым, и он был всегда живым и заботливым, причем, никогда не ждал, чтобы его кто-нибудь подвез. Он брал свой портфель, пробирался к железнодорожной станции, которая находилась довольно далеко. До нее надо было вначале ехать на трамвае, потом идти пешком, где он садился на поезд, а от станции, возможно, брал такси. Мы, конечно, были рады видеть епископа у себя в доме, угостили его, поговорили, и потом Саша, усадив его в свою старую ненадежную машину, повез до железнодорожной станции, поскольку далеко ехать на той машине уже было опасно.

Через несколько месяцев после того случая, когда мы уже жили в своем доме, вечером услыхали стук в дверь, а когда ее открыли, перед нами предстал Владыка. Мы были очень удивлены и в то же время очень рады такому нечаянному гостю. Оказалось, что в тот день Коля был именинником, и Владыка приехал его поздравить с днем Ангела. Мы, конечно, удивились и появлению Владыки, но больше того были поражены, что он запомнил наши имена и что нашел время уделить нам такое внимание.

При нашей жизни в Китае мы никогда не отмечали таких памятных дат и на тот раз тоже забыли, но после того случая ко всем дням Ангела мы стали готовиться и ждать к себе Владыку.

После того как стали приезжать русские из Трехречья, часть их поселилась в Данденонге, а другую часть почему-то увезли в находившийся за Мельбурном лагерь и там некоторое время держали, а потом поселили в расположенном недалеко от Мельбурна городке

под названием Джилонг. Кроме того немалое количество народа из Трехречья поселилось и в других австралийских городах: в Сиднее и Бризбене. Так как русских в Данденонге стало больше, а ездить в собор было очень далеко, то Владыка изредка стал приезжать к нам в Данденонг и служить литургию в домах русских, а мы читали и пели. Однажды он надумал поехать в лагерь русских из Трехречья, чтобы и там отслужить литургию, и уговорил Сашу повезти его, так как у Саши к тому времени уже была новая машина, а меня и Валю Владыка пригласил поехать с ними, чтобы там петь. После литургии в лагере мы познакомились с некоторыми из трехреченцев и возвратились домой. Так зародились две русских общины, из которых потом выросло два больших прихода: в Данденонге Свято-Успенский, выросший из ничего, а в Джилонге Скорбященский, к тому времени уж существовавший, который был потом пополнен приехавшими. Здесь уместно упомянуть, что в Джилонге Скорбященский храм был построен малым числом прихожан еще до нашего приезда, и храм был не очень большим, но красивым и в русском, православном стиле.

Поскольку русских детей в Данденонге уже было довольно много, то в 1964 году Владыка организовал русскую школу, занятия которой стали проходить в помещении, принадлежавшем какой-то австралийской церкви, позволившей нам временно его использовать. Русский язык в школе он попросил преподавать Ирину Белоусову — дочь русских эмигрантов второй волны, а меня — Закон Божий, хотя я к этому тогда совсем не была готова. Это послужило началом русской церковноприходской школы, которая потом, еще при моем там пребывании, выросла до сотни учащихся.

Владыка не дал нашим Данденонгцам долго раздумывать, и вскоре после литургии оставил всех на собрание с вопросом, как создать приход и где молиться. На собраниях говорили, спорили, ссорились, некоторые жертвовали деньги, чтобы купить землю. Так постепенно организовалась община, а временно проводить службы наши предложили в уже построенном к тому времени нашем гараже.

Владыка заботился не только о церкви, о подраставших детях, но и о русской православной молодежи. Он в Мельбурне организовал кружок под названием «Владимирская молодежь» и каждую неделю встречался с его участниками, беседуя с ними, разрешая различные неясности и отвечая на появлявшиеся вопросы. Эти встречи, на которых я, к сожалению, была только два раза, проходили в резиденции Владыки, находившейся совсем близко к Мельбурнскому собору. Владыка сам беспокоился на кухне, готовил чай для молодежи, и потом за чаем разговаривал с ними, обсуждая пути христианской жизни в современном мире.

При соборе каждую пятницу вечером у нас бывали спевки, а поскольку я работала в городе, то после работы уезжать домой просто не было смысла, и поэтому я сразу уходила в собор, где и дожидалась начала спевки. Там тогда жил сторож, который мог меня всегда впустить, если к моему приходу здание собора оказывалось закрытым, что случалось очень редко. Обычно там были какие-нибудь русские старички, проводившие свои встречи и собрания, высказывая свои наболевшие переживания. Помню, как я иногда, сидя в классе русской церковноприходской школы, слушала доклады этого нашего старшего русского поколения, которое получило образование еще в царской России. Как красиво они говорили по-русски! Я заслушивалась и восхищалась их речами, даже не вникая, о чем, но слушала как они говорили. Я могла их слушать часами, наслаждаясь выговором и речью. Очень мне хотелось уметь так говорить, но если не научился человек этому с ранних лет, то без школы ему не научиться. Мне было жаль видеть, что эти русские люди были уже пожилого возраста, и уносили с собой такое богатство, не передав его молодому поколению. Теперь уж никого из них нет в живых, ушло и их богатство — красивая русская речь. К сожалению, оно потеряно не только русскими людьми за границей, но и в самой России, заменившими старую русскую речь каким-то оттенком перемешанных русских говоров, включая и деревню. Не получилось ли это от того, что к власти были допущены всякие шарлатаны, ведущие войну против всего пристойного и против всякой красоты, как было у нас в Китае после того, как переменилась власть?

В зале при соборе часто проходили какие-нибудь выступления разных русских организаций, концерты, или балы. К церкви привозили мамаши и папаши своих детей, жертвуя как своим, так и детским отдыхом по субботам, а иногда и по будним вечерам. Так для русского народа за границей церковь оказалась не только кормилицей духовной жизни, но это было сердце русского народа, без которого ни один человек, считавший себя русским, не мог прожить.

Как я, так и другие новоприезжие молодые певцы абсолютно не знали и не понимали нотную грамоту. Хорошо понимая эту проблему, наш регент решил с нами заниматься вечерами и, составив учебник, он каждую неделю в одном из классов проводил наши занятия. Мне тогда так хотелось изучить ноты, что я решила дома заучивать все звуки гамм вразброс, и это у меня получилось благодаря проверки голоса по точно настроенной гитаре. Но я не давала себе покоя ни днем, ни ночью, постоянно повторяя каких-нибудь три или четыре созвучия или прыгая через ноту или две и т. д. К сожалению, как раз перед тем, как мы стали заниматься, я заболела непонятной

болезнью вроде гриппа, которая длилась очень долгое время, и после нее я больше не смогла петь, то есть потеряла голос навсегда. Я все еще продолжала петь, но моего врожденного голоса не стало, и петь мне стало очень трудно и тяжело, не говоря уж о том, что голос стал совсем не таким, каким был раньше. Все время я думала, что это временное явление, и что все пройдет, но оказалось, что я горько ошибалась. Для меня это было большим ударом, так как пение для меня было незаменимым, без чего, казалось, и жить нечем. Делать было нечего, поплакала и смирилась, но ноты все-таки учила с жаром.

Еще в Китае мне очень хотелось читать духовную литературу, но в церкви и дома, ничего кроме нашей Библии, не было. Поскольку в Австралии при моих продолжительных поездках на работу у меня в поезде было много свободного времени, я стала читать такую литературу, а получала я ее от нашего регента, имевшего дома довольно большую библиотеку. Я читала запоем каждую свободную минутку и в поезде, и на работе во время перерывов. Кое-чему из житий святых мне хотелось подражать и в своей жизни, но у меня не выходило, а все же в моем понимании осталось на всю жизнь понятие о жизни православного христианина — это постоянное желание и стремление человека к Богу несмотря на то, что у него не получается. Я поняла, что свои даже мелкие ошибки он должен постоянно замечать, в них сокрушаться и переносить их с терпением в ожидании помощи Божией, которая ему подается в его смирении. Да и понятно, как может Бог помогать человеку, который думает, что он сам, без чьей-либо помощи может все преодолеть и победить? Такого человека Бог оставляет самому себе с его мнимой силой. Так вот такой, оставленный Богом человек, как может почувствовать Бога? Отсюда-то и произошло безбожие. Но человек, духовно почувствовавший близость к себе Бога, безбожником стать не может, даже если ему грозит смерть.

Всем приехавшим в Австралию русским было очень трудно научиться говорить по-австралийски, а тем более если они были уже в пожилом возрасте. Супермаркетов тогда еще не было и поэтому в магазинах надо было объяснять, что хочешь купить. Мне вспомнился один случай с русским мужчиной в мясном магазине, когда он, не зная как объяснить говядину, приставил к голове пальцы своих рук и замычал как корова. Продавцы, конечно, его сразу поняли и принесли ему кусок говядины. Теперь это кажется смешным, но тогда у человека другого выхода не было, если не превратиться в чудака.

Долгое время мне австралийский говор звучал, как один продолжительный звук без всяких остановок и разделений. То есть мне казалось, что все предложение состояло из одного длинного слова,

а тем более это казалось так еще и потому, что австралийцы часть букв в словах проглатывали и слышались не полные слова. Все время у меня с английским языком, которым пользовались и австралийцы, была большая проблема. Во-первых, я очень стеснялась своего произношения, поэтому говорила только в самых необходимых случаях и даже тогда разговор сокращала до минимума. А во-вторых, мало практикуясь в разговорной речи, заученные слова быстро выветривались из памяти. Помучившись, я решила попробовать читать английские книги, начиная с детских, что мне очень понравилось, и я перешла на классическую литературу — на Диккенса, Достоевского, английские детективы, Солженицына и пр. Я читала постоянно до тех пор, пока от усталости у меня не стали болеть глаза по причине той же продолжавшейся болезни, от которой я потеряла голос. Пришлось мне прекратить и чтение, но чтобы чем-то заполнить свое свободное время в поезде, я начала вязать.

Когда мы приехали в Австралию, мода была еще полуклассической, когда женщины еще затягивались в корсеты, не смотря ни на какую жару, с белой сумочкой в руках в белых перчатках, а на ногах обязательно белые длинноносые туфли на высоких каблуках. На голове женщины очень часто делали высоченную прическу, достигавшую иногда шестнадцати сантиметров, а иногда и выше. Тогда еще очень многие женщины носили разнообразные красивые шляпы, часто с вуалями.

Многие вновь приехавшие в Австралию русские девушки, быстренько по виду превратились в австралиек, даже одели белые перчатки. Я же белых перчаток надевать не стала, потому что выросла в других условиях и не могла в себе это переломить, хотя на свадьбах, бывая шаферицей, я надевала и даже более длинные белые перчатки, которые покрывали руки выше локтя.

Проживая за границей я заметила, что большая часть русской молодежи, как в наши дни, так и в третью эмиграционную волну бросалась за всем Западным, особенно за модой и поведением с такой неудержимой страстью, что потом превосходила местных жителей или уравнивалась с низшим их сословием, что неприятно бросалось в глаза. С болью в душе наблюдала я это и думала: «Русский человек, не торопись, оглядись немножко, разберись и пойми окружающих тебя и выбери себе скромную, хорошую серединку». Мне всегда было жаль видеть человека, потерявшего свое русское достоинство. Было бы еще хорошо, если бы он просто выглядел как все другие иностранцы, но зачастую, из всех выделялся своею вычурностью. В чем причина, я так и не смогла понять, но мне кажется, что русский за границей, чувствуя себя ниже, как бы человеком второго сорта, из

всех сил старался показать окружавшим его, что «нет», он не второго сорта человек, а такой же как они, но из этого получалась карикатура. К сожалению, это происходило как с русскими девушками, так и с русскими ребятами. Однажды в Австралии я встретилась с девушкой из старообрядцев, приехавших из какой-то Кульджинской деревни, которая мне говорила: «Я всегда проверяю журналы новых мод, и если что-то в них появляется, я сразу же иду и себе покупаю». Я ей ничего не ответила, но мне очень не понравилось, что она простая скромная девушка-старообрядка с таким рвением пытается угнаться за западной модой.

Когда мы приехали в Австралию, русской молодежи в нашем Данденонге было очень мало и поэтому все собирались по воскресеньям вместе, чтобы повеселиться. После того, как приехали трехреченцы, их молодежь влилась в общую группу, при этом число молодежи значительно увеличилось, и стало насчитывать приблизительно около тридцати человек. Надо отметить, что некоторые ребята по приезде в Австралию купили себе старые автомобили, познакомились с австралийками не совсем приличного поведения и, усадив их в свои автомобили, разъезжали по городу, а потом приходили вместе с другими ребятами на наши молодежные встречи. Я была не привычной к такому поведению молодежи и через некоторое время на сборы вообще ходить перестала.

Начиная с описанного мной «мертвого города» и кончая природой, деревьями, камнями и погодой Австралия мне очень не понравилась, даже несмотря на то, что можно было все, что хочешь там купить. Я поначалу очень тосковала по нашей Кульджинской церкви, по школе, по нашим красивым ивам, березкам и роскошным вязам. Мне даже снилось, что я иду по улице Кульджи по направлению к церкви и радуюсь, что еще раз ее увижу, но тут просыпалась, так и не дойдя до цели, а сообразив реальность, очень разочаровывалась. Часто мне снилась и школа, и всякий раз я с неприготовленными уроками сидела за партой и ждала, а меня должны были вот-вот вызвать отвечать. Но так и не дождавшись самого страшного, я, взволнованная, оттого что не знала урока, просыпалась.

Как я уже упомянула, находясь в Китае, я думала, что когда буду за границей, куплю всевозможной ткани и нашью себе платьев. Теперь же, сшив несколько платьев для себя, я ими больше не интересовалась, а занималась дома чем-нибудь другим: то художеством, то расписывала церковные песнопения с партитур на партии для нашего регента или занималась английским языком.

Когда я заболела, у меня невыносимо болела голова, потом потеряла аппетит, сон, от движений появилось сильное сердцебие-

ние, да и вообще стала больным человеком, хотя в кровати никогда не лежала. На работу я не могла брать никаких бутербродов, так как они мне казались невкусными, и я их не могла есть. Что-нибудь вкусное в обед купить я тоже не могла, поскольку австралийцы готовили даже для здорового человека очень не вкусно, поэтому я покупала каждое утро длинные булочки и ела их в обед в сухомятку. Свою привычку спать мало я применить в своей жизни уже больше не могла, так как вообще с трудом засыпала, а если и спала, то настолько чутко, что, просыпаясь, не чувствовала себя отдохнувшей. Зачастую я спала только по четыре часа в сутки и то не глубоким, а чутким сном. Есть мне вообще не хотелось, но я ела, потому что надо было есть, чтобы работать и жить. Сколько я тогда перебрала докторов и специалистов, сколько было сделано рентгеновских снимков, сколько перепила всяких лекарств, не говоря уж о том, сколько это мне стоило, но ни один врач не мог разобраться в моей болезни и чем-нибудь помочь. Наконец, я решила, что я больше к докторам не пойду и лекарства пить никакие не буду.

В Данденонге раз в неделю бывал базар, на котором продавались фрукты с овощами, одежда, ткани и вообще все. Там же на аукционе продавались старые вещи и, если следить, можно было купить нужные вещи по очень дешевой цене. Так, к примеру, после моего замужества я там купила себе за четверть доллара ножную швейную машину, которая прекрасно шила и потом мне долго послужила. А вообще все магазины были открыты шесть дней в неделю, но по воскресеньям они не открывались, поэтому в первое воскресенье по приезду в Австралию, не купив хлеба заранее, мы остались голодными.

Мы пятеро работали, мама с невесткой были дома и готовили нам обед, а в базарный день мама с утра собиралась, брала большую детскую коляску и шла за покупкой продуктов. Дойти до базара брало минут сорок, и мама всегда шла туда и обратно, не торопясь. В тот день шли на базар не только мама, но все не работавшие русские данденонгцы, причем все мужчины и женщины шли с большими детскими колясками на рессорах к чему уже все привыкли. Накупив продуктов полную коляску, к вечеру, уж уставшей, мама возвращалась домой. Иногда они шли вдвоем с невесткой и детьми, и в таких случаях брали не одну, а две коляски. Русские женщины любили ходить на такие базары, поскольку они там встречались, разговаривали и ходили вместе по двое или трое.

Наконец, состав нашей семьи изменился, так как Саша нашел себе невесту из трехреченцев и вскоре женился, а через короткое время после этого вышла замуж и я. Я с мужем жила в маленьких квартирках

до тех пор, пока мы не купили землю и не выстроили дом. К тому времени, как мы переехали в свой дом, нашей дочери Нате было уже пять лет.

Вначале мы купили на занятые в банке деньги землю, и потом выплачивали долг, а выплатив его, заняли деньги на постройку дома. К тому времени австралийские деньги поменялись и вместо фунтов они стали называться долларами, причем, фунт разменивался приблизительно на два доллара. Цены на дома к тому времени уж возросли, и если готовые стоили около шестнадцати тысяч долларов, то построить новый стоило немного меньше. Поэтому наш новый дом с землей и постройкой нам обошелся приблизительно в четырнадцать с половиной тысяч австралийских долларов.

В Австралии дом разрешалось строить только после того, как его план был заверен городским управлением, и чертежи чертились по установленным городом правилам. Поэтому хотя дома и отличались друг от друга, однако фасады их находились на определенном расстоянии от тротуара, а также от бокового забора оставлялся определенный промежуток и оставлялся определенной ширины въезд. На переднем плане участка ставился всегда низкий, часто кирпичный, заборчик с такими же низкими, как и забор, воротами для автомобилей. Ворота и калитки были сделаны из металла с различными узорами. Дома в наше время строились из дерева, а наружные стены дома облицовывались кирпичом, крыши крылись черепицей. Внутри стены домов облицовывались листами «шитрака». Однако многие старые дома снаружи были обиты просто окрашенными белой краской досками, но обиты так, чтобы вода с досок стекала наружу. Позади домов вокруг каждого земельного участка тянулись одинаковые, довольно высокие, сделанные плотно из деревянных дощечек заборы. Во дворах у всех русских были огороды и, зачастую, курятники с курами.

Когда мы перешли в свой дом, папа для нас выстроил хорошую кладовую и курятник, так что у меня потом было несколько своих кур, а во дворе свой огород, в котором росли помидоры и огурцы, а поливался он из шланга.

Так как у нас был большой заем в банке, то я старалась почти все заработанное отдавать, чтобы долг поскорее выплатить, а оставшихся денег у нас часто не хватало на пищу до другой получки, и я вынуждена была просить у мамы занять десять, пятнадцать или двадцать долларов, которые после получения своей зарплаты отдавала, а через некоторое время вновь просила занять. Об автомобиле мы тогда не могли даже и думать. Хорошо, что я могла сама шить и не должна была покупать постоянно одежду подраставшей Нате, но для

шитья у меня оставалось так мало времени, что его никогда не хватало, чтобы что-нибудь сшить себе.

Дело в том, что к тому времени у нас уже была временная церковь, вначале в гараже моих родителей, а потом в выстроенном на земле общины школьном здании. За неимением регента и псаломщика, по необходимости, я должна была занимать их место, что так же отнимало у меня очень много времени. Хора, разумеется, вначале тоже никакого не было, и поэтому его надо было организовать, проводить спевки и готовить ноты церковных песнопений. Все это мне приходилось делать спешно, без всяких подготовок, поскольку времени на это у меня совсем не было. С работы домой я приходила полседьмого, и если в тот вечер шла вечерня, то я шла прямо в церковь, а домой возвращалась уже после вечерни, а если должна была быть спевка, которые бывали у нас каждую неделю, то я забегала домой, быстро ела и шла на спевку к семи часам. По субботам утром шли занятия в русской школе, а потом я бежала в магазины с детской коляской за продуктами. Купив их, я должна была скорее растолкать продукты по шкафам и холодильнику, свежее мясо снять с костей, порезать и тоже спрятать, да к тому же еще и сварить пищу на несколько дней, так как часто мои вечера были заняты церковными делами. Все это делалось спешно, и я не успевала оглянуться, как надо было уже идти к вечерне. Делать уборку в доме мне приходилось заставлять Нату, и она ходила с пылесосом каждую субботу и собирала с ковров пыль.

Кое-как через несколько лет меня освободили от школы, но к тому времени Нате уж было около восьми лет, и мне хотелось, чтобы она имела какое-то понятие о музыкальной грамоте, гаммах, а главное, чтобы она почувствовала гаммовые звуки, их порядок и звуковое сочетание. Вместо того, чтобы заниматься только с ней, я решила набрать группу желавших учиться детей и учить их всех вместе бесплатно, как и в русской школе мне за занятия с учащимися никогда не платили. Эти занятия шли вечерами и тоже один раз в неделю, поэтому с такой занятостью домашние дела у меня постоянно накапливались, а добраться до них сил так и не хватало.

По разным обстоятельствам мой муж иногда работал, а иногда нет, но когда он был дома, Ната оставалась с ним, а если работал, мы должны были ее пристраивать к кому-нибудь из русских, чтобы после школы она уходила к ним, а потом мы ее забирали. Большей же частью за ней смотрела моя мама, и я ее в семь часов утра уводила в дом моих родителей, а вечером после работы по пути заходила за ней.

Дома мы говорили только по-русски, и поэтому Ната английского языка совсем не знала, а позже она мне рассказывала, что она

тогда думала, что для того, чтобы она смогла говорить по-английски, у нее должен был вырасти второй язык. К счастью, второго языка не выросло, а когда она пошла в школу, то за несколько месяцев выучила английский язык. Она была очень смелым ребенком, и я не видела никаких слез от нежелания ходить в школу, где она не понимала ни слова. Еще в дошкольный период однажды я с ней сидела на скамейке около магазинов, а около нее присела австралийка, с которой, вдруг, Ната решила поговорить. Она начала болтать языком что попало, потому что думала, что это и есть английский язык. Заметив что австралийка, наклонившись к ней, стала переспрашивать, я должна была прийти на выручку и, извинившись, сказала, что девочка по-английски не говорит.

В дошкольный период Ната устроила и еще одну интересную сцену. На одном из концертов нашей русской школы игралась пьеска, в которой собачка лаяла из-под стола, стоявшего на сцене. Вдруг во время акта на сцене появилась моя Ната и прошла под стол к собачке. Зал, поняв что случилось, грохнул от смеха, но Нате этот номер даром не прошел, позже ей хорошо попало от преподавателей.

Школьный концерт обыкновенно у нас был на Новый Год по старому стилю, когда в зале стояла наряженная елка, и в конце вечера приходил Дед Мороз с подарками для детей, и происходило это торжество летом.

Говоря о лете, иногда в воскресные жаркие дни, собравшись группой, на нескольких машинах мы выезжали на пляж с детьми, чтобы немножко покупаться и погреться на солнце и белом песке. Австралия вообще известна своими пляжами, отличающимися количеством и качеством песчаных насыпей, а также множеством акул. Несмотря на то, что на всех пляжах летом были расставлены наблюдательные пункты, однако бывали случаи и довольно часто, когда акулы проникали на пляжи и хватали людей за ноги, отсекая их.

Один раз Саша со своими детьми решил поехать на озеро и взял с собой меня с Натой, где мы, арендовав маленькую лодку, уселись все в нее и поплыли. Вначале все шло хорошо, и мы переплыли на другую сторону озера, где немножко повернули в сторону и поплыли дальше. Вдруг наша лодка остановилась, и мы стали вертеться на месте, но сдвинуться с места никак не могли. Наши малыши испугались и в слезы, да и не только они испугались, и я тоже, зная, что я не умею плавать, а тут предстояло беспокоиться не только о себе, но и о малышах. Человек, у которого мы арендовали лодку, заметив что с нами что-то случилось, быстро прыгнул в другую лодку и поплыл к нам. Он подогнал свою лодку боком к нашей и помог нам перебраться в нее. Как опасно было перебираться с одной качающейся

лодки на другую, да еще с детьми! Нам, конечно, помогал перешагивать через борта лодок австралиец, но и он мог бы вместе с нами улететь в воду. Все прошло благополучно, и мы были рады возвратиться к берегу.

Так как снега у нас не было, то мы однажды зимой решили с детьми поехать в горы, чтобы показать им там выпадавший зимой снег. К сожалению, мы попали в такое время, когда в горах снега почти не было, и только небольшие полоски его пролегали здесь и там. Этого хватило, чтобы показать ребятишкам, что такое снег, а позабавиться просто было нечем. Тогда мы решили пройти по склонам гор и набрели на интересно составленные продолговатые, большие глыбы, которые в иных местах, стоя, наклонились друг на друга так, что человек мог пройти в отверстия между ними. При этом никто их так не ставил, они сами остались стоять после выветрившейся вокруг них мягкой породы. Таких глыб, стоявших в разных положениях, было много разбросано по склону, где мы тогда проходили.

Наши молодые семейные русские люди очень часто группами, с своими детьми выезжали за город жарить шашлыки или просто отдыхать. Иногда и мы с нашими детьми и друзьями тоже выезжали на устраивавшиеся шашлыки или в зоологические парки, где кенгуру бегали на свободе. А однажды во время такого отдыха за городом одна русская семья в кругу своих друзей, спохватившись, что нет их четырех или пятилетнего сына, начала его искать, но только мальчик, как провалился. Его так и не нашли.

Узнав о том, что за городом есть зоопарк, в котором животные ходили свободно, и куда можно было въезжать на автомобиле, мы решили туда поехать и посмотреть. В зоопарке находились львы, к которым мы смогли близко подъехать, конечно с закрытыми окнами, но делалось жутко, когда зверь начинал пристально смотреть на нас сквозь стекло машины. Казалось, что вот-вот он на нас бросится.

В океанариуме Брисбена мы увидели выученных дельфинов, китов и других морских животных, проделывавших всякие фокусы, а в очень большом аквариуме через стеклянную стену был виден настоящий морской мир со всевозможными рыбами, включая акулу.

В праздники, по старой традиции, русские в Данденонге любили приглашать к себе гостей и ходить в гости. Почти каждое воскресенье после церкви мы тоже бывали в гостях, даже Ната привыкла к такой жизни и по праздникам спрашивала: «А к кому мы сегодня идем?» На первый день Рождества и Пасхи дети ходили по домам русских славить Христа, за что получали деньги, или кто что даст, но среди русских традиции дарить друг другу подарки не было. Иногда и я с своими хористами ходила славить, когда мы собирали деньги

на постройку зала церковной школы, в котором потом несколько лет находилась наша временная церковь.

Зашла речь о Пасхе и мне вспомнился один удивительный случай. Услышав от моей двоюродной сестры о том, что свяченое Пасхальное яйцо через год на Пасху делается вновь свежим, я решила испытать и положила освященное яйцо у икон. На Пасху следующего года, вспомнив про него, я его разбила и увидела, что оно совершенно высохло и сделалось каким-то коричнево-прозрачным, но не сгнившим. Про себя же я подумала, что яйцо оказалось несвежим, потому что я решила его испытать. До следующего года я оставила на угольнике еще одно свежее освященное пасхальное яйцо, а когда его через год разбила, то, к моему удивлению, я увидела совершенно белое, полное яйцо. Я его даже съела; оно не было испорченным и не имело никакого плохого запаха, однако вкус его отличался от свежего.

А один раз в поезде, когда я ехала на работу, я увидела поднявшееся солнце, часть которого углом от центра оказалась совершенно темной, то есть не видной. Я этому тогда очень удивилась и при этом видела и других людей, выглядывавших в окно, но объяснения этому на другой день газеты не дали. Так до сих пор я не знаю, что это было такое.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В 1973 году под руководством диакона Никиты Чакирова в Америке организовалась русская группа паломников по святым местам, причем, в Европе с ней должна была встретиться другая русская группа из Австралии, руководителем которой была я. Во время нашего путешествия я пробовала вести дневник, и мне это делать вначале удавалось, но потом, когда мы приехали в Иерусалим, наши маршруты были так уплотнены, что к вечеру не оставалось сил, чтобы еще сидеть и заполнять дневник, поэтому, к большому моему сожалению, я перестала его вести.

Австралийскими паломниками была молодежь из четырех городов: Мельбурна, Сиднея, Бризбена и Аделаиды, всего девять человек, среди которых была и моя подруга Таисия Павлова. Наши и поломники из Аделаиды встретились в Мельбурнском аэропорту Туламарине, а с остальными в австралийском самолете Куонтас, вылетевшем из Сиднея в греческий город Афины. Это был мой первый полет на самолете, и вот что я написала в своем дневнике о первых впечатлениях:

Вылетели мы из Мельбурна в Сидней на местном самолете ТАА, и весь полет у нас занял один час и пятнадцать минут времени. Я сидела у окна и все время посматривала на менявшуюся панораму. За окном виднелись то равнины с мелкими облаками, то горы с зелеными склонами, вершины которых окутывал туман. На вершинах высоких гор лежал снег, который сливался местами с ползучими облаками, так что было невозможно различить, снег ли на горах виднелся или белая туча. А самолет поднимался все выше и выше, я даже не заметила, как он пересек нижний край туч, которые образовали второй, поднебесный мир. Тучи стали представлять собой как бы поверхность земли, но земли другой, белой и солнечной, без единого облачка. Небо большим полушаром, сомкнув воздушное пространство, висело, ничуть не меняя своего чистого голубого цвета. В окна

самолета бились прямые лучи сияющего солнца, и было так кругом светло! Местами в белой, второй поверхности земли зияли отверстия, в которых где-то глубоко внизу виднелась наша темная земля с ее шероховатостями, не получавшая света из-за тех прекрасных, белых туч, образующих собой второй, не земной мир.

Так как частично наша поездка субсидировалась из фонда тогда существовавшего Молодежного Комитета, то, чтобы получить эту часть, я должна была в Сиднее явиться к жившему там отцу о. Никиты. Времени у меня было немного, и поэтому, мы отправились к нему на такси. Кое-как успели мы вернуться на аэродром и скорее на самолет, куда вбежали последними. Молодежь из Сиднея и Бризбена была уже в самолете, но знакомиться не было времени, а только помахали друг другу руками, узнав что все в сборе. Наш самолет взял курс на Бангкок. Время шло к вечеру, и как-то быстро закатилось солнце, после чего долго горела полоса горизонта красным цветом и, наконец, исчезла. Наступила ночь, которая потом длилась около шестнадцати часов. За весь суматошный день мы утром в самолете съели по маленькой булочке с чаем, и к вечеру были голодными, так что с нетерпением ожидали ужина. Когда ночью прилетели в столицу Таиланда Бангкок, и вошли в здание аэровокзала, то мы увидели в окнах в различных позах поднявшихся наполовину вверх изваяния змей. Нам на вокзале долго быть не позволили, и мы, не успев осмотреть все интересные вещи, вернулись в самолет.

Вторую посадку наш самолет сделал в индусском городе Нью-Дели, где при входе в вокзал нам сразу же бросилась в глаза бедность страны, и интересным там ничего не оказалось. Сидевший на стульях народ был поглощен просмотром какого-то местного с затушевавшимися фигурами фильма, шедшего на большом висевшем на стене экране. В женской туалетной комнате стояла индуска с вросшим в тело белым камушком на носу и обслуживала женщин, поливая им на руки жидкое мыло из находившейся около умывальника машинки, а после мытья обтирала их руки маленькими белыми полотенцами, после чего говорила, что за ее работу надо заплатить один доллар. У нас появилась жалость к той женщине, и мы заплатили ей по доллару, но, возможно, теми деньгами она воспользовалась не сама, а для кого она их собирала, осталось нам неизвестным. При выходе из вокзала мы все подверглись проверке, причем, очередь мужчин подходила к проверявшим мужчинам, а женская к женщинам, которые отводя каждого в стоявшие рядом палатки, тщательно проверяли. Они рылись в сумках, в карманах и даже ощупывали всего человека, заставляя поднять руки. Наиболее усердные из них даже вынули все припрятанные дорожные чеки и деньги и, не позволив вновь

припрятать, совали их владельцу в руки и выталкивали его или ее из палатки. На вопрос, почему они это делают, нам ответили, что ищут бомбы.

Наша следующая посадка была в Иранской столице Тегеране, но из самолета нас там почему-то не выпустили, причем, во время посадки серьезно предупредили, что фотографировать местность из самолета строго запрещается. Когда через некоторое время самолет стал подниматься, мы увидели стоявшие рядами в строгом порядке военные самолеты, отчего нам сделалось жутко. Нам сказали, что на улице тогда стояла жара в тридцать три градуса по Цельсию. При нашем взлете мы также смогли заметить, что город был большой, зеленый, засажен деревьями, тогда как вокруг него была сплошная желтизна голой земли, на которой не было видно каких-либо признаков жизни. Так как небо было безоблачным, то в окно я могла хорошо видеть постепенно менявшуюся поверхность желтой земли, которую вскоре стали покрывать, по-видимому, песчаные выступы и каменные глыбы. Очень долго тянулось мертвое, холмистое плоскогорье, которое потом стало переходить в равнину с зеленью, похожую на посевы, с дорогами, ведущими к видневшимся кое-где домам, но потом те равнины разрывались опять большими желтыми безжизненными пространствами. В одном месте я увидела небольшое озеро, вокруг которого резкой ровной линией выступали песчаные берега, а от них шел равномерный подъем на выступы песчаных насыпей. Затем землю сменило море, над которым мы летели недолго, и опять показалась земля, и тут самолет пошел на посадку.

В Афины, столицу Греции, мы прилетели приблизительно в обеденное время, где нас встретил грек — иеродиакон Дамасков с очень добрым его помощником. Они усадили нас в такси и повезли в православный греческий женский монастырь, который придерживался старого церковного календаря. (В большинстве своем греческие церкви и монастыри в недалеком прошлом перешли на новый). Подъезжая к монастырю, еще издали не трудно было заметить его чистенькие, белые стены, а когда мы подъехали, то увидели при входе в здание монастыря монашенку подбеливавшую вокруг наружной лестницы. Всеобщая чистота нас просто заворожила. Монастырь находился на довольно высокой горе, на отлогих склонах которой росли оливковые деревья. Сразу по приезде нас провели к игуменье монастыря Макарии, о которой говорили греки, что у нее не два глаза, а три, и что она видит душу другого человека. Она нас встретила очень ласково, после чего нас провели к митрополиту Калисту.

Митрополит, благословив всех, попросил сесть в его гостиной и сказал нам небольшое наставление, которое переводил на английский

язык встретивший нас иеродиакон. Владыка очень хорошо отозвался о тогда бывшем нашем митрополите Филарете и показал фотокарточки, где они были засняты вместе, когда он был в Америке. В наставлении он коснулся одежды женщины и сказал, что женщина не должна одеваться как мужчина, то есть по христианскому правилу ей не положено носить брюки, как и мужчине нельзя одеваться в женское одеяние, а также, что женщине в храм полагается приходить в головном уборе. Об экуменизме он сказал, что это движение дьявольское, и что истинная христианская церковь сейчас находится в гонении и пока еще держится и будет держаться на небольшом числе христиан, придерживающихся старых устоев, сохранившихся от истинной апостольской церкви первых веков.

Как заведено в Греции, принесли всем для питья фруктовый сок и лимонад, а после встречи с Владыкой нас отвели в комнаты, и мы, немножко отдохнув, опять встретились с иеродиаконом и Владыкой на площадке позади церкви, которая стояла высоко на горе. Нас провели по монастырю с его фабрикой, где монахини ткали красивые ковры и покрывала. Позже мы еще раз были у Владыки, и он нас угостил турецким кофе из маленьких чашечек, по традиции, очень возможно, заимствованной у турок.

Вечером нас хорошо накормили, после чего, по греческому обычаю, нам подали фрукты и мы, насытившись, отправились в церковь, так как день тот был субботний. Как в субботу вечером, так и на следующий день службы шли по четыре часа, а после литургии на двух такси мы отправились в монастырь, где находились мощи Потапия, лежавшие в стеклянной раке под стеклянной крышкой. Для целования мощей крышка открывалась, и паломники целовали открытую правую руку святого, лежавшую на его груди. Рака с мощами находилась в пещере, в которой он уединялся в жизни. Она состояла из одной большой пещеры и двух крохотных, в которые из большей пещеры вели двери. В одной из боковых пещер, что была с очень маленькой дверью, видимо, жил святой, а в другой, с чуть большей дверью и обвешанной лампадами и иконами, он, видимо, молился. Приложившись к святым мощам, около которых горело много лампад, мы подошли к киоску и кое-что купили там для себя, причем, греческие монахи нам стали объяснять, что сейчас продается много икон и крестов неправославных, и что православный крест должен иметь перекладину внизу, и чтобы других крестов мы не покупали.

На следующий день мы поехали посмотреть церкви двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого веков, стоявшие на склонах довольно высоких косогоров, на вершинах которых виднелись старинные, полуразрушенные крепости замков. Там было несколько

церквей, расположенных вблизи друг от друга среди развалившихся жилых помещений. Внутри те церкви были очень похожими на наши: с иконостасом, с притвором, с крестообразным основанием и со старинными фресками, как на куполе, так и на всех их стенах. Многие фрески от времени потеряли свою отчетливость и были повреждены, но, несмотря на это, все-таки были еще хорошо видны. В тех храмах, как нам сказали, тогда бывали богослужения один раз в год, вероятно в дни их престольных праздников, а вообще за ними постоянно присматривали и делали им необходимый ремонт.

Так как в Греции, при ее сухом климате, летом бывает жарко, человеку требуется очень много воды, которая постоянно из него испаряется, и поэтому вода в Греции кажется очень и очень вкусной. В тот же день, когда мы ходили по косогорам среди развалин, мы очень потели, и нам как-то особенно хотелось пить. К нашей большой радости мы узнали, что вблизи от того места находился какой-то женский монастырь, и мы все направились к нему в надежде, что там удастся нам напиться.

На следующий день опять нас повезли на двух такси в мужской монастырь, до которого надо было довольно долго ехать, а перед монастырем надо было еще и подняться на гору. У подножия ее стояли услужливые греки и предлагали доставить путешественников на гору на ишаках за определенную плату. Для развлечения некоторые из нас решили прокатиться на предлагаемых ишаках, хотя идти пешком было совсем не трудно. В монастыре, в который мы тогда попали, была уже совсем потемневшая икона Божией Матери, написанная апостолом Лукой, а находилась она в небольшой пещере, в которую могли вместиться всего лишь человек двадцать пять. Рядом с той пещерной церковью первых христиан стояла действующая церковь, и в ней нам показали чудотворную икону Божией Матери, о которой сказали, что она много раз подвергалась пожарам и всякий раз оставалась невредимой. Вид ее был очень темный, но она была украшена богатой ризой с множеством всякого рода подвешенных к иконе, по греческому обычаю, приношений от ее почитателей, а около нее горело множество лампад.

Почти рядом около действующей церкви находилось место, на котором была найдена чудотворная икона Божией Матери, где сразу после ее обретения забил целебный источник, к которому мы и прошли, чтобы из него напиться. Место, где была обнаружена икона, находилось в пещере, и там стояли изображения двух монахов, держащих на руках найденную чудотворную икону. Немного в стороне стояла фигурка девочки, а в другой стороне — изваяние дракона. Все это нам объяснили так: девочка, найдя икону Божией Матери

в кустарнике, поспешила в соседнее селение, чтобы сообщить жителям о своей находке, но ей навстречу попали два монаха, которым Бог открыл во сне, чтобы они пошли к указанному им месту и взяли находившуюся там икону. После такого случая жившие в окружении того места люди захотели построить там церковь, но так как местность была очень заросшей, то они решили вначале ее выжечь. Позже оказалось, что в том месте тогда жил большой дракон, который во время пожара сгорел, а его огромные кости были найдены людьми.

Недалеко от церкви находилась комната, в которой хранились древние церковные принадлежности и украшенные золотом с небольшими отверстиями в верхней их части ящички, в которых лежали частицы мощей разных святых.

На обратном пути мы заехали еще в несколько монастырей, при одном из которых тоже была отдельная комната с древними церковными и историческими предметами. Там были древние богослужебные одеяния епископов и священников, жезлы, митры, чаши и пр. Нам там показали кресты, отделанные сверху металлом, а в средней их части, во всю длину крестов было дерево Креста Господня, украшенное вырезной работой по дереву. Указав на украшенное драгоценными камнями и металлическими узорами Евангелие, нам сказали, что оно было получено Грецией от царицы Екатерины, а какой Екатерины, не знаю, но мне тогда почему-то показалось, что Екатерины Второй. Нам также рассказали, что во время войны с турками то Евангелие было затеряно, но потом его нашли с немножко поврежденной и с потерянным драгоценным камнем обложкой. Несмотря на это, Евангелие было еще в очень хорошем состоянии. В той же комнате нам указали Греческий флаг с пробитым пулей отверстием, с которым греки победили турок и который, как нам сказали, выносится каждый год во время торжества победы.

И еще много кое-чего мы там видели, но всего не опишешь, а во время одной из наших поездок мы попали в исторический город Спарту, где на одной из его улиц стоял высокий памятник Спартаку.

Пробыв в монастыре дня три или четыре, мы должны были перебраться в город Афины, где в принадлежавшем монастырю доме опять встретились с тем же митрополитом Калистом. На этот раз переводчиком был молодой грек Иван, молоденькая сестра которого была монахиней. О ней Владыка рассказал, что она отдала себя на служение Богу, поняв, что жизнь коротка и дана человеку для очищения своих грехов, приготавливая себя к смерти, чтобы потом всегда быть с Богом. Оказалось, что родители этих молодых людей жили в Америке. Еще совсем маленькие девочки, сестры этих двух людей, тоже жили в монастыре, их там все любили и воспитывали

с большим усердием. Владыка митрополит был их духовным отцом, и он их очень любил, а они, эти земные ангелы, относились к нему, как к родному отцу.

После беседы с Владыкой нас накормили, и мы поехали на остров, где хранились мощи святителя Нектария. В небольшой церкви, где находились мощи, горело множество лампад, а около алтаря в золотой, закрытой сверху раке лежали мощи. Людей, как во дворе, так и в церкви было очень много, и народ теснился около нешироких ворот, где одни старались войти, а другие выйти. У ворот стояли надзиратели, которые выдавали одежду людям в неприличном одеянии: женщинам в коротких юбках или без рукавов и в брюках выдавали длинные юбки и блузки, а мужчинам в коротких брюках и без рукавов выдавали длинные брюки и рубахи. К сожалению, наши таксисты тогда очень торопились, и я не увидела комнату, в которой жил святитель Нектарий.

В Афинах нам удалось найти недорогую гостиницу без охлаждения, называвшуюся Софос, и мы в ней остановились на несколько дней. Есть мы ходили в небольшой понравившийся нам ресторан, где готовилась пища очень близкая к русской и была она довольно вкусной. К тому же, в том ресторане нам разрешали пройти и посмотреть, как выглядел в посуде тот или иной обед, и мы заказывали, указав пальцем на посуду с пищей, которая нам нравилась на вид. Во всяком ресторане в Греции на стол в первую очередь ставилась бутылка воды, поскольку жажда постоянно преследовала людей. Мне казалось, что я никогда в своей жизни не пила такой вкусной воды, как в Греции. После обеда по греческой традиции всегда давались очищенные от корок дыни, арбузы или какие-нибудь фрукты по желанию клиента. В городе до глубокой ночи по улицам ходили или сидели за столиками у кофеен люди, и жизнь кипела. Такой город назвать «мертвым» было очень трудно. Вообще, нам всем в Греции очень понравилось. Там столики стояли не только на улицах, но и в городских скверах, небольших парках и других удобных местах, и везде можно было себе заказать что-нибудь поесть или просто выпить воды.

В Греции обеденный перерыв длился несколько часов, и на время все закрывалось, а служащие уезжали домой спать. Так что город засыпал не вечером, а после обеда, но это не очень было заметно, только разве за этот промежуток времени торопившийся не мог сделать своих дел. Базар там был шумным, с множеством небольших магазинчиков, продавцы которых подзывали всех проходивших посмотреть их товар, что придавало окраску давних лет, где можно было отдохнуть от натянутой в струнку современной жизни наших дней.

Одно мне там не понравилось, что на улицах было множество автомобилей, причем, носились они как сумасшедшие, не подчиняясь никаким правилам. То и гляди, что попадешь под колеса.

Из Греции нам предстояло ехать в другие страны Европы и в Израиль, чтобы попасть в Иерусалим, а у одной из наших спутниц на месте не было получено некоторых виз, и поэтому мне пришлось несколько дней ходить с ней по разным консульствам. Хотя наши хлопоты сопровождались большими затруднениями, однако, к нашей радости, все было устроено благополучно, но тут были обнаружены кое-какие неточности в наших билетах, и мы опять поехали, на этот раз к агенту путешественников, и таким образом на такие вот неотложные дела у меня было потрачено довольно много времени.

Неожиданно мы познакомились с Наташей — хорошей, молоденькой девушкой — родственницей игуменьи, которая предложила свои услуги поводить нас по магазинам. Мы такому предложению были рады, и благодаря ее смогли лучше познакомиться с городом.

А в один из вечеров Наташа пригласила нас всех к себе в гости, и мы с большим удовольствием отправились к ней. Дом ее родителей оказался очень большим и удобным, и они, встретив нас ласково, проводили на большую веранду, расположившуюся на крыше первого этажа. На веранде стояли уже накрытые столы, за которые они нас и усадили. Через некоторое время пришел друг Наташи, уже знакомый нам Иван — очень приятный молодой человек, в котором так и чувствовалось хорошее, православное воспитание. О чем-то говорили, все смеялись, и незаметно в веселой обстановке мы просидели до одиннадцати часов вечера. Проводили они нас всей семьей до автобуса, на котором мы уехали к себе в гостиницу.

На следующий вечер к нам в гостиницу приехала игуменья с переводчиком, и мы все вместе поехали на находившуюся среди города довольно большую гору, на вершину которой чрезвычайно круто поднимался электрический поезд. С горы мы посмотрели расположение города, залитого электрическим светом, выпили лимонада и в сопровождении переводчика пешком пошли к себе в гостиницу, а игуменья уехала к себе.

Затем мы вновь были у митрополита на беседе, а когда он заметил, что некоторые из нашей группы небрежно сидели, то сказал, что сидеть с ногой, закинутой на ногу нельзя. Переводчиком опять был Иван, который после беседы помогал на клиросе, тогда как сам митрополит служил для нас вечерню. Перед тем как нам уходить нас рассадили на стулья и принесли на тарелках очищенные ломтики арбуза.

Наконец, мы выбрали время чтобы поехать в Акрополь — древний греческий дворец, в котором, по поверью старого, языческого,

греческого мира, жила «богиня любви». Все во дворце превратилось в руины, кроме очень прочных каменных колонн, которые все еще стояли в таком же состоянии, как они были установлены в древности. Они состояли из обтесанных камней одинакового размера, поставленных один на другой так, что специально выбитые очень мелкие полоски на боках каждого из них точно совпадали с полосками следующего от него вверх или вниз, и различить линию соприкосновения этих камней просто было невозможно. Стоявшие колонны были очень высокими, но в некоторых местах их верхние камни были немного сдвинуты со своих мест и хорошо было видно, что между собой они не были скреплены. Пол, как в самом бывшем здании, так и вокруг него и все многочисленные ступеньки были сделаны из мрамора, который все еще лежал на своем месте. Глядя на него невольно рисовало воображение то древнее величие дворца. Сам дворец расположился на находившейся среди города горе, от подножия которой вверх вела дорога, устланная камнями. Дорога была настолько широкой, что по ней могла лететь повозка с пятью впряженными в ряд лошадьми.

Греция — страна статуй. Их можно было видеть везде: у зданий, у фонтанов, просто по улицам, стоящих часто с частично или совсем отбитыми руками, ногами и головой.

У нас было намечено съездить и к мощам Ивана Русского, находившегося в Греции, но наши помощники почему-то с нами не могли поехать, и поэтому поездка не состоялась.

Наконец, настало время ехать в Италию через находящийся на западном побережье Греции город Патрос, где мы должны были сесть на пассажирский пароход, а так как мы потом собирались вновь возвратиться в Афины, то чтобы не возить наш лишний багаж, нам удалось уговорить хозяина гостиницы сохранить его до нашего возвращения.

После завтрака до автобусной остановки мы проехали на городском транспорте, затем сели в туристический автобус с охлаждением, прохлада которого была очень заметной, и проехали в город Патрос, на что у нас потребовалось четыре часа. Там, пересев на пароход, мы отправились в Корфу по морю. День подходил к вечеру, потом стемнело, и мы стали беспокоиться о том, где нам придется ночевать, поскольку ни в какой гостинице мы себе мест не заказали.

В Корфу пароход причалил к пристани уже ночью, а когда мы с него сошли, нас окружили со всех сторон мальчишки, наперебой приглашая на ночлег в бывшие поблизости от пристани недорогие гостиницы. Мы тому были рады и, избрав одного мальчишку, пошли за ним. Гостиница оказалась очень грязной. В комнатах стояло

по несколько односпальных кроватей, что нас не пугало, но нас поразило то, что все, включая стены, было в каких-то пятнах, а в комнатах стояла вонь. Ванная комната была общей для всех гостей, и поэтому надо было ждать, пока она освободится, и как раз в такой момент одну из наших паломниц от неприятной атмосферы стало тошнить, но она должна была как-то перетерпеть. Потом мы все, включая ее, смеялись, так как к тому времени, когда ванная освободилась, необходимости в ней уже не было.

Поднявшись утром, мы в первую очередь пошли по гостиницам искать себе другое место. Долго искать нам не пришлось, набрели мы на недорогую гостиницу, в которой, как и в прошлой, стояло в комнатах по несколько кроватей и была общая ванная комната для всех, но зато она была очень чистой. Недолго думая, мы побежали за своими вещами. Устроив ночлежное дело, мы пошли в церковь Св. Спиридона, где находились его мощи. Они лежали в раке с прикрепленной к ней шарнирами крышки, которая с другой стороны запиралась ключом на замок. Служивший молебен священник, грек, нам рассказал, что святителю Спиридону время от времени они меняют тапочки, так как они у него изнашиваются, а замок, что у крышки раки, не всегда открывается, и в таких случаях они знают, что святитель Спиридон не в раке. Он ходит и помогает страждущим людям, отчего и изнашиваются его тапочки. Молебен служился при открытой раке и после молебна мы стали прикладываться к мощам, а когда я наклонилась, только что купленные мною иконки, бывшие в моей руке, нечаянно выпали и провалились между стенкой раки и ногами святителя. Пришлось священнику помочь мне их достать, и я хорошо заметила, что ноги святителя Спиридона были обуты в парчовые тапочки. Сверху, на его теле, лежало большое, в золотом теснении евангелие, а тело было одето в красивое облачение.

На следующий день мы вновь пошли на пароход, а вечером того дня прибыли в расположенный на берегу залива итальянский город Бриндизи. С трудом дозвонились мы до русского священника в городе Бари и, договорившись с ним, купили билеты на поезд и сразу же, получив места в поезде, отправились в путь. Нам тут же бросились в глаза окружавшие нас беспорядки, которые говорили, что мы находимся в другой стране. Вместо двух часов наш поезд шел четыре, а нас одолевала страшная жажда, тогда как воды нигде не было, даже на станциях, так как по какой-то причине она была выключена из городской сети. Поезд шел с остановками по десять, пятнадцать минут, а на одной простоял час, после чего нас высадили, и только через некоторое время мы смогли сесть на другой поезд. Приехали мы в Бари к одиннадцати часам ночи. Батюшка нас ждал

очень долго, и, решив что мы уже не приедем, хотел запереть солидного размера ворота во двор и ложиться спать, но тут зазвенел телефонный звонок — это звонили мы уже из Бари. О. Игорь с мужем регентши, жившей в одном из церковных зданий, вскоре приехал на станцию и забрал нас к себе.

Прежде всего с о. Игорем мы прошли в русскую церковь Святителя Николая, построенную еще при последнем русском царе, где приложились к частице мощей святителя и иконам, после чего нас провели в дом батюшки и усадили за стол. Ту ночь мы переночевали в церковном гараже, где стоял стол и три кровати, к одной из которых подставили еще четвертую, и поперек смогли лечь четверо, а остальные пристроились на других двух и на диване. На утро нам принесли вкусное молоко, кофе и чай со свежими, очень вкусными булочками, после чего мы отправились в основной пункт нашей остановки, расположенный в католической семинарии, куда через несколько дней должна была приехать вторая часть наших паломников из Америки. В тот же день мы успели посмотреть часть города и сходить к мощам святителя Николая, которые покоились в католической церкви под престолом, но католики разрешали и нашим священникам иногда проводить службы около мощей. Мощи лежали ниже уровня пола, а в полу под престолом католической церкви было специальное отверстие, через которое доставали источающее мощами миро. Миро потом разводилось со святой водой и раздавалось богомольцам.

Ходили мы с доброй матушкой Тамарой, и ею же были предупреждены быть осторожными с сумками, так как не раз случалось, что постоянно проезжавшие мимо на мотоциклах хулиганы, вырывали сумки из рук и убегали, а были случаи и переломов рук и ног.

Через два дня приехал организовавший наше паломничество о. Никита, после чего той же ночью приехала и американская группа. Духовным руководителем группы был о. Иоанн Легкий, а среди паломников оказалась матушка Слободская с своей дочерью, подростком.

После приезда американских паломников в воскресенье мы все были в храме у мощей св. Николая, а около находившейся у мощей изгороди нашими батюшками служилась литургия с составившимся хором паломников. После литургии каждому из нас было дозволено подойти и поклониться мощам святителя.

Сделав подсчеты расходов с о. Никитой и, получив от него деньги, мы опять должны были отделиться от американской группы, чтобы посетить Рим.

Прибыв в Рим, мы позвонили жившему там батюшке о. Виктору Ильенко, и он, встретив нас на станции, отвел в гостиницу.

По просьбе о. Виктора за нами пришла говорившая по-английски пожилая венгерка, и повела нас в Ватиканский музей. Музей оказался настолько большим, что мы, пробыв в нем несколько часов, так устали, что были бы рады, не досмотрев всего, вернуться к себе в гостиницу, но наша неугомонная старушка не унималась и все водила нас по музею. Кое-как мы оттуда выбрались, уже еле держась на своих ногах. Нет слов, музей великолепный, и там есть что посмотреть, однако в нем не было ни одного сиденья, где мог бы уставший человек присесть и немного отдохнуть.

Отдохнув и насытившись, мы вновь отправились по Риму и пришли на площадь Ватикана, а потом прошли к собору апостола Петра. Собор оказался очень большим с круговой лестницей, ведущей к куполу, по которой мы решили взобраться пешком, хотя там был и лифт. Вначале по широкой, постепенно поднимающейся лестнице идти было не трудно, но потом лестница стала сужаться и подниматься все круче и круче, пока, наконец, не превратилась в узкий и очень крутой пещерный проход, ведущий к окаймляющему весь купол открытому коридорчику. Вступив на него, мы увидели представший перед нашим взором древний город Рим как на ладони. Высота собора оказалась огромнейшей, и мы, стоя в том коридорчике у подножия его самого главного купола, заметили, как все внизу уменьшилось в размере от большого расстояния. Сделав снимки и посмотрев на окружавший нас город, мы начали спускаться. Казалось бы, что спускаться по лестнице не должно представлять большого труда, поскольку при этом мускульной силы не требуется, а оказалось не совсем так, как представляется. Ноги наши при каждом шаге стали подкашиваться, а пока дошли до низа, они у нас задрожали от мускульного перенапряжения. Чтобы понять такое состояние надо его испытать. Очутившись внутри собора, мы почувствовали в нем духовный холод, так как он состоял из голых каменных стен с множеством статуй разных пап, а по сторонам его в склепах виднелись папские мумии. О иконах и говорить нечего, их там почти совсем не было. Оттуда мы направились к о. Виктору, где встретили регентшу Шуру.

На следующий день Шура нас повела по городу, чтобы показать наиболее важные исторические места Рима. По пути мы видели много красивых старинных зданий, иногда с большим количеством ведущих к ним поднимающихся вверх каменных ступеней, но чаще — разнообразных фонтанов с красивыми фигурами и украшениями, не говоря уж о музейных достопримечательностях и церквах. Кроме всего другого мы попали и в древнюю церковь Иоанна Крестителя, построенную сразу после освобождения христиан от гонения. В ней

находилось много святынь, но, к сожалению, для народа к ним не было доступа. Побывали мы и в соборе Павла, который, в сравнении с собором Петра, оказался более одухотворенным и, к тому же, как нам объяснили, в нем хранились головы апостолов Петра и Павла. Посредине церкви, как и у других католических церквей стояло сооружение, на верху которого были видны бюсты апостолов Петра и Павла, в которых, как нам сказали, и находились настоящие их головы. Тело ап. Петра, нам сказали, находилось в соборе ап. Петра, а тела ап. Павла и Тимофея лежали в соборе ап. Павла. И еще многие святыни находились в том соборе, но для народа к ним тоже доступа не было.

Затем мы были в церкви, где находилась Пилатова лестница, по которой Иисус Христос прошел четыре раза во время его суда. По той лестнице можно было подниматься, но только на коленях, читая молитвы. Православным можно читать акафист Господу Иисусу, но мы поднялись по той лестнице с пением Воскресение Христово Видевше. В храмах апостолов мы пели величание, предварительно получив на то разрешение. Были мы еще и в церкви Божией Матери, которая оказалась такого большого размера, что, возможно, такой величины храмы у православных никогда не строились.

В тот же день мы побывали и в Колизее, на арене которого насмерть бились гладиаторы, забавляя этим людей. Позднее же, вместо гладиаторов приводили на мучения христиан, подвергая их растерзанию голодными дикими зверями, выпущенными на арену из подземелья. На той арене было растерзано много безвинных христиан, так что много крови впитала земля той площади. Кстати, когда мы там были, верхний покров одной части арены был снят для того, чтобы люди могли видеть бывшие жилища зверей. Ярусная постройка с ее сиденьями вокруг того зрелища все еще стоит, хотя и не в полном ее составе, но она стала очень древней и полуразрушенной.

Посмотрев еще кое-что в Риме, мы должны были отправляться в обратный путь в Грецию, поскольку отведенное время для Рима закончилось.

Прибыв на автобусе в Бриндизи, мы вечером сели на пароход и отчалили. Помнится мне тот вечер с красивым закатом большого солнца, окрашивавшего весь горизонт в ярко-красный цвет с его тонкими, растянувшимися тучами. Плыли мы ночь и весь следующий день, а из Патроса в Афины мы опять ехали автобусом и прибыли в свою гостиницу Софос, где оставались наши чемоданы, уж поздней ночью.

На следующий день, пролетев полтора часа на израильском самолете, мы прибыли в Тель-Авив, где нас встретил человек из

агентства путешествий, который усадил нас в два такси, и мы вскоре прибыли в Вифанскую, русскую школу, где нас разместили по классным комнатам. Кстати, американская группа к тому времени еще не приехала, и по этой причине в последующие несколько дней мы посетили некоторые места Иерусалима, Гефсимании и других расположенных поблизости мест с нашим гидом — монахиней Марией. В первую очередь мы прошли по всему крестному пути Спасителя, были у Судных Врат, где был объявлен последний приговор Христу, затем побывали в храмах на Голгофе и Воскресения Христова с Кувуклией, в которой находится гроб Господень. На нашем пути из Иерусалима мы побывали в пещере Лазаря и в Гефсимании с окружающими ее святыми местами. Проходя мимо Иерусалимского базара, мы решили посмотреть и его, а там один молодой араб обратил мое внимание на мою открытую сумку, в которой я не обнаружила своего кошелька. В кошельке у меня денег было не много, но там были необходимые адреса и телефоны людей, у которых я предполагала быть во время моего путешествия. Забеспокоившись, я высказала об этом арабу, который, велев мне обождать, немедленно скрылся во двор, а через короткое время вынес мокрый и в грязи мой кошелек с моими бумагами, но без денег. Вероятно тот араб сам участвовал в грабеже, но от радости я не знала как его отблагодарить за найденные остатки содержимого кошелька.

Пока американская группа еще не приехала, в наше свободное время мы пошли посмотреть две главные мечети, что стояли на месте Соломонова храма. Одна из них находилась на том месте, где когда-то в еврейском храме было Святая Святых, а другая на месте жертвенника, состоявшего из огромной величины камня, который оказался в центральной части мечети. Обе мечети большого размера, и стены их были украшены красивыми мозаичными рисунками. Входить в мечети не позволялось с обувью на ногах, а поэтому все, снимая ее, аккуратно ставили рядами при входе. Но потом, проходя по полу, невольно чувствовались под ногами ковры, что придавало приятное ощущение босым ногам как посетителей, так, вероятно, и богомольцев.

Были мы на наших богослужениях в Гефсимании, на Елеоне и у Судных Врат. Очень примечательно было, что в монастыри не позволяли людям входить в шортах, в коротких юбках и в платьях без рукавов, предлагая при входе приличную одежду.

По прибытии американской группы наше расписание было так тесно распределено, что мы, без каких-либо перерывов, рано утром

---

[1] Кувуклия — небольшая, с красивыми узорами, надстройка над Гробом Господним.

выбывали на целый день, а по возвращении поздним вечером ужинали и, прочитав общие вечерние молитвы, шли спать. Прошли мы своей большой группой по всем святым местам Иерусалима, пропевая тропарь посвященный тому или иному происшествию, связанному с днями пребывания Спасителя на земле, его преславной матери Богородицы и первых мучеников Христовых. В находившиеся на далеком расстоянии места мы ездили на арендованных для этих целей автобусах при чтении и пении разных акафистов. О. Иоанн при чтении их вставал и, держась за металлический поручень автобуса, читал, а мы, сидя на своих местах, пели. Так незаметно мы верстали свои дороги. Одна из таких поездок была на реку Иордан, где все погружались в воду, а одна, выехавшая из Советского Союза семья евреев крестилась. Были мы, где Иисус Христос говорил народу заповеди блаженств и где дал молитву Отче Наш, проехали на большой лодке по Галилейскому морю и попали в Капернаум, где до сих пор лежат руины города. По пути к Галилейскому морю, на берегу его, мы остановились у ресторана, где нам приготовили рыбу в воспоминание о чуде происшедшем в дни Спасителя, когда апостолы по его воле закинули в воду сети и поймали большое количество рыбы. Ездили мы также и на Фаворскую гору, где Спаситель преобразился перед апостолами и там посетили греческий храм. Автобусы на верх не ходили, и поэтому от подножия горы мы поднимались до самого ее верха пешком. Были мы и в других исторических местах: где жил Илья пророк, в храме Георгия Победоносца с его хранящимися там веригами, в Иерихоне, стены которого в старину упали под звуки и крики наступавших евреев, где жил Ирод, что отсек голову Иоанна Крестителя и т. д.

Интересное путешествие было в греческий монастырь Георгия Хозевита, который, как птичье гнездо, врос в вертикальные скалы.

Мы также посетили и монастырь Сорокадневной горы, расположенный высоко от ее подножия, прилепившись к ее крутому косогору. Тот день был солнечный и очень жаркий, и когда мы вереницей поднимались вверх по горе, то должны были часто останавливаться, чтобы немного передохнуть. Как в том, так и в других греческих монастырях, церкви были богато украшены, часто подарками от русских государей старой России. Отдохнув в монастыре, нам очень захотелось подняться на самый верх горы, где сатана искушал Спасителя, но нам этого сделать не позволили, поскольку надо было торопиться, чтобы попасть в другое место.

Другая наша поездка была посвящена монастырю Саввы Освященного, где находилась рака с его мощами, а по пути смогли заехать и в греческий монастырь Креста, где, по преданию, выросло

трехсоставное дерево, из которого потом был сделан крест для распятия на нем Иисуса Христа. Во внутреннюю часть монастыря Саввы Освященного женщинам входить не позволялось, и поэтому мы смогли посмотреть только окружавшую его местность. Но в прилегавшей к монастырю пристройке, где находился родник св. Саввы, имевший еще и наружный вход для посетителей, я была и пила из родника чистую воду. Вода из скалы вытекала в очень малом количестве, и поэтому монахи устроили из камня большое корыто, в которое она постоянно стекала по капелькам, а уж из корыта, набирая в ведра, они уносили ее к себе в монастырь. Около монастыря, в ущелье текла быстрая речушка, но вода в ней была непригодной для питья, оттого и молился Савва Освященный, чтобы Господь дал его братии воду. Как нам рассказывали, в тот момент, когда молился святой, вдруг прибежал дикий козел и стал копытом рыть землю на склоне горы, откуда и потекла хрустально чистая и вкусная вода. Надо отметить, что окружавшая монастырь местность была, хотя и не ровной, но очень пустынной и без какой-либо зелени. Пока мы все это осматривали, мужчины нашей группы, войдя в монастырь, приложились к мощам св. Саввы.

Была также очень интересной и назидательной поездка в монастырь, где жил св. Харитон. Дорога в монастырь шла по выгоревшей, иногда каменистой пустыне, в которой изредка виднелись шалаши бедуинов, состоявшие из какой-то серой материи растянутой на торчавших вверх палках так, что один край шалашей был закрытым почти до земли, а другой совершенно открытым. В таких жилищах бедуины жили постоянно, переезжая с места на место. Подъезжая к монастырю, в стороне мы заметили среди каменистой безжизненной местности углубленную длинную, но узкую, зеленую полосу оазиса. В таких условиях чувствовался большой контраст прекрасной зелени на фоне желто-серой с красным оттенком окружавшей ее пустыни. До жилища и церкви св. Харитона проехать на автобусе было невозможно, поэтому мы пошли по узкой дорожке, пролегавшей по той же пустынной поверхности земли, усеянной большими и мелкими камнями и булыжниками. Приближаясь к монастырю мы были встречены жившим там нашим — православным монахом немецкого происхождения, который заранее для паломников накрыл столы, поставив на них вкусные, росшие, вероятно, в том оазисе, что мы видели, смоквы. Но прежде чем попасть к столу, мы прошли к могиле святого, затем поднялись по деревянной, тонкой, стоявшей совершенно вертикально лестнице, ведущей через отверстие в огромной каменной плите на ее горизонтальную поверхность. Там мы вошли в пещеру св. Харитона, в которой он жил, а потом и

в пещерную церковь, где приложились к иконам и поставили свечи. Другого хода не было, и поэтому мы вновь должны были через отверстие в каменной плите спуститься вниз по той же вертикальной лестнице.

Посещая святые места в самом Иерусалиме и вокруг его, вспоминались происходившие во времена Спасителя происшествия описанные в св. Евангелии: расслабленный у Силоамской купели и слепец промывший глаза в той же купели, горница, в которой была вечеря, темница, где хранится каменная колода с отверстиями в ней для ног, которой были закованы ноги Иисуса Христа, Лефостратон с каменным полом, на котором до сих пор видны линии игр воинов, где они издевались над Спасителем, место, где вышел к народу Пилат, сказав: «Се человек», въезд Господа в Иерусалим на молодом осле, место молитвы его перед страданиями, как и место предания его Иудой, место погребения Божией Матери и место ее явления после своего успения, когда она сбросила апостолам свой пояс, место избиения архидиакона Стефана камнями — первого мученика за Христа, место воскрешения Лазаря, весь крестный путь Господа с Судными Вратами, гроб Господень, Голгофа и место вознесения Господня. Всего же перечислить невозможно, поскольку там все говорит о жизни Спасителя на земле.

Нам было очень интересно пройти по Иосафатовой долине, которая упоминается в Евангелии, как Армагеддон, и издали увидеть кладбище по названию «Земля Крови» — когда-то купленный земельный участок первосвященниками за деньги, которые вернул им Иуда после того, как предал Христа. «Называется земля та землею крови» (Матф. 27;8).

Во время наших путешествий на автобусе мы заезжали и в место с находившимися там в общей куче черепами сорока тысяч младенцев, избиенных воинами Ирода, а также и в Кану Галилейскую, где Христос во время брачного пира в больших кувшинах претворил простую воду в вино, а кувшины те все еще хранятся, и мы их видели. Нас там угостили вином, которое было необычайно вкусным, после чего многие паломники изъявили желание купить такого вина, и желание их было исполнено.

Были мы и у источника, где явился Божией Матери архангел Гавриил со словами: «Радуйся, Благодатная, Господь с тобою!» и возвестил ей, что она будет Матерью Спасителя мира.

По дороге в храм Рождества Христова сооруженного на месте пещеры, где родился Христос, мы проехали по полю пастухов, где они услыхали пение ангелов: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение», возвестившее Рождество Христово.

Не менее чудесным было наше посещение и Мамврийского дуба, где явился Аврааму Бог в виде трех ангелов, которых с большим гостеприимством принял Авраам под тем самым дубом. Около дуба находился очень большой православный храм, но монахов при монастыре почти не было. Нас радушно встретил о. Игнатий с иконой Божией Матери на груди и проводил к гробницам праотцов, находившихся во владении магометан. Возвратившись оттуда, мы все прошли в церковь, потом к дубу, после чего попали за столы. О. Игнатий был таким же гостеприимным, как и праотец Авраам.

По дороге мы побывали у колодца Якова, где, напившись воды, набрали ее и в свои бутылочки.

Мы также посетили Стопочку Христову — отпечаток ноги, оставленный на камне во время вознесения Иисуса Христа. Место то находилось во владении магометан, и поэтому над Стопочкой стояла магометанского типа часовенка, а с православных паломников за вход брали деньги.

Кроме всех наших запланированных посещений, к моей радости, у меня неожиданно появилась возможность побывать и на Синайской горе. Полетели мы на маленьком самолете, в который вмещалось всего около десяти пассажиров и летели все время над однообразной красноватой пустыней и такого же цвета голыми горами, между которыми изредка были видны шалаши бедуинов с их малочисленными стадами коз. Часа через два полета мы прилетели к греческому монастырю великомученицы Екатерины, который стоял на том месте, где в кусту, в виде огня, явился Бог Моисею, что церковью называется Неопалимая Купина. Нас провели мимо этого, все еще зеленого кустика, находившегося в монастырских стенах и ввели в церковь, где находились мощи св. великомученицы Екатерины. Показали нам извне стоявшую в алтаре золотую раку, полученную монастырем для мощей великомученицы Екатерины от царской России, но мощи по какой-то причине лежали не в ней, и поэтому она в алтаре стояла пустой. На одной из церковных стен висело большое полотно, также посвященное великомученице с вышитыми изображениями, которое, как нам сказали, тоже было получено монастырем от царской России. С нами тогда был хорошо говоривший по-гречески о. Иоасаф, и поэтому он организовал отслужить молебен великомученице. Посреди церкви монахи поставили стол, на котором установили ковчежец с хорошо видневшейся рукой великомученицы Екатерины, на пальцы которой одели серебряные кольца для раздачи после молебна паломникам, одно из которых досталось и мне. Для меня это событие было особенно важным, так как великомученица Екатерина — моя небесная покровительница.

После молебна мы прошли в монастырскую усыпальницу, где в стеклянной раке в сидячем положении находились мощи святого Стефана, исповедника, на полках всюду лежало много черепов, а в стороне в куче лежали кости. На гвоздике у столба висели связанные веревочкой кости какого-то святого Нила, может быть Синайского, и мы заметили свисавшие с них капельки, которые один из наших паломников, собрал ваткой. Это оказалось благоухающее миро, которое мы потом все нюхали, и оно на ватке приятно благоухало.

Паломничество так было организовано, чтобы на Успение Божией Матери мы были в Иерусалиме, когда там каждый год совершается большое торжество. В ночь торжества мы были в храмах Голгофы и Воскресения Господня, где торжественно шли службы, а на службах были как православные греки, так и православные русские и православные арабы и другие православные народности. В определенный час после полуночи, из какой-то греческой церкви, где, вероятно, служил Иерусалимский Патриарх, с пением по-гречески начался крестный ход, сопровождавшийся многочисленным духовенством, с иконами, хоругвями и с большой плащаницей Божией Матери. Он медленно шел через весь Иерусалим по направлению храма Успения Божией Матери, который находится в Гефсимании, то есть вне стен Иерусалима. К нему присоединялись люди из других, лежавших на пути церквей, и пока крестный ход дошел до храма Воскресения, на улице уже было море людей. Улицы, по которым медленно двигался крестный ход, были заполнены народом до отказа, то есть так, как бывает иногда в церкви, когда невозможно повернуться. Окна зданий были заполнены народом, люди были на крышах, на балконах, то есть всюду, где можно было пристроиться. Позади улица также была забита двигавшейся за главной процессией народом.

Храм Успения Богородицы находится на месте ее погребения, к которому с поверхности земли ведут множество длинных каменных ступенек. А в ту ночь на краях каждой ступеньки стояло множество зажженных свечей, так что оставалась только средняя часть ступенек свободной для того, чтобы по ним мог пройти крестный ход. Богослужение продолжалось, но из-за множества народа мы не могли видеть, как полагалась плащаница на гроб Пресвятой Богородицы. Так как надо было очень долго ждать, чтобы приложиться ко гробу, то мы, не дождавшись, уже утром из храма ушли, а позже, когда в церкви было не так много народа, вновь пришли и приложились ко гробу, в котором была похоронена Пресвятая Богородица после ее успения.

Гроб Господень находится в храме Воскресения Христова, и когда мы были там, то на него положили свои нательные кресты

и купленные иконочки. После поклонения, выходя из Кувуклии[1], как нам сказали, нельзя поворачиваться задом ко Гробу Господню, поэтому надо выходить пятясь задом, а некоторые люди при нас заходили и выходили на коленях. Надо заметить, что Кувуклия очень маленького размера, во всю длину которой расположен Гроб Господень, с небольшим пространством около него для подходящего для поклонения человека. У входа в Кувуклию под стеклом находится оставшийся кусок отваленного от гроба камня, а также неподалеку лежит сохранившийся камень, на котором помазывали тело Христа перед погребением.

Предварительно побывав у Патриарха Иерусалимского, мы, закончив свое паломничество в Иерусалиме, отправились в США, причем, австралийская группа почему-то опять отделилась от американской.

Из Тель-Авива, сев на самолет, мы полетели в Нью-Йорк через Францию с недолгой остановкой в Париже. Да, мы были в Париже, но нас с аэродрома никуда не выпустили, и мы ходили по длинному коридору с застекленной с одной стороны стеной, через которую была видна часть города. Самое же главное, мы смогли увидеть знаменитую французскую Эйфелеву башню.

Следующее наше приземление было в Нью-Йорке с его многочисленной толпой разнообразного и разноцветного народа. После того, как мы забрали свой багаж, нас окружили американские черные (так называют африканцев в Америке) с тележками, предлагая свои услуги. Мы, ничего не понимая, согласились чтобы один из них подвез для нас багаж, но тут мы повстречали приехавших нас встретить русских семинаристов. Заплатили они нашему черному помощнику и забрали багаж. Это все мне было в диковинку: как мне тогда казалось, черные хотели нам помочь, а почему этому черному заплатили за помощь, я не могла понять. Ведь мы его не нанимали. И только потом я узнала, что на американских аэродромах черные тогда так зарабатывали, правда, это потом было прекращено, что, несомненно, к лучшему.

Привезли нас в резиденцию митрополита Магопак ночью и разместили на ночлег. В тот период там стояла ужасная жара, а комната, в которую меня с Таисией поместили, была на втором этаже под самой крышей, отчего в ней было еще жарче. Как бы то ни было, мы за ночь хорошо отдохнули, а на утро отправились на автомобилях в Канадский город Монреаль, где предстоял очередной съезд православной молодежи. Вновь мы встретились с нашим организатором поездки о. Никитой и прошли под благословение Владыки митрополита Филарета (Вознесенского), бывшего покровителем Молодежного

Комитета, субсидировавшего нашу поездку. На лекциях съезда молодежи присутствовали митрополит, несколько епископов, священников, диаконов и, конечно, молодежь из многих стран.

Надо заметить, что после того, как архиепископ Иоанн Шанхайский, служивший последнее время в Сан-Франциско, умер, то наш епископ Антоний, что служил в Мельбурне, был назначен архиепископом Сан-францисским, и уж несколько лет я его не видела. А тут к съезду молодежи приехал и он, и я была рада с ним вновь встретиться.

Съезд продолжался несколько дней, во время которого были интересные доклады и дискуссии, а во время богослужений молодежь помогала в алтаре и пела в хоре.

Жили мы всей нашей группой с нашими новыми знакомыми семинаристами в свободном доме одного русского человека, а на съезды ездили каждое утро в собор, в котором тогда служил архиепископом Владыка Виталий (Устинов) — будущий митрополит.

После съезда по дороге из Канады мы заехали в Свято-Троицкий мужской монастырь в Джорданвиле, затем проехали в женский Ново-Дивеевский монастырь, где познакомились с Рокландским епископом Андреем Рымаренко, который радушно нас принял и попросил перед нашим отъездом домой позвонить ему. Когда я ему позвонила, то он нам на дорогу прочел по телефону длинную молитву, благословив нас в путь. По дороге в Магопак мы попали к вечерне в Наякский храм, где еще раз встретились с матушкой Слободской, бывшей в паломничестве с американской группой, а перед отъездом не упустили случая побывать и у духовника паломников о. Иоанна Легкого в Патерсоне, и он в свою очередь навестил нас в Магопаке.

Когда мы вновь попали в Магопак, туда прибыл и митрополит Филарет с диаконом Никитой. Там мы прожили некоторое время и помогали паковать отпечатанные Молодежным Комитетом книги для распространения их между русскими людьми в разных странах. Приятно нам было бывать с ласковым митрополитом, рассказывавшим нам много полезного, включая хорошие и поучительные анекдоты о монахах. В Магопаке тогда была повариха, которая готовила для всех пищу и угощала нас за большим столом вместе с митрополитом.

Природа в Магопаке была очень красивой, с множеством роскошных деревьев, окружавших большой двухэтажный дом, на нижнем этаже которого, в одной его части, была расположена церковь в честь иконы Божией Матери Курской-Коренной, в которой и хранилась сама чудотворная икона — путеводительница русского зарубежья.

В Магопакской церкви тогда служил иеромонах Иннокентий. Помню с каким усердием он трезвонил в колокола, когда митрополит

уезжал из Магопака или, наоборот, въезжал во двор через полукруглую арку с такой же полукруглой надписью.

Напротив большого дома находилась гостиница, в которой могли останавливаться приезжавшие богомольцы, а в наше время там жила часть наших паломников. Недалеко от всего этого находилось небольшое кладбище, где были похоронены наши соотечественники, всю свою жизнь ждавшие своего возвращения в Россию, но так и не дождавшись, приютились там под высокими, зелеными деревьями. Чуть подальше было озерко, около которого стояла маленькая часовенка. Несмотря на то, что озеро было очень маленьким, из средины его выступал маленький островок, к которому с берега был переброшен незавидный мостик. На острове стоял стул для митрополита, сидя на котором, он любил, отдыхая, удить рыбу.

Во время нашего пребывания в Магопаке дни все время стояли солнечные, хотя время уже стало клониться к осени и с каждым днем становилось прохладнее.

Узнав о том, что у меня в Сан-Франциско были родственники, и что мне хотелось к ним попасть, о. Никита помог мне купить билеты, и я улетела к ним без всякого предупреждения. Вечером я неожиданно явилась к своей тете, той самой, что жила с дядей Алешей в Мазарке, а дядю я так и не увидела, так как к тому времени он уже умер. Однако с тетей я уже встречалась до этого после двадцатипятилетней разлуки, когда она с одним из сыновей приезжала к нам в Австралию, но в тот раз мне предстояло встретиться еще с двумя двоюродными братьями и одной сестрой. Тетя тут же позвонила своей дочери, которая вскоре приехала и после оживленной встречи забрала меня к себе.

Первое впечатление от Сан-Франциско, на что я тогда обратила внимание — тонкие тучки висели в воздухе низко, почти касаясь земли, тогда как верхушки гор местами высовывались из них. Это явление чем-то мне напомнило Мазарку в уже похолодевшие осенние дни, но трудно сравнивать по величине гор и их красоте эти два места! Город Сан-Франциско расположился на гористой, песчаной местности, вокруг которой тянутся не очень высокие горы. Зимой они стоят зелеными, но потом быстро выгорают в связи с тем, что в летнюю, большую часть года там не бывает дождей. Мне также бросилось в глаза, что в прилегавшей к океану части города деревья стояли с прибитыми верхушками, причем, как бы отвернувшись от океана. Уже потом я узнала, что этот вид они приняли от постоянного холодного и соленого ветра, дующего с водной поверхности.

Мне было приятно вновь встретиться с Владыкой Антонием и увидеть огромный собор, построенный в нашем русском стиле,

с большими куполами и множеством русских прихожан. Хор под управлением регента Михаила Сергеевича Константинова пел прекрасно, этому содействовала и незаурядная акустика храма.

Мои тетя и сестра решили мне сделать приятное и повели меня в какой-то, если не ошибаюсь, Таиландский ресторан. Вошли мы в ресторан, который имел впечатление ночи под открытым небом, с множеством горящих звезд, посредине которого блестела вода, видимо в бассейне, и медленно по ней плыла большая, наряженная в яркие цвета лодка с плоской поверхностью, на которой ансамбль Таиландских артистов в национальных костюмах с оркестром развлекали угощавшихся за круглыми столиками гостей.

Затем сестра с мужем и детьми повезли меня в какой-то городок на озере Тахо, где люди развлекались тем, что проигрывали деньги в надежде на выигрыш. Помню большое здание, заставленное внутри игровыми автоматами, около которых стояли люди и вкладывали одну за другой монеты. Иногда автомат так гремел, что было слышно во всех уголках помещения, и это значило, что кто-то выиграл, что вызывало еще больший азарт у всех других игроков. Попробовала играть и я, но проиграв долларов пятнадцать, решила, что такое развлечение не для меня. Я стала ходить и смотреть, как играют другие, а когда видела как исчезали иногда кучи насыпанных около игрока денег, мне делалось не по себе. Не одного и не двоих людей я видела, как они кидали одну монетку за другой, дергая ручку игрового автомата до тех пор, пока исчезала последняя монетка, после чего, глубоко вздыхая, шли к другому, чтобы и его накормить новой кучей денег. В конце концов я уже не могла смотреть на все это. Выигравший редко когда ограничивался тем и уходил с добычей, большей же частью он все выигранное вновь спускал в ненасытную машину, прежде чем прекращал свою игру.

Дорога в Тахо и обратно была интересной. Вначале она шла по безжизненной пустыне, но потом вошла в живописные места с высокими горами и красочным озером Тахо с его волшебной чистотой покраски воды. Озеро окаймлялось разнообразными деревьями и пышной зеленью, и вид на него с горы, где мы специально вышли из автомобиля, был превосходный.

Погостив несколько дней у моих родственников, я возвратилась в Магопак, а через еще несколько дней мы предприняли наш последний маршрут. Пролетев над всей Америкой с восточного побережья на западное, мы вновь сели на австралийский самолет Куонтас и вылетели в Австралию. Таким образом, наше путешествие оказалось кругосветным. В путешествии мы тогда были три месяца и так к нему привыкли, что не хотелось возвращаться домой.

А дома я оставляла свою шестилетнюю дочурку, о которой мама мне потом рассказывала: «Возьмет твою карточку, смотрит на нее и что-то наговаривает, а слезы крупными каплями катятся по ее щекам». Привезла я ей тогда в подарок греческую куклу в национальном костюме, расшитом бусами.

В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

На следующее лето Коля с женой и Валей решили поехать в Новую Зеландию с тем, чтобы объехать ее на арендованном автомобиле, с ночевками в палатке. Чтобы поездка обошлась дешевле, они пригласили поехать с ними наших родителей и меня. Наши родители — любители путешествий — при всякой удобной возможности старались к кому-нибудь пристроиться, и поэтому им такое предложение было как раз кстати. А я тоже была рада такой возможности и, не задумываясь, согласилась, и через короткое время, собравшись, мы все вместе поехали на аэропорт. К тому же, я решила с собой взять еще и Нату, а Коля с женой повезли своего четырех- или пятимесячного сына.

Прилетели мы самолетом в Крайстчерч ночью, взяли на прокат большой автомобиль с высоким багажником, куда и сложили все свои вещи, причем, часть их пришлось привязать наверху машины. Так как нас было шестеро взрослых и двое детей, то вещей у нас оказалось много, при этом мы взяли с собой свернутую Колину палатку, а для приготовления пищи папа взял примус. С одного края багажника мы сверху вещи разложили по сторонам для того, чтобы туда можно было уместить Нату, где она могла находиться только лежа, и маленького ребеночка. Усевшись по три человека на каждом сиденье, мы в темноте немножко отъехали и остановились, поскольку не знали куда ехать, а также, пока мы были еще в городе, нужно было обменять наши деньги на новозеландские. Мы пробовали заснуть в машине, но у нас не получилось. Утром, управившись с делами, мы заехали в продуктовый магазин, купили продукты и двинулись в путь вокруг нижнего Новозеландского острова.

Страна оказалась очень гористой, на высоких вершинах гор лежали вечные снега, а дороги, большей частью, вились по склонам над морским берегом так, что с одной стороны их часто тянулись страшные обрывы. На многочисленных поворотах извилистых

дорог, того и гляди, машина могла слететь с дороги под откос, и, не дай Бог, если бы это случилось, тогда уж косточки наши едва ли когда-нибудь нашли. От такой мысли становилось страшно, и даже хотелось, чтобы такие места скорее закончились. А сколько там по горам воды! Проезжая по дороге, с вершин гор мы постоянно видели падавшие водопады. Воздух был насыщен влагой, отчего все деревья покрылись толстым слоем мха, и казалось, что они были оплетены какими-то зелеными растениями. В иных местах, видимо после грозы, деревья были повалены, а один раз мы неожиданно наткнулись на огромное ветвистое дерево, лежавшее перед нами поперек дороги. Толстый ствол его перекрыл наш путь, и мы не знали, что делать. К счастью, подъехал, по всей вероятности, местный житель, знавший, что в дороге такое можно ожидать, и поэтому везший с собой топор и другие необходимые в таких случаях инструменты. Он сразу же понял, за что надо было браться, и вскоре наша дорога была открыта. В иных местах дорога шла по более или менее ровным местам с небольшими сверху закругленными и покрытыми травой горками, на которых паслись стада белых овец, которых в Новой Зеландии было очень много. Иногда мы специально останавливались, чтобы присмотреться к видовому составу росших трав, и отметили, что там было гораздо больше видов, чем в Австралии, но такого разнообразия, как в Китае, мы не заметили.

По мере передвижения окружавшая нас природа постоянно менялась, переходя с более гладких полей в закругленные или увеличивающиеся в размере горы и наоборот. Когда дорога тянулась по ущелью, в которое впадало много других мелких ущелий с речушками, то мы проезжали по мостам через реки, любуясь быстротой бежавших вод меж каменистых берегов, на которых было немало всяких булыжников. Иногда в таких местах мы останавливались, чтобы поесть и передохнуть. Надо отметить, что все дороги, по которым мы ехали, были асфальтированными и очень хорошими, так что даже мосты, по которым мы проезжали, часто были бы не заметными, если бы по сторонам не виднелась мелькавшая речная вода.

Ехали мы с картой и заранее намечали место, где должны остановиться на ночлег. Каждый день под вечер мы начинали присматриваться по дороге к надписям, которые указывали места, отведенные для палаток. Свернув в такие места, кто-нибудь из нас начинал устанавливать палатку, а другие готовить пищу, иногда на примусе, а иногда на печке общей кухни, которые бывали в таких остановочных пунктах. За ночлег в любых таких местах взималась плата, но она была небольшой, хотя и не во всех местах одинаковая.

Мы ездили по Новой Зеландии в разгар лета, однако тепло чувствовали только тогда, когда находились в своем автомобиле. Каждый раз, когда мы ставили свою палатку и готовили пищу, мы мерзли почти как зимой, и неудивительно, поскольку часто наша палатка стояла на покрытой зеленой травой ложбине, а неподалеку на склонах гор лежал снег. Самое трудное было поставить палатку, так как всегда дул холодный ветер, в то время как теплой одежды у нас с собой не было, а при той температуре требовалась не только теплая одежда, но и теплые рукавицы. Зато, устанавливая палатку, мы бегали, не останавливаясь, и через пятнадцать минут у нас уже стоял дом, в котором сразу же чувствовалось теплее, а тем более после горячей пищи. Спать под одеялами в закрытой палатке было не холодно еще и потому, что в ней находилось много людей. Однако вместиться все в палатку не могли, и поэтому Коле всегда приходилось спать в машине.

Так как Ната не могла сидя вместиться на вещах, где она находилась, то ей пришлось всю дорогу лежать или, согнувшись, сидеть, но все наше путешествие она молчала или что-то себе напевала, не знаю чем, но чем-то забавлялась, а о ребеночке, поскольку он дорогой почти не плакал, то и написать нечего. Его как бы и не было, а если и были какие трудности, то об этом знает только его мама. Потом, уж взрослым, когда я приезжала в Австралию, шутя, он мне говорил: «Я в Новой Зеландии был».

Проезжая города, мы заходили в магазины, чтобы купить себе продуктов, а однажды, почти в самом начале путешествия, мы решили попробовать новозеландского сливочного масла. Купили мы его немножко, чтобы только попробовать, потому что австралийское, а позже я узнала, что и американское масло, очень невкусное, и поэтому мы его никогда с хлебом не ели. Попробовали мы только что купленного масла, и нам вспомнилось наше вкусное, китайское, с его особенно приятным запахом. После этого, кроме сливочного масла и простого хлеба, мы ничего другого не хотели.

Наконец, мы приехали в самую северную часть южного острова Новой Зеландии, где его отделял от северного морской пролив. Помнится, как перед нами открылся вид на пространство, похожее на небольшое озеро с голубой водой, огибающей закругленные сверху острова и полуострова, покрытые кустарником и зеленью, за которыми вода исчезала из вида. На пассажирском судне, перевозившем и автомобили, мы получили место и поплыли. Судно шло медленно, как бы по изгибавшейся реке, все время меняя направление из-за встречавшихся островов, что вносило в наше путешествие новые, необычные ощущения.

На берегу северного острова мы попали в довольно большой город Веллингтон, где нечаянно набрели на нашу православную церковь Христа Спасителя, в которую нас впустили, чтобы ее посмотреть и поставить у икон свечи. Русских в Новой Зеландии тогда было мало, но все-таки они были. Они составляли четыре православных общины, находившиеся под управлением австралийского архиерея. Только подумать, есть ли где-нибудь такое место, где не было бы русских? Разлетелись, как птицы, по всему миру, и, чтобы выжить, строят церкви, которые, объединяя их, как наседки своих птенцов, согревают своим духовным теплом. Именно духовным, потому что на Западе телесного тепла больше чем надо, а духовного там нет, а мы без него жить не привыкли.

После всего этого мы направили свой путь на север к городу Хастингс с тем, чтобы по пути к городу Окленд, из которого мы должны были вылететь в Австралию, заехать в интересное местечко «Роторуа». Дорога наша опять шла частью по горам, частью по плоскогорьям и равнинам, но таких опасных дорог, как на южном острове, нам почти не попадалось, чем мы были довольны, да и вообще были рады тому, что никаких неприятных приключений у нас не случилось. Незаметно мы прибыли и к своей цели — укутанному белым паром местечку, называемому Роторуа. По прибытии туда нам нужно было решить, где остановиться, но тут, к нашему счастью, мы наткнулись на ряд кабинок, специально построенных для таких путешественников, как мы. День был неприятный, пасмурный, и шел мелкий дождь, а мы должны были решить ставить ли нам палатку или арендовать свободную кабину, но из-за мокрой погоды второе перетянуло, и мы вошли в теплую с кроватями и печкой кабину, состоявшую из двух комнат, и выбором своим оказались очень довольны.

Местечко Роторуа примечательно своими горячими гейзерами, и первое, что мы заметили около нашей кабины, это в небольшой котловине кипящую полужидкую грязь. Наши родители, решили той грязью полечиться от ревматизма, и Коля, взяв из кухни сковородку, с женой пошел ее доставать,. Тот момент представлял жуткую картину. В воображении, с появлением мысли «А что, если он как-нибудь нечаянно сорвется?» невольно набегали ужасающие картины, чему помогала постоянно клокочущая темная масса с длинной струей посредине котловины вроде высоко вытягивающейся из грязи черной змеи с утолщенной головой. Потеряв равновесие, это изваяние змеи падало, а вслед за ним тянулось второе такое же изваяние. Русская пословица «Это еще только цветочки, а ягодки будут впереди» очень подходила к тому моменту.

Не имея никакого понятия об окружавшей нас местности, мы пошли ее осматривать. Благодаря тому, что все находилось под наблюдением служивших там людей, опасные места были огорожены с надписями, чтобы нечаянно люди не набрели на них. Пройдя немножко от нашей кабины, мы пришли к кипящим земельным казанам, а от них прошли к фонтанам кипящей воды, после чего попали к месту, где людям можно было идти только по узкой дорожке. По сторонам дорожки с большим паром и шумом выбрасывались по очереди с короткими и более длинными перерывами всевозможные фонтаны и фонтанчики. Один из них был особенно интересен тем, что кипящая вода выскакивала через более долгие промежутки времени, но зато с большой быстротой и производила такой шум, что все другие приглушались, а вода летела вверх на высоту трехэтажного дома и потом всей своей тяжестью падала вниз, разбиваясь о горячую землю. В момент, когда тот фонтан спал своим коротким сном, мимо него, уже совсем позабыв про его существование, преспокойненько проходил Коля, и вдруг как поднимется вода с клокотаньем и рычаньем, что Коля от такой неожиданности даже отскочил, а нам от этого стало смешно. Земля, по которой мы шли, гудела и тряслась, отчего казалось, что мы шли по какой-то подсохшей сверху корке, которая вот-вот может провалиться. Поскольку окружавшая температура была довольно низкой, то от горячей земли и воды поднимался густой белый пар, и мы между этих отдельных клубившихся облаков пара и фонтанов были как бы в какой-то мифической или мистической картине. Пройдя дальше, мы подошли к озеру, половина воды которого как нам объяснили, была горячей, а другая половина холодной, причем, цвет горячей воды отличался от цвета холодной, а между ними была видна разделяющая их полоса. Недалеко от берега, в одной его части вода постоянно кипела, и нам сказали, что местные жители маори — новозеландские аборигены — раньше пользовались этим озером для варки яиц, мяса и пр. В специально сплетенных корзиночках они спускали в воду сырую пищу, а через некоторое время вынимали ее уже готовой. Между прочим, отоплением в нашей кабине служило не что иное, как проходившая по металлическим трубам, бравшаяся из тех мест горячая вода.

Потом мы прошли к местам кратеров, земля которых в некоторых местах была совершенно желтой, так как в ее состав входило большое количество горючей серы, а кое-где сера в больших и маленьких комках лежала просто на земле.

Как нам рассказывали, маори когда-то в старину приплыли в Новую Зеландию на лодках с Полинезийских островов, и впоследствии оказались новозеландскими аборигенами, из этого следует, что

до них там людей не было. При высадке на остров они нашли горячие источники и обосновались около них, поэтому маори там было больше, чем где-либо в другом месте Новой Зеландии. Когда мы были там, новозеландское население, в основном, было белым, если не считать небольшое количество маори. Кстати, так как маори очень хорошо поют свои национальные песни и танцуют, то вечерами они устраивали концерты для туристов, на одном из которых были и мы и смогли там купить кассеты с их песнями.

Поскольку в Роторуа были естественные источники горячих минеральных вод, то там были устроены под открытым небом горячие ванны разных температур с надписями рекомендаций сколько минут можно сидеть в той или иной ванне. В иных из них, войдя в ванну, первое время чувствовалась вода настолько горячей, что после нескольких секунд мы выскакивали наружу. Но постепенно тело начинало привыкать к горячему, и мы в той же ванне потом просиживали около десяти или пятнадцати минут, в зависимости от рекомендаций. В закрытом здании был также и бассейн с теплой минеральной водой, но нам больше понравились обширные ванны под открытым небом, дном которых служили мелкие камешки. Мы принимали ванны по два раза в день, начиная с самых прохладных, и при этом за каждый вход надо было платить. За несколько дней нашего пребывания мы к ванным так привыкли, что даже не хотелось с ними расставаться, однако надо было двигаться дальше.

Опять мы сложили все свои вещи в машину и, усевшись в нее, направились к городу Хамилтону, но по пути еще проехали к интересной пещере, все боковины и верх которой были усеяны какими-то светящимися в темноте мелкими насекомыми. А так как низ пещеры был заполнен водой, то в ней отражался светящийся потолок, образуя чудесную светящуюся картину. Вместе с другими туристами мы проплыли по пещере в лодке, любуясь необычайным явлением, а когда из нее вышли, продолжили свой путь по направлению к Окленду, в котором должны были сесть на самолет. Таким образом, совершив все свое путешествие по Новой Зеландии недели за две, намучившись и отдохнув одновременно, а главное так много посмотрев за свою долгую дорогу, мы возвратились домой и с новыми силами принялись за свою обыденную работу.

В нашей приходской жизни начал подниматься вопрос о постройке храма и, как всюду бывает при больших общественных делах, а тем более когда общество состояло из двух групп: в нашем случае из синьцзянцев, то есть кульджинцев и трехреченцев, то возникли разногласия. Одни хотели то, чего другие не хотели или некоторые хорошие идеи не принимались только потому, что они исходили не от

них, но от другой группы. Часть прихожан решила купить большой продававшийся участок земли, чтобы на нем построить храм, приходскую школу и зал, чего хотели и мы, поскольку церковный участок, где стояло школьное здание, в котором временно мы тогда молились, был небольшим и вместить на нем будущую церковь с автомобильными стоянками было очень трудно, не говоря уж о школе и о церковном зале. Не желавшие принять такую идею прихожане не хотели жертвовать деньги, поэтому участок мы купить не могли. Упустить такой хороший участок земли нам очень не хотелось и поэтому не достававшую сумму стоимости земли мы: то есть я с мужем и Григорий Алексеевич с Таисией Яковлевной Павловы решили занять в банке, заложив наши, только что выплаченные, дома. Таким образом у нас опять оказался большой долг, который я с новым усердием начала выплачивать.

При постройке храма одни противодействовали покупке земли, другие неустанно работали и продвигали начатое дело. Хочется перечислить имена особо потрудившихся, но не знаю, как они к этому отнесутся, и поэтому, не получив от них разрешения, мне придется их имена и фамилии не упоминать. А мой муж с Григорием Алексеевичем Павловым достали адреса русских жителей Мельбурна и вечерами ездили по домам, собирая пожертвования на покупку упомянутой земли. На Рождество Христово ездили по домам с колядками хористы и тоже собирали деньги для той же цели.

Мне хочется вспомнить как Григорий Алексеевич Павлов много потрудился еще и в издательском деле, печатая на своих типографских машинах душеполезные книги для бесплатного распространения в России. Этот труд он исполнял по инициативе положившей много своего времени и труда Любови Владимировны Чакировой — матери о. Никиты — многолетнего келейника митрополита Филарета. На тех же типографских машинах Григорий Алексеевич печатал и тетради с специальной разлиновкой для младших классов русской школы.

Во время вышеописанных мероприятий по строительству мой муж, съездив в США, почему-то после своего возвращения домой сразу сделал мне такое предложение: «А что, если нам переехать в Америку с тем, чтобы ты с Натой жила в Сан-Франциско, а я в Магопаке?». Мне, любительнице приключений, его предложение сразу же понравилось. Так с обоюдного согласия мы начали готовиться к переезду, а возможности для этого у нас были.

Начав свои сборы, мы продали дом и из вырученной суммы расплатились с банком. Кстати, уже без нас в Данденонге церковь все-таки построили на старом маленьком участке земли, а сумма,

которую мы занимали в банке для покупки большого церковного участка с процентами, через восемь лет после нашего отъезда была нам возвращена Данденонгским приходом.

При сборах нам очень много помогли наши родственники и друзья, а муж моей подруги Таисии Григорий Павлов сбил большие, деревянные ящики, внутри обив их алюминиевыми пластинами. Однако все сложить в ящики мы так и не успели и оставили у Саши в гараже, а они уж потом сами закончили упаковку после того, как мы уехали.

Перед нашим отъездом для нас были устроены проводы нашими родственниками и друзьями, и мы собрали гостей у себя, с которыми провели свои последние часы нашего пребывания в Австралии. Распростившись со всеми, в апреле 1977 года мы отбыли из Мельбурнского аэродрома, а часа через два из Сиднея наш самолет взял курс по направлению к Сан-Франциско.

В САН-ФРАНЦИСКО

В аэропорту Сан-Франциско нас любезно встретила моя двоюродная сестра с мужем, у которых мы и остановились, а через несколько дней мы проводили моего мужа в Магопак.

Так как у моей сестры была дача на Русской речке, то мы вместе с ними уехали туда и провели там все лето на приятном, но не жарком солнышке, а осенью вновь возвратились в Сан-Франциско. К тому времени, чтобы встретиться со всеми родными и посмотреть Америку, из Австралии приехали папа с мамой и Валей, и мы все вместе на двух автомобилях решили поехать в «Дисней-Лэнд». Дорога в Лос-Анжелос все время была неприглядной, проходила через сухую и жаркую пустыню, так что интересного в ней ничего не было, а ехали мы целый день и лишь к вечеру оказались у своей цели. Остановились в гостинице около самого «Дисней-Лэнда», и отдохнув, на следующее утро отправились на экскурсию. «Дисней-Лэнд» имел очень много отделений, и в каждом из них проходили своеобразные, уникальные игры. В некоторых местах просто находишься среди какого-либо зрелища, а в других проезжаешь в лодках, в быстрых поездах в темноте, катаешься на каруселях или просто сидишь и смотришь. Что-то было более интересное, а что-то нет, но мне больше всего понравилась сказка о пиратах с движущимися фигурами и катанье на быстрых, переворачивающихся в темноте поездах, когда пассажиры начинали кричать и визжать. Было много отделений со сказочными ужасами, которые мне не понравились, и было много других отделений, которые можно было бы совсем не смотреть. А в общем было не столько игр, сколько надо было стоять в очередях, иногда по два часа и больше, при этом, если отделение интересное, то и очередь была длиннее. Поэтому, чтобы просмотреть все, надо было провести не один день. Как бы то ни было, мы многое посмотрели: игры, и толпы народа, рестораны с беспокоившимися поварами о голодных посетителях. Всюду играла громкая музыка, стоял шум, гам

и говор. Мне очень понравилось в парке плыть на большом судне, как бы по реке, и видеть настоящую жизнь индейцев с их шалашами и работающими искусственными индейскими фигурами в их национальных костюмах. Вечером, уже в темноте двигался по Дисней-Лэнду интересный электрический парад, которым все любовались. После отдыха на следующее утро мы уехали домой.

Следующим развлечением была экскурсия на специально выстроенную вышку, у одной из гостиниц с лифтом со стеклянными стенами, на верху которого находился медленно поворачивавшийся ресторан также со стеклянными наружными стенами. Заказав мороженного и сока, мы уселись за столик у окна, любуясь ночными огнями города, и за приятным разговором провели там некоторое время.

В сравнении с Австралией, по приезде в Америку мне сразу же бросилась в глаза американская городская неопрятность: неухоженные с высокой, сорной травой бульвары, местами по краям улиц вообще не скошенная трава и грязь в городе. Но окунувшись в жизнь и свои дела, я вскоре ко всему привыкла и перестала это замечать.

С помощью сестры Нату я устроила в американскую частную школу при католической церкви и в русскую приходскую, что была при Скорбященском соборе называвшуюся Кирило-Мефодиевской Гимназией. Как в той, так и в другой я должна была платить за учение. В американской школе Ната занималась пять дней в неделю, а в русской два вечера и всю субботу. Жить временно мы устроились вместе с тетей с уговором, что половину стоимости квартиры буду платить я, а другую она. Это случилось не потому, что нам было плохо жить с семьей сестры, а потому, что я чувствовала себя неловко тем, что мы их стеснили, и я решила жить самостоятельно.

Поскольку я еще не получила документов на разрешение жить и работать в Америке, искать работу я в то время не могла и поэтому была дома. Я очень беспокоилась, что цены на дома поднимутся, и если оформление задержится на некоторое время, то не смогу купить себе дом. По этой же причине я изредка ходила по воскресеньям и смотрела открытые для посетителей продававшиеся дома и сравнивала их цены. Меня тогда беспокоило и то, что при получении моих документов мой брат Саша должен был выслать наши вещи, а принять их у меня не было места. Тогда я обратилась к русскому агенту по продаже-покупке домов, из друзей сестры, и он мне помог выбрать дом и устроить так, чтобы я выплачивала недостающую у меня сумму, которая оказалась очень большой, с процентами хозяину. К тому времени я уже получила документ разрешающий жить в США постоянно и могла заключить договор на покупку дома, хотя купив

дом, я подвергла себя очень большому риску, поскольку работу себе еще не нашла. Но перейти в свой дом было очень приятно, даже если в доме не было никакой мебели. Правда, помогавший купить дом русский агент где-то достал для нас не новый, но еще совсем хороший диван, который мы поставили в гостиной, затем сестра привезла шкафчик, а кровати я купила на распродаже сама.

Получив документы, я имела полное право искать себе работу, но с работой в тот период было очень плохо, да меня еще и напугали тем, что у меня не было американской практики. Несмотря на это, я ходила и заполняла анкеты в компаниях, о которых узнавала от людей. Ведь для меня было все новым: и город, и государство со своей системой, и своими правилами и порядками.

Как ни трудно этому поверить, однако работу я получила. Даже теперь, вспоминая случившееся, мне с трудом верится в его реальность. Через две недели после того, как я начала искать работу, меня вызвали на собеседование в известную во всем мире компанию по названию «Бэхтэл». Пришла я в назначенное время в контору к человеку, вызывавшему меня на беседу, и после моего с ним разговора он мне тут же объявил, что берет на работу, и что вскоре я получу подтверждающее письмо. Когда же он меня провожал к лифту, то вдруг заговорил со мной по-русски, чего я меньше всего ожидала. Оказалось, что это был эстонец, по всей вероятности, много переживший во вторую мировую войну. После всего этого я догадалась, что он, увидев русскую фамилию на анкете, решил русскому человеку помочь. Мое удивление удвоилось и утроилось, когда через года два после этого он мне сказал, что русских из третьей эмиграции он не хочет принимать, так как они очень ленивы.

Как мне описать испытанную после получения работы радость, я не знаю и думаю, что описать ее не хватит слов, так как я хорошо понимала, что без работы меня тогда ждала катастрофа. Ведь на мне лежал долг в шестьдесят тысяч долларов с ростом в девять с половиной процентов. Несмотря на то, что мое жалованье было небольшое, однако чтобы жить и платить за жилье и школу, мне хватало. Именно «хватало», не больше, а для того, чтобы немножко оставалось сверх расходов, надо было строго экономить, что я и старалась делать.

То, что я должна была делать на работе, а это было связано с графиками, было для меня совершенно новым, чего я никогда раньше не делала. Я очень старалась исполнять работу как можно лучше и быстрее, что мой начальник — тот самый эстонец, который принял меня, — заметил и как-то, подойдя ко мне, сказал по-русски: «Не беспокойся». Я поняла, что напрасно боюсь не справиться. После того случая я успокоилась и, если все еще старалась, то это было

не так заметно. Когда мои руки привыкли пользоваться острым ножичком, необходимым при работе, и клейкими вырезками, то работа стала мне казаться более интересной, а от ловкости своих рук я даже стала испытывать какое-то удовольствие. Группа, в которой я работала, была как бы группой помощи для всех инженерных отделов компании, и на нашу зарплату взималось с того или иного проекта, которому мы помогали. Временами выходило так, что работы не хватало, и тогда начальник звонил по всем проектам и искал для нас работу, а иногда наша помощь требовалась на месте инженерных групп, где проектировались большие работы, и тогда кто-нибудь из нас временно переводился туда. Работая с такими группами часто месяцами, я видела настоящие, большие чертежи, что мне очень хотелось делать, и я рвалась к этому, но такой работы мне не давали, поскольку я принадлежала к группе, работающей над графиками. Тогда я решила пойти к самому главному начальнику по строительной части компании, который находился на тридцать третьем этаже, и попросить его перевести меня в его отделение. Получить такое место было нелегко, для этого нужно было доказать, что ты такую работу можешь делать и можешь ее делать хорошо, что для меня пока было трудно. Как бы то ни было, пришла я к тому начальнику с моими незавидными чертежами и, показав ему их, сказала, что я очень хотела бы, чтобы меня перевели в строительное отделение. Он даже не обратил особенного внимания на мои чертежи и тут же мне ответил: «Хорошо, ты будешь переведена». Не успела я возвратиться на свой этаж, как мне встретился главный начальник того проекта, на котором я тогда временно работала, и говорит: «Добро пожаловать в нашу группу». Значит, пока я спускалась вниз на свой этаж, начальник с верхнего этажа уж успел позвонить и сообщить, что я переведена в их группу, а на доброе пожелание я только и смогла ответить: «Спасибо». Тут начались мои «хождения по мукам». Дело в том, что я была не готова к чертежам, какие там делались. Тогда я была где-то на полпути между простой копировщицей чертежей и чертежницей, то есть я из настоящего черчения кое-чего усвоила, но это была капля в море, и хорошо, что я начала тогда работать для инженера — китайца, то есть земляка, который решил мне помочь. Он, заметив мое старание, и что я что-то понимаю, начал меня учить, и за короткое время так выучил, что потом, когда проект кончался, всех распустили, а меня еще долго не хотели отпустить, так как ждали начала нового проекта. Однако проекта того они так и не получили, после чего меня перевели в другую инженерную группу, работавшую над другим, очень большим проектом, рассчитанным на пятнадцать лет, а когда я попала в него, он был уже на завершающем этапе.

На работу я ездила автобусом, в одну сторону дорога занимала минут сорок пять, и каждое утро в городе я видела бездомных. Они лежали на скамейках в своих лохмотьях, прикрываясь сверху, кроме всего прочего и картонками от коробок. Народ уже был привычным к такому, и служащие каждое утро проходили мимо лежавших на скамейках людей, не обращая на них никакого внимания. Я не понимаю, как могли появиться бездомные в Америке, когда государство всех безработных и бедных субсидировало и кормило? Вероятно этим людям просто так нравилось жить.

Когда я работала в той компании, обеденный перерыв у нас продолжался один час, и во время перерыва я никогда не сидела, но так как работала в центре города, то ходила по нему, исполняя все необходимые дела: шла в банк, за что-нибудь заплатить или купить что-то необходимое. Чтобы успеть сходить в определенное место за час, мне приходилось почти бежать, а иногда и бежать, но это меня не останавливало, и я это делала каждый день без пропусков, что, я думаю, было хорошо для здоровья, как упражнение.

Так как в Австралии у меня совсем не было отдыха, то, когда мы приехали в Сан-Франциско, долгое время меня преследовало чувство усталости. Уже позже, когда мы прожили в Америке несколько лет, это чувство стало постепенно сглаживаться.

Поступив в американскую школу, Ната первое время с трудом привыкала ко всему новому в школе и к учащимся, так как австралийский акцент ставил ее в ряды иностранцев. К тому времени она очень изменилась, уже не была такой смелой, какой была раньше, и поэтому неприветливое отношение учащихся на нее действовало удручающе. Одна, без подружек, по которым она очень тосковала, бывало, спрячется в свою комнату и сидит там со своими грустными мыслями, что не оставалось мною незамеченным, и я шла к ней, успокаивая или развлекая ее чем-нибудь, на что я не была особенно способна. Кажется мне, что это ей в какой-то степени помогало, поскольку через некоторое время она принималась за свои занятия. Позже она нашла себе русских подружек, которые часто стали у нас ночевать а, играя, чего они только не выделывали! Мои подушки летали по комнате, и они, барахтаясь, как котята, смеялись, а я смотрела на них и радовалась.

Дом наш находился около Натиной американской школы, что было очень хорошо, и Нате не надо было ездить по городу, а вообше в Сан-Франциско было довольно хорошее городское транспортное обслуживание, состоявшее почти исключительно из автобусов, хотя было несколько линий электричек и трамваев. Автобусы утром и вечером, когда ехали служащие, ходили каждые семь минут, а в

остальные часы дня от пятнадцати до получаса. По-моему, таким же было и расписание электричек, но я ими очень редко пользовалась, так как они ходили в другую часть города, тогда как трамваи обслуживали только его центр.

Если говорить об автобусах, то я часто в них слыхала русскую речь, причем, это был говор или говорок третьей эмиграции. Так, однажды, в очередной моей проездке, я услышала, как одна женщина говорила другой: «А ты знаешь, я купила себе швейную машину, — и, подумав немного, добавила, — да что-то мне от этого даже и не радостно. Если бы я ее купила в Союзе, сколько у меня там было бы радости, а здесь..... Я не знаю, почему-то у меня ко всему здесь полное безразличие». Подумалось мне тогда, что я ее хорошо понимаю.

В городе хотя и было еще много белых американцев, но китайцев в нем было тоже очень много, а черных людей еще больше, причем, черные заняли, в основном, прилегавшую к центру большую часть города, где белых и китайцев почти не было. Китайцы же любили селиться среди белого населения, где жили и русские. Так белый народ перемешался с китайским, и к этому уж все привыкли. Однако многие китайцы жили и в мелких, окружавших Сан-Франциско городках, откуда на обслуживаемом городами транспорте приезжали на работу в Сан-Франциско, и таких в нашей компании было очень много. Так как в нашей инженерной группе, состоявшей приблизительно из восьмидесяти человек и занимавшей весь этаж, были почти все иностранцы, в число которых входили: китайцы, индусы, русские, филиппинцы, армяне, венгры, чехи, словаки, сербы и др., то чистых американцев было всего лишь с десяток.

Как и все другие дома того района, наш дом был втиснут меж двух соседних так, что между ними не было никакого промежутка. Ширина фасада была небольшой, всего лишь в длину нашей гостиной комнаты плюс прилегавший к ней ступенчатый вход в дом. Под домом находился гараж, а полукруглое окно гостиной, выходившее на улицу, находилось над гаражными дверями, которые изнутри запирались. В доме было три спальни, но через одну из них был ход в третью, а поскольку нам хватало и двух, то третью мы превратили просто в рабочую комнату. Из кухни шла лестница в гараж, через который можно было выходить на наш двор. Хотя у нас было центральное отопление, но мы, экономя деньги, включали его редко, отчего в доме было довольно прохладно, но не очень холодно, так как в Сан-Франциско зимой снега не бывает. Наш дом оказался очень веселым, особенно в дни не летних времен года, когда над городом появлялось ясное солнце. Двор, как и в Австралии, позади дома был обнесен деревянным забором, но огорода никакого не росло оттого,

что для него там было слишком холодно, хотя первое лето я попробовала в своем дворике кое-что посадить.

Когда мы перешли в дом, у него при входе не было решетчатых металлических дверей, которые ставились для предохранения от разбоя и воров, поэтому в первую очередь я решила их установить и в нашем доме. Случаи разбоя в Сан-Франциско бывали очень часто, и по этой причине некоторые люди поставили решетки не только при входе, но и на каждое окно, позабыв о том, что при пожаре у них не оставалось выхода. Потом бывали случаи, когда во время пожаров люди бились у окон, и народ снаружи их видел, но никто ничего не мог сделать, так как везде на окнах были решетки. А криминальных случаев в городе было так много, что когда у наших соседей через дом однажды под новую машину кто-то подложил бомбу, которая взорвавшись ночью, повредила ее, то по новостям об этом даже и не упомянули, так как такое событие уже не считалось важным. В те времена по некоторым районам Сан-Франциско иногда соседи вечерами стали проводить общие собрания, на которые приглашались и полицейские, чтобы объяснить жильцам, как предохранить свои дома от нападений. На таких встречах полицейские рассказывали народу какие надо ставить в домах замки и советовали, чтобы соседи следили за всяким движением на их улице. На те собрания приходило по одному человеку из каждой семьи, в том числе бывала на них и я, чтобы узнать важные приемы по защите дома от криминала. По некоторым улицам Сан-Франциско не советовалось ходить пешком даже днем, потому что было опасно, там бывали случаи не только дневных ограблений, но и убийств. А один раз говорили по новостям, что у шедших днем из центра города в «Золотой Парк» туристов было отнято все. От таких новостей мне становилось жутко, так как изредка и мне приходилось ходить по той улице, где такое случилось.

Все это мне не нравилось, а особенно когда я видела бедных пенсионеров, забившихся в свои квартиры как от разбойников, так и от Сан-францисского холода. Когда я видела их, стоявших у автобусных остановок или шедших по улице, согнувшихся от холодного ветра, придерживающих пальто с поднятыми вверх воротниками, то я всегда испытывала к ним чувство сострадания. Они, бедные, ни зимой, ни летом не могли выйти на свой двор, чтобы насладиться солнечной теплотой и природой. Если бы было им возможно, то они совсем не покидали бы своих жилищ, но им надо было идти с колясочкой или с сумкой, чтобы купить себе продукты.

Мне же за продуктами тоже приходилось ходить с колясочкой в магазин, который находился у самого берега океана, что я делала

каждую субботу, или через субботу, но я всегда ходила только пешком, что занимало около получаса в одну сторону.

Временами нам бывало скучно сидеть дома, и чтобы немного развеяться мы с Натой ходили в расположенный недалеко от нас парк под названием «Золотые Ворота», но опять-таки там сидеть было невозможно оттого, что было холодно. Если с одной стороны пригревало солнце, то с другой дул ледяной ветер, поэтому удовольствия не было.

В ясную погоду город просто преображался, и, казалось, что это был совсем не тот каждодневный город Сан-Франциско, но, к сожалению, таких дней в летнее время там просто не бывало. В связи с тем, что город стоит на берегу океана с холодным течением, в то время как на суше всегда бывают ясные, жаркие дни, то при столкновении двух течений воздуха образуется туман, который и висит шапкой над городом все лето, а при наличии холодного движения с океана под этой шапкой все лето бывает холодно. Три летних месяца над нашим домом солнца вообще не появлялось, а туманы иногда спускались настолько густые и сырые, что моросило, напоминая мелкий дождь. Поэтому, летом все окружающее: дома, дорога и небо без каких-либо оттенков принимали серый, депрессивный цвет. Все это вместе взятое: исчезновение солнца, холод и туманы заставляли людей выезжать за город на солнышко, и по этой причине многие русские на Русской речке, где было действительно хорошо, имели дачи. Свое название речка получила от исторических событий, связанных с присутствием там русских, и по-американски она называется также, то есть «Русской».

Поскольку купить автомобиль у меня не было денег, а без автомобиля мы никуда не могли выехать, то по солнышку очень скучали и, прожив так года четыре, за которые я смогла сэкономить около двух тысяч долларов, я решила летом, в мой отпуск, хорошо отдохнуть. В агентстве путешествий я узнала, что тогда продавались билеты, по которым можно было летать на самолете двадцать один день в любые точки США плюс в несколько городов Мексики и Канады, и стоили они недорого, если не считать стоимость гостиниц, без которых обойтись было просто невозможно. Купила я билеты для себя и Наты, и мы отправились. Мне тогда очень хотелось посмотреть Америку и узнать, есть ли в ней такие красивые места, какими они были в наших краях Китая с его кристальной чистотой воздуха. При покупке билетов агент бюро путешествий распределила все наши полеты и остановки, заказав нужные гостиницы, за которые я заранее уплатила.

Первой посадкой нашего самолета был Денвер, из которого потом проехали в близлежащий городок Колорадо-Спрингс, а потом

и дальше на самую вершину Колорадских гор, где я получила только разочарование. У города Денвера было что-то свое, как и у любого города, но главный мой интерес тогда сосредоточивался на знаменитых Колорадских горах. Ехали мы вверх по ущелью на автобусе, и нам указали знаменитую американскую пивоварню «Курс», расположенную в ущелье где-то на половине подъема на гору. Горы ничем интересным не отличались, просто тянулись прямой линией под углом вверх, на склонах их стояли однообразные, невысокие и довольно редкие хвойные леса. Когда мы поднялись на вершину, нам посоветовали пройти в туристический магазин, в которых обыкновенно бывает все дорого, и купить там, что нам понравится. Оказалось, что на горе было очень холодно, и даже местами лежал снег, а наши путешественники в летних одеждах, высунувшись из автобуса и почувствовав зимнюю стужу, быстро помчались к теплому магазину.

Из Денвера мы прилетели в страшно жаркий Лас-Вегас и поселились в большой гостинице при «казино», которое собирает с людей деньги своими ненасытными автоматами. Многих людей привлекало как в гостиницу, так и в «казино» то, что при «казино» находился большой, но недорогой ресторан. В Лас-Вегас мы прилетели с той целью, чтобы оттуда попасть в знаменитый «Гранд-Каньон» (вымытая речкой Колорадо широкая и длинная, извилистая и очень глубокая земная впадина), но прежде чем отправиться туда, мы все-таки решили войти в «казино», чтобы мелочью покормить автоматы, где и оставили всего лишь доллара два, не больше.

В одну сторону над впадиной мы летели на маленьком и шумном самолете с наушниками, через которые летчик информировал нас о той или иной части впадины, над которой мы в тот момент пролетали. Вначале мы летели над примечательным голубым водохранилищем с огромной гидроэлектростанцией «Хувер Дамб», построенной несколько десятков лет тому назад компанией, где я тогда работала. Почти сразу же после дамбы началась постепенно увеличивавшаяся впадина, по которой текла река Колорадо. Обрывы ее берегов также извивались, как и сама река, и они состояли из многочисленных разной толщины и цвета слоев земельных и мягких каменных пород. Все время увеличивавшаяся впадина вскоре стала настолько широкой и глубокой, что наш самолет лавировал по всем ее изгибам, поднимая то одно, то другое крыло. Внизу иногда виднелись тонкие, как ниточки, дорожки, по которым ходили, как муравьи, люди. От такого укачивающего полета я стала чувствовать себя не совсем хорошо, а самолет все летел и качал. Наконец, мы сели на каком-то горном выступе, и нас всех повели в ресторан. В нем было много разных хороших блюд, есть разрешалось сколько хочешь,

но после качки, хотя я и была голодной, есть мне не очень хотелось, и поэтому я взяла себе на тарелку только то, что мне казалось самым вкусным. Насытившись, в обратную сторону мы больше не летели, нас повезли на автобусе по краю той же впадины, делая кое-где остановки, чтобы люди могли выйти и полюбоваться необычным зрелищем. В таких местах на разостланных рогожах американские индейцы продавали свои изделия, а туристы их покупали. Возвратясь в свою гостиницу, мы пошли отдыхать, поскольку на следующий день рано утром нам предстояло лететь в Новый Орлеан.

Как всегда, из гостиницы на аэропорт нас вез принадлежавший ей небольшой автобус бесплатно, или вернее сказать, что плата за комнату включала это обслуживание, и мы опять оказались в полете. Через несколько часов при снижении самолета мы увидели под нами большой город, дома которого при приближении увеличивались, видимо, мы быстро снижались над городом. Когда мы стали забирать свой багаж, то одной нашей сумки не оказалось, что нас очень встревожило, так как мы не могли долго оставаться на одном месте в ожидании ее поисков. Оставив в конторе описание потерянной сумки, мы опять сели в развозивший пассажиров автобус и уехали в свою гостиницу. После обеда у нас еще оставалось свободное время, и мы решили пройти по улицам и немножко посмотреть город. К моему удивлению все ходившие по улицам люди оказались черными, чего я никак не ожидала, так как еще в Сан-Франциско мне говорили, что Новый Орлеан французский город, и я ожидала увидеть в нем французов. Прошли мы по улице не очень далеко и увидели стоявшую на тротуаре белую, европейского типа молодую женщину, растрепанную, грязную и босиком, рассказывавшую торопливо, что ее с мужем обокрали, и что у них теперь ничего нет. Послушала я ее, после чего мне стало страшно жутко, и мы, немедленно, отправились в свою комнату. Правду ли та женщина говорила или все выдумала, чтобы ей дали денег, не знаю, но в любом случае это говорило о непорядочности местного населения, если оно могло такое выдумывать или сделать.

На следующий день мы со всеми туристами отправились в тур по реке Миссисипи и каналу на судне с гидом, рассказывавшем об исторически прославленных или современных достопримечательностях. Иногда судно останавливалось, и мы все шли по суше к какому-нибудь месту, имевшему то или иное историческое значение. Во время одной из таких остановок мы прошли к дворцу, если его можно так назвать, то есть бывший дом владельца плантаций, на которых работали черные. Это был простой американский двухэтажный дом, ничем особенным не отличавшийся. У него были высокие

потолки, а на второй этаж вела длинная, с потертыми от времени ступеньками пыльная деревянная лестница. Гид рассказал, как работали на плантациях черные рабы, указывая на окружавшие дом земельные участки, после чего разрешил всем разойтись и посмотреть кто что желает. А когда мы плыли по реке и каналу, судно проходило по шлюзам, что его задерживало, да и вообще оно шло тихо и неторопливо.

Запомнилось мне и то, когда мы с Натой ехали по городу на троллейбусе, в котором кроме нас сидело всего лишь два белых человека, а все остальные были черными, это было совсем не то, что я ожидала. Когда мы возвратились в гостиницу, нам выдали потерянную сумку, чему мы обрадовались, и весь наш багаж вновь оказался на месте, а тем более, что на следующее утро мы должны были вылетать в Мексиканский город Мерида.

Мексиканские города заметно отличались от американских, как дорогами, по которым носились с гудками автомобили, так и национальной одеждой. На мексиканских базарах было шумно, и каждый продавец подзывал к себе людей, предлагая им свой товар, а в ресторанах их пища настолько была острой, что ее невозможно было есть. Зная, что за счет туристов можно поживиться, иногда женщины с детьми бежали за иностранцами, причитая по-своему, и безусловно, достигали своей цели. Они же часто, почувствовав слабость человека, незаметным образом опережали его и вновь подходили с протянутой рукой и просящим лицом, что помогало вызвать милосердие у жалостливого туриста.

После Мексики нам предстояло опять вернуться на Американский континент, а точнее в г. Майями во Флориде. Это место пляжей и купанья, а так как я не интересовалась ни тем и ни другим, то мне пришлось просто поскучать, в то время когда Ната плескалась в воде. Потом я заметила на ее купальнике черные пятнышки, по-видимому масло, что говорило о том, насколько вода на пляже была загрязненной. На улице было неприятно жарко, и поэтому я была рада укрыться от жары и солнца в своей комнате.

Из Майями мы полетели в г. Сан-Хуан, находившийся в одном из американских штатов, расположенном на островах Пуэрто-Рико. Так как часто американские города отличаются всего лишь типом населения, то там мы заметили, что народ в основном был пуэрториканцами, говорившими по-испански, а все остальное ничем не отличалось от американского, и поэтому рассказать о нем просто нечего. Мне запомнилось только одно, как утром мы, придя позавтракать в небольшой ресторанчик, получили такие большие порции, что еле смогли их осилить.

Наконец, после долгого путешествия мы попали в город Нью-Йорк с его вечерними огнями улиц, мостов и окон небоскребов, отражавшихся в ночной воде залива. В Нью-Йорке мы не останавливались и проехали в Магопак, затем в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвиле, после чего попали в Сиракузы. День был жаркий, когда мы подъехали к только что выстроенной русской церкви в Сиракузах, около которой во дворе работали русские мужчины, расчищая и ровняя землю. Увидев нас, живший около церкви о. Николай Ткачев пригласил к себе, где мы, напившись, отдохнули, поговорили и поехали дальше. По сторонам дороги все время тянулись холмистые зеленые поля, сменявшиеся местами густыми зарослями с хуторами и теснившимися толпой красивыми кудрявыми деревьями. Мне понравилась в тех местах природа, немножко напоминавшая природу полуравнин и плоскогорий в Китае.

Это был последний этап нашего путешествия, а впереди предстояла посадка на самолет в последний, но долгий путь домой. Все путешествие нам обошлось в две тысячи долларов, то есть все, что я смогла сэкономить за четыре года жизни в Сан-Франциско.

Во время моего отпуска на следующее лето мы опять решили поехать, но только на этот раз выбрали дешевое путешествие автобусом с таким расчетом, чтобы ночами быть в пути. Поездка оказалась интересной, если не считать того, что мы три ночи подряд мучились на сиденьях, где можно было только дремать, а не спать. Дорога большей частью шла среди леса, состоявшего из стройных, высоких деревьев, над которыми иногда поднимались высокие горы, в числе которых и вулканический, дымившийся пик Святой Елены. Заезжая в поселения, мы иногда останавливались у какой-нибудь кофейни, где можно было купить еду или там поесть да походить немножко, чтобы размять ноги. К назначенному времени всегда все пассажиры были на местах, и мы отправлялись дальше. Автобус двигался с очень большой скоростью, особенно ночами, когда мне казалось, что он удерживался на ниточке от переворотов. Так мы проскочили три штата на север и, не задерживаясь, проскочили мимо городов Портленда и Сиэтла, а там уж и рукой подать до Ванкувера, где наш первый маршрут заканчивался. Весь день мы провели в Канадском г. Ванкувере, который нам показался чистым и опрятным по сравнению с американскими городами. Весь город был зеленым с ясным голубым небом и таким же заливом с перекинутыми через него длинными подвесными мостами. Попали мы в какой-то парк, где цвело много всевозможных красивых роз, а неподалеку стояли сделанные из дерева индейские языческие боги. Потом нас провез туристический автобус по городу, а к вечеру попали опять на автобусную станцию,

чтобы продолжить наш путь в городок под названием Вернон, где жили родственники Колиной жены. Не могу припомнить, одну ли еще ночь мы провели в автобусе или две и день, когда, проезжая меж довольно низких пологих гор, ничего интересного мы не видели, и, в конце концов, перед нашим взором открылся вид на очень маленький городок Вернон, где нас встретил брат нашей невестки. Дом его оказался четырехквартирным, в одной из которых, состоявшей из трех спален, гостиной, ванной и небольшой кухни, жил он с семьей, а в остальных жили квартиранты. Во дворе у них, как везде на Западе, была подкошена трава, за рядом малины находился огород, причем, сам двор позади дома, как в Австралии, был обнесен деревянным забором.

На следующий день после нашего приезда пригласил нас в гости и второй брат нашей невестки, у которого был новый большой двухэтажный дом с большой гостиной, прекрасным расположением комнат и пышным, по всему дому одинаковым ковром. Когда мы там были, к ним пришли муж с женой, у которых в детстве я была на описанной мной ранее свадьбе за городом Суйдуна, о чем они не знают, и я им об этом не сказала. Не знаю, у всех ли канадцев было так заведено, или только у там живших русских, что при входе в дом у двери не только все домашние, но и гости, сняв обувь, надевали домашние туфли, которые давали хозяева, что было очень не похоже на американскую или австралийскую традицию.

Пока мы там были, хозяин с хозяйкой решили сами с детьми съездить и нас с собой взять на Канадские теплые минеральные воды, и мы, собравшись, поехали. Дорога шла меж постепенно увеличивавшихся гор, покрытых хвойными деревьями, меж которых кое-где развлекали наш взгляд падавшие с гор небольшие водопады. На месте минеральных вод, находившихся в низовье ущелья, ванны для купанья были совсем иного типа, чем в Новой Зеландии. Они находились в отдельных номерах, где стояла обыкновенная ванна, в которую ложился человек, налив предварительно воды. Заплатив за вход в номер, человек мог принимать ванну только определенное время, после чего он должен был немедленно ее освобождать. Переночевав в ближайшей гостинице, мы пробыли там часть еще и следующего дня, когда погода стояла прохладной и невеселой, а мы, покупавшись в ванных, сходили к находившемуся там водопаду, после чего отправились в обратный путь. Возвращаясь, мы ехали по тому же ущелью и меж тех же гор, а чтобы не было скучно, мы стали загадывать загадки, что детям очень понравилось, и они серьезно задумывались над отгадками. Таким образом наш долгий путь укоротился, и мы, не заметив как прошло время, приехали в Вернон. Поскольку

Вернон был очень маленьким городком, то там ни работ, ни университетов не было, и поэтому многие русские занялись постройками домов или уезжали на иногда появлявшиеся временные работы. В тот же период, когда мы были там, некоторые из русских мужчин работали на постройке большой плотины в горах не далеко от Вернона, на которую наши свозили и нас, и мы посмотрели на воздвигавшиеся громадные железобетонные укрепления меж двух высоких каменных скал. Так, отгостив в Канаде с неделю, мы отправились автобусом в обратный путь домой.

Наша жизнь в Сан-Франциско была нескучной, чему содействовало то, что я постоянно была на работе, а Ната в школе. Вечерами в русскую школу Ната уезжала, когда я еще была на работе, а из школы ее обычно кто-нибудь из русских подвозил до дома на автомобиле, а если нет, то я приезжала на автобусе, чтобы встретить ее около собора. По субботам занятия шли днем, и поэтому она могла уезжать и приезжать автобусом самостоятельно. К вечеру под воскресенье мы, как правило, собирались к вечерне и ехали в собор автобусом, а после вечерни нас всегда подвозила участница хора Елена Алексеевна Чиркина, за которой каждый раз после вечерни приезжал муж. Поскольку они жили недалеко от нас, то часто заезжали за нами и до богослужений, чтобы отвезти нас в церковь. Они нас в этом отношении очень выручали, за что я им была очень благодарна.

Несмотря на то, что мне петь было очень трудно, но я решила все-таки ходить на хор из-за Наты, так как очень хотела, чтобы она училась петь в церкви. Немного освоившись, Ната стала ходить по воскресеньям на раннюю литургию, на которой пел молодежный хор, а потом, утолив голод продававшимися почти каждое воскресенье в школьном зале под собором пирожками, она оставалась и на позднюю и опять пела в большом хоре. Большим хором тогда управлял опытный и очень требовательный регент Михаил Сергеевич Константинов, от которого Нате попадало, если она не стояла смирно. Однако через некоторое время он стал к ней относиться снисходительно, может быть за то, что она, придя на хор, каждый раз здороваясь, подходила к каждому хористу, включая самого регента, и целовала. Потом все к этому так привыкли, что если она кого-нибудь обходила по ошибке, то он или она ей напоминали, что она с ними не поздоровалась.

Когда у нас среди недели вечерами бывали спевки, то меня опять выручала та же певчая с мужем, доставляя после спевок домой. Регент к тому времени был уже стареньким, и когда года через три или четыре после нашего приезда решил уйти в отставку, то его место занял регент молодежного хора Владимир Красовский. Молодой и энергичный регент стал готовить хор к духовным концертам для

сбора денег на приобретение колоколов для собора, и поэтому у нас стали проходить спевки каждую неделю, и каждый раз я находила кого-нибудь из певцов подвезти меня домой, если почему-либо Елена Алексеевна не могла этого сделать.

По субботам на вечернях на хорах всегда пел старший хор, а поскольку служащие алтаря были из певцов, то они организовали еще и небольшой мужской хор, который пел внизу около алтаря, выпевая все стихиры. В нем же почти всегда участвовал очень любивший петь Владыка Антоний — архиепископ Сан-францисский, который раньше был Мельбурнским.

Иногда нас приглашали родственники или новые друзья на именины, день рождения или просто на праздники, иногда приглашали гостей к себе и мы. На первый день Пасхи у русских в Сан-Франциско по старой традиции после церковного богослужения хозяйки оставались дома и ждали гостей, а мужья ходили по домам, поздравляя хозяек с праздником. Нередко случалось, когда «напоздравлявшись», мужчины не чувствовали под собой ног и где-нибудь застревали, и потом общими силами таковых увозили домой и укладывали спать.

Некоторые празднества русские восприняли от американцев, к примеру, день Благодарения, когда на обеде главным блюдом является индюшка. В такой день собираются все родственники в один дом, где все вместе едят обед, состоящий из всяких салатных и мясных блюд, среди чего и целая зажаренная индюшка с начинкой. Кажущаяся на вид хорошая традиция — благодарение Богу, однако в их традиции это празднество теперь приняло совсем не православный дух. По православному благодарение Богу возносится в церкви, а потом уж и за столом, но не так у них. Про церковь основная масса населения уже совсем забыла, а осталась только традиция поесть индюшку. В русских же приходах Америки в этот не установленный церковью праздник некоторые батюшки стали служить литургию, чтобы после нее могли русские люди есть индюшку по-американски. Я же о таком празднике никогда раньше не слышала и его не отмечала: индюшки у меня в этот день на столе никогда не было по той причине, что я просто не видела никакой связи между индюшкой и благодарением Богу.

В Америке даже такой праздник, как «Кристмас» — сокращенное значение «Богослужение Христу», то есть по-нашему Рождество Христово — потерял свое значение. Это празднество у них начинает праздноваться за месяц до его дня, когда украшаются дома, улицы в центрах городов, магазины и елки разноцветными мигающими или немигающими лампочками. В окнах магазинов выставляются

праздничные рекламы или какие-нибудь сказочные виды с движущимися разодетыми куклами. Народ везде кипит, ищет, покупает и мучается, не находя чего-нибудь подходящего к предполагаемой цене, а подарки надо купить не только всем родным, но и друзьям, а иногда и сослуживцам и знакомым. Даже от раздумья делается страшно, а тут человеку надо через все это пройти и испытать на себе. Закупив, все надо завернуть красиво, написать поздравление, пожелания и пр., и только тогда человек успокаивается, что обычно совпадает с последней ночью перед их «Кристмасом», который бывает двадцать пятого декабря по новому стилю. К утру все готово, и подарки лежат под украшенной елкой. В назначенное время дня уже самого Кристмаса все рассаживаются вокруг елки и получают свои подарки, которые потом начинают раскрывать, показывая всем и хвалить, даже если они им не нравятся. Затем все берутся за пищу или наоборот вначале поедят, а потом открывают подарки, и на этом праздник кончается. Правда, некоторые из них все еще в такой день бывают на своих богослужениях, но большинство американцев уж про это забыли, и для этих последних «Кристмас» оказался просто праздником подарков. Угощения у них чаще всего бывают буфетом, и поэтому все по очереди подходят к столу, где стоит стопа чистых тарелок, а чаще просто бумажных, с тем, чтобы их не мыть, и каждый берет тарелку, нож, вилку и бумажную салфетку. Затем в том же ряду подходят к столу с пищей и по очереди набирают ее в свою тарелку, после чего уже с наполненной тарелкой садятся, где найдут себе место: на диванах, креслах, стульях или просто на ступеньках и т. д. Свою тарелку с пищей каждый ставит себе на колени и начинает угощаться. Если человек решит, что ему надо добавки, то просто поднимается и идет к столу, а в это время часто стоящий рядом человек занимает освободившееся место. Пришедший с добавкой, найдя свое место занятым, идет и ищет себе другое место, а если такового нет, просто стоит. По этой причине очень часто человек, находящийся в своем кругу, боится подняться, хотя и хотел бы добавки, чтобы потом не потерять свое место. Как и в день Благодарения, на их «Кристмас» родственники съезжаются в одно место, например, дети к родителям, где и происходит процедура вручения подарков. После этого они могут в тот же день выбросить на улицу елку, и праздника — как не бывало. Родственники и другие гости при таких праздничных процедурах обычно бывают одетыми просто, то есть по-домашнему: что-нибудь вязаное вместо блузки и простые штаны, независимо от пола. На следующий день все американцы бегут в магазины, чтобы обменять вчерашние, с большими улыбками расхваленные ими подарки. Как индюшка в день Благодарения, так и на Рождество Христово традиция

подарков привилась и русским в Америке. К счастью, у все еще православных русских людей соблюдается порядок того, что вначале надо сходить в церковь, помолиться, а потом можно браться и за подарки. Но за столами в Сан-Франциско русские, те, кто остались русскими, любили разговеться по-русски, а не с тарелками на коленях.

Соблазнительным для детей является еще один американский праздник под названием «Холувин», в который дети, да и взрослые одеваются в различные костюмы с масками на лица. Большей частью наряжающиеся выбирают себе устрашающие костюмы: ведьм, дракулу и других со страшными лицами и высунутыми зубами существ. Вечером того дня дети в этих своих нарядах с мешками в руках ходят по домам с словами «трит ор трик», что значит «угощение или хитрый обман» и собирают, что им дадут. Каждый хозяин старается дать им угощение, чаще всего конфеты. Я слыхала, что были случаи, когда не давшему угощение хозяину дома делали всякие пакости. Последнее же время дошло до того, что просящим стали давать даже отравленные конфеты, а в некоторых городах доходит и до поджогов домов. Короче говоря, это праздник ведьм и сатаны. За месяц до праздника в магазинах начинают продавать всякие дикие маски и костюмы. На витринах иногда видишь ужасающие выставки, как мне пришлось однажды видеть, но чтобы не запечатлеть того ужаса в памяти, я постаралась пройти как можно скорее. У каждого дома на веранде ставят размалеванную тыкву, изображающую иногда голову человека, а иногда череп головы, развешивают человеческие скелеты и куклы ведьм, а около веранды расставляют кладбищенские надгробья с надписями умерших и так далее. Вообще кто что придумает, и чем страшнее выдумка, тем она популярнее. К счастью, наша церковь запрещает русским православным разделять этот праздник, и поэтому наши дети и взрослые в этом не участвуют, разве только не послушные голосу церкви.

Кроме праздников русским людям привились кое-какие американские традиции, одной из которых является «щавэр», что в переводе на русский язык значит «дождичек». Это прием американцев собирать подарки на такие случаи, как: невесте перед свадьбой или ожидающей матери ребенка. Но «дождичек» устраивается до самого происшествия и является сюрпризом виновнице, так как ей об этом до самого искомого часа не говорят. Устраивает его какая-нибудь родственница или подруга или несколько людей вместе, причем устроительницы, как и гости, — только женщины. Перед «щавэр» в комнате в удобном месте ставится стул, а к нему привязывается раскрытый украшенный зонт так, чтобы он сверху прикрывал стул. Все гости приходят раньше назначенного времени и ждут виновницу,

а затем, когда она входит в дом, все в один голос кричат: «Сюрприз!» Это значит, что виновница не знает о предстоящем событии до того момента, пока они ей не прокричат «сюрприз», после чего она догадывается, что ей устраивается «дождичек». На столе и на полу около стула с зонтиком лежит куча подарков, которые усаженная на стул виновница этой сходки начинает раскрывать и всем показывать, иногда загадывая пожелание принесшей тот или иной подарок. Подруга виновницы торжества записывает от кого и что подарено, чтобы потом невеста или будущая мама могла поблагодарить подарившую письменно. После того как раскроется последний подарок, все идут к столу, чтобы по-американски получить себе в тарелку пищи.

Обобщить всех русских в Америке невозможно в связи с тем, что некоторые из них американизировались больше, а другие меньше, впрочем есть и такие, у которых русского уже ничего не осталось. Тогда как в Сан-Франциско когда-то насчитывалось около сорока тысяч русских, большая часть которых растворилась и совсем исчезла, и лишь какая-то частица всего того ко времени нашего там пребывания сохранилась русской. Несмотря на это, все-таки русских в Сан-Франциско было много, и они старались не забывать своих русских православных устоев, и церквей наших там при нас было несколько.

Через многие годы пребывания русских за границей некоторые из них, не замечая того, в свой язык стали вставлять не русские слова, переделывая их на русский лад. Так однажды один мужчина из-за границы написал письмо своим родителям в Советский Союз, в котором он выразился вроде такого: «У меня есть кара, и работаю я босом». Через некоторое время он получил письмо от встревоженных родителей, пишущих ему: «Бедный наш сыночек, тебе там приходится так трудно. Если бы ты был здесь, то у тебя не было бы той кары, и ты здесь был бы обутым, а там тебе, бедному, приходится ходить босым». Чтобы понять, что случилось, необходимо объяснение. В понятии писавшего письмо его выражение значило: «Я работаю начальником, и у меня есть автомобиль», но он вместо русских слов вставил английские: босс — начальник и кар — автомобиль, причем, изменив их на русский лад, добавив к ним окончания. Тот мужчина уже привык к употреблению неправильного русского языка и не замечал, что говорит не совсем по-русски. За границей же на таком русском языке говорил не только он, и поэтому не приходится этому удивляться, но как я была удивлена, когда впервые стала слушать радио из Росси и услыхала такое же искажение русского языка репортерами! Я здесь приведу только один пример из многих, когда они в свои выражения вставляют переделанные на русский лад

английские слова, тогда как у нас есть однозначащие русские. Причем, они такие выражения употребляют постоянно, а по какой причине непонятно. Они, к примеру, говорят: «за раундом в четверг» или «за следующим раундом», говоря о следующем заседании членов правительства или общественной организации. Мы знаем английское слово «раунд», значащее «круглый», но в русском языке выражения «за раундом» или «во время раунда» я никогда раньше не слыхала, и такого слова, как «раунд» в русском словаре нет. Взято это от американцев, так как они очень любят так выражаться, имея ввиду заседание за круглым столом. Часто по радио можно слышать как репортеры уродуют русский язык новомодными иностранными словами, такими как, консенсус, дефолт, менталитет и др. Я люблю слушать русское радио, но когда слышу передачу из русской страны на изувеченном русском языке, то, как других, так и меня от этого корежит.

Ряды русских за границей редеют, но не сдаются, да и трудно сдаться, если хранить свои православные устои и ходить в церковь. Церковь явилась настоящим кораблем, плывущим по морской бушующей пучине. Люди сами избирают быть ли на этом корабле и плыть к определенной цели или, спрыгнув с него в бушующее море, смешаться с его волнами. В последние же годы замечается обратный процесс, когда из житейского моря взбираются американцы и плывут вместе с русскими, принимая от них с православием и русские традиции. Некоторые русские приходы постепенно превращаются в русские православные приходы американцев, даже если службы продолжают идти на славянском языке. Однако во многих городах Америки постоянно организуются новые православные приходы, принадлежащие нашей зарубежной русской церкви, в которых прихожане — чистые американцы с американцами же священниками, где и службы проходят на английском языке. Они строят свои храмы и свою церковную жизнь. Миссия русских за границей закончилась, плод взошел, и настала пора сохранившемуся русскому населению вернуться к себе, домой, уж больше не теряя своих сохранившихся от предков неповрежденных устоев истинного православия и русской традиционной жизни.

Да, домой. А что дома? Снова начинать свою миссию? Остались ли там русские православные традиции? Делается грустно от такой мысли... Им ведь там запрещалось жить по православному пути, когда параллельно преподносилось чуждое православию. Виновны ли они, что такими выросли, не знающими, что правда, а что ложь? Я здесь не беру к примеру отдельные личности, сумевшие сохранить то, что и мы за границей сохранили, но это единицы, а если мы посмотрим на массу, то увидим, как она, что ни услышит, то и

воспринимает без всякого разбора и сопротивления, и это случается потому, что своего фундамента нет, и она качается под давлением любого ветерка, любой преподнесенной идеи.

Продолжая описывать жизнь русских в Сан-Франциско, надо сказать, что там издавалась русская газета, русские часто собирались в купленном ими «Русском Доме» с большим залом, где проходили то собрания и лекции, то духовные, светские или школьные концерты, устраивались балы и свадебные приемы. Неподалеку от того дома был русский архив с разложенными и развешенными для осмотра посетителями разнообразными русскими историческими вещами. Напротив собора Всех Скорбящих Радости был скаутский дом русских разведчиков, где они часто бывали на своих сборах, а совсем около собора находился церковный киоск, в котором продавались книги, иконы, кресты и другая необходимая для православного христианина утварь. Русские свадьбы проходили торжественно, почти всегда с хором и множеством народа, который потом перебирался в тот или иной зал, где проходил брачный прием. На свадьбе с невестой, как в церкви, так и потом за столом, бывали ее одинаково одетые подруги, называемые «шаферицами», а у жениха столько же одинаково одетых нарядных друзей, которых называют «шаферами». Зачастую на приемах бывало до пятисот гостей, то есть столько, сколько бывало и на балах. Зал заранее украшался, стлались на столы скатерти и ставились букеты цветов. Стол новобрачных украшался особо, на что помогавшие женщины тратили много своего времени. Гости все были нарядными, а женщины, по тогдашней моде, в длинных платьях. В таком же стиле проходили свадьбы и в Австралии. Мне следует здесь оговориться, что я описываю только ту русскую жизнь, с которой я по разным обстоятельствам соприкоснулась и поэтому оказалась осведомленной, но я уверена, что она там проходила гораздо шире, что мне осталось не известным.

Не очень далеко от Сан-Франциско, на горе, находится исторический уголок — русская крепость «Форт Росс», в которой когда-то стояли Российские войска. Вся крепость сооружена из дерева с вышками и домиками. Внутри ее стоит сделанная из бревен церковь, в которую каждый год приезжало Сан-франциcское духовенство, хор с молящимися и служили литургию, после чего проходили на расположенное вблизи русское кладбище, где покоятся умершие воины еще старого времени. Там каждый год служили общие панихиды лежащим усопшим с все еще возвышающимися над ними православными крестами, подновляемыми русскими их собратьями, оказавшимися там по непредвиденным судьбам последних десятилетий. Проходишь меж тех могил и невольно мысль уносится в старину,

и представляются воины в формах того времени. Сколько жизней ушло вдаль!? А мы вот еще живем, двигаемся по земле и где-то ляжем. Будет ли кому нас вспомнить на чужбине и пропеть нам «Со святыми упокой» или постепенно засыплются наши могилы, крест упадет и затеряется наш прах, как затерялись кости многих наших соотечественников в Китае и других местах за границей?

Время от времени совершались богослужения и в русском доме престарелых, находившемся не далеко от Сан-Франциско, на одно из которых попали и мы. Проходя по коридору, мы видели в комнатах сидевших в колясках или лежавших в кроватях русских больных старичков и старушек, отживавших свои последние дни. Там были люди уже в таком состоянии, что за ними дома ухаживать было невозможно. Подошла я к одной, все чего-то требовавшей старушке в коляске, и она, вцепившись в мою руку, никак меня не хотела отпустить, а проходившие няни меня предупредили: «Особенно не доверяйтесь ей, а не то от нее не вырветесь». Не знаю, как могли нянечки работать в такой атмосфере каждый день и быть здоровыми? Мне тогда показалось, что я бы сама заболела, если бы мне пришлось так часто бывать в таком окружении.

Как известно, эмблемой Сан-Франциско является подвесной мост по названию «Голдэн Гейт», что значит «Золотые Ворота». Что же можно о нем сказать? На вид он всем известен. Вот разве будет интересно то, что желающий по нему проехать должен за это вначале заплатить, причем, плата взимается когда едешь в одну сторону, а в обратном направлении едешь бесплатно. Такие же правила и на других больших, городских мостах в Америке.

Однажды, скучая, мы решили проехать на «фери», то есть большом пассажирском судне через залив на другой берег, где находился городок Саусалита. Зашли мы на судно с другими пассажирами, и оно тихо отодвинулось от берега и поплыло по воде, как по маслу, и вскоре мы оказались на половине залива, где нам указали остров Алкатрас, на котором находилась знаменитая Сан-францисская тюрьма. Поскольку мы не торопились, то приятно было отдохнуть, развеяться и под действием новых впечатлений и освежающего не очень холодного воздуха позабыть про свои житейские и домашние заботы. Саусалита находится на склоне горы, и его дома были расположены по склону ярусами, что придавало городку особенный вид. В город на гору мы не пошли, а походили внизу по устроенным специально для туристов магазинчикам, кое-что купили и отправились на судне в обратную сторону. Пассажирское судно ходило через залив довольно часто, и поэтому оно некоторым людям служило транспортом на работу и с работы, и шло оно в одну сторону около получаса или минут сорок.

Позвонила мне как-то на работу Ната и сообщила, что вечером к нам приезжает Владыка митрополит Филарет с его келейником о. Никитой. Я забеспокоилась о еде, не зная чем угощать гостей, так как готового дома у меня ничего не было, а с работы уйти пораньше я не могла. Но Ната по телефону сказала, что она кое-что приготовит, а вечером я себя очень неловко чувствовала, поскольку угощение наше оказалось очень скромным. Несмотря на это, нам было очень приятно провести некоторое время с ласковым митрополитом.

А в другой раз Владыка митрополит Филарет, узнав, что нам не с кем было поехать на престольный праздник храма, находившегося не очень далеко от Сан-Франциско, в городе Бурлингейм, предложил поехать в его автомобиле, которым правил его келейник о. Никита. Мы были рады попасть на такое торжество, а тем более приятно было проехать в митрополичьем автомобиле. Потом, не доезжая до церкви, за углом, нас заранее высадили, чтобы не произошло пышной встречи с митрополитом.

Прожили мы в Сан-Франциско около семи лет, после чего надумали переехать в более спокойное место, где был бы государственный университет, так как учение в нем было бы намного дешевле, чем в частном. Во время разговоров с сослуживцами я старалась понять систему американских университетов, поскольку у меня не было о них никакого представления. Так на работе, разговаривая с одним инженером — китайцем, я узнала, что где-то в Нью-Йоркском штате есть городок Бингхамтон, в котором есть штатный университет, причем, там можно найти и работу. Нашла я этот город в своем атласе, посмотрела информацию местности, климата и пр., а также в списке православных церквей нашла, что там есть наша церковь, после чего решила, что мы, если переедем, то переедем в тот город.

К тому времени у нас на работе стало неспокойно, наш проект заканчивался, а новых не начиналось, и шли увольнения. Надо было решать быстро вопрос о переезде, чтобы Ната смогла начать учебный год на новом месте.

Как раз к тому времени, как бы наталкивая нас на решение этого трудного вопроса, однажды придя домой с работы, я застала Нату встревоженной. Какой ужас навело на меня то, что она мне рассказала? Оказалось, что дома зазвенел телефон, Ната взяла трубку ничего не подозревая, так как я довольно часто звонила с работы, и услыхала голос какого-то странного мужчины, который ее крепко напугал, наговорив ей всякие пакости, причем, ее предупредил, что он знает, где она живет. Прослушав все это, я встревожилась не меньше ее, поскольку она к тому времени уже училась в другой школе, куда ездила на автобусе самостоятельно. Тогда часто говорили

в новостях, что учащиеся терялись на автобусных остановках, и мне представлялась такая страшная картина. Кое-как успокоив Нату, я пообещала послать ее в Магопак на лето, что на нее подействовало благотворно, так как до летних каникул оставалось всего несколько недель. Пришлось мне каждое утро провожать ее на автобус и вообще принять всякие предосторожности. Я сразу же отдала распоряжение продавать дом, и решение о переезде само собой решилось.

На работе удивлялись моему поступку и моему решению бросить работу, уехать в неизвестность, не зная, что там будет ждать. А один армянин, говоривший по-русски, мне сказал следующее: « Я мужчина, но я побоялся бы сделать что-то подобное, а как ты — женщина решаешься на такое? Я этого не могу понять». Да я и сама знала на какой риск я шла, но у меня другого выхода просто не было, я не могла себе представить ту картину, когда Ната стоит на автобусной остановке или идет до нее, а к ней подходит человек, предъявляя ей свои требования. От этого мне становилось жутко, да и как же я могла быть спокойной на работе со своими страшными мыслями? Поэтому я решила сделать то, что сделала и без малейшего промедления.

По окончании школы Ната уехала в Магопак на лето, а я, подумав, решила, что ей там будет безопаснее ходить в школу в следующем году, когда она должна была учиться в одиннадцатом классе американской школы. Так мы и сделали. Когда она приехала домой в конце лета, мы договорились в русской школе, что Ната будет готовиться к экзаменам в Магопаке, а сдавать их приедет в Сан-Франциско. Это был последний класс русской школы, равнявшейся русской гимназии, то есть десятый класс. Тяжело мне было ее отсылать, да и ей, видно, уезжать не хотелось, но что мы могли поделать?

Вскоре после этого мой дом продался, и мне надо было спешно найти недорогую квартиру, что сделать было не так-то просто. С трудом я нашла темную, в полуподвале, квартиру и в нее переехала, а часть вещей переслала по почте в Магопак. У нас в доме было почти пусто, а когда я переехала в квартиру, то моих вещей оказалось так много, что я не знала куда все разложить и спрятать, несмотря на то, что вся наша мебель осталась с домом. Кое-как все расставила, прибрала, и мне даже понравилось мое такое уединение.

Нате я звонила каждую субботу, и она всегда ждала субботу с нетерпением, и так незаметно подкрались Рождественские каникулы, к которым, как обещала раньше Нате, я выслала билет на самолет, и она приехала ко мне. Помнится мне, как мы были рады нашей встрече, сколько было у нас разговоров и рассказов. Ездили мы вместе по Сан-Франциско, и радости, казалось, не было конца. За кани-

кулы Ната сверилась в русской школе насчет подготовки к экзаменам, позанималась с Ильей Алексеевичем Шестаковым по математике и не заметила, как подошло время возвращения в Магопак.

Как ей не хотелось уезжать! А оставить ее у себя я не могла, так как моя квартира была только для одного человека, и хозяин никак не хотел, чтобы в ней жили двое. Жуткая была картина нашего расставания с ее просьбами остаться, когда я должна была их отвергнуть и неумолимо ее отослать от себя. Правда, мы расставались не на долгое время, только до летних каникул, когда она опять должна была приехать, чтобы сдать экзамены в русской школе.

Всякая печаль рано или поздно сменяется радостью, так и у нас, вновь подошла долгожданная радость нашей встречи, после которой уже больше не предстояло другой разлуки.

На бумаге время идет быстро, не так быстро оно шло для Наты, несмотря на то, что мы продолжали переговариваться по субботам. К счастью, она в шкафах своей комнаты нашла книги прежнего жильца о духовной жизни, которые ее научили тому, чему я не научила, и развили в ней любовь к чтению книг, особенно духовных.

По возвращении в Сан-Франциско Ната сдала экзамены, получила свидетельство об окончании русской школы и все лето отдыхала, живя со мной, на что наш хозяин с трудом дал свое согласие. К осени, до начала школы, мне предстояло увольнение и переезд на новое место, где мы могли бы начать нашу новую жизнь. Упаковав все вещи, я сдала их занимающемуся перевозкой агентству, которое должно было все перевезти в Магопак, поскольку другого места у нас не было. Я еще в Сан-Франциско знала, что без автомобиля на новом месте жить будет невозможно, поэтому заранее побеспокоилась получить права на вождение машины. Когда мы приехали в Магопак, я в первую очередь купила автомобиль, и мы поехали в Бингхамтон, чтобы там найти себе квартиру, искать которую нам пришлось недолго, и нашли мы ее неподалеку от городка, называемого Эндикот. Возвратясь в Магопак, мы разбили большие ящики с вещами, наняли грузовичок и, нагрузив его и свою машину до отказа, отправились на новое место жительства.

ЭНДИКОТ

Квартирку мы сняли маленькую, с одной спальней, и я опять не знала куда мне прятать наши вещи. Ната сразу же пошла в бесплатную государственную школу, которая оказалась лучше частной в Сан-Франциско, не говоря уж о государственных, чем я была довольна. Мне найти работу оказалось не так-то просто, и я долгое время оставалась без работы.

Пришли мы первый раз в нашу русскую православную церковь в Эндикоте и удивились тому, что службы шли на английском языке за исключением кое-каких возгласов и песнопений за литургией, тогда как вечерни шли только на английском. Мне это очень не понравилось, но было поздно. Однако церковь была нашей юрисдикции, и все службы шли по-нашему, так что изменений никаких не было, кроме языка. Даже напевы почти все были нашими, что немного меня успокаивало. Но грубый английский язык, мне казалось, никак не подходил к церковному, и при песнопениях у меня в голове рисовались совсем другие картины, не те, к чему я привыкла. Иногда, мне казалось, умилительные славянские церковные песнопения, переведенные на английский язык, превращались в какую-то грубость, какой мы не употребляем даже в светском разговоре. Тут мне вспомнились когда-то слыханные разговоры о том, почему не служат в наших церквях по-русски, теперь я без всяких объяснений поняла почему. Потому, что язык наш, как и наши сердца, огрубел, и им славить Бога, так как славили его наши предки, невозможно. Исчезла из него та мягкость значений слов и красота оборотов речи, что выразить на русском языке, как и на английском или украинском и прочих языках просто невозможно. От грубости современных языков в церкви теряется духовная теплота, превращаясь в какую-то холодную, иногда даже неприятную картину, получающуюся при переводах современным языком восхвалений Богу и его Пречистой Матери. Мне помнится, как Ната говорила мне, когда надо было идти в церковь на

некоторые праздники: «Ах, это тот праздник. Опять будут читать и петь неприличное». Ей очень не нравились службы на английском языке, и поэтому мы часто стали ездить в монастырь, что в Джорданвиле, где службы всегда шли на славянском. По большим праздникам мы старались всегда уезжать, а в нашу церковь ходили только на простые воскресные службы. Быть может, если бы я знала раньше, что там так мало русских, и что служат в церкви по-английски, я туда бы не поехала, а устроилась бы где-нибудь в другом месте, где больше русских. При так сложившихся обстоятельствах нас успокаивала мысль, что мы живем там временно, и что как только Ната закончит университет, мы непременно переедем на другое место.

Сама церковь наша была маленькой, но чистенькой и уютной. Хор небольшой, но пел неплохо, спокойно и ладно. За время нашего там пребывания сменилось несколько временно служивших священников и, наконец, был назначен настоятелем о. Фома Мариетта — американец испанского происхождения, знающий и русский язык, поскольку закончил семинарию при Джорданвильском монастыре. Он нашим прихожанам понравился за то, что он действительно хороший человек, и при общении с ним даже не чувствуется, что он американец. Вскоре он открыл или возобновил ли прицерковную школу, в которой дети стали учить Закон Божий и вообще как должен жить православный христианин, а для взрослых вечерами стал проводить беседы. В связи с тем, что приход был маленький, а поэтому и бедный, то часто устраивались прихожанами продажи как самодельных вещей, так и приготовленного прихожанами пирожного. Не раз собирались все вместе вечерами, чтобы лепить и печь всякие сладкие пирожки, когда о. Фома сидел за столом со всеми вместе и тоже лепил их.

Там было много православных церквей: американская, греческая, украинская, карпаторосская и наша русская зарубежная. Однажды на пути из своей церкви домой мы решили заглянуть в американскую православную церковь, и что же мы увидели? К нашему большому изумлению, мы почувствовали, что мы попали к католикам. По всей церкви стояли длинные скамейки, а икон в храме почти не было. У входа мы увидели книги, а посмотрев одну из них, из заголовка узнали, что это было жизнеописание какой-то католической святой Терезы. Почувствовав модернизм в храме и веющий духовный холод, нам стало очень неприятно, и мы поторопились из церкви выйти.

Когда-то давно, еще до революции в России, из российских мест — Карпатской Руси, Малороссии и из других европейских государств ехали люди в Америку, чтобы заработать деньги. В то время недалеко от Бингхамтона была большая фабрика, куда все эти

новоприбывшие принимались на работу. Не умея объясняться по-английски, прибывшие на пароходе вешали себе на грудь доску с надписью названия фабрики «Эндикот Джонсон», куда их всех и отправляли. Поскольку фабрика находилась не далеко от Бингхамтона, то славянский и вообще европейский народ расселился как в Эндикоте, так и в Бингхамтоне и других небольших городках, окружавших Эндикот. Но эти народы, частично смешавшись и даже не смешавшись, переродились, превратившись в американцев. По этой причине очень часто в тех местах встречались люди с русской фамилией, но по-русски не понимавшие ни слова. При этом влияние католичества через унию в Российских юго-западных частях ее империи перенеслись и в Америку с переехавшим народом, считавшим себя все еще православным.

Когда Американская православная церковь сделала еще один шаг приближения к католикам, то есть когда она перешла на календарь нового стиля, недовольные этим люди решили выйти из нее, в следствии чего и организовался тот маленький приход нашей юрисдикции, что был в Эндикоте, предварительно получив благословение от архиепископа Свято-Троицкого монастыря в Джорданвиле Аверкия. Так создался новый приход, который потом много потрудился в процессе покупки церкви, устройства прекрасного иконостаса и приобретения дома для священника. Если кто спрашивал, кто строил церковный иконостас, ему отвечали по-американски: «Лидия». Она же — Лидия Александровна Вербицкая, русская из второй эмиграции, регент церковного хора, старшая сестра и швея кукол «Матрешек», которые продавались в пользу церкви.

Трудно было маленькому приходу содержать церковь и священника, но люди старались, и Бог им помогал. Надо заметить, что прихожане того прихода очень чтили святителя Николая, а поэтому и церковь назвали Никольской.

Когда мы приехали, русских в приходе было около пяти человек, в число которых входили Николай Александрович с Верой Григорьевной Троицкие. Они там жили по той причине, что Вера Григорьевна работала в библиотеке штатного университета в русском ее отделении. Поскольку приход был маленьким, и все знали друг друга, то наше появление было сразу же замечено, и после литургии люди стали к нам подходить, знакомиться и расспрашивать, как мы сюда попали. Вера Григорьевна нас пригласила к себе пообедать, и мы были рады с ними поближе познакомиться. Наши новые знакомые оказались очень приятными и занимательными, поскольку сами прошли долгий путь русского изгнанничества, правда, не похожего на наш, о чем расскажет другая, вышедшая из-под их пера книга.

Через короткое время после нашего приезда появился у нас еще один русский прихожанин с сыном — Андрей Георгиевич Залесский, а потом приехали и его русские родители из Польши. Так у нас появилась необходимость, чтобы священник знал русский язык.

Если случались престольные праздники в приходах окружавших нас городов, мы ездили туда и, разделив торжество с тем или иным приходом, возвращались домой, а иногда на наш престольный праздник приезжал правящий архиепископ Лавр из Джорданвиля, чтобы украсить наше торжество своим архиерейским служением.

В престольные праздники монастыря в Джорданвиле, которые бывали два раза в год, поскольку там два храма, мы ездили туда на литургию, где в такие праздники собиралось много русского народа. Такая поездка для нас была не утомительной, так как она занимала всего два часа в одну сторону, причем дорога шла по красивым и зеленым, холмистым и гористым, там и сям заросшим деревьями местам с белеющими домами фермеров и пасущимся кое-где скотом.

У монастыря довольно много земли а одно время даже было свое хозяйство, не говоря уж о том, что там находится семинария и типография. Долгое время при монастыре был коровник с молочными коровами, для корма которых засевались поля кукурузой. Там есть своя пасека, а также монахи выращивают для себя картофель и другие овощи в монастырском огороде. Неподалеку от монастырских зданий на горке расположилось монастырское кладбище, приютившее многих русских православных христиан, а среди кладбища стоит небольшая, но красивая кладбищенская церковь. Раньше в монастыре не было колокольни, но к Тысячелетию Крещения Руси была выстроена прекрасная колокольня с хором колоколов, а под ней крестильня для взрослых, такая, что человек в ней может погружаться в воду с головой, как полагается при крещении любого человека. Новая пристройка вместила и книжный с церковной утварью магазин и другие удобства для приезжающих паломников. Монастырская трапезная состоит из двух частей, разделяющихся стеной: большой — для монашествующих, семинаристов и мужчин паломников и маленькой — для женщин. Обычно во время трапез читаются жития святых и не позволяется разговаривать. Все паломники питаются из монастырской кухни. В престольные праздники в находящемся рядом большом гараже для всех приезжающих на богослужебные торжества накрываются столы, а после общей трапезы желающие идут к Владыке Лавру, чтобы его поздравить с праздником. Встреча Владыки с людьми проходит перед его домиком под большими деревьями, где перед этим расставляются скамейки, стулья и столы с каким-нибудь количеством пряников и лимонада.

В монастыре выпекается знаменитый монастырский хлеб, отличающийся пышностью и вкусом, поэтому в каждый престольный праздник во дворе стоит очередь желающих купить хлеб.

Кроме престольных праздников в монастырь приезжают люди в дни семинарских актов. В те дни в главном храме после обеда совершается благодарственный молебен, после чего все идут в семинарский зал, где для народа ставятся полукругом стулья перед довольно длинным столом для председательствующих. После акта все присутствующие приглашаются к приготовленному семинаристами и живущими вокруг монастыря русскими длинному столу с угощеньем. Такое множество народа, конечно, не может сесть за столы, и поэтому все идут к столу с тарелками, на которые набирают себе пищу.

Для паломников не далеко от монастыря находится монастырская гостиница, а прибывшие люди посещают монастырские службы, питаясь в монастырской трапезной.

В Эндикоте однажды мы имели счастье принять в нашей церкви Иверскую мироточивую икону Божией Матери, при внесении которой в ту же секунду в храме распространилось сильное благоухание от источаемого иконой мира. Отслужили перед ней молебен, и без малейшей задержки ее повезли в ожидавший ее приход в другом городе.

Поскольку население Бингхамтона и его окрестностей произошло от разных этнических корней, то каждый год весной там устраивался в зале арены этнический фестиваль, на котором всякие этнические группировки, в том числе и церковные, часто в национальных костюмах, продавали свои изделия, книги и всякую приготовленную домашним способом пищу. По всей арене рядами ставились столы, на которые раскладывалось все предназначенное для продажи. В зале целый день играл оркестр, а на сцене шли выступления всяких этнических групп. За прошлые годы особенно хорошо танцевали специально приглашенные к этим торжествам участники какого-то американского университетского ансамбля из другого штата. Они превосходно исполняли танцы разных национальностей и не только европейских, но и азиатских. Я видела несколько номеров великолепного исполнения русских народных танцев: казачка и хороводов боярышень. Пришедших на фестиваль людей всегда бывало много, даже было тесно ходить по рядам меж столов, на которых все продавалось. Многие, накупив себе пищи, поднимались к сиденьям для зрителей, где усаживались и любовались выступлениями.

Когда мы начали свою жизнь в Эндикоте, Ната опять загрустила без подружек, несмотря на то, что всегда была занята своими уроками. К тому времени подошла первая осень, когда деревья

начинали желтеть и краснеть, и я, усадив ее в машину, везла по красивым местам, окружавших нас невысоких гор. Места те действительно были настолько красивыми, что мне казалось такая красота может быть только нарисованной на картине, а там такие картины встречались всюду с гористыми и холмистыми пейзажами. От таких поездок мы обе получали развлечение и возвращались домой с приподнятым настроением. А иногда мы шли в находившийся недалеко от нас парк или уезжали в магазины, чтобы просто посмотреть, что там продается.

Несмотря на то, что Бингхамтон с прилегавшими к нему городками был небольшим городом, магазинов вокруг него было очень много, что нас первое время удивляло, но каково было наше удивление после того, как через несколько лет после нашего приезда стали строиться еще молы[1] и не один, несмотря на то, что один большой мол уже существовал.

Под вечер мы старались не сидеть в квартире. Часто ходили по окружавшим улицам и смотрели на фасады красивых и некрасивых домов, удивляясь тому, что все дворы были открытыми, без заборов вокруг них и без единого деревца. Оказалось, что в одно время было модно, чтобы во дворах не было деревьев, и поэтому все деревья выкорчевывались, прежде чем строился дом. А заборы там, за редким исключением, вообще не ставили, и поэтому даже было трудно определить, где начинался и кончался участок какого-либо хозяина. Трава была ровно подкошена, и каждая семья жила у всех на виду, что нам очень не понравилось. Проходили мы и в более новые районы, где во дворах стоял лес, и чувствовалось в таких дворах очень приятно. Оставлять во дворах деревья стало модно в последние несколько лет, а во что мода выльется в будущем, надо пожить да посмотреть. Приходится удивляться тому, что люди живут не для себя, а для общественного мнения — моды, а откуда это общественное мнение приходит — непонятно. Ради общественного мнения человек теряет себя и растворяется в общественном мнении, жертвуя собой и даже своим благополучием, вплоть до удобств жизни. Кто-то умеет руководить людским мнением и желанием, как надо жить, не исключая и того, жить ли ему у всех на виду или уединенно.

Долгие годы нашей жизни прошли в местах, где вообще не падал снег, а тут, однажды проснувшись утром, мы увидели в окно нашей квартиры дороги и деревья побелевшими. Мы были в восторге, и я все ждала когда выбегут ребятишки, чтобы забавляться снегом, так как день был субботний, и все дети были дома, да так и не дождалась.

---

[1] Мол — большой торговый центр со множеством магазинов и автомобильной стоянкой.

Они такими забавами не увлекаются, сидят у своих телевизоров день и ночь, а на улице мертво и неприятно. Невольно вспомнился мне наш ежегодный первый снег в Китае, когда высыпала вся детвора на двор, лепили снежную бабу, умывали друг друга, барахтались в снегу и катались на салазках. Ни одна семья без салазок не обходилась, причем, они были настоящими, с загнутыми впереди полозьями. Таких санок для детей я в Америке даже и не видела, а продают какие-то тонкие из пластика корыта, чтобы быстрее проносились. Решила я соблазнить Нату пойти по новому снежку, и мы пошли в наш парк, где не было ни одного человека. Пошли мы чтобы развеять грусть, а возвратились с еще большей грустью от безлюдных улиц и парка и от обжигающего холодного ветра. Где она, когда-то воспетая «русская зима»? Ею в Америке даже и не пахнет, а такая зима, как в Америке, кому понравится? Со временем и мы привыкли не высовывать свой нос из дома, да так привыкли, что нам даже не хотелось выйти, чтобы почистить от снега дорожки. Несмотря на это, один раз мы решили погулять вечером по нашим улицам во время снегопада, когда вечер был тихий, теплый, а снег большими хлопьями летел, мелькая на уличном свету и падал, покрывая своей белизной все окружающее. Мы шли не торопясь, наслаждаясь окружающей красотой, и вдруг, начала отбивать знакомая нам мелодия «Богородице Дево Радуйся». От неожиданности мы просто застыли, а как красиво неслась эта мелодия в такую пору, с такой окружающей красотой, трудно описать. Потом мы узнали, что эта и другие мелодии в каких-то церквях в определенные часы дня проигрывались там каждый день.

Так как я все дни была свободной, то я решила заняться выпечкой для себя хлеба. Практики у меня в этом отношении не было, поскольку за границей никто хлеб не печет, а мука, дрожжи и печки оказались не теми, что были у нас. По этой причине я решила испытать несколько приемов. Первое время у меня перемежевывался удачный хлеб с неудачным, но постепенно стало уравниваться, и мы привыкли к своему хлебу, после чего я его больше никогда не покупала.

Так мы продолжали жить в квартире, но я стала присматриваться к маленьким домам, чтобы купить подешевле и, живя в нем, не платить за квартиру, которая нам обходилась довольно дорого, несмотря на то, что у нас была только одна спальня, и одна из нас должна была спать в гостиной. Дома же там в сравнении с Сан-францисскими были дешевыми, и если даже я не получила все деньги стоимости своего дома в Сан-Франциско, поскольку дом был еще не выплаченным, однако я вполне могла купить небольшой домик в тех местах. Проезжая мимо, мы однажды увидели продававшийся очень маленький дом в Эндикоте, который в тот день был открытым для

желавших осмотреть его посетителей. Он нам сразу же понравился с его невысокой ценой, и мы его купили. Когда после покупки мы получили ключи и вошли в него, то мы, как маленькие дети, прыгали от радости, так чувствовалось хорошо быть в своем доме. Прежде чем переехать мы наняли специалистов вымыть все лежавшие на полах старенькие и простенькие ковры, а сами вымыли все остальное в кухне и ванной комнате. Дом состоял из верхнего этажа, где была большая кухня, ванная комната и две спальни, как раз что нам и требовалось. Нижний же этаж был полуподвалом с отстроенной в нем комнатой, в которой стояла дровяная, чугунная печь. Та комната нам стала служить гостиной, но зимой мы ее не отапливали, а летом в ней было слишком холодно, и поэтому мы ей никогда не пользовались, однако она у нас стояла прибранной, с шкафчиками, полками для книг и пр. В том же полуподвале за стенкой находилась стиралка[1], газовая печь для отопления дома и кладовая, оказавшаяся очень грязной с осыпавшимися кое-где стенами и пыльным, грязным полом.

Таким образом в квартире мы прожили девять месяцев и в свой дом переехали весной, когда уж почки деревьев набухали, а у нас во дворе по-над маленькой речушкой, что текла через весь двор, сплошная стена сирени начинала зеленеть. С высокими берегами речушка текла где-то внизу, а крутые ее берега укреплялись длинными корнями больших и маленьких деревьев, росших по обеим ее сторонам. Двор был довольно широким с большой развесистой яблоней посередине, которая нам давала три сорта довольно крупных, но, большей частью, червивых яблок, из которых я потом варила хорошее густое варенье для бутербродов и пирогов. По-над краями двора росли черные сливы, груши и одно вишневое дерево. Я вскопала часть двора под огород, но земля оказалась каменистой, и огород мой получился нехорошим. Правда, он немного улучшился после того, как я стала туда сбрасывать все, включая листья деревьев, но все равно огорода хорошего там у меня никогда не было.

Когда мы жили еще в квартире, нам позвонили мои родственники из Австралии, с которыми мы уж давно не виделись, и мама мне говорит: «Когда же вы к нам приедете?» На мой ответ, что мы не можем, поскольку у меня нет работы, она мне повелительно ответила: «Ты же продала дом, значит в банке есть деньги, на них и приедете». От этого вдруг у меня появилось желание поехать, и я ей тут же ответила, что мы приедем на предстоящую свадьбу моего племянника, которая должна была быть после Пасхи. Как раз в то время, когда произошла покупка дома и наш переезд, подошло и время

[1] Стиралка — комната, где стоят стиральные машины, сушилки и другие приспособления для стирки.

нашей поездки в Австралию. Поехали мы на три недели. В связи с тем, что Эндикот расположен далеко от Нью-Йоркского аэродрома, с которого мы должны были сесть на самолет, то мы решили поехать на своем автомобиле до находящейся недалеко от Нью-Йорка Толстовской фермы, где его оставить на три недели, а на обратном пути на нем же возвратиться домой. Приятно было вырваться из нашей глуши, а тем более, что нам предстояла встреча со всеми нашими родственниками. Мы вылетели перед Пасхой с тем, чтобы ее встретить в Сан-Франциско, где мы пробыли дня два и отдохнули после пятичасового полета. Ведь надо же было такому случиться! Когда в Сан-Франциско мы пришли к месту получения багажа, то нашего чемодана не оказалось. Пришлось оставить данные о чемодане, а самим отправиться к встретившей нас сестре без своих вещей. Через день нам звонок с аэродрома с сообщением, что чемодан нашелся, и что он улетел в Лондон. Оказалось, что моя квитанция была выписана на Лондон, а я раньше этого не заметила. Так мой чемодан попутешествовал над океанами без хозяйки и приблизительно через сорок часов был доставлен в Сан-Франциско по адресу.

Встретили мы Пасху опять в нашем соборе при многочисленных молящихся и среди ставших уже близкими хористов. На второй день Пасхи мы вылетели из Сан-Франциско в Австралию и летели без посадки около тринадцати часов до Сиднея, где наш самолет приземлился, а через два часа после того мы были уж в Мельбурнском аэропорту и встретились с нашими, в числе которых были и папа с мамой. Привезли нас в Данденонг, и как-то с трудом верилось, что мы только что прибыли с другой половины планеты. Стояли те же дома, с тем же расположением, и жизнь текла так же, какой мы ее оставили восемь с лишним лет назад. Лишь только по улицам около домов деревца стали значительно больше, и фасады домов прикрылись ими с улицы, да заметно изменились лица людей. А самое большое изменение оказалось на церковном участке, где около старого здания уже стояла новая церковь, украсившая собой улицу.

Прием нам сделали наши родственники в новом гараже, прилежащем к большому новому дому моего брата Саши, где стояли накрытые столы со всевозможной пищей. Пришли нас встретить также все наши друзья и почти все знакомые Данденонга. Безусловно, встреча была теплой, и нам было исключительно приятно со всеми вновь встретиться. Позже мы были в гостях у многих наших друзей, а потом попали на свадьбу второго сына Коли, привезенного из Китая еще совсем маленьким, того самого, что болел от голода.

После венчания в церкви мы попали на прием в большой зал, где было около пятисот человек гостей, и там я встретилась вновь

с друзьями не только последних лет жизни в Австралии, но и с которыми я рассталась еще в Китае. Встреча наша была чрезвычайно интересной, казалось, что разделявшее нас время сократилось, и мы никогда не расставались, а среди друзей оказались и оба наших юмориста, о которых я писала раньше, со своими женами.

Не успели мы оглянуться, как пришла пора нам возвращаться домой, и мы со всякой суетой как-то мало времени были с моими родителями, которые тогда были еще крепкими и жили с моей, успевшей к тому времени выйти замуж и овдоветь, сестрой Валей. Из Мельбурна мы самолетом пролетели в Бризбен, чтобы навестить родственников моего мужа, а оттуда прямо домой.

Дома меня ждало много работы, так как я решила привести дом и двор в порядок. В первую очередь я взялась за кладовую, где от старости обсыпавшиеся бетонные стены я счистила, а оказавшиеся вследствие этого углубления стен замазала специальным составом. Когда все это просохло, я все стены выкрасила, а в местах, где было возможно, наделала полочек для склянок с вареньем и маринованными овощами. Затем, почистив бетонный пол, вымыла его и покрасила. Под домом у меня стало чисто и опрятно. После этого я начала чистить двор, рубить какие были палки и складывать в кучи на дрова, которыми мы так и не пользовались. Наш дом был угловым, и двор с одной стороны был открытым, что позволяло мальчишкам беспрепятственно бегать через двор к речушке, в которой они любили удить рыбу. Мне это не нравилось, и я стала их гонять. Однажды, когда я за домом рубила палки, во дворе прятались мальчишки и, вероятно, ждали — не выйду ли я, а я в тот момент, не зная того, что они там прятались, вышла из-за угла с топором в руках, и они бросились врассыпную с криком: «Она с топором! Она с топором!». Мне от этого стало смешно, и я поняла, что они в своей легенде меня уже превратили в какую-то страшную тетку. Войну я с ними решила не продолжать, а, получив разрешение от городского правления, заказала, и мне поставили металлический решетчатый забор с калиткой.

Летом было хорошо, я была все время занята и постоянно ходила на своем зеленом дворе, окруженном всякими деревцами. Напротив нашего дома через улицу тогда находился незаселенный большой участок земли, покрытый дикой травой и большими ветвистыми деревьями, что придавало вид леса, и наш домишко, стоявший около большущей нашей яблони просто терялся меж зеленых ветвей. Несмотря на то, что мы утопали в зелени, окна дома деревьями не заслонялись, и у нас в комнатах было много солнечного света, отчего они были веселыми. Однако отделанные довольно темными панелями в Натиной спальне стены придавали комнате какую-то темноту,

и мы, купив светлые красивые обои, решили обклеить ими стены той комнаты, а когда закончили работу, спальня стала светленькой и приятной.

Когда Ната училась просто в школе, ей было удобно, так как школьный автобус проходил и собирал по улицам учащихся, а вечером развозил. Поэтому я о ней никогда не беспокоилась, несмотря на то, что когда мы жили еще в квартире, школа от нас была далеко. На автобусе проехать длинную дорогу ничего не стоило, но иногда каким-то образом Ната пропускала его и тогда звонила мне, чтобы я за ней заехала. Так однажды уж перед самой зимой днем выпал снежок сантиметра в три, и Ната, пропустив автобус, мне сообщает это по телефону. Я же, рассердившись на нее, с горяча сказала: «Ну, теперь иди пешком». На этом наш разговор закончился, и она пошла домой пешком по снегу, а в какой она была обуви в тот день, я даже и не знала. Я стала ее ждать, а себя ругать, что так поступила, и как была ей рада, когда она пришла домой! Оказалось, что она была в туфельках, а когда вошла в комнату, спокойным голосом сказала: «Мне было очень скользко на гору идти». Как я себя чувствовала в тот момент, наверно, ясно.

Поступив в университет, Нате пришлось терять много времени на дорогу, так как прямого автобуса в университет не было, а с пересадкой ей надо было полтора часа в одну сторону. Так она ездила два года, пока я ей не купила первый автомобиль.

Несмотря на то, что университет, в котором она училась, был государственным, он был платным, как и все американские университеты, и я всегда платила за него вовремя. Следует обратить внимание и на то, что университетские книги всегда стоили так дорого, что можно было ужаснуться, не поддавалось соображению, почему такое происходило. На мой взгляд, это было просто обдирательство. Ведь кто-то же назначал эти цены и, по-видимому, зная что у студентов другого выхода нет, они накрыли крышку и ждали непременную выручку и с отличным барышом. При этом учебники постоянно менялись, тем самым заставляя учащихся покупать новые книги.

Было ли это от того, что у меня не было работы или от чего другого, но только первую зиму в своем доме мне было провести очень трудно. Я не знала чем заняться и в то же время мне ничего не хотелось делать, чего со мной никогда не бывало раньше. Обычно я, наоборот, никогда не теряла своего дорогого времени впустую, всегда что-то делала, а работы у меня всегда хватало, поскольку я ее сама себе создавала, и конца тому не бывало. Правда, я тогда искала работу и время от времени ездила по компаниям, чтобы заполнить анкеты, а также просматривала объявления о работе в газетах и пр.

В тот промежуток времени, когда я была без работы, мы случайно приобрели старинный деревянный шкаф и несколько старых стульев, и я решила все это привести в порядок. С поверхности дерева я вначале сняла ножом и песочной бумагой старый слой, затем дерево покрыла специальной краской под цвет старинной мебели, а сверху наложила специальный лак. Сняв со стульев обносившиеся обвернутые материей сиденья, я обтянула их новым бархатом, после чего все приняло новый вид. Своей работой я была довольна, а в доме у нас появилась довольно приличная обновившаяся мебель.

В марте того года меня вдруг вызвали в одну небольшую компанию, временно открывшую свое отделение недалеко от нашего дома. Там я получила место чертежницы и проработала шесть месяцев, после чего моя работа закончилась. Очень неприятно терять работу. Это был первый случай в моей жизни, когда мне сказали, что работа закончилась, и завтра не приходи на работу. Но зато в таких случаях в Америке безработный может получать шесть месяцев государственную помощь, а вот когда я уволилась сама и полтора года была без работы, то никакой помощи получить не могла.

По прошествии шести месяцев без работы меня вызвали в другую и тоже маленькую компанию, где я опять устроилась чертежницей, но через шесть месяцев работы мне опять сказали: «Мы ожидали большой проект, но его не получили, и поэтому завтра не приходи на работу». Я вновь стала получать безработную помощь, но на этот раз прошло лишь месяца два, когда я получила телефонный звонок, и меня вызвали на опрос в большую компанию. Не чувствуя под собой ног, я явилась на интервью и получила работу временную, когда мне сказали, что они вначале посмотрят, как я буду работать. Я была рада и тому, надеясь, что с большим старанием я смогу расположить к себе начальников. Проработала я там месяц, второй, третий, четвертый, а они все молчат, тогда как я с беспокойством думала: «Когда же, наконец, вы мне скажете, возьмете меня на работу или нет?» Тогда я решила напомнить об этом моему начальнику, на что он мне ответил, что пока-что они не набирают служащих. «Ну, — думаю, — не выгоняют, и за то спасибо». Совсем через короткое время после этого мне звонят из конторы безработных и спрашивают, сколько времени я буду работать там, где я работаю? Я им ответила, что не знаю, а что случилось дальше я не могла понять, но только на завтра или послезавтра подошел ко мне мой начальник и говорит: «Мы тебя берем в число штатных служащих». Вполне вероятно, что мне было трудно скрыть своей радости, и в то же время мне с трудом верилось, что все страшное позади, а впереди у меня уже определенно есть работа. Таким образом, я там временно проработала пять месяцев,

а когда получила постоянную работу, то мне никак не верилось, что это не сон, и каждый день после того дня себе говорила: «Как хорошо, что у меня есть работа!»

К тому времени мне сообщили из Австралии, что у папы случился удар, и он болен. Я сразу поняла, что мне необходимо полететь вновь в Австралию, чтобы в последний раз увидеться с папой. Но сразу почему-то отправиться мы никак не могли, может быть из-за школы, а решили полететь в начале нашего лета, когда в Австралии начиналась зима. Хотя мне и писали, что папа плох, что он часто бывает в госпитале, но у меня на душе было почему-то спокойно, и я чувствовала, что он нас дождется. Мне писали, что у него удар произошел в голове и от этого потерялась память, так что он даже и детей своих не помнит. Когда же мы, по своем приезде, зашли в комнату, где он сидел, то он, увидев нас, горько заплакал, а когда его спросили, указывая на меня: «Кто это?», то он ответил: «Катя». Не знаю, узнал ли он меня, или его так настроила окружавшая взволнованная ожиданиями настроенность людей, но только он назвал меня правильно.

Живя там, я потом в нем увидела спокойного благообразного старца, благодарившего всякий раз любого человека, оказавшего ему какую-либо услугу. Подаст мама ему утром чашку чая, он ей скажет: «Спасибо большое», подвинет или поставит около него тарелку или подаст ему что-либо, он опять ей говорит: «Спасибо большое».

Когда мы приехали, все родственники собрались в доме Вали, где жили родители, и где были накрыты столы для гостей, но прежде чем сесть за них, мы пропели Отче наш, и я услыхала папин ничуть не изменившийся тенор, поющий молитву, причем он пел свободно и в тон. Папа не спеша, мог сам ходить, сидеть за столом и потреблять свою пищу. Большую же часть времени он сидел в кресле с шапочкой на голове, поскольку голова у него мерзла. Ему к тому времени исполнилось девяносто лет, тогда как мама была на семь лет его моложе и к тому времени была еще крепкой. Она с сестрой Валей присматривала за папой и во всем ему помогала.

Как-раз когда мы были там, в Мельбурн прибыла мироточивая икона Божией Матери, та самая, что когда-то проездом была в нашей церкви. Мы все, кроме папы и мамы, отправились в собор, где было торжественное богослужение с митрополитом Виталием (Устиновым), а посреди церкви стояла источающая миро икона, к которой с благоговением подходили многочисленные молящиеся. В конце литургии нам раздали ватки, смоченные благоухающим миром от иконы, после чего все прошли в прицерковный зал, где сестричество приготовило обильную трапезу. Там у меня произошла

неожиданная встреча с когда-то молоденькими знакомыми девочками, к тому времени ставшими уже солидными мамашами. Жизнь никого не щадит: старые умирают, молодые стареют, а дети растут.

На следующий день мы поехали за мироточивой иконой на богослужение в Джилонг, где тоже было много молящихся, и там тоже я встретила некоторых своих старых знакомых. Вечером того же дня икона прибыла в Данденонг. Народа в церкви было очень много, никогда раньше я не видела такого количества людей в Данденонгском приходе. После службы всем раздали ватки от иконы, и народ на улице выстроился в ряд, чтобы пройти под иконой, когда ее понесут. Затем все прошли в зал, в котором когда-то шли наши богослужения, где разделили, по случаю прибытия иконы Божией Матери, общую трапезу.

К тому времени некоторые кульджинцы из Австралии вновь посетили Китай и, побывав в Кульдже, привезли кое-какие сведения о жизни народа. Так один человек показывал нам заснятое им видео Кульджинского базара, где были видны висевшие туши говядины и баранины, что для коммунистического Китая было новым и невиданным в дни нашего там пребывания. Когда ездивший туда русский человек появился на улице, где он раньше жил, то около своего дома встретил уйгура, который, всмотревшись в него, назвал его имя с вопросом, он ли это? Да, это был он. Уйгур смог его узнать после того, как в последний раз его видел подростком. Мать того человека умерла, когда мы были еще в Кульдже, и я помню тот случай, поэтому ему очень хотелось найти ее могилу на русском кладбище, которое в его посещение все еще существовало, но найти ее он так и не смог.

Моя подруга Таисия с мужем Григорием Павловы тоже были в Кульдже, после чего она мне написала о своих впечатлениях следующее: «В Китае нам очень и очень не понравилось, и мы даже думаем, как мы были счастливы, что не знали, что плохо жили! Там все так же, как было при нас», то есть тридцать с лишним лет тому назад.

КИТАЙСКИЕ РУССКИЕ

Поскольку речь зашла о кладбище и о жизни в настоящее время в китайском городе Кульджа, то думаю, что будет к месту поместить всю статью Игоря Ротаря «Китайские русские», появившуюся в сентябре 1994 года в приложении газеты «Взгляд» № 49, выходившую в США на русском языке.

КИТАЙСКИЕ РУССКИЕ

Их не «перевоспитали» даже хунвейбинцы

Игорь Ротарь

Мое знакомство с русскими из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая произошло достаточно неожиданно. Во время прогулки по рынку города Кульджа мое внимание привлекла карта СССР, повешенная как украшение в одном маленьком частном магазинчике. К моему удивлению, хозяйка лавки — по виду чистая китаянка — достаточно сносно говорила на моем родном языке: «Моя мама была местная русская. Раньше русских — граждан Китая здесь было очень много. Сейчас же почти все уехали. Несколько русских семей живут возле православного кладбища — скажите рикше по-русски: «Могилка», и он поймет, куда вас везти».

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Первые русские переселенцы появились в Северо-Западном Китае в 20-е годы нынешнего столетия. В основном, это были белогвардейцы, бежавшие из Средней Азии после победы красных. Во время голода и раскулачивания 30-х годов в Северо-Западном Китае нашли приют крестьяне из средней полосы России и Украины. Переселенцы осваивались основательно: строили деревни, возводили

церкви. Особенно было много русских в пограничных со Средней Азией районах: так, например, как утверждают очевидцы, в начале 50-х население города Кульджа было на треть славянским. Первая волна репатриации славянского населения произошла после ссоры Москвы с Пекином — тогда советские дипломаты ездили по районам и убеждали своих бывших соотечественников: «Возвращайтесь, пока не поздно».

ЗНАКОМСТВО

Найти «могилку» оказалось нелегко: рикша долго безуспешно плутал по городу и, лишь взяв в качестве проводника китайского военного, наконец добрался до внушительной ограды с крестом наверху. Здесь, за надежным забором кладбища, охраняя могилы соплеменников, и живут маленькой коммуной (около 30 человек) три русские семьи: Зазулины, Луневы и Курганаевы.

«Когда Ленин умирал, Сталину наказывал: людям хлеба не давать, мяса не показывать. Именно в то время наши предки и бежали в Китай», — со смехом говорит Любовь Лунева.

«В целом это действительно верно. Но потомки русских крестьян и белогвардейцев уже давно покинули Китай. Те же, кто остался, — особенные русские... В 20-е годы на одну из крестьянских общин пятидесятников снизошел Божий глас, велевший следовать ей в Китай. Сейчас в Кульдже проживает около 50 русских — практически все они члены общины, основанной в 20-е годы в Росси, — поправляет сестру Николай Лунев. — Правда, за долгие годы на чужбине наше вероучение изменилось — нас уже нельзя считать пятидесятниками, скорее всего, мы уникальная секта христиан, существующая лишь в Северо-западном Китае. Основные наши отличия: мы не здороваемся за руку, едим только из своей посуды, спим только на своем домашнем белье, не работаем в воскресенье».

Община живет замкнутой жизнью: ее члены не ходят в гости к соседям чужой веры, практически исключены смешанные браки. «Мы можем жениться на китаянках, только если они примут нашу веру», — говорят местные русские. Недопустимость брачных уз с не христианами стала серьезной проблемой: молодым русским парням просто уже не найти незамужних девушек той же веры.

Однако первые дети от матерей-китаянок уже появились в общине. «Я чистая русская и верую в Христа», — сказала мне убежденно маленькая девочка, по виду чистая китаянка.

Некоторая суровость образа жизни этих людей не сделала их угрюмыми. В жизни сектанты ведут себя естественно и совершенно

светски, поэтому, общаясь с ними, ты совершенно забываешь о строгости их заповедей. Человек любой нации и веры, зашедший за ограду русского кладбища, будет встречен с уже забытым в современной России гостеприимством. И неважно, что еду вам подадут в особой «поганой» посуде — щедрость стола и радушие хозяев мгновенно избавят вас от мрачных раздумий.

Хотя бы раз в год, на месяц, местные русские выбираются на природу в горы. Мужчины охотятся и ловят рыбу. Женщины собирают ягоды. Летом же, по выходным дням, члены общины садятся на велосипеды (практически единственный вид транспорта в Китае) и отправляются на весь день купаться.

СЕМЕЙНАЯ ЛЕТОПИСЬ

В жизни моих новых знакомцев достаточно причудливо отразились все перипетии современной истории Китая. В конце 40-х годов Иван Григорьевич Лунев участвовал в Восточно-Туркестанской войне. Если верить советской историографии, в середине 40-х годов на землях Восточного Туркестана (нынешняя СУАР) произошла революция турко-язычного населения (уйгуры, казахи, киргизы) против китайских колонизаторов. В 1944 году была создана Восточно-Туркестанская Республика (ВТР), просуществовавшая до 1949 года.

Однако у Ивана Григорьевича несколько другая версия: «Какая там революция?! В Восточном Туркестане воевала Советская армия — ни одного уйгурина я в ней не видел! Уйгуры и казахи шли уже «вторым» эшелоном: грабили, убивали несчастных китайцев. Сталин создал советский плацдарм в Китае, а после прихода к власти своего союзника Мао созданную им же республику упразднил» (лидеров ВТР пригласили в СССР на переговоры и убили: была инсценирована авиакатастрофа. — *И.Р.*)

Особенно тяжело пришлось моим собеседникам в годы культурной революции. Все сектанты среднего поколения не учились в школе: «Мы не могли допустить, чтобы наши дети поклонялись идолам». Увы, оградиться от большой политики все-таки не удалось. Рассказывает семидесятилетняя мать двенадцати детей Нина Семеновна Зазулина: «В те годы по улицам Кульджи маршировали хунвейбины. Некоторым нашим они надевали на голову бумажные колпаки и водили по улицам, крича что-то о перевоспитании. Боже мой, я видела, как они «перевоспитывают» — привязывают человека к столбу и бьют по голове. Наши мужья убежали в горы. Я же осталась следить за могилами. Однажды слышу, поют «Интернационал» и громко стучат в ворота. Что мне оставалось делать — я открыла. Их было

человек сто, все молодые, одетые во френчи-«маодзедунки». Они долго искали в моем доме «контрреволюционную» литературу, спрашивали, где муж — «агент империализма». Потом, так и не найдя ничего, под звуки марша ринулись сбивать кресты на кладбище».

«А вот мне самому пришлось пострадать за веру, отсидел шесть лет, — с улыбкой говорит Иван Григорьевич. — Надели на меня кандалы и отправили в трудовой лагерь, есть почти ничего не давали. Они все время говорили мне: «Поработай хоть раз в воскресенье, и мы тебя сразу отпустим». Потом они от меня все же отстали: «этого твердого сектанта не исправишь», и мне стало полегче».

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Новая жизнь началась после смерти Мао Цзедуна. Русскую общину больше не трогали. А в последние годы она стала даже некой наглядной иллюстрацией бережного отношения властей к национальным меньшинствам. Александр Зазулин избран (а если точнее, назначен) депутатом Кульджинского горсовета. К христианским праздникам община получает подарки от властей, а на Рождество им устраивают роскошную елку в здании городской администрации.

Новая эпоха принесла еще одно важное изменение в жизнь местных русских. Город Кульджа сегодня заполнен «челноками» из СНГ. Впервые за многие годы китайские славяне смогли общаться с людьми из России. Появилась возможность ездить за границу — и уже почти вся местная русская молодежь побывала на своей «исторической родине».

«Поверьте, я говорю честно: сейчас мы довольны политикой китайских властей. В частную жизнь они теперь не вмешиваются, а таким людям, как мы, только этого и нужно. Если раньше меня могли посадить только за то, что я получил письмо из СССР, то сегодня — вот, пожалуйста — мы сидим с вами у меня и разговариваем. Я и сам могу приехать в Россию — были бы деньги. Сегодня мы уже не чувствуем себя настолько изолированными от своей родины, как раньше. Как знать, может быть, Китай выбрал более разумный путь, чем Россия. Уровень жизни в последние годы растет стремительно. Китайцы очень трудолюбивы, единственная их беда — в нехватке земли. То, что они делают в тех условиях, в которых оказались, напоминает чудо. Я бывал в России и видел, как вы работаете, — в наших условиях Россия просто бы погибла», — рассуждает Николай Лунев.

Местные русские активно занялись бизнесом. Александр Зазулин открыл частный магазин и мастерскую по ремонту русских

музыкальных инструментов. Луневы держат частную пекарню. У ее дверей я разговорился с американцем: «Все иностранцы покупают хлеб только у русских. Ведь недаром ваш народ славится трудолюбием и честностью». Мне оставалось лишь улыбнуться...

УШЕДШИЕ

Осколки былого, «мамонты истории» — подобные эпитеты постоянно приходили на ум, когда я наблюдал за жизнью русской общины в Китае. «Особенность» моих знакомых проявлялась не только в старомодности оборотов их речи, литературности приводимых ими поговорок («перебиваться с хлеба на квас» говорят они вместо современного «с хлеба на воду»), но и манере себя вести, в ярко выраженном чувстве собственного достоинства, удачно дополняемом доброжелательностью и искренним желанием помочь любому встреченному на их пути человеку.

«Как-то странновато у вас все в России. Люди живут хорошо, богато, а в туалет городской зайдешь — срамота. Злых много, хамоватых, а был у меня такой уж совсем смешной случай. Еду в автобусе, сижу — вдруг входит старичок. Я ему, конечно, уступаю место. Он отказывается. Я уговариваю его: «Садитесь, пожалуйста, дедушка». И вдруг он меня спрашивает: «А вы откуда?» Чтобы долго не объяснять что к чему, говорю: «Из Казахстана». А он громко так на весь автобус: «Вот видите, где еще осталась культура, — в Казахстане!». Да, не о такой России рассказывали мне дедушка с бабушкой!» — это из рассказа Александра Зазулина. «И я была у родственников в России. Живут они в деревне. Присмотрелась я — молодые русские девки, а печку затопить не могут! Да в китайской деревне они с голоду давно бы подохли!» — в сердцах добавляет Нина Семеновна Зазулина. «Да, в Россию возвратиться, конечно, хочется, но уж как-то боязно! Сколько лет прошло уж с тех пор, как наши предки в Китай бежали — другую совсем страну покидали! Россия изменилась, а мы прежние остались. Как говорится, «в чужой монастырь со своим уставом не лезь», — подытоживает разговор на правах старшего мужчины Иван Григорьевич Лунев.

Вот чем закончилась история русских беженцев в Кульдже. Когда я читала эту статью, мысленно я была там и видела те улицы, по которым катался Игорь в рикше, видела и кладбищенский забор с крестом над воротами и даже само кладбище, а вот о том, что там все еще живут русские, я не знала. Однако фамилии мне прозвучали

знакомыми, так как еще при нас шел разговор о каких-то особенных пятидесятниках с такими фамилиями.

Погостив у наших, пришла пора расставаться, и мы по пути попали опять в Бризбен к родственникам мужа. Там в ту пору была какая-то выставка, в которой участвовал и Советский Союз в пору своей перестройки. Пошли мы посмотреть выставку. Подойдя к месту, где было расположено русское отделение, Ната со своей двоюродной сестрой разговорились с русским человеком, а когда к ним подошла я, и он узнал, что я мама Наты, то попросил обождать, а сам скрылся, сказав Нате: «Я твоей мамке подарок дам». Принес он выдутый из стекла русский самоварчик и дал мне. Я его потом осторожно везла домой, и до сих пор он в полной сохранности. Жаль, не знаю того человека ни имени и ни фамилии.

Такое отношение человека из Советского Союза меня очень удивило, поскольку раньше никому из нас не удавалось с приезжавшими оттуда даже разговаривать. Яркой наглядностью такой невозможности является случай происшедший со мной и моими русскими сослуживцами, когда я еще жила и работала в Мельбурне. В Австралию в те времена иногда приезжали советские артисты, циркачи, а нам там жившим русским очень хотелось их как-нибудь встретить и с ними поговорить. Однажды я со своими русскими сослуживцами в обеденный перерыв в небольшом магазинчике нечаянно встретили такую труппу, переговаривавшуюся между собой по-русски. Мы были очень рады натолкнуться на своих собратьев и сестер, но когда с ними заговорили по-русски, то они, «как в рот воды набрали» и даже прекратили разговор между собой, а мы, как оплеванные, повернулись и вышли из магазина.

Недели через две после нашего приезда домой к нам из Австралии приехал мой брат Коля с женой и дочерью. Решила я их свозить на Ниагарский водопад, до которого надо было ехать на автомобиле в одну сторону пять часов, и поэтому мы выехали из дома очень рано утром. Ехали мы с короткими остановками в специальных местах, где можно залить бензин, поесть, отдохнуть и узнать нужную информацию для путешественников. Величественный вид открылся перед нами, когда мы подошли к берегу реки Ниагары, откуда нам стал виден водопад и слышен шум падающей тяжелой воды, которая, ударяясь внизу о камни и разбиваясь в брызги, пенилась и бурлила. Очень высокий каменный уступ, через который она переваливала, был огромного размера и имел вид подковы, а вода сливалась во внутреннюю ее часть. С низу реки почти к самому основанию падающей и пенящейся воды постоянно подходили суда, полные народа. Предварительно купив билеты, и мы решили прокатиться на

одном из них. Каждому входившему в судно выдавался дождевик, и судно, наполнившись пассажирами, двинулось по реке по направлению водопада. По мере приближения его к водопаду все больше начинали падать на нас дождевые капли, но не дождя, а разбивавшейся на мелкие капельки воды водопада, и в конце концов, вокруг судна все заволоклось брызгами и туманом. Судно нарочно приостановилось, делая вид, что наехало на мель, и постепенно развернувшись, полукругом пошло в обратную сторону, а через несколько минут вышло из-под той всегдашней непогоды. Люди с улыбающимися лицами и мокрой обувью начинали снимать свои мокрые дождевики с шапками. Затем мы прошли посмотреть магазины, где натолкнулись на предлагаемые билеты поехать на Канадскую сторону, и мы, купив их, поехали. После всего этого нам надо было торопиться в обратный путь, и приехали домой уж поздней ночью.

Подходил назначенный день торжества Тысячелетия крещения Руси, к которому я заказала места для ночлега для нас двоих и для наших гостей. Перед самым днем торжества, которое должно было быть недалеко от Лейквуда, в котором тогда проходил молодежный съезд, и где были наши две молоденькие, мы выехали пораньше с тем, чтобы с ними там встретиться. Встретившись с ними, мы отправились в Храм-памятник святого Владимира, где должно было произойти торжество.

Все было готово. Около храма была приготовлена большая стоянка для автомобилей, которая вскоре заполнилась, а народ виднелся всюду. Церковь стояла на горке, так что ее хорошо было видно издалека, а к ней вело множество широких ступенек, по которым поднимался народ. В связи с тем, что храм не очень большого размера, то во время богослужений его превратили в алтарь, а многочисленный народ стоял вокруг храма. Хор поместился в храме и пел прекрасно как на вечерне, так и на литургии под управлением молодого регента Пети Фекулы. По громкоговорителям все богослужение с возгласами и пением передавалось вокруг храма, и слышно было его на далеком расстоянии. На богослужениях, кроме митрополита, участвовало много архиереев, епископов, священников и диаконов, не говоря уж о том, сколько там было иподиаконов и прислужников. Погода содействовала торжеству, день был приятный, но жаркий. В конце литургии крестным ходом с хоругвями и иконами, среди которых была и Мироточивая Божией Матери, священнослужители пошли к озеру с молебствием, а весь народ тянулся позади. После окончания богослужения все духовенство с большой частью народа прошли за накрытые столы на свежем воздухе под большим,

специально для этого приготовленным брезентовым шатром, где и разделили праздничную трапезу.

Уехали наши гости, и мы опять остались одни, а через пять месяцев после того, как мы были в Австралии, я получила телефонный звонок от наших: мне сообщили, что папа умер. Закончился еще один путь русского скитальца, а как он, еще живя в Китае, ждал, что власть вот-вот сменится, и он поедет к себе домой, в Россию, и не дождался. А подданства как он, так и мама никакого другого не приняли, считая себя подданными старой России, хотя, живя в Австралии, папа уже не мечтал о возвращении домой, видя свой дом разоренным и в беспросветной тьме. Помнится мне, как он, после того как мы приехали в Австралию, купил книгу в двух томах «Новомученики Российские» и в первую очередь стал искать сведения о своем Российском архиерее а, нашедши, тихим голосом сказал: «Убит». На папины похороны мы не поехали, поскольку я уже использовала свой годовой отпуск, да и не так-то просто проехать половину полушария земли. Я предпочла его видеть еще живого.

Торжество Тысячелетия крещения Руси было отмечено и в нашем приходе. За тот год прихожанами был приготовлен мраморный памятник с изображением на нем святого князя Владимира с высеченными словами и датами тысячелетия. Когда памятник был готов, его установили на церковном дворе при входе в церковь.

БИНГХАМТОН

Прожили мы в маленьком домишке пять лет и решили его продать, а купить дом большего размера. Долго мы присматривались к продававшимся в то время домам, но подходящего как-то не попадало, а однажды мы нечаянно попали в запущенный старый дом, который совсем не думали покупать, но лишь из любопытства почему-то решили пройти по нему и его посмотреть. Прошли по комнатам, посмотрели и ушли, а дома я Нате вдруг сказала: «Ната, как ни странно, а тот дом, что мы ходили смотреть, мне понравился». «Мне тоже», — ответила Ната. Тогда мы попробовали за него поторговаться и все гладко подошло к тому, что мы его купили.

Я с самого начала решила, что большую работу по ремонту — поставить новую кухню и кое-что другое — отдам подрядчикам, а всякую мелкую будем делать сами. Дом состоял из двух этажей: на первом находились гостиная с прилегающей к ней небольшой комнатой, столовая, кухня и туалет, а на верху три спальни с большими шкафами в стенах, и ванной комнатой с туалетом. Все стены на нижнем этаже были отделаны некрасивыми панелями, и поэтому я решила их снять. Снимая панели, надо было снимать и дерево вокруг оконных рам, в то время как стены от гвоздей оказались побитыми, а местами они высыпались, образуя большие отверстия. Снимать панели было моей работой, во время которой, к моей неожиданности, я обнаружила, что под ними вместо двух дверных проходов в гостиную оказались две роскошные арки. Трудно себе представить в каком состоянии оказался дом после того, как все панели были сняты. Чтобы панели нам не мешали, мы их сразу же выносили в наш большой гараж, но зато все доски, которым предстояло пойти на свои места, с торчащими из них гвоздями, бросались в кучу. Доски были с трещинами и дырами, но мы, прибив их на место, как и стены, замазывали, ровняли и зачищали до тех пор, пока поверхность не становилась ровненькой. Рассказывается очень быстро, а делать все это

заняло у нас очень много времени. Потолок в гостиной и столовой был обит красивыми квадратиками, которые от старости местами отвисли и еле держались. Я решила тот потолок спасти, привинтив квадратики к потолку шурупами, а затем все трещины и поломы замазать и закрасить. Позже людям так нравился потолок, что они спрашивали, где мы покупали такие красивые квадратики. В кухне, в ванной и в нижней туалетной комнате подрядчик поставил шкафы, а замазка стен осталась ожидать своей очереди, что мы потом делали сами. Вообще работы было очень много, а времени мало. Каждый день после службы я приезжала в тот дом и работала до десяти часов вечера, после чего уезжала домой, а утром вставала без пятнадцати шесть, так как работу начинала в семь часов утра. Питалась почти каждый день колбасой, да помидорами с хлебом, так как домой после работы не заезжала и ничего не готовила. Так наш ремонт шел все лето, а в октябре наш маленький дом продался, и мы должны были из него выехать. Кое-как успели постлать ковры в своем новом доме и в него въехать, несмотря на то, что ремонт кухни, ванной комнаты с туалетами не был закончен. Сколько пыли и грязи было в доме во время ремонта! Мне казалось, что от них мы никогда не сможем избавиться, но когда все вымыли и застлали все полы, то никакой пыли, ни грязи не стало, и внутри дом получился как новый. Дом оказался уютным, что не раз высказывалось посетителями в выражениях: «Какой уютный дом!» или «Как у вас уютно!». Дворик позади дома я заказала обнести забором из дощечек, и там у меня был небольшой огород, в котором росли помидоры, огурцы, чеснок, зеленый лук, укроп. Позади дома мне пристроили открытую веранду и залили асфальтом дорожку в гараж. Поскольку перед фасадом земля была неровной, то мы сами ее перекопали и разровняли, засеяв травой. Вообще навели полный порядок как в доме, так и вокруг его.

Мне хочется упомянуть, что мне приходилось работать не только молотком, но и пилой, и дрелью, не говоря уж об отвертках и щипцах. Установивший нам кухню подрядчик, у меня однажды спросил: «Где ты всему этому научилась? У тебя все получается так хорошо». И действительно, не могла же я всего этого знать, не учившись. А научилась я всем приемам таким образом: во-первых, в моей памяти многое осталось с детства, когда я наблюдала за папиной работой, а во-вторых, мне очень помогла одна американская книжка, к которой мне пришлось неоднократно прибегнуть. Когда-то еще в Сан-Франциско в магазине я увидела на продаже дешевые книги, среди которых заметила заголовок «Как ремонтировать старый дом». Я ее купила за один доллар, и она у меня лежала до времени, когда и пригодилась. По ней я научилась как обращаться со старыми стенами

дома и подвала. А в нашем подвале мы работали на следующее лето, после чего он стал чистым, подкрашенным, с шкафами из старой кухни и полками для моих маринадов и варенья. Поскольку дома всегда много дел обыденных, то такой долгий ремонт, в конце концов, мне надоел, и последнее я доделывала с нетерпением. Но то, что было задумано, надо было докончить, а надумано было многое. Так, заметив что кое-где можно было устроить между стен шкафы с полками, я решила их сделать, купив для них готовые или уже существовавшие дверки. Потом я приносила в дом доски, размеряла, пилила и строила, в конце работы каждый вечер подметала, а на завтра опять сорила. А когда мы разложили по местам свои вещи, оказалось, что у нас не хватило места для книг, то я решила сделать для них полки, которые потом очень хорошо нам послужили. В конце концов, все было сделано, чему с трудом верилось, и мне можно было свободно вздохнуть. Но этим домашняя работа не закончилась, поскольку дом всегда требует ухода: то надо косить траву, для чего мне пришлось купить косилку, то подрезать деревья, то сажать, полоть и поливать огород, а осенью собирать опавшие листья и зимой сгребать снег с тротуаров около дома, с въезда и у себя во дворе. Поскольку Ната училась, она не всегда могла мне помогать, да и я уже так привыкла все делать самой.

В РОССИИ

С давних пор у меня было желание поехать в Россию, чтобы посмотреть ее и встретиться с кое-какими родственниками, особенно с теми, что выехали из Китая. Такое время настало в 1992 году, когда я собралась и поехала, хотя не раз слышала высказывания с предостережениями, что туда ехать опасно. Меня заранее предупредили, что там надо одеваться попроще, чтобы не обращать на себя внимание и не вызывать подозрение, что я иностранка. Я это постаралась исполнить, одевшись попроще, а чтобы себя нечаянно не выдать, я решила без нужды с людьми не говорить. Попав на аэродром Шереметьево в Москве, мне бросился в глаза очень низкий потолок здания, сделанный из каких-то металлических отрезков труб, отчего он мне показался настолько толстым и тяжелым, что, казалось, психологически давил на людей, в том числе и на меня. Когда же я вышла из здания на улицу, то предо мной предстала огромная толпа народа прямо у выхода, причем, в той гуще людей, без всякого стеснения, мужчины, разговаривая, плевали прямо себе под ноги. Это мое первое впечатление, хочу ли я или не хочу, но оно всегда встает в моей памяти при воспоминании аэродрома Шереметьево.

На том же самолете прилетел один мой знакомый, которого встретили его родственники, и они, усадив меня в свой автомобиль, повезли к себе, а дорогой рассказывали о встречавшихся на пути более известных зданиях и вообще о городе. По широкой дороге от аэродрома движение шло в обе стороны, причем, вся дорога была разделена линиями так, что в одну сторону шло пять рядов машин. По сторонам ее постоянно были видны различные объявления, но не на русском языке, а на английском, что на меня произвело неприятное впечатление. По нашем приезде меня угостили, положили мне в мешочек еды, так как я в тот же день под вечер вылетала в Алма-Ату, а я сама взять себе еды из дома даже не додумалась, так как от этого уже отвыкла. Своим гостеприимством меня мои новые знакомые

удивили и удивили своей заботливостью. Они же увезли меня в аэродром Домодедово и проводили до самых ворот посадки. Когда мы только вошли в здание аэропорта, то открывшаяся передо мной картина меня отбросила в мое прошлое, и я вспомнила г. Урумчи, когда мы были там на вокзале. Люди со своими пожитками ютились прямо на цементном полу, пристроившись кто как может, а многие из них просто уселись на пол, подвернув под себя ноги. Такое же зрелище можно было видеть в Китае где угодно, куда попадали наши народности: уйгуры, казахи, киргизы и калмыки. Встали мы в очередь, но вскоре узнали, что иностранцы пропускаются где-то в другом месте. Прошла я проверочный пункт, и попала в самолет, который потом очень долго пополнялся людьми. В полете, как и в каждом самолете, стюардессы стали беспокоиться о выдаче пассажирам еды и я почувствовала вкусный и вызывающий аппетит запах курицы. Когда летела в Москву, ночью в самолете спать совсем не могла, а днем тоже у меня не было никакой возможности отдохнуть, что для меня не является чем-то новым, но только от этого ли или от чего другого, у меня тогда совсем не было аппетита. Когда же потянулся тот необыкновенный запах курицы, то мне захотелось ее попробовать, а потом и пальчики облизала, настолько курочка оказалась вкусной, какой я уже давно не ела. Главное то, что мясо было не только вкусным, но оно было, если можно так выразиться, ароматно-вкусным, чего нет у мяса на Западе.

Вот я и в Алма-Ате. Не раз я слыхала, что во всех новообразовавшихся государствах бывшего Советского Союза иностранцам надо быть очень осторожными по той причине, что было немало случаев кражи чемоданов и даже убийств людей, ехавших из-за границы навестить своих родственников. Мне также советовали, одевшись попроще, никому не говорить, что я приехала из-за границы. По этой причине еще из дома я написала родственникам письмо, в котором предупредила, что я приезжаю, указала дату моего приезда и просила их встретить меня на Алма-Атинском аэродроме. Из Москвы помогавшие мне люди тоже пробовали им позвонить, но дозвониться не могли, поскольку телефонная связь с тем городом, где они жили, была в те дни прерванной. Однако после моего отъезда они все-таки послали телеграмму, и поэтому я ожидала, что кто-нибудь меня непременно встретит. А у моих родственников произошла путаница с получением моих писем. Когда-то я им написала, что я не смогу приехать, но это было так давно, что я о нем уж и забыла, а они это письмо получили последним и успокоились. Часа в три утра вдруг приходит им телеграмма, извещающая, что я приезжаю в шесть часов утра в Алма-Ату, тогда как они жили в Талды-Кургане, который отстоит

от Алма-Аты на расстоянии трехчасовой езды на автомобиле. Они быстро собрались, сели в машину и покатили на Алма-Атинский аэродром. Между тем, выйдя из самолета, я двинулась за всей движущейся толпой, так как никакого объявления не было, что иностранцы должны пройти в другую часть аэродрома, чтобы там получить свой багаж. Пришла я к месту получения багажа, где остановилась вся толпа и жду, когда появятся мои чемоданы, которые все не появлялись. Причем, я заметила, что все вертевшиеся на линии чемоданы почему-то были обернутыми в белую бумагу и не могла разобраться: таковыми ли они сдавались, или их обернули во время пути. Как бы то ни было, вертевшиеся чемоданы люди разбирали и с ними уходили, а я стояла и не могла сообразить, что происходит. Встречавших меня, как мне казалось, не было, и я, оставшаяся одна иностранка, которой накрепко было запрещено об этом говорить, не знала, что делать. Ко мне все приставал один таксист с предложением подвезти, на что я ему отвечала, что меня встречают, но он не унимался, отходил на минутку и вновь подходил со словами:

— Где же ваши встречающие? Вот я уеду, и вы останетесь одна, кто тогда вас повезет?

У меня и без него этот вопрос на уме вертелся, а тут, к тому же, как нарочно, моего багажа так и не оказалось, и я решила подойти к стоявшему там служащему, подавая квитанцию. Посмотрел он мою бумажку и говорит: «Да вы не на том месте ждете, идите туда», — и он указал рукой куда мне идти, а подошедший к тому времени таксист услыхал, что мой багаж находился на другом месте, куда идут только багажи иностранцев. Он мне ничего на это не сказал, но предложил свою помощь принести для меня чемоданы. Я в тот момент не знала, что думать и что предпринять, а в голове одна мысль сменялась другой: «Меня не встретили, теперь остается положиться только на себя и на волю Божию. Если им звонить, дозвонюсь ли? Из Москвы ведь не дозвонились. А телеграмма? Кто знает, получили ли они телеграмму? И доходят ли они вообще здесь? А мой багаж? Ведь я не могу носить два больших чемодана да свою сумку с собой. Как же я пойду к телефону, чтобы позвонить? И где я его найду?». Ко всему этому еще и небо было все затянуто тучами, и дождь лил как из ведра. Вообще за минуту времени мне пришлось решить как поступить, и я решила поехать с этим неугомонным таксистом на автобусную станцию, а там пересесть на автобус, идущий в Талды-Курган. Усадил он меня в свое такси, и мы поехали. Едем мы, а у меня ползут всякие мысли: «Вот и попалась. Что же теперь со мной будет? Ведь он со мной может что угодно сделать. Прибьет меня где-нибудь, и никто не будет знать. Может быть, у него уже есть готовая ловушка,

и он меня везет туда». Мне казалось, что мы ехали уже вечность, а он все едет и едет. Не вытерпела я и его спросила:

— А автобусная станция находится далеко от аэродрома?

— Да, далековато, на другой стороне города, а вы куда на автобусе хотите ехать?

— В Талды-Курган.

— Я сам-то не смогу, но у меня есть человек, который смог бы вас увезти в Талды-Курган за пятнадцать тысяч рублей. Если вы будете согласны, то вот приедем на автобусную станцию, и я посмотрю, если тот человек там. А не то, что ж вы будете на автобусе мучиться пять часов, когда мой друг довезет вас за три и подвезет к самому дому.

А я сижу и думаю: «Как знать, кто ты и кто тот человек, которого ты предлагаешь? Но я еще посмотрю, привезет ли он меня на автобусную станцию? Если привезет, то, возможно и соглашусь, чтобы тот, другой, отвез меня в Талды-Курган, а не то, действительно, мне надо будет ехать на автобусе, а потом как же я двинусь со станции? Брать на станции такси, иначе не доберусь до родственников. А будут ли там такси? Может быть, у них тут вообще с такси бывают затруднения? Звонить своим? Опять та же проблема, как я двинусь со своим грузом? А такси мне будет стоить пятнадцать тысяч, то есть пятнадцать долларов. Это не плохо, зато он меня довезет до ворот». Пока я рассуждала сама с собой, мы приехали на станцию, и таксист опять спрашивает:

— Ну, что решили? Идти мне и искать ли человека, или вы будете здесь вылезать?

Я решила его спросить, хотя и знала, что надеяться на ответ было бессмысленно:

— А хороший ли тот человек, которого вы предлагаете, и можно ли на него надеяться?

— Да, он хороший и надежный человек.

— Ну, тогда идите и ищите его.

Побежал он по дождю на станцию, оставив меня в машине, а через некоторое время они явились оба. Переложили мои вещи в другую машину, пересела я, и мы поехали. Новый таксист с каким-то акцентом мне напомнил, что дорога будет стоить пятнадцать тысяч рублей, и поняла ли я правильно? Я подтвердила, но много говорить с ним не стала, так как боялась себя выдать. А мой таксист нет-нет, да и заговорит, вначале просто о каких-нибудь пустяках, а потом вдруг прямо спросил, не из ФРГ ли я. Я никогда раньше не слыхала такого сокращения и поэтому, не поняв его, спросила: «А что такое ФРГ?» Он мне объяснил, что так сокращенно называется

Германия. Мои опасения и без того меня не оставляли, а тут он меня, как водой облил. Думаю: «Ах, он узнал, что я иностранка?», но не показывая своего беспокойства, я ему ответила, что из Москвы, на что он ничего не сказал, и мы молча продолжали ехать дальше. Я все воображала страшные картины: «Кто знает, что меня ожидает впереди. Вот мы едем холмистыми степями, которым конца и края не видать, и нигде нет ни души. Что ему стоит заехать куда-нибудь за холмик, прибить меня и свободен, как птица. Кто будет знать, где я и что со мной?» Мне вспомнилось, как брат Коля рассказывал, что когда их вез таксист по Нью-Йорку, как они боялись, наслышавшись до этого о всяких приключениях, там происходящих. А когда таксист завез в грязный район города, то они совсем решили, что оказались жертвой таксиста. Что-то вроде этого случилось и с нашими родственниками, приехавшими из Казахстана в австралийский город Мельбурн. По какой-то ошибке их на аэродроме никто не встретил, и они без языка, не зная что делать, решили сесть в такси, показав таксисту адрес родственников, живших от аэродрома на противоположной стороне Мельбурна. Таксист их повез, но так как по площади Мельбурн очень большой город, и чтобы его пересечь, нужно чуть ли не два часа, поэтому гости из Казахстана не на шутку перепугались, думая что им пришел конец. Так вот и я сидела и молила Бога, чтобы он меня не оставил без своей помощи. Через некоторое время таксист опять спросил у меня что-то о Германии, на что я ему опять ответила, что я не из Германии. Он посидел, подумал и говорит мне:

— А тот таксист, который вас подвез к станции, мне сказал, что вы из Германии.

Ну, думаю, я попалась. Тот-то видел, что мой багаж был там, куда увозят только багажи иностранцев, но, несмотря на это, я вновь повторила, что я не из Германии. Он опять успокоился на некоторое время, но только я ему показалась, думаю, загадочным человеком. Мы говорили о пустяках, а я все всматривалась, не будет ли где-нибудь надписи на дороге куда она идет, но никаких надписей я так и не увидела, а мы все ехали по тянувшейся дороге среди зеленой степи. Часто в русской литературе упоминаются степи, о которых я читала всюду, но видеть ее мне в своей жизни еще не приходилось, а в тот раз у меня оказалась возможность посмотреть русскую степь, и мне вспомнились поэтические ее характеристики в нашей литературе. Размышляя, я думала: «Так вот она какая — наша степь необъятная! Нигде ни одного деревца, но зеленые холмики и холмики, как волнистое море». Перед нами дорога шла хорошая, асфальтированная, что было приятно видеть и приятно было по ней ехать, но она была совершенно безлюдной и за весь наш путь не встретилась нам

ни одна машина. Иногда, но очень редко, в стороне появлялись какие-то невысокие строения, о которых таксист мне говорил, что это колхозы, а иногда мы проезжали стоявшие у дороги холодные, непонятной формы сооружения с плакатами, которые проезжающим напоминали — какая у них счастливая жизнь, ради кого они так счастливы, и кому должны возносить свою благодарность. А мой таксист так и не унялся, видимо ему уж очень хотелось мне доказать, что он знает, что я не российская, и на этот раз уже с нетерпением мне говорит:

— Понапрасну вы стараетесь скрыть, что вы приехали из-за границы. Ведь я же знаю это. Вы боитесь меня, а я боюсь своих пассажиров. Вы думаете, что я повез бы вас в Талды-Курган, если бы вы были мужчиной? Не только таксисты пассажиров бьют, но и пассажиры бьют таксистов. Вы думаете, что я где-нибудь вас прибью и заберу ваши дорогие подарки?

У меня от последних слов мурашки забегали, а ему ответила:

— Никаких дорогих подарков у меня нет, а просто в доме собрала ненужные вещи и везу их, — а то, что я приехала из Америки сказать я все-таки побоялась, сказала, что приехала из Австралии.

Он поинтересовался жизнью в Австралии, на что я ему ответила, что хуже, чем в Америке, даже если большой разницы на самом деле не чувствуется. Потом я ему объяснила, что выросла в китайском городе Кульджа, на что он мне сказал:

— Хотите поехать в Кульджу? Я вас свожу. Сейчас свободно можно туда ездить.

Если бы было у меня больше времени, я бы, наверно, решила съездить и в Кульджу, но у меня его было мало, поэтому от его предложения отказалась.

В одном месте мой таксист остановился, чтобы налить бензина в свои баки, которые каждый шофер возил в своем багажнике, поскольку бензинок[1] по дорогам не было. Вышел мой таксист, открыл багажник, и мне было не видно, что он там с другим человеком делает. У меня вновь понеслись мысли: «Неизвестно, что это за люди? Может быть, они уж знают друг друга и вместе работают и уж вынимают мои сумки и чемоданы из багажника». Мне так и хотелось выйти и посмотреть, что они делают, но сдержалась, так как знала, что если даже и увижу их криминальные действия, то мне это ничуть не поможет. Ничего не случилось, таксист действительно оказался порядочным человеком. Он был не то азербайджанцем, не то афганцем, теперь уже я это не помню. Еще он мне говорил, что его сыновья получили высшее образование, и у них хорошие профессии.

---

[1] Бензинка — термин, употребляемый русскими в Америке для обозначения топливозаправочной станции.

Привез он меня в Талды-Курган, а где находится улица, на которую нам надо было попасть, не знал, так он спросил шедшего по улице человека, который ему и ответил:

— Я как раз иду на ту улицу, если меня подвезешь, я ее тебе покажу.

Посадил его мой таксист, и мы вскоре приехали на нужную улицу, но номера дома мы никак не могли найти. Попали мы в место, где номера были очень близкими к тому, что мы искали, но нужного номера нигде не было, то есть шел какой-то странный порядок номеров, и мы не могли сообразить, где же тот номер, что мы искали? Несмотря на то, что мы спрашивали у живших там людей, никто нам в этом помочь не мог, а в одном доме я попросилась позвонить по их телефону, и меня впустили, хотя и очень неохотно, но набранный мной номер так и не прошел, и я не дозвонилась. Улица, на которой мы были, в одном месте была так перерыта, что на ее средине зияла огромнейшая ямина, и мы решили объехать по другой улице на другую ее сторону. Попав опять на ту улицу, но с другой стороны, мы сразу же наткнулись на дом с нужным номером, а когда у появившегося у ворот мальчика я спросила его фамилию, то он меня просто огорошил, назвав мою девичью. Мне было странно слышать такую родственную мне фамилию от не существовавшего для меня мальчика, жившего где-то так далеко, совсем в другой и не знакомой мне стране. Было странно представить, то, что в то время как я моему дедушке была внучкой, тот мальчик был ему правнуком. Он мне указал, как пройти к моей двоюродной сестре, с которой мы расстались еще в Кульдже. Это была та сестра, которая нас угощала чаем из кипевшего самовара, когда мы, еще детьми, заходили к ней. Через некоторое время после нашей встречи приехали ее брат с ее сыном — моим ровесником, съездившими в Алма-Ату впустую. Оказалось, что они приехали на аэродром, когда я уже уехала, походили вокруг, поискали и вернулись.

В первый вечер по моем приезде сестра накрыла стол, и съехались ее, то есть и мои родственники. Это были мои двоюродные сестры и братья с семьями и сестра нашего зятя Настенька с мужем, что была в Китае и уехала на «родину» из Суйдуна. Рассталась я со своими двоюродными, когда мы были еще детьми, а встретились уж папами и мамами, а как один из них выразился, когда уж головы некоторых мужчин стали «босиком».

Так как я летела две ночи подряд и не могла спать, то в ту ночь спала очень крепко, а на следующий день проснулась в двенадцать часов дня. На улице небо оказалось голубым, и ярко сияло чистое солнце. Умывшись из умывальника на дворе, я прошла в летнюю кухню, которая от дома отстояла в стороне, где моя сестра уже меня

ждала. В тот день нам предстояло быть в гостях у сестры нашего зятя Настеньки.

Когда с таксистом я ходила и искала дом, то мне с трудом верилось, что улица в таком большом городе, как Талды-Курган, могла быть такой узкой, не асфальтированной и не ровной с лужами воды посередине. Все заборчики были низкими, неприглядными, а сбиты они были из разнообразных и разноцветных кусочков. Мне потом рассказывали, что все те заборчики строились и поддерживались материалом, который был добыт, хорошо если легальным способом, что менее вероятно, но обычно тем, «кто что стащит». Поэтому каждый из них был настолько уникальным, что два одинаковых заборчика увидеть просто было невозможно. Дворики, правда, были большими, на которых росли свои садики и огороды. У всех, где я была, во дворах были сараи и в них свиньи и куры. Дома внутри оказались не плохими, но безусловно, у одних они были лучше, а у других хуже. Они состояли из нескольких комнат, одной из которых являлась хорошо убранная гостиная с диваном, а иногда и с креслом. На окнах красиво висели занавески, но комнаты все еще белились известкой, а не красились. Холодная вода, не у всех, была проведена в дом через резиновый шланг примитивным образом, однако у некоторых я видела на дворе только колодцы. Горячей воды совсем не было, но были баки, стоявшие в ванной комнате, которые, когда требовалось, нагревались отдельно дровами. В ванной комнате стояла обыкновенная ванна на ножках, а умывальника с раковиной не было, как и не было туалета. Вероятно, на зиму заносился в дом тот умывальник с помойным тазом, что в летнее время стоял на дворе, вода в который наливалась ручным способом. Туалет, по старинке, был на дворе, причем без глубоких углублений в земле, как у нас было в Китае, но в Алма-Ате, где мне пришлось ночевать, туалет был с глубокой ямой. Летние кухни представляли из себя полукухню-полукладовую и были совершенно без удобств, но у людей были газовые печки, а также и холодильники, а были ли они у всех, не знаю. Здесь я привожу не статистические цифры, но то, что мне пришлось увидеть даже в больших и хороших домах.

В городе кое-где стояли «пятиэтажки», как их там люди называли, это хрущевские дешевые, неприглядные снаружи дома, в которых находились тесные квартиры с минимальными удобствами: кухней, горячей водой, ванной комнатой и туалетом. Летом в больших зданиях как там, так и в других частях России, горячая вода отключалась, и народ должен был пользоваться холодной водой.

С родственниками я ездила в продуктовые магазины, в которых на полках стояло несколько стеклянных банок с маринованными овощами и больше ничего. Но в некоторых из них нам удалось

застать в очень ограниченном количестве молоко в бутылках и сахар, причем сахар выдавался, только если у человека был для этого купон. Подойдя к продавщице — казашке, я спросила, можно ли мне как иностранке купить сахар без купона, на что последовал отрицательный ответ. Молоко зачастую было уже прокисшим, а чтобы его получить люди утром вставали еще в потемках и шли в очередь. Все это мне напомнило китайские кооперативы, совсем не похожие на какие-либо магазины. Та же беспорядочность, продуктов в минимальном количестве, грубость, никакого уюта, а главное, бесконечная очередь: не столько продуктов, сколько людей. Такие магазины, если их можно назвать магазинами, на такое количество населения были очень редки, и трудно себе представить, как они могли обслуживать людей, если даже были бы набиты продуктами, но я уверена, что продуктов там много никогда не бывало, и так обслуживали народ десятилетиями.

Хотела или нет, но я чувствовала, что попала в прошлое, советское, в такое, что сама испытала в Китае, и передо мной пронеслись картины еще более прошлого времени, когда продавцы с наполненными полками подзывали к себе покупателей, чтобы они уж если не купить, то хоть посмотрели бы его продукт, а покупатели, не останавливаясь, шли и смотрели по их выбору то, что им нравилось. Тогда об очередях люди даже не могли себе представить, их просто не могло быть, а если была очередь, то только разве чтобы попасть на подходивший к берегу через реку Или паром, да вечерами перед праздниками в банях, и это все.

К моему большому изумлению, все продавщицы были казашками, тогда как покупатели почти все были русскими. Этот вопрос меня мучил, но я никого не спрашивала почему так, и при всем этом я видела, как подходили женщины и умоляли продавщиц уступить ей то или иное. Если дословно показать проходившую сцену, то она была таковой:

— Девушка, а можно мне молока?

— Нет, — отвечает продавщица.

— Мне только одну, девушка! Пожалуйста! — не унималась женщина.

— Нет ни одной, то молоко не для продажи.

— Ну, пожалуйста, девушка!

— Да нет же, я уже сказала!

Отходит женщина, не получив молока, причем, как я заметила, на лицах отходивших женщин не видно было ни досады, ни злости, что меня очень удивило, а они принимали все как есть, вероятно, это уж вросло в их жизнь, и люди к этому привыкли.

Попала я в магазин, где продавалась всякая утварь, в узком смысле этого слова, и сельскохозяйственные орудия труда. Прошла я по рядам и увидела русский топор, который в переводе на американские деньги стоил тридцать пять центов. Я заинтересовалась им и решила его купить, не потому, что он мне был нужен, а просто потому что ничего другого, что бы я могла купить, вообще в магазинах не было. Затем, попав на какой-то почти пустой базар, я увидела жаренные на масле пирожки и решила их купить для пробы. Ничего подобного не ожидала. Они оказались настолько невкусными, что было трудно их есть, и я не могла сообразить, как можно что-то так невкусно приготовить? Простое поджаренное на масле тесто и то бывает очень вкусным, а тут пирожки! Тогда я вспомнила мясные уйгурские пирожки, что продавались в Кульдже до коммунизма. Какими они были вкусными! Вероятно, за период коммунизма люди разучились вкусно печь и готовить, а другого ответа на это я не могла придумать. А когда я с сестрой зашла в туалет, то он меня просто ошеломил. Я уж совсем позабыла, что такое может быть. На полу были просто наложены доски с множеством отверстий и никаких загородок. Невольно мне тогда пришла мысль: «Сколько Ната потеряла, не посмотрев этого». Ей ведь даже во сне такое присниться не может, а тут реальная жизнь просвещенного столетия. Даже я, испытавшая такую жизнь в прошлом, себя почувствовала не на месте. А если вспомнить Китай, нашу школу, то там все-таки хоть одно отделение закрытое да бывало, а тут, ничего. Мне не хотелось верить, что наши русские настолько ли забитые жизнью или по какой другой причине не могут устроить для себя простых, обыденных удобств. Или это отсечение бюрократических начал? Война против всякого приличия? Что же еще другое? Вышла я оттуда, и меня разобрал смех. «Да, — подумала я — в полном смысле слова «общественная уборная».

Потом мы проехали на кладбище, где был похоронен муж сестры, над могилой которого стоит крест, как полагается, что было очень приятно видеть в то время, как тут же неподалеку стояли роскошные памятники с пятиконечными звездами. Смотришь и не понимаешь, что бы это значило? Крест и звезда. Крест — символ Христа. Победа жизни над смертью. Что же такое звезда? Значит тоже символ? Чего же? Во что те люди веруют или веровали, что по их смерти им ставятся звезды? Ведь это говорит о их какой-то вере? Мы знаем, в мире существуют две силы: Божия и сатанинская — добро и зло. Мы, христиане, веруем в Бога, что есть добро. Если они не веруют в Бога с таким воинственным протестом, значит они на стороне сатаны и символ их есть символ сатаны. Как страшно! Сами для себя люди

избрали не добро, но зло. Неприятно находиться между такими могилами. Веет от них каким-то неприятным холодом.

После кладбища мы проехали на русскую частную ферму. Ферма оказалась настоящей, отчего было душе радостно. Ходили за изгородью здоровые розоватые свиньи со своим хрюканьем, но хозяин очень жаловался на всякого рода притеснения со стороны властей. Он говорил, что не дают развернуться, и при таких условиях просто невозможно работать. Мне было его жаль и очень хотелось, чтобы он смог выдержать и провести в жизнь такое начинание, как частная ферма.

Через два дня после моего приезда мы на автомобиле брата поехали в город Сарканд на мамину родину, о которой так много хорошего и страшного рассказывала мама. Это был город постоянных воспоминаний, которые, как нить подкрепления или живительная нить, подкрепляющая саму жизнь, тянулась рядом с моими родителями, особенно с мамой. Папа часто вспоминал и Сибирь, где не росли помидоры, и еще другие места, а для мамы Сарканд был из родин родина. Так вот в этот заветный Сарканд мы и поехали. По дороге ничего интересного не было, разве только кое-где поселения казахов и на горах их кладбища. Наконец вдали на юго-востоке показались растянувшиеся синие горы, загнувшиеся с южной стороны на восток. К ним мы и направились. Город Сарканд оказался расположенным у самого подножия восточных склонов тех гор, тогда как с другой стороны города простиралась равнина. Когда мы въехали в город, я обратила внимание на уличные дороги, которые были сухими, но с глубокими ямами и, конечно, неасфальтированными. У меня в голове мелькнул вопрос: «Почему наши неасфальтированные дороги в Кульдже были летом ровными, и никаких ям на них не было, а тут везде ямы?» — но до ответа так и не додумалась. С помощью людей нашли мы дом моей двоюродной сестры — дочери той самой маминой сестры, которую она в военное время носила на своей спине. С этими родственниками я никогда не встречалась, но переписывалась, и вот тут произошла наша первая встреча. Сестра тут же позвонила своей другой сестре на работу, и та тоже вскоре пришла, чтобы встретиться. Пошли мы все вместе пешком по городу и вскоре оказались около речки, о которой я тоже не раз слыхала от мамы. Дорога по-над речкой оказалась асфальтированной, вероятно как раз это и была та дорога, по которой, по маминым воспоминаниям, мой дядя Алеша прокатил на кошевке девочек. С высокими берегами речка оказалась быстрой, с каменистым дном и с разбросанными по ней большими камнями, что говорило о том, что она временами бывала полноводной и бурной. Речка мне очень понравилась, и я от ее красоты просто

радовалась и летала, а спустившись вниз, играла ее чистой, быстро несшейся и сверкавшей на солнышке водой, напоминавшей наши кульджинские реки. Берега ее до самой воды были травянистыми, на которых росли и разные деревья. Не хотелось мне оттуда уходить, но надо было идти дальше, и мы, вновь поднявшись на верх берега, по хорошему мосту перешли на другой берег и вскоре оказались у места, где раньше стояла землянка бабушки — маминой мамы, которую она построила с работниками после того, как их старый дом сгорел. В той землянке она прожила до самой своей смерти, после чего землянка была снесена, и на ее месте оказался просто заросший пустырь, в окружении которого никаких домов не было.

Писала мне в письме моя двоюродная сестра: «Бывало, бабушка выйдет из дома, сядет под навесом и там долго сидит, о чем-то думая, наверно о своей дочери Шуре». Ей было о чем думать: мать и одну дочь зарезали в ее доме, сына убили на войне, а одна дочь где-то скитается. А вот что мне сообщила о бабушке внучка четвертой ее дочери, с которой я еще не встретилась: «Баба Катя была высокая, работящая, чистоплотная. Всех знакомых людей приветливо встречала, угощала тем, что имела и очень скучала по своей старшей дочери (Шуре) — вашей маме. Она была удивительной собеседницей, много-много рассказывала о своей жизни, о революции, о своем муже. Дедушка был небольшого роста и был большим любителем охоты и рыбалки, а звали его Сафон. Умер он рано. Ходил искать украденных лошадей и когда переходил через речку застудил почки, отчего и умер. Жила бабушка в маленькой земляной хате, а в первой не отапливаемой комнате у нее находился погреб. Помогали бабушке дочери и зятья, чем могли (кто дров напилит, кто мешок муки даст), а в основном она жила на пенсию 27 руб (очень маленькая пенсия, и получала она ее за своего погибшего на войне сына). Больше всего с бабушкой жили дети сестры моего отца (бабушкиного внука), а в старости ей помогали и доглядывали за ней соседи: поливали огород, мазали крышу, вызывали скорую помощь. Никому она не надоела, оставив о себе светлую память и теплые воспоминания. Похоронили ее хорошо, одели в то, что ей прислала баба Шура из Австралии, и отпевали в церкви. Пока не уехали из Сарканда, мы все время ходили на ее могилку, а теперь не знаем, что там творится.»

Оттуда мы направились к той маминой сестре, с которой во время войны мама была в плену. У тети в то время шла побелка комнат, и вся мебель была свалена в кучу, а она сама сидела на убранной кровати. Она оказалась крупнее моей мамы и на нее не похожей, но когда она пошла, то я заметила, что ее ноги были точь-в-точь мамины, особенно пятки. С другими мамиными сестрами я не встретилась по

той причине, что, как мне тогда показалось, они жили в других городах, а я там провела всего одну ночь и день. Но зато я встретилась еще с одним родственником — троюродным братом по линии папы, который никогда в Китае не бывал. Когда мы поехали утром к нему, то привезшие меня из Талды-Кургана сестра и брат вначале заехали к их знакомым, а потом подъехали к нашему общему родственнику, куда мы с самого начала и собирались поехать. Я же почему-то не поняла и думала, что они опять заехали к своим знакомым, и не обращая внимания ни на что, сидела с ними около цветов и деревьев и ждала, когда они закончат свое посещение. Хозяин старался мне уделить внимание, а я как-то неучастливо отвечала на его вопросы и ждала, когда все кончится. Затем меня хозяйка провела внутрь дома, показала как живут, где все говорило, что люди живут неплохо. Их дом оказался очень хорошим с большим огороженным двором и сараями, а во дворе был сад и огород. Он стоял на горке и от него расстилался красивый вид. При въезде во двор стояли большие ворота с калиткой, что мне очень напомнило Кульджу. Затем нас пригласили в летнюю кухню за стол, а за чаем я решила спросить, обращаясь ко всем:

— Кем же вы друг другу приходитесь?

— Братья и сестра, — мне отвечают. А я не поняла, и думаю: «Какие же братья?» Тогда я хозяина спросила:

— А какая ваша фамилия?

Он назвал мою девичью фамилию, и только тогда я поняла, у кого я нахожусь.

— Что ж вы мне не сказали, что мы у родственника? — говорю я своим. А они мне:

— Мы ведь с самого начала ехали сюда.

Да, мы ехать то ехали, но доехали ли? Хорошо, что я спросила кто они, а не то уехала бы и не знала, что была у родственника. После такого знакомства мы разговаривали уж как родственники. Потом мы попали еще в три родственных дома, после чего должны были возвращаться в Талды-Курган. Так в один день у меня произошло столько приятных встреч, только жаль, что у меня не было больше времени, чтобы встретиться с остальными и побыть с родными подольше.

На следующий день сын моего двоюродного брата с женой и дочерью повезли меня на автомобиле в Алма-Ату. Перед тем как выехать из города, я попросила моего племянника подвезти меня к церкви, и я зашла в нее на минутку, так как день был воскресный, и в церкви шла служба. День нашей поездки был ясный и приятный, и когда мы выехали из Талды-Кургана по сторонам дороги вновь проносилась та же «необъятная степь». Остановились мы у стоявших

около дороги стенок, то есть у места «отдыха», а там оказалось, что одна часть их предназначена для мужчин, а другая для женщин. Стены были просто железобетонные без крыши и без дверей, а меж стен куток шириной метра в полтора, где было негде наступить, то есть вся земля оказалась занятой. По моей привычке перед тем, как сесть в машину надо было помыть руки, а особенно после виденного за стенками, но помыть их было негде, и я обратила внимание на большую лужу на равнине, образовавшуюся от дождевой воды. Вода в ней стояла чистая, и я этим воспользовалась.

Город Алма-Ата расположился у подножия высоких гор, а местами и сам лежит на невысоких горках, и он мне понравился. Город утопал в зелени, по нему пролегали ровные широкие асфальтированные улицы с множеством машин, с хорошим городским транспортом и оставшейся стариной. Люди были хорошо одеты, женщины в красивых платьях и на каблучках, особенно казашки. Как мне потом объяснили, то оказалось, что казашки могли хорошо одеваться потому, что их отцы и мужья заняли все лучшие места по службе, откуда русские были убраны. Однако у каждого казаха начальника был русский помощник, который и исполнял порученную ему работу.

Привезли меня к русским, тоже когда-то выехавшим из Кульджи, которые меня очень хорошо приняли. Когда я поинтересовалась, знают ли они, где живет мой бывший одноклассник, назвав его имя и фамилию, то мне ответили, что он живет почти рядом и можно будет к нему пройти. Мне было очень интересно встретиться с ним, и мы отправились. В первую пору нашей встречи, когда мне сказали, что это он, я смотрела на него и старалась в этом совершенно новом для меня лице увидеть хоть что-то знакомое, но увы, чего-либо старого, закрепившегося в моей памяти от школьных дней в его лице просто не было. Не только возраст, но и жизнь наложила на его лицо свой отпечаток, который совсем не подходил к облику того веселого и беззаботного подростка. Прошло тридцать шесть лет после того времени. Мне вспомнилось в тот момент, как он вместе с другими русскими поехал на «родину», а вместо того оказался, как и я, «за границей». Какой абсурд!

Это просто измученному русскому человеку был пущен очередной плевок в лицо, чтобы над ним потом еще и посмеяться. Как не удивляться этому! Всюду видишь русские лица: и толпы русских, и очереди русских, и продающих с рук свои последние вещи, чтобы как-то прокормиться, тоже русских, да все русские и русские, а страна называется «Казахстан». Не говорит ли это о том, что русские не имеют и не имели при коммунизме никакой власти? Иначе как бы они могли допустить, чтобы часть России, в которой проживает

такое количество русских, а казахов в общей сложности не большинство, где вся цивилизация, хоть и отставшая, находится среди русских, а не казахов, вдруг откололась, назвав себя «Казахстаном»? Страна без участия народа смогла как-то отделиться, когда народ даже не был спрошен, хочет ли он такого отделения или нет? Конечно, боятся того, что если русским дать продвинуться, то Казахстана не станет. Вот почему и были назначены на все посты начальниками казахи с папками бумаг в руках и русскими, знающими дело, помощниками. По той же причине во всех магазинах продавщицами были казашки, а не русские, в то время как стояли очереди русских людей. От себя я здесь ничего не прибавляю. Это случившийся факт истории русского человека. Дошло до того, что русским не стали давать не только работать, но и жить, а защитить, как другие страны защищают своих граждан, их некому. Страна их просто продала по новомодной традиции «рабства».

Мои родственники грустили, рассказывая о том, как им живется: «Не знаем, что делать. Если продать дом и переехать в Россию, то, во первых, его хорошо не продать, а во вторых, от продажи половину заберет государство. Что же нам останется? А там на что себе купить дом? К тому же неизвестно будет ли там возможность найти работу? А в будущем, говорят, казахское правительство совсем не будет разрешать получать деньги от продажи домов. Просто не знаем, как нам поступить». Да, много перенес русский человек, как-нибудь перенесет и это. «Не в силе Бог, а в правде». По делам наказал Бог наш народ, и если он раскается, то от Бога же получит и свое избавление, а пока что Бог все еще милостиво ждет, когда его блудный сын одумается и вернется в дом Отца своего, чтобы встретить его с распростертыми руками. Тогда такому сыну всякие Казахстаны, Туркестаны, Узбекистаны и все другие «станы» будут совершенно безразличными. Главное для него будет то, что он вновь стал сыном Отца своего, и Отец ему во всем защита. Не эти ли «станы» держали русский народ под своим игом, тоже не без воли Божией, четыреста лет, и что потом стало?

Мысли забежали вперед, и я отклонилась от нашей встречи, о которой мне тоже хочется вспомнить. Объявив, что я его бывшая одноклассница седьмого класса, я предложила ему подумать и угадать, кто я. Думал он, думал, принес фотокарточки, стали мы всех вспоминать по ним, называя их по именам. Он видел, что я действительно всех знаю, кто с ним учился, но вспомнить меня он так и не смог, а на его фотокарточках меня не оказалось. Когда я сказала свое имя и фамилию, он немного подумал и вспомнил: «Да, конечно, ты же мне математику решала!» «А однажды мальчишки меня за тебя

побили, и я не жалею». «А помнишь, когда тебя хотели мальчишки снегом засыпать, кто заступился? Это был я!»

То, что его когда-то мальчишки побили, для меня было новостью, а обо всем другом мне было очень приятно вспомнить. Вообще, это была приятная встреча, он мне показал его художественные изделия — картины русских сказок, которые он написал красками и при этом использовал отрезки проволоки и кусочков металла. Картины были просто превосходными, я смотрела и восхищалась ими, а он мне потом добавил: «А работаю я маляром». У меня невольно вырвалось: «Вот у нас бы такие картины продавать!» Все рассмеялись: «А здесь никуда не двинешься. Сгниешь с талантами». Бедный мой одноклассник курил папиросу за папиросой. В то время как внешне он очень изменился, однако в разговоре я смогла заметить в нем того старого моего одноклассника, который сохранился в моей памяти.

Тут приехала его сестра, которую я помню тоже как ученицу, и у нас завязался разговор, и полились жалобы на жизнь, на несправедливость и пр. Затем они усадили нас за стол и по-русски угостили. Человек, привезший сестру одноклассника, предложил свои услуги повезти меня на следующий день за город и показать окружающую Алма-Ату природу. Поехало нас трое: я, хозяйская дочь и тот человек. Приехали мы в горы, где когда-то проходили олимпийские игры, поднялись по многочисленным ступенькам приблизительно на половину очень высокой горы, где шла горизонтально асфальтированная дорога. Оттуда был хорошо виден олимпийский стадион с его железобетонными сооружениями. Сколько там вложено людского труда и капитала, а какая от этого польза, по крайней мере местному населению? Как-то грустно было смотреть на эти распластавшиеся между гор холодные сооружения. Был какой-то кричащий диссонанс, что-то не подходило, не координировало. Как страшная раковая опухоль села на никем не тронутую природу гор и, разъедая ее, наслаждалась этим. Просто, цементные глыбы не соответствовали той природе, что на душу нагоняло глубокую тоску. Бывает ведь такое! Смотришь на что-нибудь, и душа радуется, как у меня она радовалась, когда я смотрела на Саркандскую реку, а здесь нет, здесь тоска. Как интересно, душа сама избирает себе над чем порадоваться, а над чем погрустить. Внизу наш шофер угостил нас шашлыком, и мы поехали в обратный путь, а по дороге мои добрые приятели обратили мое внимание на тянувшиеся по-над дорогой высокие сплошные стены, у ворот которых стояли люди в военной форме, впускавшие внутрь только «избранных». «За этими стенами находятся дачи известных лиц еще старого режима», — объяснили мне.

Возвратившись в город, мы двое решили выйти из автомобиля, так как мне хотелось посмотреть на красивый большой собор, вокруг которого растянулся парк со скамеечками. Жаль, что храм был закрыт, и внутри я его не могла увидеть, а был ли он тогда действующим или нет, не знаю, но вероятнее не был, так как никакого жизненного дыхания около него не было.

В тот вечер возивший нас шофер с женой пригласили нас двоих и моего одноклассника с его сестрой к себе, где мы провели очень приятное время, а на следующее утро одноклассник с девушкой, у которой я останавливалась, на такси увезли меня на аэродром.

Когда я уж была дома в Америке, получила письмо, в котором сообщалось, что моего одноклассника уже в живых нет, ему кто-то всадил нож в сердце на улице во время небольшого спора группы людей, к которой он подошел, идя с работы. Случились же это буквально через пять или шесть недель после нашей встречи.

Прилетела я в Москву и с моим багажом опять случилось то же самое, что случилось в Алма-Ате: мой багаж увезли неизвестно куда. Бегала я в поисках своего багажа и, наконец, нашла его внизу на площади аэродрома. Забрав его, я села со всеми там бывшими на автобус, что ходил по площади аэродрома, и он нас довез до определенного места, где я сошла вместе со всеми. Мой чемодан оказался для меня тяжелым, и поэтому какой-то русский господин, конечно, не местный, взял его у меня, чтобы помочь донести в здание аэродрома. Так я ушла, не спохватившись, что среднего размера сумку, в которой были все мои вещи, я оставила на сиденье автобуса. Донес господин мой чемодан до места, где стояла его машина и предложил мне свою услугу подвезти, но я, поблагодарив его, отказалась, так как меня мои знакомые должны были встретить. Опять я понесла свой тяжелый чемодан, все еще не спохватившись, что со мной нет моей сумки. Посмотрела я вокруг, но встречавших меня нигде не было, и я решила стать в сторонке и отдохнуть. У меня с собой, кроме чемодана, была еще ручная сумка, мой дождевик и пластиковая сумка с калачиками, которых напекла в дорогу моя сестра в Талды-Кургане. В тот момент пришел встречавший меня человек, и я, радехонькая, взяла свои маленькие сумки в руки, и мы пошли к машине. Когда мы уж немного отъехали, не знаю почему, я вдруг спросила:

— Вы вещи мои сложили в машину? — на что последовало:

— Да.

— А мою синюю сумку?

— Какую синюю сумку? Нет, синей сумки там нет.

Меня бросило в панику: «Где же я ее могла потерять?» Думала, думала и мне пришло на ум: «В автобусе». Пошли мои мысли

кружиться: «В России потерять сумку и найти — это невозможно. Как же я буду здесь находиться без моих вещей? У меня ведь абсолютно все в той сумке». Встретивший человек меня успокаивал: «Ничего, мы ее сейчас найдем», — а в глубине души он, конечно, знал, что найти ее — чудо. Пошли мы на площадь аэродрома, где ходили автобусы, развозившие пассажиров и, найдя один из них, вошли в него, но он оказался не тем, в котором я ехала. Человек, с которым я пришла попросил шофера объявить по рупору о оставленной в автобусе сумке, на что он не согласился, сказав: «Объяви сам». Тогда мой помощник взял рупор и объявил о потере. После этого мы пошли в контору, где объяснили случившееся, на что получили ответ: «Да, в одном автобусе была найдена какая-то сумка». Эта сумка оказалась моей, которую через несколько минут после этого я получила.

К вечеру того же дня меня усадили на поезд, идущий в Санкт-Петербург. Чтобы было менее опасно, мне купили место в купе, и когда меня привели в поезд, объяснили, что меня может там ожидать, чтобы я была в курсе дела и действовала не как иностранка. В купе я получила нижнюю полку, а напротив поселилась какая-то женщина. Мы были довольны, поскольку больше никого в купе не было. Время было позднее и на улице уж стемнело, когда вдруг к моей соседке подошел кондуктор и говорит:

— Вам придется полезть на верхнюю полку, а здесь я уложу пьяного человека.

Ей не хотелось лезть на верхнюю полку, но кондуктор не унимался:

— Понимаешь, он пьяный. Если свалится с верхней полки и разобьет себе голову, что я буду за него отвечать, что ли?

Нехотя, но соседка моя согласилась занять место на верхней полке. Кондуктор привел пьяного и усадил на нижнюю полку, но он долго не сидел, а пошел в коридор к окну. Не знаю, почему моей соседке захотелось, чтобы тот пьяный мужчина ложился на свое место, она подошла к нему и говорит: « Я здесь постою, а вы идите, раздевайтесь и ложитесь». А он посмотрел на нее очень внимательно и произнес: «Интересно». Ей ничего не оставалось делать, как от него уйти. Купили мы постельное белье и улеглись спать, а наш сосед так и остался стоять в коридоре у окна.

Проснувшись утром, наш сосед оказался совсем нормальным, и он сидел с соседкой, вероятно обдумывая, что с ним было. Соседка его спросила, как спалось, а он в ответ:

— Спалось то хорошо, да не знаю, где моя сумка?.

Тут соседка рассказала ему, что вечером случилось, а он ей очень удручающе:

— Как, я Вас согнал с места?! Как нехорошо получилось! Вы уж меня простите, — причем повторил «простите» несколько раз.

— Идите, найдите купе, в котором Вы вчера сидели, сумка Ваша наверно там до сих пор лежит», — сказала ему его соседка, и он послушно встал и пошел, а через некоторое время пришел с сумкой.

Человек тот был особенным, не таким как все, и был он просто интеллигентом, с которым было легко общаться. Между ним и соседкой завязалась беседа о тяжелой жизни и так далее, а я, чтобы себя не выдать, решила помолчать, да к тому же мне было интересно послушать их. Одетый в хороший костюм тот мужчина по виду и мягкому разговору походил на заграничного русского человека, но в то же время, когда у них завязался разговор о жизни, он высказывался как местный житель. Может быть он, как и я, скрывался и не хотел показать, что он человек из-за границы?

Ночь была очень холодной, в то время как в одном окне коридора не было стекла, отчего дуло внутрь поезда холодным ветром. Хорошо, что у меня с собой был дождевик, который я чуть не оставила в Алма-Ате, да уж хозяйка мне о нем напомнила, после чего я старалась его больше не вынимать, а держать в своей сумке.

Оставив чемодан в Москве, я была налегке, и передвижений уж больше не страшилась, а когда прибыла в Санкт-Петербург, взяла такси и приехала по адресу к людям, у которых, по уговору, я могла остановиться. Приехала я очень рано утром, когда хозяйка собиралась на работу, а я, получив объяснение как доехать до Зимнего Дворца, что они называют Эрмитажем, решила пойти с хозяйкой, чтобы она мне показала как пользоваться метро и указала направление. Вошли мы в метро, купила она для меня жетонов, и мы поехали по эскалатору. Смотрела я и глазам не верила, на какую глубину мы спускались. Такого я не ожидала. Внизу на станции две линии, и я вначале не могла понять того, что по каждой из них поезда шли только в одном направлении. Мне надо было переключиться от старого понятия, которое у меня сложилось от городских поездов Австралии, когда поезда по любой стороне станции могли идти в любом направлении и в разные части города в зависимости от объявления, которое появлялось после отъезда каждого поезда. Меня крайне удивило и то, что поезда в одном направлении проходили каждые две минуты. Мне в это трудно было поверить, и это меня заставило вспомнить, как мне приходилось ждать десять-пятнадцать минут в рабочие, а в не рабочие — до тридцати и больше минут в Австралии. Меня поразило метро и тем, что оно все было выложено мрамором с такими же каменными столбами и ступеньками, очень часто многочисленными. Заговорив о мраморе, мне вспомнился случай, когда я попала

в Московском мебельном магазине в просторную туалетную комнату и поразилась тем, что все ее стены были тоже обложены мрамором.

Как мне было указано, я вышла из метро и вместо того, чтобы сесть в троллейбус, решила пешком дойти до Зимнего Дворца. Идти надо было далеко, но зато я посмотрела город, реку Неву с ее уникальными мостами. Мне с трудом верилось, что я нахожусь в том месте, о котором так много приходилось читать, особенно у Достоевского. Тут и река Нева, и Невский проспект, и мосты — все это давно уж знакомое по книгам, но отдаленное расстоянием. Читая, в воображении я уже ходила по улицам и мостам, входила в дома, в квартиры и все видела, как наяву. А тут стою и не узнаю свои запечатленные картины и вижу все не так, как мне когда-то представлялось.

По дороге на одной из улиц по правую сторону я увидела большой храм, о котором позже узнала, что он был Казанским собором, но, к сожалению, я в него так и не попала, так как он был не действующим и по воскресеньям закрыт.

Целый день я провела в Эрмитаже, и какой только красоты там не видела! Меня особенно поразила выставка русских мастеров-художников, где под микроскопом показывались их рисунки на разрезе волоска. Я просто не могла ими налюбоваться.

Всего виденного мной не опишешь, а главное я побывала в Исаакиевском соборе, на воскресной службе в соборе Александра Невского, на Смоленском кладбище у часовни блаженной Ксении и в Петропавловской крепости.

Меня поразило, что в основном город состоял из построений дореволюционного периода, причем старые здания очень отличались от новых построек, красота которых блекла перед старинной красотой. Несмотря на то, что семьдесят с лишним лет они вообще не ремонтировались, они все еще находились в хорошем состоянии, что говорит об их крепости, однако без присмотра хозяина их низы оказались обитыми, в то время как многие их двери, с копившейся десятилетиями вокруг них никем не тронутой пылью, были наглухо забиты. А вообще я там увидела столько красоты, что невольно задавала вопрос: «Если ее сейчас так много, то сколько же ее было до революционного разбоя, отнятия, грабежей и вывоза за границу?»

Пробыв в Санкт-Петербурге дня четыре, я села в поезд, идущий в Киев. Надо сказать, что люди, у которых я жила, меня приняли очень радушно и помогли мне во многом. Кроме того они купили для меня билет, что сделать там не очень просто, и посадили на поезд. Мест в купе не было, но зато я вновь имела нижнюю полку.

Поезда мне там понравились тем, что ночами люди могли спать на полках, что являлось роскошью в сравнении, как мы, помню,

ехали в Австралии из Мельбурна в Бризбен, сидя на сиденьях плечо к плечу.

Перед моим выездом в Россию, еще в Америке, мне встретился один человек — украинский американец, не говоривший ни по-русски, ни по-украински. Он до этого ездил в Россию несколько раз, и всякий раз с ним случались необычайные приключения. Так вот он, узнав, что я еду в Россию, мне однажды говорит: «Ты знаешь, там ужасно! Такая в поездах грязь! А туалет! В него просто страшно заходить! При этом все, что испражняется, падает прямо на железную дорогу. Я тебе говорю правду. Вот поедешь, сама посмотришь». Я поехала и сама увидела, что он говорил правду и опровергнуть его слова нечем.

Дорога из Санкт-Петербурга в Киев длинная, и я, не зная чем заняться, то посматривала на своих соседок, то в окно или прислушивалась просто к говору. Мои соседки, ездившие в поездах не в первый раз, знали как обособиться от остальной публики. Они во входе повесили простыню, и мы оказались в своем купе. В разговор с ними я старалась не вступать, поскольку в своих мыслях я уж не раз себя ловила, что могла что-нибудь сказать, что меня сразу же выдало бы как иностранку, чего я опасалась. Что мои соседки думали обо мне — не знаю, но однажды одна из них обратилась ко мне и говорит:

— Я знаю, откуда Вы. Вы из Прибалтики.

— А как Вы узнали? — спросила я.

— По говору.

— Нет, я не из Прибалтики, — сказала я, но потом подумала и решила, что не надо было мне отказываться от Прибалтики, а не то она, может быть, теперь догадается, кто я.

По дороге мне было интересно смотреть на окружающую местность и природу, и я заметила, что за всю дорогу не было гор, но всюду по сторонам дороги стояли деревья. Значило ли это, что поезд шел все время по лесу, или это были ряды специально посаженных деревьев, чтобы отвести любопытный взгляд от реальной жизни, непонятно. Как бы то ни было, людей можно было видеть только на станциях, на которых пассажиры иногда выбегали из поезда и вставали в очереди что-нибудь купить, а потом еле успевали заскочить в поезд перед его отходом. Наконец, люди зашевелились, прокатился поезд по длинному мосту, и мы въехали в город. На станции меня встретил один знакомый человек, и я опять оказалась как бы со своими.

Мои знакомые меня приняли очень хорошо, потом водили по городу и по всяким музеям. Один раз я с хозяйкой попала в Киево-Печерскую Лавру, а когда мы вошли во двор, услыхали монашеское пение и увидели группу монахов, несших раку с мощами из большого

храма, а за ними шедшую толпу людей. Мы пошли за ними, надеясь попасть за мощами внутрь здания, но оказалось, что за монахами дверь прикрылась, и никого внутрь не впустили. Обходя монастырь, мы заметили чего-то ожидавшую большую толпу людей, и, заинтересовавшись, спросили, кого они ждут, на что нам ответили: «отчетчика». Тут же среди людей я увидела одного мужчину, просившего подаяние. В тот момент как я ему подала, из его рук выпала на землю сумка, в которой зазвенели пустые бутылки, что и выдало, на что собирал человек деньги.

Долго нам пришлось ждать, когда разрешат паломникам спуститься в ближние и дальние пещеры, а когда мы спустились, почему-то людей с нами не было, и мы вдвоем пошли со свечами в руках, прикладываясь ко всем иконам святых. Вдруг я услыхала позади голос монаха, говоривший: «Матушка, идите направо». Я взглянула направо и увидела как бы ответвление пещеры и пошла туда. Так мы, прикладываясь к иконам, шли вдвоем довольно долго, а когда вышли, я посмотрела на свою спутницу и увидела ее растерянный вид. Вероятно, она того не ожидала, что ей пришлось пережить в пещерах.

Была я и в Софийском соборе, а на Троицу попала во Владимирский собор, где служил в тот день только что запрещенный Московской Патриархией митрополит Филарет (Данченко), образовавший новое украинское ответвление. На проповеди он очень долго говорил на эту тему, приравнивая себя к гонимым, а за что он оказался гонимым, я от него так и не услыхала. Не забыли мы пройти и на Владимирскую горку, где стоит высокая статуя святого князя Владимира, откуда был виден весь Киев с рекой Днепр.

Мне очень понравился музей хат и старинных церквей, построенных по склонам гор за городом, с их убранством и традициями старины. Там были хаты богатых, середняков и бедняков, различаясь лишь в размере, но тип всех хат был один. В углу хаты стоял стол, а над ним на полке-угольнике иконы, украшенные вышитыми полотенцами. По-над стенами тянулись деревянные лавки (скамейки) и стояла кровать. Всегда у входа была русская печь, а полы у всех хат были земляными. При входе у каждой из них были сени, откуда поднималась лесенка на чердак, где над печкой была устроена коптилка для копчения мяса и рыбы. Чердак над комнатой был пустым, а раньше он использовался для хранения всяких вещей. Если хозяин был побогаче, то напротив комнаты в сенях была еще одна дверь, ведущая в другую комнату, которая зимой не отапливалась. Во дворе располагались сараи и были устроены подземные погреба, а также часто стоял колодец с крышей, а в стороне находились огороды. Заборчики

вокруг двора были плетеными и поэтому не солидными, откуда и слово «плетень». Мне показалось интересным, что стены хат были плетеными из прутьев и сверху обмазанными глиной, а все крыши покрыты соломой. Понятно, что отоплением служила русская печь, которую топили каждый день и каждый день пекли в ней свежий хлеб. В ней же варили себе всякие супы и горячие обеды.

Зашли мы в расположенную на тех же косогорах какую-то действующую украинскую церковь и как раз попали на крестины. Стояло вокруг купели человек двадцать, и крестины совершались сразу над всеми вместе. Крещения в воде у них не было, а только окропил священник их головы водой. Белых рубашек они тоже не надевали, но вместо этого на плечи накинули даже и не белые тряпки. Мне это очень не понравилось, а бедный народ не знает, что он теряет, а если бы знал, так от священника потребовал бы. К сожалению, и священники поклонились нахлынувшей новизне, не боясь греха; неужели им безразлично, спасается ли он сам и водимый им народ, что есть охлаждение к вере, предсказанное как самим Господом, так и пророками и святыми отцами!?

Видела я и историческое сооружение — Золотые Ворота. В общем, мое пребывание в Киеве было интересным, ходили мы много, даже водившие меня бедные мои хозяева устали. Пришли мы однажды уже вечером домой, а хозяин сел от усталости с большим вздохом, отчего я, не удержавшись, рассмеялась, и ему стало смешно.

Наконец, и из Киева мне настала пора уезжать, меня проводили, усадили на поезд, и я отправилась в Москву. На этот раз я получила место на верхней полке, а так как ночь была очень жаркой, то наверху было неприятно оттого, что там было еще жарче. Три остальных полки заняли, как мне показалось, муж с женой и их знакомая. Днем они все время разговаривали между собой, что мне очень подходило, и я могла сидеть, не вступая ни с кем в разговор. В обед они решили пообедать и начали выкладывать на стол свою пищу, которой было так много, что я поразилась. Я даже решила незаметным образом записать, что у них было на столе, и сейчас мне хочется перечислить. А было у них следующее: хлеб, колбаса, огурцы, помидоры, яйца, редиска, мясо маринованное в склянке, сливочное масло, варенье и сладкие калачики. В тот год по всему СНГ с пищей было очень плохо, поэтому мне стало так интересно, что у некоторых людей даже в дороге такое ее количество. Потом завязался спор между двумя личностями, сидевшими на разных концах вагона, так что весь вагон их мог слышать, но потом кто-то из них сдался, и спор прекратился. Так незаметно я прибыла в Москву, где меня опять встретил добрый человек.

Остановилась я в Москве в очень доброй семье, и хозяйка дома взяла на себя ответственность показать мне Москву. Я раньше не раз слыхала отрицательные отзывы о Москве и поэтому приготовилась видеть все нехорошее, но, к моему удивлению, наоборот, Москва мне очень понравилась. Мне она показалась абсолютно уникальным городом, где многое свойственно только Москве. Всего здесь вспомнить мне не придется, но ограничусь только тем, что мне запало в память больше, чем что-либо другое.

Во-первых, мне хочется вспомнить о Московском Кремле с его соборами, которые все еще были музеями, и народ входил в них по билетам. Часто в них проходили группы туристов с гидами, и когда я прислушивалась к их рассказам, то слыхала от разных гидов разные объяснения. Одни уже стали на проповедническую точку зрения, и их объяснения приятно было послушать, а другие все еще были закаленными идеями коммунизма, с их издевкой над религией, отчего и сами они превращались в холодных, бездушных, отталкивающих от себя личностей. То же самое можно было встретить и в Санкт-Петербурге и в Киеве. Случилось, что когда я была в одном из Кремлевских соборов, мужчина, присматривавший за порядком, рассказывал, что когда-то мощи царевича Димитрия были вынуты из своего места, и ему их пришлось держать на своих руках. Он говорил: «Вот, представляете, я прикасался до них вот этими моими нечистыми руками», — и он так это рассказывал эмоционально, что невольно его чувство передавалось и слушателям.

Когда я была в Алма-Ате, мне кто-то сказал, что в музее Ленина есть отделение народного искусства и там есть что посмотреть. Мне стало очень любопытно, и я с моей проводницей решила пойти в музей и найти то место. Отделение это оказалось очень маленьким, оно вместилось в одной комнате. Из всего мне особенно запомнились несколько портретов Ленина и Сталина, сделанные из зерен. Они действительно были так искусно сделаны, что при взгляде на них на расстоянии ни за что не подумалось бы, что они были сделаны из различных сельскохозяйственных злаков.

Было интересно прокатиться по Москве-реке, а потом пройтись по Красной площади, которая оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла. В тот момент на ней устраивалась огромная сцена и гудела отвратительная, оглушающая слух «музыка», если только ее можно назвать музыкой. Ее «певцы», с охрипшими голосами не пели, а кричали перемешиваясь с шумом и гамом инструментов. Мне подумалось: «Людям есть нечего, откуда же такие деньги, чтобы завернуть такую сцену? И почему она здесь — на Красной площади, а не где-нибудь в зале?» Рядом, по площади, иностранные

сектанты раздавали проходившим Евангелия, говоря что-то русским непонятное.

Около мавзолея стояла очередь, и я узнала одно интересное явление о той очереди. Оказалось, что в мавзолей нарочно не впускали людей, дожидаясь, чтобы очередь возросла, и только потом впускали такое число стоявших, какое не повредило бы длине очереди. От этого-то и казалось всем, что у мавзолея всегда стоит длинная очередь.

Когда я стояла в очереди за билетами, чтобы войти в храм Василия Блаженного, то позади меня между девушкой и парнем шел разговор:

— Ты когда-нибудь был в мавзолее Ленина? — спрашивает девушка.

— Нет, — отвечает парень.

— Я просто из принципа там никогда не была.

В храме Василия Блаженного я увидела совсем не то, что представляла. Я думала, что это церковь солидной величины, а оказалось, что в средней части всего здания была одна большего размера церковь, а вокруг нее, по периметру, несколько маленьких приделов. В средней церкви стояли вечные леса, как бы для ремонта, который на самом деле не проводился. Я после того была в ней еще два раза, а леса как стояли, так и остались стоять.

В одной части Красной площади стояла изгородь с надписью, что там церковь Казанской иконы Божией Матери, тогда как за изгородью шли работы, из чего я поняла, что шло восстановление храма. Рядом было установление для пожертвований на тот храм, а чуть подальше другое для пожертвований на постройку храма Христа Спасителя. Для пожертвований на храм Христа Спасителя были установлены столы и в подземных переходах, где на каждом из них в футляре горела свечка.

Несмотря на то, что было разрушено такое множество церквей, в Москве их все еще было много, хотя многие из них были закрытыми. Однажды я шла по улице и увидела большую церковь с множеством куполов и высокой колокольней. Я решила к ней пробраться и, к изумлению, увидела, что двери ее, по всей вероятности, уже десятки лет не открывались, а под порогом и между ступенек вырос высокий сорняк. На находившемся напротив церкви здании над дверью была надпись, говорившая о том, что там находилась в то время какая-то контора Московской Патриархии. Я постояла, посмотрела на крепкие стены огромнейшего храма и на действующую контору и не могла разобраться, как могло случиться, что рядом действующая патриаршая контора, а храм не действующий?

Я за свою жизнь за границей настолько привыкла, что народ вокруг меня не русский, то во время моего пребывания в России, как ни странно, не чувствовала, что окружавший меня народ — русский. Иногда я пробовала себя на этом поймать и спрашивала себя, почему у меня нет такого чувства, но ответа найти так и не смогла.

В ту поездку я получила огромное удовольствие, попав в исторический город Суздаль, где увидела городскую крепость с русскими избами и церквями. Я предполагала увидеть город гораздо большего размера и поэтому была очень удивлена его видеть таким, какой он есть, но зато я в нем заметила много русской старины, включая резные украшения на жилых домиках. Когда же я попала в русскую избу с ее печкой и полатями, я была вне себя от удовольствия. Сколько раз в мои школьные годы встречалось слово «полати», а понятия о них у меня никакого не сложилось, и когда я увидела их в тот раз, то весьма удивилась, поскольку вообразить их таковыми я никогда не смогла бы. Это были как бы подвесные нары из досок, находившиеся почти под самым потолком, так что там, вероятно, даже детям было невозможно свободно сидеть. По стоявшей у русской печи лесенке дети вначале взбирались на печь, а с печи перелезали на полати, где они и спали. А в избе также стояла ткацкая машина, и девушка в народном костюме показала, как в старину ей пользовались. Почти у входа, под полатями, находилась хозяйская кровать, сделанная прочно, из толстого дерева, а над печкой была устроена лежанка для стариков. Как и в украинских хатах, в переднем углу избы находилась полка-угольник, и на ней стояли иконы, украшенные вышитым полотенцем. Внизу сделаны прочные лавки, прибитые накрепко вдоль всей стены, и около них в углу, под иконами, стоял стол. Стены избы состояли из бревен, а пол выложен из толстых досок. Вероятно, та изба, которую я видела, была богатого человека, поскольку снаружи, во внутренней части двора, с трех ее сторон, огибал деревянный навес. Под всей избой находилась рабочая комната, где была еще одна русская печка, и пол той комнаты был тоже деревянным. Как жители украинских хат, так и жившие в избах русские, топили русские печки каждый день и каждый день пекли хлеб. В тех же печках они готовили свои обеды. Двор, в котором расположились деревянные сараи, был обнесен солидным деревянным забором, а к верхней комнате избы вели крепкие деревянные ступеньки лестницы. Таким образом, избы с их дворами и сараями были изготовлены из чистого дерева, и даже крыши их каким-то образом были крытыми, и тоже деревом.

По дороге в Москву мы заехали в город Владимир, который оказался большим городом с возвышающимися золотыми куполами собора. В собор мы вошли: там в то время шло богослужение.

В больших городах России очень много по-настоящему нищих людей, но много, к сожалению, было и притворившихся таковыми, а отличить настоящих от фальшивых, особенно приезжим, почти невозможно. Встретить нищих можно было везде: около церкви, в местах, где ходило много туристов, в поездах, но особенно их было много в подземных переходах. Там некоторые из них играли на гармонях, на гитарах, пели или просто стояли с протянутой рукой, особенно старушки, часто со слезами на глазах. На полу сидели безногие, другие с какими-нибудь объявлениями, а некоторые просто сидели и крестились. Однажды я увидела довольно плотненького мальчика лет десяти, сидевшего на полу в переходе, причем он, немного нагнувшись вперед, непрестанно крестился. Вот и попробуй разобраться: кто из них фальшивый!? Местные жители в этом отношении как-то разбираются, а для меня это был сплошной туман. Как бы то ни было, а крестившемуся мальчику я ничего не дала, потому что мне в нем почувствовалась неискренность. Один раз у дороги нам встретилась сидевшая с детьми женщина, которой я подала, и мы пошли не торопясь дальше. Через некоторое время нам встретилась опять женщина, ждущая подаяние, но только эта женщина оказалась той же самой, которой мы только что дали, только на этот раз она была без детей. Нам рассказывали произошедший случай с одной девочкой, собиравшей подаяния в поезде, а таковые обычно, войдя в поезд, до следующей остановки старались пробежать, если не все вагоны, то как можно больше. В том же случае девочка торопилась пройти в другой вагон, а ее почему-то не пропустили, и она, рассердившись, села на сиденье вагона и начала рвать собранные ею деньги, крича такие слова: «Мы на такие деньги купили уже три квартиры».

Когда я ходила по улицам, то видела небольшие частные магазинчики, в которых на устроенных у стен полочках стояло все, чем продавец торговал. В государственных же поближе от стены тянулись прилавки со стеклянным верхом и боковиной, внутри которого стояло молоко, кефир, творог, может быть, сыр и еще кое-что. Около прилавка стояли ячейки яиц, молоко и кефир. Иногда появлялось и растительное масло, но в таких случаях возникала длинная очередь, в которой надо было простоять часа два, пока она доходила до того или иного человека. Я же об этом узнала из следующего: мне надо было купить молока и яиц, а я, войдя в магазин, увидела длинную очередь и стала позади ее, не зная того, что она была к растительному маслу. Простояла я там с час и только потом поняла, что я стою в ряду за маслом, которое мне было не нужно, так как я его уже купила в частном магазине, заплатив за него, вероятно, дороже, чем

в государственном. Таким образом, я немножко удостоилась разделить «счастливую» жизнь нашей России.

Купить что-либо в государственном магазине было не так-то просто. Надо было пройти к прилавку, посмотреть и запомнить, что там есть и сколько оно стоит, пойти к сидевшей в стороне кассирше, где стояла обычно очередь, расплатиться и получить квитанцию, с которой потом подойти к прилавку, если там нет очереди, где по квитанции человеку выдавался желаемый продукт, для чего необходимо было обязательно иметь свою сумку, особенно для яиц, а не то их хоть раскладывай по карманам.

Мяса я тогда совсем не видела, кроме одной синей курицы, да и вообще-то продукты состояли в основном из того, что я перечислила. Иногда, идя по улице, я видела громкое название у дверей какого-нибудь здания, например, «Колбасы». В моем воображении сразу представлялись на прилавках кучи разных сортов колбас, а когда подходила к окну, то видела прилавки совершенно пустыми. Когда я проходила мимо надписи «Хлебопекарня», я тоже в нее заходила, если она была открытой, а там зачастую было пусто, и покупка была удачной, если можно было достать хлеба, особенно белого. При этом я удивилась тому, что выпекалось только два сорта хлеба: белый и ржаной.

Овощи и фрукты, если они были, продавались в отдельных государственных магазинах, а всякие вещи еще в других, то есть в каждом магазине продавались вещи определенного рода. За исключением гастрономов, где кое-какие магазины были обобщены, все другие же были разбросаны по городу, и человек должен был бегать, искать, и если находил что-либо нужное, то стоял в каждом магазине в очередях, пока не удавалось ему купить всего желаемого. Так ли жители страны делали свои покупки или нет, я не знаю, вероятно, у них уже был выработан какой-то свой порядок, и они применились ко всем таким неудобствам.

Однажды я стояла в очереди в овощном магазине, где продавались и фрукты. Продавщица всем набирала и взвешивала картофель, а когда подошла я, и она, уж по инерции набрав в чашку грязного картофеля, спросила меня: «Сколько?», и когда услыхала: «Дайте мне полкилограмма помидоров, полкилограмма бананов и еще чего-то, не помню», то по ее лицу даже пронеслась тень неудовольствия, что я нарушила ее равномерную выдачу картофеля.

Все продавщицы были одеты в светло-синие, простые халаты и с народом обращались очень грубо. Один раз я заметила, как одна покупательница обратилась к продавщице, спрашивая ее о чем-то, а та, как сидела до этого на стуле с лицом, обращенным куда-то в сторону, так и осталась сидеть, но на вопрос ответила. Я вначале даже

не поняла, с кем она говорит, и только позже сообразила, что она отвечает на вопрос стоявшей около меня женщины. Как и в Казахстане, покупатели к продавщицам относились с таким смирением и такой лаской, что я поразилась. А когда на них продавщица кричала, то они, как виновные дети перед ней: «девушка», да «пожалуйста», даже если той «девушке« было уж под пятьдесят лет.

На моем пути попался ювелирный магазин, в котором на прилавке под стеклом я увидела бусы. Решила их купить. В таких магазинах, если человек хочет что-нибудь купить, он должен обратиться к продавщице, чтобы она на бумаге обозначила, что покупается и за сколько. Затем покупатель идет в очередь к кассирше и, заплатив за вещь, получает квитанцию, после чего вновь идет к продавщице, чтобы получить вещь, у которой, разумеется, был не один покупатель. Когда тут объявилась я, продавщица не дала мне никакой бумажки, а отправила меня заплатить просто так, что у них тоже практиковалось, если нужно было заплатить только за одну вещь. Я, как полагается, стала в очередь к кассирше, а когда подошла к ней, то сказала, что я беру бусы и подаю ей деньги, сказав сколько они стоят. А она мне: «Где бумажка?» Я ей говорю, что мне бумажку не дали, сказали заплатить без бумажки. Нет, она решила мои деньги без бумажки не принять и послала меня за бумажкой. Когда я вернулась к продавщице и сказала, что кассирша требует бумажку, то она мне говорит: «Никакой бумажки я ей не дам, пусть принимает так». Я опять пошла в очередь и затем объяснила кассирше, что продавщица на хочет выписывать бумажку и сказала мне заплатить без нее, а она мне в ответ: «А без бумажки я деньги не приму». Между кассиршей и продавщицей было расстояние в двадцать или тридцать метров и поэтому тут же объясниться с продавщицей было невозможно — мне пришлось опять идти к ней. Когда я ей сказала, что кассирша все-таки не берет деньги, то она через народ и расстояние закричала той, почему она не берет деньги, а та, в свою очередь, стала громко ей что-то отвечать, и, в конце концов, продавщица, не написав на бумажке что требовалось, опять послала меня к кассирше. Я вновь встала в очередь, но и на этот раз кассирша моих денег не взяла, но к счастью, в тот момент там оказалась какая-то добрая женщина, и она заступилась за меня, говоря: «Чего вы ее гоняете туда-сюда? Уж в который раз я вижу, она к вам подходит!» Кассирша, наконец, смирилась и приняла деньги, ну а если бы не приняла, то уж на тот раз я бы предпочла уйти, оставив их в покое. От такого окружения хочешь или не хочешь, но и сам таким станешь.

Попав на базар под открытым небом, я увидела женщину, продававшую домашние лепешки. Я решила купить для пробы, поскольку

на вид они казались вкусными. На самом же деле они оказались такими невкусными, что трудно было поверить. Тогда я поняла, что не только в Казахстане люди разучились печь, но и в Москве, то есть вообще в России.

Моя приятельница пригласила меня поехать с ней в большой мебельный магазин, который находился где-то далеко, почти за городом. В том магазине я увидела мебель как умеренной цены, так и дорогой, стоившей очень и очень дорого, и такой дорогой мебели ни в Австралии и ни в Америке я никогда не видела. Подумала я тогда: «Кто же такую мебель здесь покупает?»

Кроме всего другого мне посчастливилось тогда побывать и в Троице-Сергиевой Лавре у мощей преподобного Сергия Радонежского, когда перед мощами служился молебен. Поставив свечи, я приложилась к раке преподобного и почувствовала благоухание, подобное тому, какое источает Иверская мироточивая икона Божией Матери за границей.

Так незаметно пролетело время и настала пора моего возвращения домой, когда мои добрые новые знакомые доставили меня до аэродрома. Как ни удивительно, но за те три с половиной недели при новых впечатлениях я так отдохнула, что совершенно выключилась из своей реальной жизни, и когда в аэропорту меня спросили по какой визе я приехала, то заданный вопрос меня заставил как бы проснуться от моего сна, и я должна была вначале подумать: «По какой же визе я приехала?» А когда мой багаж был поставлен для просвечивания, и человек, обратившись ко мне сказал: «топор», то я вначале даже не поняла, что он говорит, совсем позабыв, что у меня в багаже находился купленный в Талды-Кургане топор.

В ту поездку мне очень посчастливилось, так как все ко мне были добрыми и во всем помогали. Хозяйки как-то успевали не только водить по городу, но и готовить вкусные завтраки, обеды и пр. Нет, этого забыть никак нельзя. Без их помощи я бы растерялась от страха и незнания. Мне так хочется с благодарностью упомянуть их имена и фамилии, но не знаю, каким будет к тому их личное отношение и поэтому решила их сохранить в тайне. В аэропорту моя новая приятельница спросила меня, что я чувствую, оставляя Россию, а я ей ответила, что ничего не чувствую. Когда же возвратилась домой, поняла, что частица моей души осталась в России и, вспоминая все, мне делалось грустно оттого, что я не могла быть там все время.

Долго я скучала по России, а через год была чрезвычайно рада поехать вновь в Москву на две с половиной недели. Во вторую мою поездку я почти все время ходила и ездила по Москве самостоятельно и, безусловно, заметила происшедшие за год большие изменения

в отношении открытия новых магазинов и пополнения их как вещами, так и продуктами. Но, к моему изумлению, цены на все очень возросли и было непонятно, как народ мог существовать на свои маленькие жалованья и пенсии? Мне говорили, что если бы человек жил, покупая каждый день коробку молока и буханку хлеба, то даже на то ему не хватило бы его пенсии на месяц. В государственном универсальном магазине я видела объявления: приглашали на работу грузчика за зарплату, равнявшуюся тридцати американским долларам в месяц, и уборщицу, которой предлагали зарплату, равнявшуюся двадцати американским долларам в месяц. На центральных улицах Москвы люди стояли с вещами в руках, предлагая их проходящим, среди которых были торговцы, но были и такие, которые продавали свои последние вещи, чтобы на вырученные деньги какое-то время просуществовать. Когда я проходила мимо расставленных по улицам киосков, то у меня постоянно возникал вопрос: «Почему в них продается все иностранное, включая напитки, причем по таким дорогим ценам, что даже в Америке я таких цен не видела? И почему почти ничего местного там не продается?». В то же время у меня вставал и другой вопрос, почему в Америке в магазинах ничего российского не продается, тогда как китайским продуктом завалены все магазины?

В первую мою поездку я с трудом могла поменять американские деньги на рубли, на этот раз такой обмен не представлял никакого затруднения, так как всюду по улицам были открыты обменные пункты.

В ГУМе были заметны большие изменения в связи с тем, что открылось много иностранных магазинов, в которых зорко следили за посетителями, чтобы что не стащили. Попала я в тот раз и в магазин европейских шерстяных тканей, которых было такое множество и разнообразие, что я ничего подобного нигде не видела раньше. А в подземных переходах и метро в том году можно было увидеть меж всякими другими продававшимися на столиках книгами и вновь издавшиеся книги духовной литературы, чего я не заметила в прошлую свою поездку.

Проходя по Бульварному кольцу, я увидела красивую снаружи церковь, а около нее небольшой киоск с книгами духовной литературы. Я подошла к киоску и стала на витрине смотреть книги, а продавец через отверстие в окне протянул мне две напечатанные бумажки. Когда я посмотрела что на них написано, то изумилась, так как это были молитвы Зарубежной церкви о страждущей стране Российской, что читаются в наших храмах во время богослужений. Мне это даже приподняло настроение от того, что мы в молитве с некоторыми людьми России оказались едиными, если даже такие молитвы

у них в храмах не читались. Церковь оказалась открытой, и я вошла внутрь, где предо мной предстали побеленные известью голые стены. На переднем плане я увидела иконостас, состоявший частью из временно приставленного старого иконостаса, а частью из занавесок и кое-как сбитых досок без икон. На столах у входа были разложены духовные книги, брошюры и ладан для продажи. При мне подошла какая-то молодая женщина в брюках и, заинтересовавшись ладаном, начала спрашивать продавца, как им пользоваться. Он ей объяснил, что надо его поджечь с молитвами, а она говорит: «А с какими молитвами?» Короче говоря, было приятно видеть интересующихся этим людей и в то же время очень больно замечать насколько народ оказался духовно необразованным в связи с насильственным отторжением его от всего духовного. Кому-то захотелось учить народ по-своему, и бедный народ жил и делал так, как ему повелевалось, из чего правители поняли, как легко можно руководить безвольным народом. Теперь же предстоит русскому народу подумать и разобраться какую взять линию, чтобы не попасть в еще какое-нибудь ложное учение по воле правителей, при этом нельзя забывать и того, сколько плода и чудес получила и оставила нам наша церковь через свою чистую, не отклонившуюся ни вправо, ни влево православную веру наших предков. «По плодам их узнаете их». (Матф. 7.16) Поэтому идти ли нам в ногу с церковной модернизацией, которая уже стоит перед нашими дверями?

На следующее лето 1994 года в США было православное торжество обретения мощей и прославление святителя Иоанна Шанхайского и Сан-францисского. Главное торжество проходило в Сан-Франциском соборе Всех Скорбящих Радости, где подвизался Владыка свои последние годы, и где под храмом лежали его святые останки. Туда и направился русский и не только русский православный люд со всего мира. Поехали на торжество и мы, то есть я с Натой. В связи с тем, что оказался большой наплыв русского народа, который частично принимался в дома русских по знакомству, то в домах наших родственников оказалось очень тесно, и моя двоюродная сестра устроила нас в доме, принявшей нас очень хорошо своей подруги. Под вечер 1-го июля хозяйка нас отвезла в собор, который уже был полон народа и больше никто в него не впускался, хотя у дверей его толклась толпа прибывших богомольцев. Широкая улица перед собором была перегорожена и представлена для молящегося народа, где стоял огромный экран, передающий все богослужебные действия с возгласами священников и пением хора. К сожалению, экран оказался не очень удачным, так как он не мог передать четкую ясность картины, но все-таки на нем было все видно. Также передача

шла по телевизору в прицерковном зале, который тоже оказался полным народа. За прошедшие годы нам уже забылось, насколько в Сан-Франциско бывает летом холодно, и в этот раз, оказавшись на ветреной улице, мне показалось, что было еще холоднее, чем когда мы там жили. Хорошо, что я тогда одела под дождевик легкую вязаную фуфайку, что меня согревало и предохраняло от пронизывающего ветра. Народ был всюду: на улице, в прицерковном зале и в школьном зале под церковью. Через некоторое время мне удалось проникнуть в церковь, а в конце была возможность всем подойти к мощам святителя. Люди подходили не задерживаясь, чтобы дать возможность и другим, ждущим своей очереди подойти и облобызать сложенные на груди открытые руки прославленного Богом святого угодника в нетлении всего его тела.

Вечернее богослужение шло долго, так что мы возвратились к себе в полдвенадцатого ночи, а утром нас вновь отвезла хозяйка дома на литургию. На литургии, как и вечером, народа было много, но когда я подошла к боковой двери собора, то заметила, что там была возможность пройти внутрь собора, чем я и воспользовалась. Литургия и вечернее богослужение, на которых служили митрополит, много архиереев, иереев, диаконов, иподиаконов и прислужников, прошли очень торжественно. Пело с воодушевлением два больших хора, расположившихся на двухъярусных хорах собора. Во время литургии с молебным пением мощи святителя были подняты и обнесены вокруг всего большого городского квартала, в одной части которого находится собор. За мощами шел народ, а я, думая, что мощи будут обнесены только вокруг собора, и не желая потерять место в церкви, не пошла с народом, а потом жалела. За литургией было очень много причастников, и причащали народ из нескольких чаш, а в конце литургии всем молящимся была предоставлена возможность подойти к кресту и к мощам святителя.

После литургии служившие в алтаре и многие молящиеся в специально нанятых для этого автобусах поехали в находившийся в центре города арендованный на тот случай большой зал, где была устроена общая праздничная трапеза.

Торжество тем днем не закончилось, а продолжилось и на следующий день, в воскресенье, когда за литургией тоже было очень много причастников.

Затем я побывала у своих двоюродных сестры и брата, а в понедельник возвратилась к себе домой.

Тогда мне очень хотелось, чтобы Ната посмотрела Россию, и в то же лето после торжества прославления мы смогли поехать в Москву на две с половиной недели. На этот раз мы вновь ходили

самостоятельно, а Ната так легко стала ориентироваться в городе, что я даже удивилась. Помню, как в метро я ей дала жетон и объяснила, что его надо сбросить перед тем, как пройти в воротца, и она так сделала, но позади шедшая женщина, увидев, что Ната присматривается, проворчала себе под нос: «Как будто в первый раз». Ната потом, рассказывая об этом мне, прибавила: «А ведь и действительно, я бросала тогда жетон в первый раз».

В первое воскресенье нашего пребывания в Москве мы пошли на литургию в новопостроенный храм Казанской Божией Матери, что на Красной площади. Мне почему-то он показался низким и духовно холодным с его железобетонными голыми стенами, что говорило о его современном построении. После литургии мы пошли в Кремлевские соборы и по другим исторически известным местам, включая Оружейную Палату с ее огромным собранием исторических как нарядов, так и посуды, красивых повозок и просто вещей. Затем прошли мы в ГУМ, где было много народа, особенно туристов, и я заметила, что в сравнении с прошлым летом изменений почти никаких не произошло, только магазина с шерстяными тканями, который я приметила, уже не было, возможно, не выдержал и прогорел. В городе мы случайно находили много вновь открывшихся иностранных магазинов, среди которых были и такие, в которых продавалось все, включая всякую мелочь и холодильники. Я даже нечаянно набрела на большой американский магазин, в котором также можно было купить все. А один раз я попала в устроенный по западному стилю «супермаркет» с западной пищей на полках, где я решила что-то купить и, когда проходила через кассовую движущуюся линию, как на Западе, то нарядно одетые молоденькие девушки, приняв мою плату, положили купленную мною вещь в пластиковый мешочек и отдали мне с быстрым выговором слов: «Спасибо. Приходите еще». Точь-в-точь по западному стилю. С непривычки эти слова прозвучали очень странно, и мне показалось, что они что-то сказали не по-русски, на что я сказала: «Я по-немецки не говорю». Уж отойдя я сообразила, что они говорили непривычные мне слова, и звучали они как не русские.

Попали мы и во вновь открывшийся Елисеевский магазин, в котором в прошлое лето был ремонт, и он нам на этот раз очень понравился, особенно Нате, где она купила вкусные чаи. Не далеко от него мы набрели на хлебопекарню, выпекавшую маленькие булочки из какой-то необыкновенной муки, вероятно с отрубями, а когда мы их купили и попробовали, то они оказались очень вкусными. Вот почему там было так много покупателей, и вскоре все булочки исчезли. Когда же мы были на каком-то Московском базаре под большой

крышей и там купили булочку с сосиской, то еле могли ее есть, настолько она оказалась невкусной. Не далеко от места, где мы жили, мы увидели женщину, продававшую на листах только что испеченные ватрушки, и хотели купить несколько ватрушек для себя, но пока думали, их уже не осталось. Мне это так понравилось, что я решила об этом рассказать нашему знакомому, и прибавила: «Вот так можно начать свое дело». Выслушав меня, мой знакомый вздохнул и сказал: «Не так-то все это просто. Вот эта женщина продаст ватрушки раз, второй раз, а потом к ней подойдет человек и скажет, что она ему должна платить от вырученных денег определенную сумму за то, что он ее будет охранять. То есть на нее будет наложен второй налог сверх государственного, после чего едва ли что у нее будет от продажи ватрушек оставаться». Мне такое явление показалось очень странным, и я удивилась, почему оно в стране допускается?

Прошлые годы, когда я была в Москве, меня все время угощали каким-то вкусным мороженым, но на этот раз его было уже почти невозможно найти, а вместо него на улицах всюду продавалось западное мороженое. Жаль, что народ в России, покупая иностранное, как изделия, так и пищу, оплачивает труд других стран, а своему народу жить не на что.

Из центра Москвы нетрудно увидеть и витрину «Мак-Дональдса», но пойти к нему нас не влекло еще и от того, что в Америке пища его считается вредной для здоровья.

На этот раз мы смогли побывать и в книжных магазинах православной духовной литературы, полки которых оказались забитыми различными замечательными, вновь изданными душеполезными книгами, что было очень приятно видеть. К сожалению, интересующегося такой литературой народа в магазинах было сравнительно мало, и это говорило о том, что в основном народ духовно спит или увлекся сектантским, языческим и прочим другим учением, а драгоценное православное учение коснулось не многих душ, которые и идут в такие магазины чтобы утолить свою духовную жажду. Цены на книги за прошедший год увеличились в несколько раз, но все-таки в сравнении с американскими ценами они были довольно низкими.

У меня было свободное время, и я решила поехать в Новодевичий монастырь, а когда вышла на нужной станции метро, то заметила, что весь вышедший из метро народ двигался в одном направлении. Мне стало любопытно, куда же вся эта толпа идет, и я пошла вместе с ней. В конце концов оказалось, что я пришла на какую-то большую площадь, по которой нам навстречу шли люди с наполненными до отказа большими сумками. На площади за изгородью виднелась сплошная толпа народа, над которой висели какие-то вещи,

и мне стало очень любопытно посмотреть, что там происходит. Заплатила я за вход, а когда приблизилась к толпе, то увидела, что это был большой базар под открытым небом. Рядами были расставлены столы и прочее с лежавшими и висевшими продававшимися всякого рода вещами. Народа толпилось так много, что было трудно пробираться по рядам и поэтому, пройдя немного, я решила оттуда выбраться. Я все-таки успела заметить, что цены на вещи были не дешевыми, и поэтому мне как-то было непонятно, почему там было так много народа?

По дороге в метро я обращала особенное внимание на шедших с сумками людей, поскольку мне надо было кого-нибудь спросить, где находится Ново-Девичий монастырь? Я тогда решила, что с таким вопросом надо обратиться только к русскому человеку, так как не русский об этом мог и не знать. Всматриваясь же в лица окружавшего меня народа, я русских просто не видела и поэтому вернулась к станции метро с надеждой встретить русское лицо около нее. На небольшой площадке около метро я увидела опять толпу народа, на этот раз продававшую вещи с рук. Наконец, я увидела одну женщину с русским лицом, и от нее узнала, как пройти к монастырю.

В монастыре я прошла в церковь, а затем в музеи, и в одном из них я увидела какую-то коммунистическую пропаганду, а не музей, чему была очень удивлена. Трудно даже представить такое сопоставление: православный монастырь и пропаганда атеистического коммунизма, находящихся в одной ограде, причем, в ограде монастыря. Тогда как коммунизм страной уж не правил несколько лет, и сами правители ставили свечи в православной церкви, а православный монастырь не имел права выбросить идеологию коммунизма из своей ограды, и это было уж в 1994 году. Какой абсурд!

Еще в первое мое посещение я была на улице старого Арбата, где тогда стояло много столиков с продававшимися матрешками и другими вещами, тогда как вокруг ходило много народа, то есть место походило на базар. На этот раз я опять решила пройти туда же и посмотреть, что там продается, а как туда пройти с метро я не знала и поэтому, увидев милиционера, обратилась к нему с такой постановкой вопроса, как принято там спрашивать: «Не подскажете ли мне, где находится Арбатский базар?». Милиционер посмотрел на меня, словно в душу заглянул своими голубыми глазами, а ответил следующее: «Арбатского базара я не знаю, а где находится старый Арбат я Вам покажу», — и он мне объяснил как туда добраться. Я его ответу удивилась, но сразу не поняла, почему он мне так сказал, а когда пришла на ту улицу, то увидела, что там уж никакого базара не было, а если все еще шла продажа, то только тихонько, как говорят, «из-под

полы». После я узнала, что всякая торговля на старом Арбате была городским правлением запрещена.

Когда мы ходили по улицам Москвы, часто нам встречались церкви с куполами, а иногда попадали в такие места, где куда ни повернешься — всюду виднелись красавицы-церкви. Некоторые из них в тот момент реставрировались, а один раз не ускользнуло от моего взгляда и то, как на уровне нижней части купола женщина с уменьем гладко обмазывала наружные стены. В другом храме мы увидели молодых художников, осторожно счищаюших известь с фресок, и несмотря на то, что работа шла очень медленно, они терпеливо вскрывали сантиметр за сантиметром уничтоженные известью фрески. Часто, войдя в церковь, возможно, только что переданной церковному народу, можно было видеть голые стены, и чувствовался запах разрушительной сырости. К сожалению, много церквей все еще стояло с заросшими ступеньками и продолжало уничтожаться сыростью совместно с наложенной на изображения известью. Зашла я и в ту церковь, на которую нечаянно набрела прошлым летом, около которой стоял киоск, но перемены в ней за тот год никакой не заметила. Она так и стояла забеленной, с частью старенького иконостаса наполовину с занавесками и голыми досками.

Отправились мы однажды в один из монастырей и по ошибке набрели на кладбище с роскошными мраморными памятниками, на которых были выбиты пятиконечные звезды. Многие из умерших после смерти были сожжены и у их памятников содержались коробочки с оставшейся от их тел пеплом, в то время как на памятниках также были высечены звезды, как будто им после смерти они были нужны. При нас женщина — работница расставляла на могилы свежие цветы, которых стояло очень много у могил, да и вообще трудно было не заметить, сколько труда вкладывалось по уходу за кладбищем, на котором, по всей вероятности, были похоронены высокопоставленные личности прошлого коммунистического правительства, но им все еще уделялась особенная честь за их заслуги, что для меня оказалось непонятным. При такой заботливости, ясно, что все могилы с их дорогими памятниками были ухожены, но духовное чувство в том окружении никакая человеческая заботливость смягчить и украсить не смогла, и поэтому там чувствовалась неприятная холодность. Когда я сказала о своем чувстве Нате, то от нее услыхала, что она и сама это почувствовала. Не удивительно ли, что на человека может оказывать свое воздействие не только видимое, то есть материальное, что можно украсить для человеческого взора, но и невидимое — духовное, чего ничем не украсишь, как только чистотой своей жизни.

В один из вечеров наш знакомый решил нам показать Московский государственный университет, и мы поехали. Прошли мы в основное здание с его мощными стенами, которые со всеми полами и многочисленными ступеньками были обложены мраморными плитами. Нашему проводнику очень хотелось, чтобы мы поднялись на лифте на самый верхний этаж университетской башни, но, к сожалению, лифты на ночь были уже выключены, а по ступенькам так высоко мы решили не подниматься. Но все-таки мы посмотрели Москву с Воробьёвых гор, на которых стоит университет, а бывшая с нами женщина спросила: «Где больше света в ночное время: в Москве или в городах Америки?» Пришлось мне обратить особенное внимание на светящиеся огни, как растянутые цепочкой по улицам и мостам города, так и в окнах зданий и, конечно, спросившую пришлось разочаровать своим ответом, поскольку в Америке несравненно огней в любом городе больше, чем в Москве. Видеть же ночью огни над городами Америки мне приходилось десятки раз, так как кроме случаев специальных ночных поездок на вышки, с которых были видны города с его огнями, часто при моих воздушных полетах приземления в разных городах или вылеты бывали в ночное время, когда в окна самолетов были видны светящиеся цепи городских огней.

В другой вечер мы попали на вновь открывшиеся около Москвы водяные фонтаны, имевшие вид больших пылающих пламенем языков, исходящих из недр земли. Мне надо было бы сосчитать, сколько там горело таким огнем фонтанов, но я этого не сделала, однако их было много. По специально устроенным вокруг фонтанов широким тротуарам, не торопясь, прохаживались люди, в то время как на стоявших рядом скамейках сидели отдыхавшие.

В ту поездку я заметила, что около станций метро, где на столиках продавалась всякая литература, продавались и карты автомобильных дорог и телефонные книги, чего там раньше не было. Правда, такие книги стоили очень дорого, особенно телефонные, что было совсем не по карману местным жителям, тогда как в Америке телефонные книги каждый год раздаются бесплатно.

Когда-то мне удалось прочесть кое-что о построении патриархом Никоном храма Нового Иерусалима, находившегося не далеко от Москвы, и с тех пор у меня было желание его посмотреть, но как это устроить, я не знала и поэтому просто ждала удобного случая. Оказалось, что такой возможности мне ждать не пришлось долго, поскольку наши знакомые сами предложили свозить нас в тот исторический монастырь. Когда, по нашем приезде к монастырю, мы обратились в кассу за билетами, так как он был превращен в музей, то нам сказали, что они водят только группы в определенное количество

людей и поэтому нам предложили обождать с покупкой билетов, поскольку нужное количество людей могло и не набраться. Нам пришлось ждать не долго, вскоре подошли еще люди, а через некоторое время набралось нужное число, и мы с гидом отправились в монастырь через огромные и крепкие с запорами ворота. Наш гид, женщина, оказалась верующим в Бога человеком, и она смогла через свою проповедь затронуть душу почти каждого человека нашей группы, чтобы подойти к большому полустоящему, полулежащему у одной из внутренних стен построения кресту и к нему приложиться, хотя некоторые из группы этого все-таки не сделали. Храм был в совершенном запустении, а его стены, впитывая в себя из земли влагу, показывали до каких пор она по ним поднялась. В стене между храмом и прилежащей комнатой, может быть усыпальницей, было маленькое отверстие, в которое по очереди нам позволили быстренько взглянуть на там находившееся надгробие патриарха Никона. Позже, когда мы уже были в Америке, я по радио услыхала, что тот монастырь вскоре после того был передан Московской Патриархии.

Не успели мы оглянуться, как пролетели дни нашего отпуска, и мы должны были, упаковав свои чемоданы, вернуться на аэродром, а потом и домой.

ПОСЛЕДНЕЕ

Дома изо дня в день надо было быть на работе, а вечерами ждали домашние дела. Жизнь текла уединенно, и посторонних людей никогда у нас не бывало, разве только по приглашению в гости, что случалось несколько раз в год. Поскольку русских православных людей в нашем городе было очень мало, то мы, несмотря на различие возрастов, все держались вместе и в праздники приглашали друг друга в гости, в чем и состояло наше развлечение в некоторые памятные дни. В таком небольшом городе, в каком мы тогда жили, было довольно спокойно, хотя и случались иногда всякого рода криминальные акты, включая и убийства. В современное время люди только могут вспоминать про старое доброе время, когда они оставляли дома незапертыми и могли спокойно ходить по улицам города вечерами, не боясь за свою жизнь.

В то время, когда Ната была готова к работе, у нас возросла безработица, а особенно было плохо в нашем городе, поскольку большая компания Ай-Би-Эм стала увольнять своих служащих тысячами. Фабрика, о которой я писала, что европейцы ехали с дощечками на груди, чтобы на ней работать, при нас закрылась и распустила своих служащих, а кроме того, произошли увольнения и в других местах. По таким причинам Нате пришлось искать работу в других городах, а получив ее, меня оставить.

К тому времени прошло уже несколько лет после того, как я была последний раз в Австралии, и поэтому меж всех домашних дел и расходов все-таки постаралась выкроить время и деньги, чтобы еще раз туда полететь и навестить своих родных, а особенно мою старенькую маму. В ту пору у меня тихонько зрело желание описать нашу заграничную жизнь, и по этой причине в тот раз я решила узнать от мамы поподробнее о жизни их в России, бегстве и т. д.. В то же время я надеялась и на свою память, поскольку старые картины нашей жизни в ней ярко рисовались. Ко всему этому добавочным толчком в том

же направлении явилась моя встреча с человеком из Москвы, которому я стала крестной матерью при крещении его в Джорданвильском монастыре, в той самой купели, что под колокольней, в которой он погружался с головой. Тот человек просто горел жаждой узнать о жизни русских беженцев, чем и помог мне без промедления начать писать свои воспоминания.

Моя поездка в Австралию оказалась очень интересной, когда я встретилась не только с моими родственниками, но и с друзьями, приглашавшими меня к себе, чтобы с ними провести время. Мама к тому времени уже стала совсем старенькой и еле ходила с ходульками на колесиках или с помощью людей, а больше сидела, тогда как в прошлое мое посещение она еще ухаживала за папой. Еще раз я встретилась со своим одноклассником Геннадием — старостой седьмого класса, и мы многое вспомнили из нашей школьной жизни. А вообще все изменились, в том числе и я: те, кто были молодыми, стали почти стариками, а дети выросли. Подошла в церкви ко мне одна молодая замужняя женщина и говорит: «А я Вас помню». Я ее тоже помнила и даже узнала, несмотря на то, что, когда я уехала, ей было всего около пяти лет.

Я заранее так запланировала свою поездку, чтобы праздник Рождества Христова встретить со своими в Австралии, и когда он пришел, мы все вместе отправились в церковь. Хотя перед тем я уже совсем не могла петь, однако не пойти на хор я просто не могла и поэтому на него поднялась, где и встретила своих бывших хористов. Мне не трудно было заметить, что число хористов значительно увеличилось, а пение наполнилось большим разнообразием, чему я весьма порадовалась. Регентом хора была та же, бывшая моя молоденькая певица, которой я передала свое дело, а теперь уж замужняя женщина с детьми — Лилла Алексеева.

После литургии все родственники собрались в доме Коли, где и разговелись за очень длинным столом, так как семья родственников за прошедшие годы увеличилась в несколько раз. Подарки дарить так нашим и не привилось, и никаких подарков не было, но приходили славильщики, которые пели Рождественский тропарь, иногда уже с акцентом.

Еще в конце пятидесятых или в начале шестидесятых годов этого столетия Мельбурнским русским обществом был организован старческий дом, находившийся тогда за городом. В связи с тем, что там найти служащих для дома оказалось очень затруднительным, то его правление решило перебросить его в Данденонг, который оказался густо населенным русскими. Делалось это с той целью, что среди там проживавших русских надеялись найти себе помощников, и в

этом они не ошиблись. Дом стал быстро разрастаться, и к моему последнему приезду имел вид настоящего госпиталя с новейшим техническим оборудованием и превосходным обслуживанием. Этот старческий дом был русским и был до отказа заполнен русскими старичками, а поскольку все служащие были тоже русскими, то старичкам от этого, даже просто психологически, было приятнее доживать свои последние годы и дни среди своих. К тому же русские кухарки готовили для них свою национальную пищу, что в какой-то мере тоже сглаживало то, что они не дома.

Когда я была в Австралии, я заметила, что по телевизору без кабеля можно было смотреть каждое утро по полчаса прямую передачу из московского канала новостей «Время» на русском языке, в то время как в США эти новости уже переведенными на английский язык можно было видеть только с кабелем. Кроме того, также по австралийскому местному радио в определенное время шла передача новостей на русском языке, что мне очень понравилось.

С братом Колей я съездила поплакать на папину могилу, где мне никак не хотелось верить, что папа уже лежит в сырой земле, а ведь мы все идем туда же, и никто, никто не может этого избегнуть или изменить.

Так как я в Австралии была на Рождество, то есть в летнее время, то ожидала, что будет там жарко, но жары так и не было, хотя дни были ясными и довольно приятными. Ночами же там было так холодно, что я спала под толстым зимним одеялом, чему я очень удивилась, так как в Америке под таким теплым одеялом я ни летом, ни зимой не спала.

Время моей поездки прошло быстро, но приятно и насыщенно, и я не заметила, как подошла пора возвращаться домой. На третий день праздника мой брат Саша с женой собрали у себя на дворе гостей, где мужчины жарили вкусный шашлык. Там же произошла для меня еще одна неожиданная встреча с когда-то молодым русским человеком, приехавшим в Австралию через Европу, который, по нашем приезде из Китая в Австралию, иногда катал нас на своей огромной машине. Он, бывало, поднимаясь в гору с большой скоростью, с той же скоростью выскакивал на ее вершину, а машина, вылетая с нами в воздух по инерции, тут же обрывалась и катилась дальше. От такого взлета у нас на мгновение захватывало дыхание, что нашему шоферу, вероятно, очень нравилось, и он такие скачки повторял не раз. Это был Андрей ..., а после тридцатилетней разлуки такой неожиданной встрече я была весьма рада, причем мне не трудно было заметить, что он остался тем же Андреем, ничуть не изменившись.

Среди гостей также была мама и другие мои родственники и друзья, с которыми придется ли еще встретиться, не знаю, ведь не шутка — находиться на двух противоположных точках земного шара. Вообще время проводин прошло хорошо, вспомнили кое-что из прошлого, а я не забыла и того, что через день я должна была явиться на работу.

Мне еще не хотелось уезжать, но уезжать надо было, и я на четвертый день праздника, получив благословение мамы, с племянницей и другими родственниками отправилась в аэропорт. Путь домой был долгий — около двадцати двух часов, но поскольку самолет летел за солнцем, то прилетела в свой город к десяти часам вечера того же дня, то есть на четвертый день праздника. На улице как раз стоял сильный мороз, но снега почти не было, что я сразу же заметила, потому что я все время беспокоилась, чтобы за не прочищенные тротуары вокруг моего дома городское правление не приписало бы мне штраф. Прибыв домой, мой таксист занес мои вещи в дом, и я с радостью вздохнула, что возвратилась домой благополучно. Когда на следующий день я своим сослуживцам сказала о том, что приехала из Австралии в десять часов вечера, они были поражены тем, что я не оставила себе времени, чтобы с дороги хоть немного отдохнуть.

Жизнь моя опять вошла в свою колею, и все мое развлечение стало состоять в том, чтобы съездить в церковь, а по дороге домой заглянуть в магазины. Придя домой с работы, я сразу же включала радио и слушала русскую волну «Голос России», передачу, которая к тому времени настолько улучшилась, что ее стало слышно довольно хорошо.

1995 год являлся годовщиной 700-летия чудотворной иконы Божией Матери Курской Коренной, находившейся в Нью-Йорке, и поэтому наш синод решил отметить эту годовщину особенным церковным торжеством, которое состоялось в синодальном Знаменском соборе города Нью-Йорка 10-го декабря. На торжество съехалось множество народа, на котором присутствовали паломники со всего мира, включая Россию. Андрей Георгиевич Залесский из нашего прихода и я решили тоже поехать на торжество, и мы рано утром выехали с тем, чтобы часам к 9-ти быть там. Расстояние от нас до Нью-Йорка довольно большое — часа четыре езды автомобилем, поэтому нам пришлось подняться часа в четыре утра. День удался ясным, но он был на редкость морозным. Хотя мы приехали в Нью-Йорк довольно рано, найти место для автомобиля оказалось не так-то просто, и нам пришлось потерять не мало времени, пока нашли подходящее свободное место.

Улица, на которой находится синодальный собор, оказалась перекрытой, и автомобили в нее не впускали, за чем следили полицейские, которым пришлось в тот день хорошо померзнуть. Несмотря на то, что мы опоздали всего лишь на полчаса, места в соборе уже не было, и больше никого в него не впускали. Андрей Георгиевич как-то смог пробраться внутрь собора, а я даже и не старалась, да к тому же служба передавалась по телевизорам как в нижнем храме, так и в большой прилежащей к храму комнате, где очень хорошо работала звуковая передача. Во дворе было отведено место для молящихся под брезентовым прикрытием, куда тоже по телевизору транслировалась служба, но при таком сильном морозе едва ли кто там мог простоять продолжительное время. Усиленный хор, благодаря съехавшимся певцам из окружающих и отдаленных церквей, пел торжественно и хорошо, что содействовало незаметному течению пятичасовой литургийной службы.

После службы духовенство и многие молящиеся отправились на праздничную общую трапезу, устроенную в большом, специально арендованном на этот случай, зале, а мы, встретившись с певшей в хоре Натой, поехали к ней, но по пути зашли в ресторан и тоже празднично угостились. На этот раз моя машина простояла на улице Нью-Йорка благополучно, но не так было два года до этого, когда из ее багажника воры выбрали все, включая мою ручную сумку с находившимися в ней важными бумагами. Когда я обратилась по тому поводу в полицию, то полицейский мне сказал: «Будьте рады, что машина цела, а вот за два последних часа моей работы, как я заступил на смену, я получил рапорты на десять украденных автомобилей». Да я и без его слов была рада, что машина осталась целой и не могла себе представить, что бы мы в Нью-Йорке делали без машины.

Прошел еще один год, и опять подкрался праздник Рождества Христова. Нату и меня на первый день праздника пригласили в гости мои будущие сваты — родители Натиного будущего мужа, жившие недалеко от города Нью-Йорка, но поближе к Наяку, где Ната пела в хоре. Чтобы попасть к ним, я приехала на своей машине в сочельник в Натину квартиру, где смогла потом и переночевать. На праздничных службах мы были в Наякском не очень большом, но красиво и благолепно украшенном иконами храме, где богослужения прошли празднично с умилительным пением, а особенно тогда хорошо прозвучала за литургией Херувимская песнь. Когда после литургии мы вышли из церкви, то на дворе было очень холодно, и сыпал большими хлопьями пушистый снег. Что-то в воздухе говорило, что это не просто обыкновенный снег, а нечто большее, да к тому же стоявший в тот день необыкновенный для снегопадов мороз

и начинавшийся ветер предсказывали что-то необычайное. Сразу после церкви мы уехали в гости, а снег и ветер все усиливались, вследствие чего дороги делались вначале скользкими, а потом настолько их занесло снегом, что ездить на машинах стало невозможным. Вьюга на улице свистела, снег сыпал и перелетал, как песок, ссыпаясь в кучи, и мы в гостях застряли на два дня, пока погода не успокоилась и не расчистились дороги. К вечеру второго дня стоявшие на переднем плане автомобили почти сровняло с остальной поверхностью, и мужчинам долго пришлось работать, чтобы их выкопать и расчистить въезд. Так в том году был отмечен праздник незабываемым приключением, который поневоле заставил меня вспомнить описания в повестях бывших метелей в русских степях. Мне тогда представилась остановившаяся на полпути кибитка, вокруг которой рвался во все стороны свирепый ветер, разнося с собой пересыпавшийся белый снег. На облучке, согнувшись, все еще сидел ямщик, не зная что ему делать, встревоженный барин сидел в своей кибитке, а вокруг было «не видать ни зги». Как страшно оказаться в такую погоду в степи, когда дорога занесена буграми белого снега, и нет никакой надежды напасть хоть на какие-то старые колеи, а вьюга гудит и бушует, снегом несет, и так морозно, что хотелось бы куда-нибудь спрятаться, но все вокруг бело и безжизненно.

Утром того дня, в который я должна была явиться на работу, встали мы в пять часов утра, поехали в Натину квартиру, где я подобрала свои вещи и, не задерживаясь, отправилась прямо на работу. Приехала я только к десяти часам утра, но мой начальник мне позволил проработать до шести вечера, чтобы всего я отработала положенные восемь часов. Вечером я была рада вернуться домой, где меня ждал покой и хороший отдых.

А плохая погода в том году той метелью не закончилась. Она, как бы томилась и была не в себе: то сыпал снег, то вдруг он таял, наполняя реки водой, отчего они разливались и затопляли все на пути, то вдруг опять являлся внезапный мороз и сковывал всю поверхность ледяной корой, потом опять летел снег, и ветер, и мороз.

ЭПИЛОГ

Прозвенел телефонный звонок, и я из телефонной трубки услышала голос Наты, сказавшей между всего прочего и такие слова: «Мама, с тобой хочет поговорить В...». Оказалось, что они уж решили свою судьбу и просят у меня благословения. С этого момента начались хлопоты по свадьбе. На венчании, а потом и на приеме среди многочисленных гостей смог присутствовать и всегда появлявшийся в таких необычных моментах нашей жизни Владыка Антоний Сан-францисский, а ранее — Мельбурнский. Встреча с Владыкой напомнила Нате, как он преподавал Закон Божий в русской гимназии: «Владыка на урок всегда приходил с большой пачкой бумаг, из которых по нескольку листов раздавал учащимся. К концу года у нас набиралась порядочная стопа копий, содержимое которых мы так же хорошо должны были знать, как и содержимое учебника». Мы были рады еще раз встретить Владыку, на этот раз уж старенького и не такого подвижного, каким он был раньше.

К родственникам в Казахстан мне поехать больше не пришлось, хотя я была еще раз в перестраивающейся на западный лад Москве. Но зато я побывала в некоторых местах Подмосковья и видела там кое-что интересное, с чем и хочется мне с вами поделиться.

По пути на дачу моих знакомых мы заехали в бывшую усадьбу родителей поэта Александра Блока в Шахматово, где теперь находится музей. Что можно сказать о когда-то цветущем месте? Пыльные дороги, сохранившиеся кое-где дома с открытыми неровными дворами и немощенными по ним дорожками говорили о том, что никому ни до чего дела нет. Нетронутая природа хороша, но и не скрылось от глаз, что нет хозяина. Прошли мы к возвышавшимся у большого, красивого пруда высоким голым стенам с зияющими отверстиями в них. Оказалось, что это были руины когда-то великолепного храма Архангела Михаила, в который вели с десяток ступенек. Во время осмотра местности в моем уме появился вопрос:

«А что, если бы здесь жить? Приятно было бы поселиться вот так, где-нибудь вдали от города, и быть всегда с природой», — подумалось мне. Не успела в моем уме пронестись такая мысль, как я в себе почувствовала надвинувшихся тревогу и грусть. Не хотела я огорчать своих спутников своим чувством, но, к моему удивлению, моя московская приятельница высказала вслух ее ощущения, которые точь-в-точь соответствовали моим. После осмотра музея мы хотели проехать дальше, чтобы увидеть еще одно музейное место, но немного продвинувшись по ужасно ухабистой дороге, должны были вернуться, так как от ударов о кочки дороги у машины отлетела выхлопная труба. Кое-как наш шофер прикрепил трубу, и уж почти к вечеру мы добрались до назначенного места.

Во время путешествия вне Москвы мне всюду показывали дачи, состоявшие из небольших участков земли, на которых стояли домики и росли огороды. По случаю такой однообразности, я заметила своим спутникам: «В моем представлении дача — это дом, вокруг которого растут красивые деревья, рядом бежит речка с чистой водой, или неподалеку расположился чистый пруд, ню никак не маленький участок земли с огородом. Это не дача. Как я понимаю, дача есть место отдыха, но не работы». В одном обширном дачном месте мне показали маленький пруд с такой грязной водой, что было трудно вообразить в нем купающихся людей, а они, по словам жильцов одной из дач, там купались.

Кроме дач вдоль дорог часто виднелись жилые частные дома, причем они мне казались настолько старыми, что я решила, что они стоят еще с прошлого столетия. А однажды, гуляя по улице подмосковного городка, я увидела покосившийся дом, местами с отверстиями в наружных стенках. Несмотря на это, в одной его части, как я заметила, жили люди, что меня очень удивило, так как в США, из опасения чтобы дом не придавил людей, в таких домах жить не позволяется. Пройдя немного дальше по той же улице, мне бросилась в глаза новая постройка частного дворца с окаймлявшей его высокой оградой. Этот дворец состоял не из одного дома, как все другие, а из вереницы каких-то новых построек, стоимость которых в Америке, по моей оценке, была бы не менее полмиллиона долларов. В том же городке привлекли мое внимание полуразрушенные ступеньки, ведшие в большое здание. Мне было интересно заметить, как народ перешагивал через поломы и их не замечал или просто их игнорировал. В Америке такого тоже никак не могло случиться. Там такие места сразу же после полома огораживаются, и никому по ним ходить не позволяется до тех пор, пока полом не поправится хозяином. Каждый хозяин такие поправки делает в ближайшие же дни,

чтобы не получить штрафа от городского управления, что, в свою очередь, поддерживает опрятность города.

Хотя мне в Казахстан поехать не удалось, но уж после моего путешествия в Россию я получила из Казахстана несколько писем, с содержанием которых мне хочется поделиться и с вами, так как об этом нигде не пишут и в новостях, по крайней мере у нас, не говорят.

Пишет выехавшая в Россию из Сарканда моя родственница: «В Сарканде нет света, воды. Брошенные русскими людьми дома разрушены, как после войны, а продать их до выезда невозможно. Их никто не берет, так как некому покупать. Пенсию за 1997 год не давали. После переселения в Россию я оформилась в иммиграционной службе и получила статус «вынужденная переселенка». Ссуду на приобретение жилья не получишь, т. к. нет денег в наличии по той причине, что в этой области большое скопление переселенцев, поскольку все едут сюда. Квартир тоже нет».

А вот что пишет другой мой родственник, когда-то выехавший из Кульджи и теперь проживающий в одном из больших городов Казахстана: «Домов в нашем городе в продаже великое множество. Русские и немцы продают свои дома, имущество и уезжают в Россию и Германию. Короче, настал великий исход из Казахстана русского населения. Цены на дома (частные) и квартиры стали баснословно низкими. У нас в Казахстане стал котироваться американский доллар, и дома продают за доллары. Большой дом, из восьми комнат, благоустроенный (туалет, ванна) стоит 4-5 тысяч долларов, квартиры в многоэтажках из 4-5 комнат стоят две тысячи долларов. В России же частный дом такой же площади стоит 35000 долларов, квартира — 75000 долларов. Такие цены в городах. В сельской же местности благоустроенные дома — редкость. В большинстве дома строят из четырех комнат и стоят они, соответственно, наполовину меньше. Так вот, из этого делаем вывод, что переезд наш, в данное время, не осуществим. Уезжающие домашний скарб перевозят в контейнерах по железной дороге. Такой перевоз стоит около 4000 долларов. Чтобы выехать из Казахстана надо непременно принять российское подданство, и это стоит 300 долларов, иначе вид на жительство там не получишь. И все же русские заколачивают окна домов ежедневно и уезжают».

Вот во что превратилась наша матушка Россия, когда-то великая страна.

Пожалуй, задумаешься.

ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОГРАФИЙ[1]

Фронтиспис. Е. И. Софронова.

1. Сидят о. Павел Кочуновский и молодой священник из Советского Союза. Стоит диакон Павел Метленко. Китай, 1940-е годы.

2. Мой брат Саша на крыше навеса над дверями нашей последней мельницы. Китай, 1957 г.

3. Гумно. Последняя молотьба пшеницы. Китай, 1958 г.

4. Пристань в Гонконге. У края по всей длине платформы пристани стоят русские после проводин. 1961 г.

5. Русские на пикнике. Австралия, 1974 г.

6. Русские дети в зоологическом парке за городом. Австралия, 1974 г.

7. Австралийские паломники в Греции. 1973 г.

8. Греческий митрополит старостильников Калист с игуменьей Макарией. 1973 г.

9. Иосафатова долина. Паломники из Америки и Австралии. Впереди идут священник о. Иоанн Легкий и мать Мария (монахиня из Гефсимании). Иерусалим, 1973 г.

---

[1] Пояснения к фотографиям — автора книги.

10. Паломники за столами в монастыре святого Харитона. Израиль, 1973 г.

11. Наши паломники вступают в р. Иордан. Израиль, 1973 г.

12. Въезд в г. Магопак. США, 1973 г.

13. Паломники за работой в Магопаке. США, 1973 г.

14. Австралийские паломники с митрополитом Филаретом, о. Никитой и игуменьей в Ново-Дивеевском монастыре. США, 1973 г.

15. Паломники с митрополитом Филаретом у боковых дверей Синода в Нью-Йорке. США, 1973 г.

16. Автор у моста Голден Гейт (Золотые Ворота) в Сан-Франциско. США, 1973 г.

17. Скорбященский собор в Сан-Франциско. США, 1973 г.

18. Дерево преградило наш путь. Новая Зеландия, 1974 г.

19. Мой брат Коля черпает кипящую грязь. Роторуа, Новая Зеландия, 1974 г.

20. Кипящая грязь в Роторуа. Новая Зеландия, 1974 г.

21. Роторуа. Новая Зеландия, 1974 г.

22. Данденонгская русская церковноприходская школа. Впереди — архиепископ Павел. Австралия, 1977 г.

23. Во время торжеств в честь Тысячелетия крещения Руси у Владимирского храма в Джексон-Вилл (шт. Нью-Джерси, США), 1988 г.

СОФРОНОВА Екатерина Ивановна

ГДЕ ТЫ, МОЯ РОДИНА?
Воспоминания

Редакторы *А. В. Попов, С. Ю. Камышова*
Компьютерная верстка *А. К. Тюленев*
Отв. за выпуск *А. В. Попов*

Подписано в печать 18.05.98 г. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 23,8.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Российский государственный гуманитарный университет

Историко-архивный институт

Издательство «ИНТЕЛЛЕКТ»
123298, Москва, а/я 3
ЛР № 030545 от 09.06.93 г.

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»
г. Красноармейск Московской обл.

ISBN 5-87047-048-X
© Софронова Е. И., 1999

ISBN 5-87047-048-X
9 785870 470481

Где ты, моя Родина?
Артикул: xxrvj5bw7ulk
Цвет: серый